

Мир приключений

Лизелотта
**ВЕЛЬСКОПФ-
ГЕНРИХ**

Топ и Гарри

Аннотация

Приключенческий роман «Топ и Гарри» немецкой писательницы Лизелотты Вельскопф-Генрих продолжает начатое романом «Харка – сын вождя» повествование о вооруженной борьбе индейцев за свои права и свободу, о столкновениях между отдельными племенами, которых натравливают друг на друга белые завоеватели. Это второй роман из цикла «Сыновья Большой Медведицы», сравнимого по значению со знаменитой пенталогией Фенимора Купера о Кожаном Чулке. Адресуется прежде всего юному читателю.

ДОЛЯ ИЗГНАННИКОВ

Стояла холодная ночь, и место, где лежал индеец, не было мягкой постелью. Сырость и ветер донимали его. Прерия протянулась сюда, на север, от большой излучины Миссури. Правда, местами здесь уже попадались кусты, при свете луны они казались блестящими холмиками. Несколько дней дул холодный северо-восточный ветер. Клоузыя облаков неслись над самой землей. И хотя снег давно стоял, ночной холод сковал лужи талой воды ледяной коркой.

Индеец лежал на боку, опираясь на локоть. Голова его от усталости клонила на плечо. Он снова и снова ощупывал свободной рукой правую голень, которая была искривлена так, как это бывает при переломе.

У него не было коня, не было оружия, не было еды, ему нечем было укрыться от стужи. Рядом с ним лежали два крепких сука – уже три дня они служили ему костылями. Индеец был страшно худ и дрожал от холода. Огниво он захватил с собой при побеге, но у него не было сил искать топлива для костра. Он изо всех сил боролся со сном заснуть – значило замерзнуть, никогда уже больше не проснуться.

Слышалось завывание голодных волков. Хищники все плотнее и плотнее стягивали вокруг индейца кольцо. Он взял один из суков и принялся стучать по земле. Конечно, это не отпугивало волков, но все-таки они чувствовали, что он жив, готов к борьбе, и держались на расстоянии.

Но вот донеслись и другие звуки. Они были едва слышны. Индеец приложил ухо к земле: сомнений не было

– по ночной прерии скакали два или три всадника. Смятение овладело им: гибель или спасение несут они? Индеец бежал от не знающих пощады врагов. Три дня он с трудом уходил от них. И вот – эти всадники... Не из вражеского ли отряда они?.. А может быть, это его соплеменники? С юго-запада, откуда доносился топот, могли явиться и те и другие.

Топот становился все громче и громче, и вскоре индеец уже смог различить две несущиеся как ветер тени. Всадники приблизились к кольцу волков. При слабом свете луны беглец видел, как они натянули луки и на полном скаку выпустили по стреле. Один из волков подскочил и принялся кататься по земле. Три волка бросились на всадника. Взмахнув палицей или томагавком¹ – этого индеец разобрать не смог, – всадник поразил еще одного хищника. И все это совершенно молча. Беглец еще не мог определить, друзья это или враги, хотя заметил, что один из них очень худ, другой – массивнее, крупнее. Худенький еще раз выстрелил из лука, другой – раненый теперь это разглядел – ударил волка гибкой палицей.

Гибкая палица – оружие дакота. Значит, всадники – дакота. А дакота его смертельные враги. Оставалась еще надежда, что его не заметят.

Прогнав волков, всадники остановились и о чем-то тихо поговорили. Потом слезли с коней и расположились на земле. Раненому оставалось одно – ждать: волки разбежались, но рядом – дакота, а это не менее опасно.

¹ Томагавк – ударно-метательное оружие в виде палицы с тяжелым заостренным каменным наконечником, в более поздние времена – небольшой металлический топорик, употреблявшийся индейцами в бою, на охоте и в быту.

Медленно тянулось время. Стали меркнуть звезды. Раненый мысленно готовился к самому худшему. Он принадлежал к сиксикам – черноногим, и на лице его сохранилась боевая раскраска. А между сиксиками и дакота с давних пор была непримиримая вражда. Дакота, конечно, не могли не заметить следов человека, ковылявшего по прерии на костылях.

Рассвело, однако солнце не показывалось. Плотные облака затянули небо, и было холодно. Менее чем на расстоянии полета стрелы тянулась невысокая гряда, и дакота расположились на ее пологом склоне. Они не соблюдали особых предосторожностей, как будто хорошо знали, что им нечего опасаться.

Прошло еще с полчаса. Дакота зашевелились, и тот, что был, видимо, помоложе, повел коней. Оба направились к беззащитному беглецу. Они не торопились. «Знают, – подумал раненый, – что мне не уйти, но им еще предстоит узнать, как умирают воины племени сиксиков». И он схватил одну из палок, служивших ему костылями.

Индейцы остановились в трех шагах от беглеца, и раненый мог их как следует рассмотреть. Перед ним были взрослый воин и подросток. На обоих – только легины² и мокасины, и их конечно тоже донимал холод. На спине одного из коней – добротное одеяло из шкуры бизона. Дакота были превосходно вооружены: луки со стрелами, двустволки, револьверы, гибкие палицы, томагавки, ножи.

² Легины – ноговицы или гамашы, у женщин укреплялись внизу в мокасинах, доходили до колен и стягивались тут подвязками. У мужчин были значительно длиннее и напоминали собой отдельно надеваемые штанины, верхними концами крепились к поясу.

Сиксик удивился: о револьверах он вообще знал только понаслышке. «Наверное, эти дакота в дружбе с белыми, – подумал он, – иначе откуда такое оружие?»

Воин дакота заговорил. Беглец догадался, что у него спрашивают имя и как будто бы даже предлагают доставить в стойбище сиксиков.

Это насторожило его. Он чуть было не дал согласия. Но с чего это дакота вдруг собрались к сиксикам? Не рассчитывают ли они с его помощью проникнуть в лагерь? Может быть, это разведчики большого отряда, который по их пятам подберется к палаткам сиксиков?

Беглец понимал, что теряет последнюю надежду на спасение, но все-таки решительным жестом показал, что не желает принимать от них помощь. Они поняли, молча повернулись, сели на коней и скоро скрылись с его глаз.

Отъехав на порядочное расстояние, дакота остановились, слезли с коней. Оба сели на траву.

– Что думаешь ты о воине, которого мы нашли? – спросил мужчина юношу.

– Этот сиксик на военной тропе. Он, наверное, бежал от врагов. У него сломана левая нога. По следам видно, что он направляется на северо-запад. Там должно быть стойбище его рода: тяжело раненный человек не станет двигаться окольными путями.

– Хау³. Что делать нам? Что предлагаешь ты, Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, Охотник На Медведя, Преследователь Бизона?

³ Хау – непереводимый возглас, часто употребляемый в смысле «я сказал» или означающий, что речь собеседника услышана и понята.

Тринадцатилетний мальчик был не по годам рослым, взгляд его был не по-детски разумен.

– Мы пойдем на северо-запад и найдем сиксиков, – спокойно ответил он. – Мы сообщим братьям этого раненого воина, где его найти.

– Но воины сиксики тоже примут нас за врагов, как только узнают, что мы – дакота.

– Да, так будет. Но разве мой отец Матотаупа думает, что из-за этого мы изменим наши намерения?

– Я так не думаю, Харка. Мы уже давно решили, что направимся к сиксикам. Мы решили это еще тогда, когда ушло лето, пожелтела трава и выпал первый снег. Но я и тогда говорил тебе, что воины сиксики – суровые воины и нелегко завоевать их доверие. Мы знали с тобой об этом осенью. Разве это испугает нас теперь, весной? Я сказал, хау.

Отец поднялся с земли. Поднялся и мальчик. Оба сели на коней и, попеременно, то галопом, то шагом, как это делают всадники, скачущие без седла, направились на северо-запад.

Небо посветлело, и прерия озарилась солнцем. Далеко за полдень они заметили отчетливые следы. Начали разглядывать их, разошлись в разные стороны. Когда они снова сошлись, отец спросил:

– Что скажешь ты?

Мальчик уже привык, что отец сначала выслушивает его, а уже потом высказывает свое мнение. И это была для него хорошая школа.

– Целый род в походе, отец. И они движутся так же, как это делаем мы, дакота. Женщины с детьми едут посредине

большой колонны. Их кони тянут волокуши. Справа и слева от колонны, а также впереди ее и в хвосте едут воины и юноши. Я думаю, тут прошло не менее двадцати палаток.

– Хау. Как давно оставлены следы?

– Не позже чем вчера. И колонна, наверное, недалеко отсюда. Ведь лошади с волокушами идут шагом.

– Вперед!

Дакота подошли к лошадям, сели на них и уже было поскакали в направлении следов, как ту же застыли на месте. Оба почти одновременно увидели на западе всадников. Всадники были далеко, но глаза охотников зорки. Они различили семерых воинов, которые преследовали стадо антилоп. Две антилопы вскоре были убиты, остальные – разбежались. Всадники сгрудились около убитых животных и не стали преследовать остальных. Потом вдруг выстроились в линию.

– Заметили нас, – сказал Матотаупа и направил своего Рыжего прямо к охотникам. Харка двинулся вслед.

Двое из семи воинов, положив на крупы коней убитых антилоп, двинулись на северо-запад, вероятно, доставить добычу. Оставшиеся пятеро подняли коней в галоп навстречу Матотаупе и Харке. Индейцы были на быстрых мустангах. Вся их одежда состояла из легин, пояса и мокасин. Тела воинов лоснились на солнце, гладкие черные волосы были зачесаны назад, у едущего впереди за налобную повязку заткнуты орлиные перья. В правой руке этот воин держал томагавк с большой деревянной рукояткой. Таких Харка еще никогда не видел.

– Это сиксики, – сказал отец.

Дакота и сиксики скоро сблизились. Крича и размахива-

вая оружием, сиксики окружили дакота и на полном скаку осадили мустангов. Матотаупа с Харкой тоже остановились и всем своим видом выражали полное безразличие к их воинственному виду.

Когда пятеро всадников продемонстрировали свои возможности, воин с орлиными перьями обратился к Матотаупе. Речи его Матотаупа не понял, но сопровождающие слова жесты были достаточно понятны: положить оружие и сдаться в плен.

Матотаупа, державший в правой руке револьвер, выстрелил в воздух, а потом направил его на предводителя сиксиков.

– Мы не будем говорить на языке оружия, но будем говорить, имея оружие, – сказал он.

Харка, как и отец, взял револьвер на изготовку.

Человек с орлиными перьями был удивлен. Дакота повели себя совсем не так, как он ожидал. Он был совершенно уверен, что только сиксики – настоящие воины, а остальные – враги, трусливые койоты и лжецы, с которыми настоящие люди всегда должны бороться. К тому же порядочные воины, по его мнению, могли быть одеты только так, как он сам. А эти дакота – в потрепанных легилах, без знаков воинских заслуг. Тем не менее у них не только превосходное индейское оружие, но еще и оружие огнестрельное.

Да, эти дакота озадачили его. И зачем воин с мальчиком едет через прерии? Может быть, отец приучает сына охотиться? Но где! В местах охоты сиксиков! Детям место у палаток и на полях охоты своего племени. Так заведено у людей, так должно быть и у этих хищных койотов, которые похожи на людей.

Что же нужно дакота от сиксиков? Если бы у них были враждебные намерения, они бы не ехали так открыто. Но не могли же дакота явиться во владения сиксиков как друзья? Нет, что-то тут не так. Этот человек с мальчишкой – такая же загадка, как и его оружие. Лучше всего доставить обоих в лагерь, и пусть вождь и жрец постараются разгадать эту загадку. Но как без кровопролития и не теряя достоинства заставить незнакомцев ехать с ними?

Воин с орлиными перьями имел все основания думать, что дакота его не понимают, и обратился к одному из своих:

– Мой брат, ты по праву носишь имя Мудрый Змей, скажи, как нам быть? Этих воинов с их конями и оружием надо представить нашему жрецу и совету старейшин. Плохо, если мы вступим в борьбу и убьем их. Мы потеряем не меньше двух воинов, а тайны этих людей так и не узнаем.

– Хромой Волк, – ответил воин, которого называли Мудрым Змеем, – у дакота нет на лицах боевой раскраски. Мы тоже уже два солнца назад закопали томагавк войны. Этого человека и его сына можно привести к нам не вступая в борьбу.

– Мы думаем так же. Но ведь эти воины не знают, что думаем мы. Скажи им об этом, Мудрый Змей.

Матотаупа и Харка следили, как менялись выражения лиц их противников во время разговора. Они ждали. Воин по имени Мудрый Змей смотрел на Матотаупу и припоминал слова дакота, которые ему приходилось слышать во время схваток и от пленников.

– Мир, – сказал он. – К палаткам!

Матотаупа и Харка не спускали глаз с лица человека, произнесшего эти слова. Суровость их родного края была в его чертах. Матотаупа не мог не поверить и ответил «хау», что означало согласие. Он спрятал револьвер, и Харка сделал то же самое.

Сиксики вытянулись в цепочку. Трое двинулись вперед. За ними – Матотаупа и Харка. Двое сиксиков замыкали колонну. Пыль заклубилась из-под копыт коней.

Однако Харка думал не столько о том, куда они едут, сколько о человеке со сломанной ногой, который остался один в прерии. Если до ночи не успеет помощь, он погибнет. Мальчик чувствовал симпатию к этому упрямому воину и надеялся, что его все-таки удастся спасти.

На четвертый или пятый час пополудни они достигли стойбища. Толпа ребятишек с радостными криками устремилась навстречу возвращающимся воинам. Дети принялись разглядывать чужаков, но Матотаупа и Харка, казалось, были совершенно безразличны к любопытным взглядам.

Палатки-типи⁴ стояли в кустах у ручья. Сильный поток талых вод подмывал его берега. Палатки были точно такие же, как и у дакота, – еловые жерди связаны тонкими вершинами и покрыты бизоньими шкурами. Перед одной из них на шесте висело особенно много охотничьих и военных трофеев. Палатка рядом была сплошь разрисована таинственными знаками. Вероятно, это были типи вождя и жреца.

Сиксики спешили. Дети повели их коней на луг.

⁴ Типи (вигвам) – на языке сиу – «жилище» – коническая палатка из шкур бизонов.

Вождь Хромой Волк и воин Мудрый Змей показали Матотаупе и Харке, что им следует спешиться. Дакота остались у своих коней, держа их в поводу. Хромой Волк и Мудрый Змей скрылись в типи, перед которой было так много трофеев. Вскоре они вышли и пригласили дакота. Матотаупа вошел. За ним – вооруженный до зубов Харка. О конях позаботились два подошедших сиксика.

За Матотаупой и Харкой вернулись в палатку Хромой Волк и Мудрый Змей.

Посреди типи трепетал огонь очага, распространялось приятное тепло. Из горшка, висящего на треножнике над огнем, вкусно пахло бизоньим бульоном. Харка был очень голоден – последние дни они с отцом питались остатками своих скудных запасов, – однако он не выдал своего состояния ни движением, ни взглядом. Спокойно ступая по шкурам, устилающим землю, он прошел в глубину палатки и сел. В его собственной типи детям полагалось сидеть именно на этом месте, где он сел здесь. Лук он положил рядом с собой, колчан со стрелами оставался за спиной, ружье – на коленях, нож в ножнах висел на шнурке на шее, гибкая палица и томагавк – закреплены на поясе. Вероятно, здесь не видели так вооруженного мальчика. Но никто ни взглядом, ни словом не выразил своего удивления.

Вождь пригласил Матотаупу, Мудрого Змея и Хромого Волка к очагу. Жена вождя расставила глиняные тарелки, разложила роговые ложки. В палатку вошли дети – мальчик такого же возраста, как Харка, и девочка чуть помладше. Юноша, как и Харка, прошел в глубину палатки и сел на некотором расстоянии от своего гостя. Мальчики обменялись взглядами, надеясь сделать это незаметно друг

от друга, но взгляды их встретились. В них не было ничего, кроме любопытства, может быть, еще и удивления. Но каждый старался не выказывать своих чувств. Больше они не смотрели друг на друга и сидели не шевелясь, приготовившись наблюдать за происходящими событиями. Девочка помогала матери и двигалась так легко и бесшумно, что казалась невесомой. Воины еще не садились. Вождь, высокий и сильный мужчина, с большим достоинством стоял против Матотаупы, который был несколько худее его, но зато выше ростом. Мудрый Змей вышел и возвратился с какой-то девушкой. Ей указали место у очага, и она спокойно встала тут, безвольно опустив руки.

— Как тебя зовут и что ищешь ты в местах охоты племени сиксиков? — спросил вождь своего гостя.

Девушка перевела вопрос на язык дакота. И хотя она говорила негромко, Матотаупе и Харке стало ясно, что она дакота и, наверное, находится на положении пленницы.

— Мое имя Матотаупа. Но, прежде всего, вождь сиксиков, я должен тебе сказать, что один из твоих воинов со сломанной ногой лежит в прерии. Свое имя он мне не сказал. Мы разогнали волков, которые хотели растерзать его. У него нет ни коня, ни оружия, ни одеяла.

— Ты ответил мне на один вопрос, Матотаупа, но не ответил на второй. Пожалуй, я дам тебе время подумать, — пусть сначала доставят раненого. Не можешь ли ты назвать каких-нибудь его примет, чтобы я мог знать, кто же это такой?

— У него глубокий шрам на правом бедре. Вероятно, он когда-то вытаскивал зазубренную стрелу.

Вождь и Мудрый Змей оживились

– Ах вот как! Так это Темный Дым. Видно, он бежал из плена от дакота... – Тут их лица снова приняли суровое выражение. – Но ты еще не сказал нам, откуда и куда едешь, ты, воин, который назвал себя Матотаупой. Темный Дым находился в плену у дакота. Возможно, там-то ты и видел его, а теперь хочешь заманить нас в ловушку?

– Если все так, как ты сказал, вождь, то Темный Дым бежал из плена и ищет ваши палатки.

– Хорошо. Ты останешься здесь. Твой сын поведет нас.

– Твои слова справедливы. Пусть с вами едет Харка – Твердый Как Камень.

– Сначала мы поедим. Ваши кони устали, и мы дадим твоему сыну мою лошадь.

Вождь, Хромой Волк, Мудрый Змей и Матотаупа уселись вокруг очага. Женщины наполнили миски бульоном. Маленькая девочка подала и Харке полную миску. Обычно дети ели после взрослых, но Харке предстояло отправиться в поход. Бульон был очень вкусен. Именно так готовили его и в родной типи Харки мать, бабушка...

Едва Харка опустошил миску, послышался топот коней. Обменявшись с отцом взглядом, Харка отдал ему лук, револьвер и даже нож. Вместе с вождем черноногих мальчик вышел из палатки. Вождь брал с собой десять воинов. Харке указали коня.

Молодой горячий конь легко подчинился мальчику. Харка поднял его в галоп и поскакал на юго-восток. Всадники, вытянувшись в цепочку, последовали за ним.

Каждый потерянный час, каждая потерянная минута могли стоить жизни человеку, ради которого был принят поход. До самого вечера индейцы ехали без оста-

новок. Ветер развеял облака. Блеклая голубизна неба на востоке тускнела, а на западе еще розовела закатным румянцем.

Лишь глубокой ночью по сигналу мальчика воины остановились неподалеку от холма, где отец с сыном рано утром оставили сиксика. Несмотря на весенний холод, кони вспотели, бока их тяжело ходили. Всадники спешили. Вождь подошел к Харке и привязал его к себе лассо так, чтобы не стеснять движений, но и не дать возможности убежать. Харка не счел такую предосторожность оскорбительной. При свете луны он знаками показал, где следует искать раненого. Оставив двух воинов у лошадей, все, образовав широкий полукруг, направились туда, где должен был находиться Темный Дым. Харка с вождем шли несколько впереди. В руке вождя поблескивал нож. Пройдя немного, сиксики остановились, и один из них, приложив руки ко рту, троекратно крикнул снежной совой. Все замерли.

И ответный крик прозвучал совсем неподалеку. Вождь устремился вперед, уже не соблюдая никаких предосторожностей. Перед ними в темноте прерии вырисовалась фигура человека, опирающегося на две палки.

— Темный Дым! Жив! — радостно вскрикнул вождь и заговорил было с ним, но тот, ослабевший от голода и жажды, едва пробормотал что-то в ответ и потерял сознание.

Подоспевшие воины успели подхватить его на руки. Вождь развязал лассо, связывавшее его с Харкой, и произнес что-то вроде похвалы.

Радостен был путь домой. Темный Дым, завернутый в

бизонью шкуру, был положен на коня к Харке. Когда достигли ручья, раненому дали напиться. Он, кажется, готов был выпить целый ручей, но ограничился одним большим глотком.

Отряд возвратился в стойбище в разгаре дня. Вождь сам снял раненого с коня и отнес в палатку жреца. Харка вместе с остальными воинами отвел коня в табун, где паслись его Серый и Рыжий – конь отца. Тут он увидел и Матотаупу. Мальчик сообщил отцу все о ночном походе, и тот сказал:

– Хорошо.

Харка очень устал. У него тряслись руки и ноги, так как всю дорогу приходилось придерживать раненого. Усталость даже заглушила голод. Но когда вождь, выйдя из типи жреца, пригласил Матотаупу и Харку к себе на обед, это было весьма кстати. Харка досыта наелся бульона и жаркого из бизона. Поговорить он ни с кем не мог и поэтому пошел в табун к своему Серому, лег на траву и, закусив травинку, стал смотреть в небо...

Поздно вечером Матотаупа позвал сына в палатку вождя, где им предстояло ночевать. Впервые за последние девять месяцев мальчик завернулся в бизонью шкуру и улегся в индейской палатке. Но, как он ни хотел спать, нахлынувшие воспоминания бередили душу. По неровному дыханию отца мальчик чувствовал, что и тот долго не мог заснуть. Однако, едва забрезжил рассвет, Харка проснулся. Сын вождя черноногих ни словом, ни взглядом не мог бы упрекнуть Харку в том, что он засоня. Оба мальчика поднялись одновременно. Подчиняясь взгляду отца, Харка отправился за сыном вождя черноногих к ручью. Мальчики поселка собрались на берегу, и Харка

вместе со всеми бросился в ледяную воду. Когда же один из мальчиков решил подшутить над незнакомцем и, схватив его за волосы, окунул с головой в воду, Харка дал ему отпор. Он обхватил мальчишку, вместе с ним погрузился в воду, забрался ему на спину и высунулся из воды. Все принялись хохотать, и поднялась общая возня, в которой Харка оказался не хуже других. Потом сын вождя кивнул ему, чтобы он выбирался на берег. И когда оба хорошо натерлись песком и разогрелись, мальчик дал Харке медвежьего сала, которого на этот раз получил от матери побольше. Оба смазали тело салом.

После завтрака вождь сиксиков повел Матотаупу с сыном в палатку жреца. Харка забыл о детских играх. Он понимал, что должна решиться их судьба, но сначала им с отцом придется объяснить, зачем они пришли на землю сиксиков.

В палатке жреца царил легкий полумрак: вход был завешен, стенки типи опущены, и только в очаге тлели угли. На шкуре в глубине палатки лежал Темный Дым. Какая-то женщина сидела рядом с ним. Нога Темного Дыма была положена в лубок и высоко поднята. Видно, жрец был неплохим врачевателем. Харка из-за спины отца пытался получше рассмотреть этого первого человека стойбища.

Жрец был невысокого роста, средних лет. Одет он сейчас был, как и все воины. По лицу невозможно было определить его настроения. Он предложил вождю и обоим дакота занять места у очага. Некоторое время все молчали, потом жрец попросил женщину, сидящую рядом с Темным Дымом, вызвать девушку дакота и, когда та пришла, начал разговор.

– Твое имя Матотаупа, что означает – четыре медведя, и ты дакота. К какому племени из Семи костров племенных советов принадлежишь ты?

– Я был военным вождем рода Медведицы племени оглалла из тетон-дакота. Наши палатки стоят на юге у Лошадиного ручья.

– Зачем ты пришел к нам? Ты знаешь, что воины племени сиксиков враги воинам дакота!

– Вот поэтому я и пришел к вам. Я тоже стал врагом дакота. Слава о воинах племени сиксиков, которые мужественны и говорят только правду, позвала меня сюда.

Трудно было понять, какое впечатление на жреца и вождя черноногих произвели эти слова. Девушка переводила слова Матотаупы, тоже никак не выражая собственных чувств.

– Почему ты стал врагом дакота?

Харка понимал, как тяжело отцу ответить на этот вопрос, но ответ последовал незамедлительно. Матотаупа знал, что этого вопроса не избежать, и уже давно обдумал, что на него ответить.

– Жрец рода Медведицы по имени Хавандшита обвинил меня в том, что я, когда дух мой был поражен колдовской водой, выдал белым тайну Черных гор страны дакота, рассказал, где находится золото. Совет поверил жрецу и изгнал меня. Но жрец солгал. Мой язык не может предать. Мой сын Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, Охотник На Медведя, добровольно отправился со мной в изгнание.

– Между тобой и твоим племенем кровавая вражда?

– Да, моя стрела поразила воина рода Медведицы, ко-

торый оскорбил меня. На стреле был мой тотемный знак⁵, и все в палатках на Лошадином ручье могли узнать, чья стрела пронзила сердце Старой Антилопы.

Жрец сиксиков выслушал рассказ Матотаупы, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Поверил он дакота или не поверил? Как он, жрец, отнесся к тому, что сделал другой жрец, пусть даже и дакота? Пристально всматривался жрец в лицо человека, назвавшегося военным вождем. Потом посмотрел он на мальчика и в лице его прочитал готовность отстаивать себя.

– Когда произошло все то, о чем ты рассказал нам, Матотаупа?

– Прошлым летом.

– Где же была ваша палатка зимой, в снежное время и время морозов?

– В городах белых людей.

Последовало долгое раздумье жреца. Вождь черноногих, сидящий рядом, не задавал вопросов и не произнес ни единого слова. Он только слушал. Он доверил решение жрецу. И тот наконец заговорил:

– Я буду разговаривать с духами. Вы придете ко мне, как только солнце достигнет полудня.

Матотаупа поднялся и, не говоря ни слова, вместе со всеми покинул палатку.

Девушка дакота направилась через стойбище к своей палатке, вождь – к своей, а Матотаупа с сыном – к коням.

⁵ Тотем – предмет, растение или, чаще всего, вид животного, которому индейцы приписывали сверхъестественную близость к племени, роду или отдельной семье. Тотемом называется также изображение этого предмета, растения или животного (например, на полотнищах типи, а также вырезанное из дерева – тотемный столб).

Они взяли своих Рыжего и Серого и выехали в прерию. Ехали они не торопясь и не отъезжали далеко, чтобы их поездку не приняли за попытку убежать. Остановившись на обсушенном солнцем склоне холма, они пустили коней пастись, а сами уселись на траву. Матотаупа закурил трубку, а Харка, как всегда, принялся жевать сухую травинку. И до самого полудня оба не произнесли ни слова, а когда солнце достигло зенита – двинулись назад. Коней они снова отвели на истоптанный луг к ручью и отправились к палатке жреца, в которой только что смолкли звуки барабана. Подошел к палатке и вождь черноногих. Мальчик и мужчины вошли в палатку. Девушки дакота не было.

С утра здесь ничего не изменилось. Жрец неподвижно стоял у очага, и казалось, что со времени состоявшегося разговора не протекло долгих часов. Но только казалось. Все знали, что жрец принял решение и этому решению придется подчиниться, так как это решение Великого и Таинственного.

Жрец жестом предложил вошедшим сесть. Он заговорил на языке дакота. Произношение его было несколько непривычно, говорил он не торопясь, но отчетливо. Отец с сыном понимали его. Вождь черноногих, по-видимому, был немало удивлен, что жрец заговорил на чужом языке.

– Матотаупа, ты пришел сюда, чтобы жить в наших палатках, – начал жрец. – У нас достаточно воинов, и оружие приносит нам победы. В наших палатках большие запасы мяса бизонов, антилоп и оленей, и помощь нам не нужна. Но кто силен, для того не позор стать еще сильнее. Где живут смелые воины, другие смелые воины всегда желанны. Поэтому духи не препятствуют тебе и твоему

сыну поселиться в наших палатках. Но может пройти много лет и зим, прежде чем совет решит принять вас в наше племя.

Жрец повторил все сказанное для вождя черноногих на языке сиксиков, и тот выразил свое согласие.

– Вы должны жить у нас не просто как гости, – продолжал жрец, – но и как наши братья. Такими вы уже себя показали, когда привели нас к Темному Дыму. Но следующая ваша задача будет труднее.

– Назови ее, – сказал Матотаупа.

– Мы обнаружили следы воина, который тайком побывал в наших палатках. Мы думаем, что он разговаривал с девушкой дакота. Девушка эта из рода, во главе которого юный Тачунка Витко. Может быть, его люди замышляют нападение на нас и это был разведчик? Возможно, он и еще раз явится сюда, тогда надо попытаться поймать его. Надо хорошенько наблюдать за девушкой, надо подслушать, если она с кем-нибудь станет разговаривать на языке дакота. Ты готов нам помочь?

– Хау, – ответил Матотаупа, не дрогнув и не опустив взгляда.

– Мы выделим тебе и твоему сыну палатку, а эту девушку поселим вместе с вами, как твою дочь. Тогда тебе будет легче наблюдать за ней.

– Хау, – ответил Матотаупа, но голос его прозвучал по-иному; трудно было сказать, обратил ли на это внимание жрец.

Жрец пересказал содержание разговора вождю сиксиков, затем попрощался, и все покинули палатку.

Ослепительно сиял день. У большинства типи стенки

были подняты, свет и воздух проникали внутрь, и можно было видеть, чем заняты их обитатели. Женщины скоблили горшки, вытряхивали одеяла, укладывали сучья около очагов, кроили и сшивали кожи, украшали их узорами из окрашенных в разные цвета игл дикобраза.

Вождь привел гостей в свою типи и послал за девушкой дакота. Когда она явилась, он показал ей сложенные рядом кожи и жерди и жестом пояснил, что их надо отсюда унести, сам же с гостями отправился на южную окраину стойбища выбрать место для палатки. Матотаупа показал вождю приглянувшийся участок. Вождь кивнул головой и жестами приказал девушке приступить к постройке. Она принялась за дело, не выказывая ни радости, ни неудовольствия.

Возвратившись в свою типи, вождь подарил Матотаупе и Харке много одежды, одеял и шкур. Видно, он был удачливым охотником, и бизоньи шкуры, шкуры антилоп, куртки, легины, одеяла, мокасины лежали целой грудой. Он мог делать щедрые подарки, не становясь беднее. Впрочем, все это соответствовало представлению Харки о вожде. Только теперь у Харки нашлось время лучше рассмотреть этого человека. Одет он был очень добротно. Выражение лица вождя, его глаза, складки вокруг рта свидетельствовали о решительности и воле. Харка не сомневался, что вождь пользовался большим авторитетом не только в этом небольшом стойбище, но и среди всего племени сиксиков. Конечно, власть жреца была сильнее, но и это не удивляло Харку, ведь, судя по всему, жрец был хорошим лекарем и первейшим мудрецом.

Девушка дакота скоро перетаскала жерди и бизоньи

шкуры. Одна из пожилых женщин принялась помогать ей. Матотаупы и Харки это женское дело не касалось; они спокойно подождали, пока будет сооружена палатка, и перенесли в новое жилище оружие. Девушка к этому времени закончила рыть углубление для очага. Она развернула бизоньи skóry и застелила ими землю, потом принялась носить сучья. Когда топлива, на ее взгляд, было достаточно, она принесла горшки, коробки, миски, ложки, принадлежности для шитья и все свои вещи. Затем она разожгла очаг – и в типи весело затрещал огонь.

– Как тебя зовут? – спросил Матотаупа.

– Уинона.

Харка, чистивший в глубине палатки ружье, даже вздрогнул. Уинона – это было довольно распространенное у дакота имя, и означало оно – первородная дочь. Ничего удивительного, что девушка носила такое же имя, как и сестра Харки. Но в этот момент ни Матотаупе, ни Харке и в голову это не пришло, настолько поразило их неожиданное совпадение.

– Сколько ты видела зим? – спросил Матотаупа.

– Четырнадцать.

Следовательно, девушка была на год старше Харки. Ее мог бы уже взять в жены какой-нибудь молодой воин.

– Я буду называть тебя Звезда Севера, – сказал Матотаупа. – Теперь ты моя дочь.

Девушка ничего не ответила. Она села в стороне от очага, подальше от Харки и стала продолжать свое, начатое в другой палатке, рукоделие. Харка продолжал чистить ружье, хотя оно уже давно блестело, и задумался. Он старался представить себе юного вождя Тачунку Витко, ко-

торый, несмотря на молодость, уже пользовался известностью среди дакота. Его имя называлось даже вместе с именем Татанки Йотанки⁶ – верховного жреца племени дакота.

Слишком уж необычно было для Харки сидеть рядом с девушкой, которая говорила на его языке, носила точно такое же имя, как его сестра, и, возможно, уже этой же ночью могла оказаться его непримиримым врагом. Впрочем, может быть, подозрения напрасны и Звезда Севера ни при чем? Может быть, она и не состоит в связи с врагами?

С врагами?!

А кто для этой девушки враг и кто – друг? Ведь она – дакота.

ТАЧУНКА ВИТКО

Под вечер Матотаупа с Харкой направились к лошадям, чтобы побыть вдвоем. Оба молча стояли рядом, обоим хотелось после зимы, проведенной в шумных городах белых, насладиться тишиной прерии. Их взор мог найти покой в бескрайних просторах, озаренных светом догорающего дня. Позади них остроконечные палатки-типи отбрасывали длинные тени на берег ручья. Спокойно поблескивала на песчаных банках вода. Люди были уже в палатках. К лошадям подошли два воина, которым предстояло охранять табун. Ветер слегка шевелил прошло-

⁶ Татанка Йотанка – (Ситтинг Булл – Сидящий Бык, правильнее – Сидящий Бизон. 1834–1890) – верховный жрец и вождь племени дакота, возглавлял борьбу индейцев против военных отрядов США. В битве при Литл-Биг-Хорне (1876) под его руководством был разгромлен отряд под командованием генерала Кастера (Кустера).

годнюю траву, сквозь которую пробивалась молодая зелень.

Расположение палаток, берег ручья, луг, невысокие ближние холмы, протянувшиеся к поселку, следы лошадей и людей – все занимало внимание Матотаупы. Харка, как и отец, пытался вникнуть во все подробности. Оба снова и снова присматривались к палатке, в которой раньше жила девушка дакота; палатка была третьей от нового жилища Матотаупы, что находилось на южной оконечности поселка. Отец и сын понимали друг друга без слов.

– Если снова придет разведчик, – сказал Матотаупа, – он направится к этой палатке. Возможно, ему будет подан какой-нибудь знак. Впрочем, я не верю, что им нужна еще разведка. Девушка из палаток Тачунки Витко не по своей воле находится здесь. Я думаю, что вождь дакота Крейзи Хорс – Бешеный Конь со своими воинами нападет на стойбище и попытается освободить дочь своего племени.

В это время из палатки Матотаупы вышла девушка, о которой они только что говорили. Она направилась к ручью за водой. Матотаупа и Харка проследили весь ее путь туда и обратно. Она не оборачивалась, ничего не оставляла по пути и, наполнив сосуды, унесла их в палатку.

– Ты иди спать, – сказал Матотаупа сыну. – Я зайду к вождю и некоторое время пробуду у него. Скажи девушке, что я не буду есть, потому что приглашен к вождю. Она может лечь спать. Ляг и ты и сделай вид, что крепко заснул. Если Звезда Севера действительно ждет разведчика, то она попытается использовать этот момент для свидания. А я буду вести наблюдение, чтобы дакота не напали врасплох.

– Как мне позвать тебя?

– Я – койот, ты – собака. Если нам надо будет предупредить друг друга, трижды подадим голос.

– Хау, отец.

– Наше оружие перенеси в палатку вождя.

– Хау.

Оба вернулись в поселок. Солнце закатилось, и темнота, таящая опасность, густела. Очаги были притушены. Только в палатке вождя через щель в пологе виднелся огонь. Туда и пошел Матотаупа. Харка отнес ему ружья и тотчас вернулся в свою типи.

Здесь царил полумрак, огонь был приглушен золой. Девушка неподвижно сидела в глубине палатки, положив руки на колени. Харка поступил так, как велел отец, – стал готовить себе постель. Девушка улеглась под одеяло. Лег и Харка. И тут с ним произошло что-то странное. Едва улегшись, он задремал и увидел во сне свою любимую сестру Уинону. Она стояла где-то вдали и звала на помощь, а его ноги точно приросли к земле. Он вздрогнул, проснулся и стал размышлять, что же вызвало тревожное сновидение? Прислушался. Дыхание девушки было равномерным. В полутьме палатки, кажется, ничто не изменилось. Вот только никак не понять, сколько же прошло времени? В эту ночь сигналов ночная стража не подавала. Если бы взглянуть на звезды...

Отец все еще не возвращался. Харка припомнил его слова. Да, вряд ли опытный разведчик, удачно проникший в палатки сиксиков, второй раз проделает то же самое. Скорее всего надо ждать нападения.

Девушка Звезда Севера что-то произнесла во сне. Что? Или это бессмысленное сонное бормотание? Но вот –

снова. Чье-то имя? На имя Тачунки Витко не похоже. Может быть, имя юноши, который хотел взять ее в свою палатку, прежде чем она попала в плен? Но вот, кажется, сон окончился, она глубоко вздохнула и успокоилась. Дыхание снова стало ровным.

И все-таки сколько времени? Тихо скинув одеяло, он подполз к стенке палатки и сунул голову под полотнище. Было темно и холодно. Он хотел поднять голову, чтобы взглянуть на звезды, но чья-то рука так сдавила ему горло, что он не смог даже вскрикнуть. Он схватился за эту руку, попытался вырваться, вывернуться. Но все было напрасно. Несмотря на отчаянное сопротивление, ему связали ноги. Это, видимо, сделала девушка. А пальцы врага сжимали горло. Человек схвативший его, был силен. Харка стал задыхаться и потерял сознание.

Очнулся Харка в палатке. Дышать было трудно: в рот забили кляп. Он был пленником.

Издалека донесся яростный крик. Это был военный клич дакота. О, как хорошо Харка его знал: «Хи-юп-юп-юп-хия!» Как часто его отец Матотаупа, вождь рода Большой Медведицы, вел с этим кличем воинов. Теперь этот клич издавали враги, те, кто захватил его в плен.

В полумраке палатки Харка разглядел высокого мужчину и рядом с ним девушку. Мужчина тихо говорил:

– Уинона, дочь дакота, ты свободна, ты вернешься к нам. Красная Стрела – тот, кто тебя любит, – сражается сейчас с разбойниками сиксиками. Все воины сиксики там, в схватке. Наши воины напали с юга. Я по долине проник с севера, чтобы освободить тебя. Ты верно сообщила мне: Матотаупа здесь, он успел предупредить сиксиков. Вот

почему мы раньше времени схватились с этими грязноногими койотами. И все же мы победим! Матотаупа умрет от моей руки. Это говорю я – Тачунка Витко. Ты слышишь крики наших?

«Хи-юп-юп-юп-хия!»— снова раздалось в прерии и в ответ – клич сиксиков: «Хай-я-хип!»

– Пошли, Уинона! Этого мальчика мы возьмем с собой. Он дакота и принадлежит нам. Хау.

Человек подошел к Харке, набросил на него одеяло из шкуры бизона, взвалил на плечи, как охотник добычу, и вместе с девушкой вышел из палатки. Одеяло мешало Харке видеть, но он слышал крики сражающихся. Он почувствовал, что Тачунка Витко и девушка направляются в сторону от места сражения.

И вот мальчика наконец бросили на землю, сняли с него одеяло, и холодный ночной воздух коснулся его кожи. На фоне звездного неба Харка увидел стройные фигуры Тачунки Витко и девушки. Крики доносились откуда-то издалека, но выстрелов слышно не было. Видимо, Матотаупа, отправляясь в разведку, не взял с собой ружья. Судя по крикам, сиксики оттеснили дакота далеко на юг. Отец, конечно, был среди воинов и не знал, что с Харкой. А мальчик не мог подать сигнала.

У Харки был отличный слух, и он уловил, что Тачунка Витко еле слышно говорил о его будущем. Он понял, что его не убьют, но вся жизнь его должна будет измениться. Он не будет больше сыном Матотаупы, он станет младшим братом Тачунки Витко.

О, только не это! Быть братом смертельного врага!

Тачунка Витко насторожился.

– Эти грязноногие собаки теснят дакота. Мне нельзя быть больше с тобой, Уинона. Беги! Ты знаешь, куда бежать, ты знаешь, где наши палатки. Беги, торопись!

Девушке не нужно было повторять приказа. Как молодая лань, она устремила на юг. Тачунка Витко наклонился и вытащил кляп изо рта Харки. Мальчик жадно вдохнул воздух полной грудью и тотчас же издал громкий крик. Он думал, что Тачунка Витко станет его душить или снова заткнет рот кляпом, но вождь дакота стоял спокойно. Харка не понимал в чем дело, но думать было некогда. Он должен дать знать о себе отцу, разве это не самое важное? Он должен сообщить, где Тачунка Витко. И Харка залаял по-собачьи. Едва он сделал паузу, чтобы набрать воздуха, как услышал голос Тачунки Витко.

– Хорошо, очень хорошо. Кричи, – спокойно сказал вождь.

Харка спохватился. Если его хвалит враг, значит, он поступил неверно. Может быть, Тачунка Витко хочет отвлечь Матотаупу и других воинов и облегчить этим положение дакота? Харка смолк, но было уже поздно.

С юга просвистела стрела. Вождь дакота встретил ее спокойно, он даже усмехнулся, заметив, как далеко от него она воткнулась в землю. Харка услышал быстрые шаги, и совсем рядом раздалось: «Хи-юп-юп...» Это был голос Матотаупы: возбужденный борьбой, он издал привычный для него клич – клич дакота.

Как горный лев бросился Матотаупа на Тачунку Витко, ожидающего его с ножом. Уже нечего было думать о стрелах или палицах – противники сошлись вплотную.

Тачунка Витко слегка согнул ноги в коленях и, когда

Матотаупа кинулся на него, прыгнул ему навстречу. Оба сцепились и упали. Матотаупа успел перехватить руку Тачунки Витко. Нож выпал. Нож Матотаупы был в ножнах. Тем временем Харке удалось изогнуться, и он уже пытался зубами развязать пояс, которым были связаны ноги.

Борющимся удалось оторваться друг от друга, они отскочили в разные стороны. Тут показалось несколько сиксиков. Матотаупа крикнул им:

– Не трогайте, он мой!

Они не поняли слов чужого языка, но чувство уважения к единоборству сдержало их, и они не ввязывались пока в борьбу.

Матотаупа кинул томагавк, но Тачунке Витко удалось отскочить. Размахнувшись палицей, он нацелился в голову Матотаупы, но тот моментально упал на землю и схватил противника за ноги. Рывок – и Тачунка Витко упал. В то же мгновение Матотаупа оказался у него на спине. Тачунка Витко подогнул ноги и, быстро поднявшись, сбросил Матотаупу. В его руке сверкнул нож. Матотаупа, вскочив, сделал вид, что струсил и побежал. Тачунка Витко поверил и бросил вдогонку нож. Матотаупа ждал этого и отскочил в сторону. Нож упал в траву. Тачунка Витко кинулся вперед, нагнулся, чтобы его поднять, и тут же был обхвачен сзади противником.

Воины сиксики бросились к борющимся, и через мгновение Тачунка Витко лежал связанным на земле. Харке удалось зубами развязать узел на ногах, и он поднялся.

Воины сиксики побежали на зов вождя. Положение изменилось. Дакота снова теснили сиксиков, и дорог был

каждый воин. Матотаупа перерезал веревки на руках Харки, отдал ему нож и палицу Тачунки Витко. Пленника он взвалил на плечи и понес в палатку вождя, где сбросил на землю. Удивленные женщины приоткрыли огонь в очаге. В палатке стало светлее.

— Оставайся и стереги, — сказал Матотаупа Харке. — Позови еще какого-нибудь старика, чтобы здесь были не только женщины и дети. — И он поспешил туда, где шла битва.

Кроме Харки и пленника, никто в палатке не понял слов Матотаупы, и Харка сам отправился в соседнюю типи, где жил старый воин. В типи никто не спал. Все были одеты, у всех в руках было оружие. Харка знаками пригласил старика в палатку вождя.

Увидев здесь пленного, старик, конечно, удивился, но не подал вида. Он молча уселся у входа в палатку с томагавком наизготовку. Он не спускал с пленника глаз.

Харка решил, что и ему следует на всякий случай лучше вооружиться, и взял свою двустволку, чтобы показать пленнику, какое у него есть таинственное оружие.

Связанный лежал около очага и был хорошо освещен. Женщины и дети сидели в глубине палатки. Сын вождя сиксиков присел на корточки около пленника и что-то стал болтать по-своему. Харка не понимал его слов. Он тоже решил сесть поближе к пленнику, ведь это ему отец велел охранять его. И когда Харка подошел, сын вождя пнул ногой связанного. Харка понимал, что ему не к лицу брать под защиту пленного дакота, но тут уж все в нем закипело. Он оперся на двустволку, посмотрел сыну вождя прямо в глаза и сказал:

– Это плохо – оскорблять связанного, плохо оскорблять отважного воина!

Слова Харки не были поняты, но сиксик почувствовал, что ему сделали справедливое замечание. Он не привык, чтобы сверстники перечили ему. Он был самым сильным и самым смышленным из детей поселка и сейчас, пожалуй, скорее всего напал бы на Харку. Но нет, драка в поселке, да еще в такой момент!.. Нет, не так его воспитывал отец – вождь сиксиков. И юноше пришлось сдержаться, хоть это и было нелегко. Он спокойно уселся у ног пленника, подалше от Харки.

В палатке было тихо, только в очаге потрескивали сучья. Оба мальчика сидели неподвижно, как изваяния. Их мысли были друг о друге и о пленнике. Растянувшийся на земле во весь свой огромный рост, этот человек сохранял на лице выражение высокого достоинства, и было видно, что это не простой воин.

Сын вождя черноногих чувствовал себя неловко, потому что он, мальчишка, так плохо повел себя с врагом, достойным уважения. Мальчик понимал, что именно Харка помог ему в этом разобраться. И хотя в глубине души у него еще и таилась обида, он уже думал, что хорошо бы с ним подружиться. Но Харка был уж очень какой-то чужой и к тому же обладал таинственным оружием. Так мальчик и продолжал сидеть, не решаясь сделать шаг к сближению.

Харка зарядил ружье, поставил его на предохранитель и положил рядом с собой. Ему удалось перехватить взгляд пленника, брошенный на оружие, и он был очень горд.

Снаружи все стихло. Воины, правда, еще не возвращались. Возможно, сиксики опасались нового нападения.

Пленник повернул голову и посмотрел на Харку.

– Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, Преследователь Бизона, Охотник На Медведя, – сказал он на языке дакота, который понимал только Харка, и то, что было названо полное имя, свидетельствовало о том, что пленник многое о нем знает, – ты отважен. Тебе не стыдно, что ты, как предатель, борешься вместе с грязноногими койотами против воинов своего племени?

Харка вздрогнул и побледнел. Сиксики, конечно, не могли понять, что сказал пленник, но уже то, что он говорил с Харкой на незнакомом им языке, могло вызвать подозрения, особенно после того, как их только что предала девушка дакота. Харка не мог перевести сказанного Тачункой Витко. Не мог он и ответить, ведь разговор с пленником вызвал бы еще большее подозрение. Мальчик встал, бросил безразличный взгляд на пленника, взял заряженное ружье и пересел ближе к старику.

Утомительное и молчаливое ожидание длилось до рассвета. И только когда взошло солнце, в поселке появились воины.

Вождь вошел в палатку вместе с Матотаупой. Каждый нес по два скальпа – длинные черные волосы с лоскутом кожи. Они передали эти знаки победы женщинам. Скальпы надо было препарировать, дух павших воинов женщины должны были умиловить в танце. Вид вождя и Матотаупы свидетельствовал о жестокой схватке: по их запыленным телам струился пот, кое-где запеклась кровь; одежда – в грязи и разорвана, волосы спутаны, щеки запали, глаза провалились. Вождь окинул взглядом палатку и, не задавая вопросов и не отдав никаких приказов, по-

просил горшочек с салом. Получив его от старшей дочери, он с Матотаупой пошел умываться на ручей.

Выкупавшись, Матотаупа позвал Харку, и они отправились в свою палатку на южную окраину поселка. Вождь прислал им в помощь женщину. Та не понимала языка дакота, и Харка с Матотаупой могли не таясь говорить друг с другом. Они присели к разожженному женщиной очагу, и Харка рассказал отцу обо всем, что с ним произошло, а Матотаупа сыну – о сражении.

– Погибли четыре воина дакота, – сказал он, – и только один черноногий. Зато трое сиксиков попало в плен. Может быть, нам удастся обменять их на Тачунку Витко.

– Кто будет с ними говорить об этом, отец?

– Они наверняка сами пришлют посредника.

– Но ведь дакота не знают, что Тачунка Витко жив.

– Знают. Я крикнул об этом им во время схватки.

Отец с сыном поели сушеного бизоньего мяса, которое принесла женщина, и прилегли отдохнуть.

Проснувшись через несколько часов, Харка увидел, что полотнища подняты и полуденное солнце заглядывает в палатку. Отец уже встал и делал наконечники для стрел. К палатке подошел вождь и позвал Матотаупу к себе.

Когда Матотаупа вышел из палатки вождя, Харка понял по его лицу, что есть неприятное известие. Отец снова принялся за работу, а мальчик стал помогать ему.

– Тачунка Витко отказался есть и пить, – сказал Матотаупа.

– Ты говорил с ним?

– Хау. Меня просил жрец. Я сказал Тачунке Витко, что его можно обменять. Он ответил насмешкой. Он хочет умереть. Что ж, пусть он умрет.

– Когда?

– Вождь Горящая Вода не станет ждать, пока пленник умрет от жажды. Его поставят к столбу. Сегодня вечером.

Харка продолжал вырезать наконечник стрелы.

– Но как же тогда освободить из плена воинов черноногих?

– Этого я не знаю. Упрямство Тачунки делает невозможным их освобождение... Тачунка Витко напал, чтобы освободить девушку, дочь их палаток. Она пробыла у сиксиков лето и зиму. Некоторые воины хотели взять ее в жены, но она только смеялась над ними: ее ждал молодой воин в родных палатках. Тачунка предлагал за нее богатый выкуп. Сиксики отказались. Тогда-то он и напал на нас. Об этом мне рассказал жрец...

Наступил вечер. Солнце садилось. Женщина опустила полотнища палатки. Матотаупа курил трубку, Харка о чем-то размышлял.

На культовой площадке шла подготовка к казни пленника. Женщины набрали много хворосту для костра, но разжечь его было нелегко: хворост был сырым и только дымил.

Установили столб.

В уготованной пленнику смерти были какие-то отголоски страшного древнего обычая человеческого жертвоприношения.

Харка с отцом вышли из палатки: на площадке собрались все жители стойбища, и отсутствие Матотаупы и Харки было бы замечено. В стороне несколько женщин завершали танец скальпов.

– Кому будет принадлежать скальп Тачунки Витко? – спросил Харка отца.

– Мне или никому, – мрачно ответил Матотаупа. – Но я не возьму его, ведь в борьбу вмешались воины сиксики...

Солнце скрылось за горизонт. Стелющийся от горящих сучьев дым делал еще гуще сумерки. Ветки потрескивали и корежились.

Мужчины и женщины окружили место казни. Пленника притащили из палатки вождя. Один из воинов размотал лассо, которым было скручено все его тело. Тачунку Витко поставили к столбу. Ноги его развязали, руки завели за столб и, подтянув кверху, связали. Теперь его высокая фигура отчетливо выделялась на фоне костра. Он нашел взглядом Матотаупу и громко крикнул:

– Расскажи им, своим черноногим братьям, ты, изменник, как умирают воины дакота! Кто им когда-нибудь связывал руки? Или эти койоты думают, что я пошевелюсь, когда будет гореть моя кожа? Я не боюсь ни ваших ножей, ни огня, но во всех палатках, где живут смелые воины, будут говорить, что я не смог спеть своей песни смерти, потому что был спутан, как мустанг!

Жрец громко перевел слова пленника, опустив только слово «изменник».

– Койоты! Бойтесь снять с меня путы? – снова крикнул Тачунка Витко. – Вас тут сорок воинов – и вы бойтесь одного-единственного, безоружного! Бойтесь, что я кулаками побью вас! – Он захохотал. – Я вижу, что я среди трусливых койотов, которые недостойны услышать прощальную песню воина!

Вождь Горящая Вода переговорил с жрецом и кивнул двум молодым воинам:

– Развяжите ему руки. Он был вождем. Посмотрим, как

он сумеет выдержать огонь. Встаньте справа и слева от столба и не спускайте с него глаз.

Как только Тачунку Витко освободили от пут, он расправил плечи и поднял голову.

– Начинайте же! – крикнул он. – Я посмотрю, на что вы способны! Я презираю ваш огонь и ваши ножи. Знаете ли вы, что я еще в детстве прожигал руку до кости! Смотрите сюда! Смотрите на эти рубцы! Когда я стал воином, я убивал врагов. Перед моей палаткой на шесте развеваются скальпы сиксиков. Подходите! Бросайте ваши томагавки, если можете хорошо целиться! Что же вы стоите, вооруженные женщины!

По знаку жреца воины пододвинули горящие сучья ближе к столбу.

Огонь озарил пленника, но пока не касался его. Жара у столба становилась невыносимой. Глаза пленника блестели. Полетели первые ножи. Они втыкались в столб у головы и плеч Тачунки Витко.

– И это все? Дети! Спрячьтесь за спины ваших матерей. На большее вы и не способны. Вам удалось поймать всего одного воина, а в наших палатках лежат трое черноногих. Торжествуйте, что вам вшестером удалось справиться с одним! Воины дакота будут над вами смеяться.

Вождь Горящая Вода вышел вперед.

– Замолчи! Вы напали на наши палатки тайно, когда был зарыт томагавк войны. Разве так поступают воины? Ты сам, как змея, проскользнул, чтобы украсть мальчика и девушку! И это подвиг воина?! Твои действия недостойны смелого человека.

Жрец слово в слово перевел. Огонь пододвинули по-

ближе к пленнику, — кажется, сиксики решили сократить время казни.

Пленник понял, что его скоро сожгут.

— Собаки! — крикнул он. — Койоты! Грязноногие вонючки! Дайте мне показать вам, как умеют умирать на костре! Что мне ваши горящие сучья. Ваш костер для меня детский огонек. Я хочу показать вам... показать, что такое настоящий воин...

Пленник задыхался в дыму.

— Там... мальчишка... Пусть он даст мне свою длинную трубку. Пусть накалит ее и даст...

У Харки не было никакого желания нагревать ствол ружья. Испортить оружие! Харка понадеялся, что жрец не станет переводить эти слова, но тот крикнул что-то вождю. Было видно, что воины не хотели быстрой и легкой смерти такого знаменитого пленника, и стоящие у столба, не дожидаясь приказа, отбросили горящие сучья так, чтобы Тачунка Витко, на плечах которого уже заметны были ожоги, мог дышать.

— Дай сюда! — крикнул Тачунка Витко Харке. — Дай сюда! Неужели ты хочешь отказать вождю в последней чести перед смертью?!

Все смотрели на Харку. Его охватила злоба, так как уже однажды ему пришлось, повинаясь чужой воле, пожертвовать своим ружьем. Мальчик был зол на всех, на этого пленника, который смотрел на него и на его ружье. Зол на отца, который не пытался защитить сына, зол на сиксиков, которые ради своего развлечения хотели, чтобы он выполнил просьбу пленника за счет самого дорогого. Глупцы! Не знают, что можно сделать, имея в руках ружье! И в

своей безысходной злобе Харке захотелось наказать всех, и наказать как раз тем, чего от него молча требовали. Пусть увидят, что произойдет, когда оружие попадет в такие руки.

Харка прыгнул через костер. Ему стало невыносимо жарко, и он поразился, как Тачунка Витко так долго не терял сознания. Харка подержал ствол в пламени и протянул пленнику. Тачунка Витко схватил горячее железо, к которому должна бы пристать кожа. Размахнувшись прикладом, он сделал огромный прыжок через костер и сбил с ног стоявшего на пути молодого воина.

После секундного оцепенения зрители подняли вой. Все бросились туда, где скрылся Тачунка Витко. Харка бросился вместе со всеми, хотя хорошо представлял себе, что может сделать беглец, имея заряженное ружье.

Беглец кинулся к лошадям. Первый преследователь подбежал, когда Тачунка Витко был уже на коне. Одного из охраняющих табун он сбил ударом приклада, успев отобрать нож. И вот он скрылся во тьме ночи на коне вождя, коне, равного которому не было в табуне. Как выбрал он именно этого коня, никто не знал.

Воины вскочили на коней, и началась дикая погоня. Преследователи держали наготове натянутые луки.

Вождь Горящая Вода был вне себя от злости. Он выпустил стрелу в своего лучшего коня. Но Тачунка Витко исчез.

Ряды преследователей расстроились. Кое-кто слез с коней и пытался отыскать следы беглеца. Тот словно сквозь землю провалился.

В стойбище никто не ложился спать. Старики и юноши,

которые не принимали участия в погоне, с оружием в руках несли дозор. Большинство женщин и детей осталось на культовой площадке, где догорал костер. Столб, на который падали отблески огня, казалось, ожил и шевелился.

Харка подошел к стоящим на площадке. Ему не хотелось идти в свою палатку. Когда он вспоминал о ней, ему так и казалось, что кто-то снова хватает его за горло. Сын вождя тоже стоял среди женщин, но держался поодаль от Харки...

Костер прогорел. Ночной ветер разносил золу. Юноши вытащили столб и снесли его к палатке жреца...

Воины вернулись, когда уже начало светать. Поиски беглеца оказались безрезультатны. Харка видел, как вождь позвал к себе жреца, Хромого Волка и Мудрого Змея. Он позвал и Матотаупу. Матотаупа в схватке отличился так же, как и сам вождь. Он убил двух противников, в единоборстве с Тачункой Витко показал себя бесстрашным воином, вот почему сиксики посчитали его знания и опыт достойными внимания. Харка был горд за отца.

Пока совещались взрослые, дети собрались у ручья. Харка чувствовал, что все они говорят о событиях ночи. Но он не понимал их и решил как можно скорее научиться языку сиксиков. Он охотно прибег бы к помощи сына вождя, так как ему нравился этот мальчишка. Сын вождя был строен, как копьё, у него был открытый взгляд, но он выказывал полное безразличие к Харке, и тот отвечал ему тем же.

Совещание продлилось недолго. Было решено, что сам вождь Горящая Вода и Матотаупа в сопровождении Мудрого Змея пойдут при свете дня осмотреть следы. Как

вождь сиксиков, так и Матотаупа позвали своих сыновей: мальчикам надо было тоже приобретать опыт.

После многочасового утомительного поиска стало ясно, что Тачунка Витко спрыгнул на землю даже раньше, чем Горящая Вода убил своего коня. Это можно было установить по глубокому следу на земле. Тачунка Витко побежал назад, в поселок, где его никто и не думал искать. Оттуда — на юг, к своим воинам. Позади лагеря были хорошо видны следы бегущего человека. Как ему удалось миновать посты, пока было неясно, но ведь и вождь сиксиков и Матотаупа сами не раз проделывали такое.

И тут внимание всех было привлечено жестом вождя. Матотаупа посмотрел в ту сторону, куда указывал Горящая Вода. Вдалеке, на одном из холмов, виднелся поднятый кем-то шест.

— Но на холме до сих пор ничего не было, — сказал Матотаупа.

— Шест только что появился, — сказал вождь сиксиков; и тут же рядом с шестом появилась фигура человека, который размахивал куском белой шкуры.

— Шкура белого волка, — прошептал Харка отцу; у него было отличное зрение.

— Знак мира? — недоуменно сказал Матотаупа, обращаясь к Мудрому Змею.

Оба воина сиксика задумались, а человек на холме продолжал размахивать белым флагом.

Использовать такой сигнал для обмана даже во время военных действий у индейцев было не принято. Вот почему Горящая Вода, Мудрый Змей и Матотаупа тут же решили втроем открыто ехать к холму.

Мальчики были отосланы в поселок. Первое время они ехали шагом, потом почти одновременно подняли коней в галоп. Они скакали все быстрее и быстрее. Это стало похоже на состязание: каждый старался первым оказаться в поселке. Но оба въехали одновременно. И оба были этим довольны, хотя и не показали вида.

Было еще светло, опасность неожиданного нападения отпала, и Харка направился в свою палатку. Женщины в палатке не было; Харка сам разжег огонь и, взяв большой кусок мяса, принялся жарить его. Это был его завтрак, обед и ужин. Потом он решил проверить спрятанные патроны. Правда, они были теперь не нужны, но мальчика немного утешало то, что Тачунка Витко сможет сделать из его ружья всего два выстрела. Однако патронов не оказалось на месте. Харка все обшарил вокруг. Он даже откинул полог палатки, чтобы лучше видеть, и тут же замер: там, где были спрятаны патроны, на земле был начерчен тотемный знак Тачунки Витко – вздыбленный конь.

Мальчик понял, что, когда Тачунка Витко, обманув преследователей, проскользнул обратно в поселок, он спрятался в пустой палатке Матотаупы. Тут-то он и похитил патроны.

Харка злился на Тачунку Витко и восхищался им. Он остался в палатке, чтобы как следует обдумать случившееся. Ни с кем, кроме отца, ему не хотелось говорить об этом. Но отец с вождем сиксиков были далеко.

Пока мальчик сидел в одиночестве, Горящая Вода, Матотаупа и Мудрый Змей приблизились к холму, на котором стоял человек, размахивающий шкурой белого волка. Они узнали этого человека. Это был Тачунка Витко. Как

только сиксики приблизились, из-за холма к нему подошли еще два воина.

Медленно поднялись на холм Горящая Вода, Матотаупа и Мудрый Змей. Они остановились против дакота. Мужчины смотрели друг на друга без злобы, без насмешки, сдержанно, как этого требовало их собственное достоинство и чувство уважения к отважным врагам. Дакота, однако, не обращали внимания на Матотаупу, как будто его здесь и не было.

Тачунке Витко, подавшему сигнал для встречи, принадлежало первое слово. Чтобы ускорить переговоры, вперед вышел воин, владеющий языком сиксиков.

— Воины сиксики взяли меня в плен, — начал Тачунка Витко, а его соплеменник переводил. — Они обращались со мной, как и подобает обращаться с воинами. Сиксики знают, что вождь дакота не думал о своей жизни. Я вернул дочь моего племени в наши палатки, а вождь Горящая Вода, дав мне таинственное железо, помог мне стать свободным. Я вернулся к своему племени, и я готов вернуть племени сиксиков трех воинов, ставших нашими пленниками. Они не были трусами, но слишком далеко вырвались вперед и были тяжело ранены в борьбе с нами. Один из них умер. Мы вернем вам двух воинов живых и одного мертвого, если вы будете думать, как думаем мы. Готовы ли вы выкурить с нами трубку мира? Для воинов, которые узнали друг друга как смелых и отважных, не позор, а честь закопать военный томагавк. Я сказал, хау.

После этих слов воцарилось молчание. Это было молчание раздумья.

Наконец Горящая Вода заговорил:

– Тачунка Витко, где находятся три наших воина, о которых ты говоришь?

– Ты можешь увидеть их и говорить с ними.

Один мертвый и два раненых воина лежали на другом склоне холма. Горящая Вода с Тачункой Витко подошли к ним. Двух воинов, если не терять времени, можно было еще спасти.

Вождь сиксиков переговорил с ними и вместе с Тачункой Витко вернулся на вершину холма.

– А таинственное железо? – спросил Горящая Вода.

Вождь дакотов улыбнулся.

– Таинственное железо – нет. Это я оставляю себе.

Каждый из сопровождавших вождя сиксиков прикинул: четверо дакота убито. Двое – их вождем, двое – Матотаупой, один воин сиксиков убит в сражении, один умер в плену. Если теперь вернуться живыми два воина, то их людские потери будут в два раза меньше, чем у дакота, правда, они потеряют ружье их гостя – Харки.

Горящая Вода обменялся взглядом с Мудрым Змеем и решил:

– Твои слова были словами справедливого человека, Тачунка Витко. Я сообщу собранию совета, что мы закопали томагавк и выкурили с тобой трубку мира.

– Я согласен, – ответил вождь дакота, – но, чтобы между нами все было ясно, я должен тебе сказать, что мы заключаем мир с сиксиками, но не с предателем, изгнанным из палаток дакота. Каждый из воинов сиксиков может войти в наши палатки, в наши леса, в наши прерии, если у него добрые намерения и он не будет без нужды выбивать нашу дичь. Но если в местах нашей охоты появится Матотаупа, он будет убит.

Матотаупа все слышал, и, когда было произнесено слово «предатель», лицо его побледнело.

Горящая Вода нахмурил лоб. Губы его сжались.

– Ты говоришь о госте наших палаток, – сказал он твердо. – Не забывай этого. Ты говоришь о смелом воине, который пришел к нам со своим сыном. Пока Матотаупа и его сын Харка – Ночной Глаз, живут и охотятся у нас, каждая рука, поднятая на него, будет отведена нами, и каждое оскорбительное слово против нашего гостя будет словом, оскорбляющим нас, и мы будем мстить за него! Я сказал.

– Пусть будет так, – подтвердил Тачунка Витко.

Вожди опустились на землю, чтобы выкурить трубку – первый знак заключенного мира.

Матотаупа и Мудрый Змей принесли раненых и мертвого. Тяжелораненого они тотчас же взяли с собой в лагерь.

Когда Матотаупа передал раненого жрецу, он зашел к себе в палатку и встретил там Харку. Мальчик узнал от отца о событиях на холме, сообщил ему, что исчезли патроны и что Тачунка Витко оставил свой тотемный знак на полу палатки. В душе Матотаупы вспыхнула ярость, он едва сдерживал себя. А Харка был очень огорчен, что в результате переговоров он навсегда лишился прекрасного ружья. Через некоторое время он спросил отца:

– Почему Тачунка Витко стремится к миру, да еще возвращает нам двух воинов?

– Он узнал, как мы умеем сражаться. Нападение дакота на наши палатки было отражено.

– Почему же вы заставили меня отдать ружье?

– А зачем ты все время держал его перед глазами Та-

чунки Витко и в палатке, и у костра? Вот ему и пришло в голову, что он должен его иметь.

Харка опустил голову.

– Но два воина сильнее, чем ружье, – сказал мальчик себе в утешение. – И почему Тачунка Витко решил так, и его люди не возразили?

– Два воина, которых он нам вернул, тяжело ранены. Они никогда не смогут бороться в полную силу. Тачунка Витко хорошо подумал, прежде чем решить.

– Это так, отец.

Пока Матотаупа и несколько воинов, взяв коней и одеяло, ездили к холму за вторым раненым и за трупом убитого, Харка оставался один. Он направился к своему Серому. В отсутствие отца этот конь был для Харки единственным близким существом. Харка сел около коня и по привычке стал грызть травинку. Потеря ружья очень его огорчила. К нему подошел сын вождя сиксиков. Мальчики не могли говорить друг с другом. Они молча просидели до вечера.

С наступлением сумерек вернулся Матотаупа и направился в свою палатку. Харка поднялся и тоже пошел туда. Вместе с ним вошел в палатку Матотаупы и второй мальчик. Женщина приготовила еду Матотаупе, потом мальчикам и себе.

Харка собственноручно подавал мясо своему гостю и угощал его, как вождь вождя. И после еды сын вождя сиксиков остался в палатке Матотаупы. Он сумел объяснить Харке жестами свое имя – Сильный Как Олень, потом произнес его на языке сиксиков. Харка был рад знакомству и тут же, взяв кусок кожи, попытался что-то изобразить на

ней. Сильный Как Олень из рисунка понял, что Харка собирается на охоту за антилопами. И он с радостью воспринял это известие. Вот и наступило мгновение, когда Харка не так уж переживал потерю ружья.

В эту ночь Сильный Как Олень остался в палатке Матотаупы. Харка чувствовал, что именно потеря им таинственного оружия разрушила последнюю преграду, разделяющую его и Сильного Как Олень. Потеря оружия возместилась приобретением друга. Лежа с открытыми глазами, Харка думал о предстоящей охоте на антилоп. Мысли его неслись в будущее, и он мечтал о том, как станет воином и вождем, братом своего нового друга — Сильного Как Олень.

— Отец, — сказал Харка тихо, заметив, что тот не спит, — мы только гости в палатках сиксиков, когда же все-таки примут нас как воинов в племя?

— Когда ты, Харка — Твердый Как Камень, пройдешь испытание воина. И когда я отомщу тем, кто меня оскорбил и изгнал из племени. Тогда уж никто не назовет меня предателем.

— Но я стану воином только через несколько лет и зим, отец.

— Да, Харка. Но они пройдут быстро, потому что мы живем как братья свободных и смелых воинов.

— Это так. Но если...

— Говори, — сказал отец.

— Я думаю о Тачунке Витко.

— Что ты думаешь об этом человеке, о нашем враге, оскорбившем меня?

Харка молчал.

– Говори, Харка – Ночной Глаз, какие мысли у тебя в голове.

Вопрос был задан в дружеском тоне, который сложился у отца с сыном во время их скитаний в изгнании. Но прозвучала в голосе отца и ревность, не замеченная Харкой. Это чувство в отношении к своему сыну проявилось у Матотаупы впервые.

– Тачунка Витко освободил из рук врагов дочь племени дакота, и ее звали Уинона, как и мою дочь, а твою сестру. Ты подумал об этом?

– Да, – спокойно сказал Харка, и сестра представилась ему такой, как в тот вечер, когда он уходил из палатки вслед за отцом. Теперь ей приходится жить среди людей, изгнавших отца, и Харка не в силах ее защитить...

– Харка – Убивший Волка, здесь, у сиксиков, и Уинона может жить с нами. Сейчас весна. Скоро настанет лето. Как ты думаешь, не проехать ли нам до Лошадиного ручья к моей дочери и твоей сестре, чтобы взять ее к нам. Похитил же Тачунка Витко девочку у сиксиков. Неужели наше мужество и наш ум меньше?

– Когда мы поедем, отец?

– Как только ты вместе с Сильным Как Олень поохотишься на антилоп, а я и Горящая Вода – на бизонов. Тогда мы хорошо обеспечим нашу палатку. Я сказал, хау.

Харка поудобнее улегся, глубоко вздохнул, закрыл глаза и заснул.

Матотаупа еще долго смотрел в темноту палатки. Он предотвратил внезапное нападение, он отличился в бою, и все-таки вожди и старейшины сиксиков не считают его своим. Матотаупа не мог забыть и того, что, когда Тачунка

Витко оскорбил его на холме, вождь черноногих оставил это без внимания. Это было очень больно. Желание мстить изгнавшим его из племени давно уже тлело в нем и теперь разгорелось как пламя. Он должен заставить замолчать всех, кто называл его предателем! Он должен смертью смыть оскорбления!

РЫСИ В НОЧИ

Харка – Убивший Волка и Сильный Как Олень наутро направились к палатке вождя.

– Отец, – начал Сильный Как Олень, – когда солнце взойдет еще раз, я и Харка – Убивший Волка, отправимся на охоту, и, если мы поедем туда, куда я задумал, то мы пробудем в походе четыре дня.

Вождь Горящая Вода рассмеялся.

– О, у тебя всегда большие думы, мой сын!

Сильный Как Олень покраснел. Он не понимал, шутит отец или серьезно относится к его словам.

– Отец, – сказал юноша, – мы хотим ехать туда, где заходит солнце. Там начинаются горы и леса. Мы найдем место, где зимой стояли наши палатки. Воздух там мягче, ветры в долинах не такие сильные, по берегам ручьев сочные травы. Теперь там должно быть много оленей, антилоп и даже медведей. В этих лесах мы уже семь раз пережили время снегов и льдов, и я знаю там каждое дерево, каждый источник. Вы, воины, будете охотиться в прериях на бизонов, а для нас – там самое лучшее место охоты.

– Ты думаешь?

– Да, отец. А на обратном пути мы можем посетить охотников на бобров.

– Это хорошо. Возможно, привезете новости.

– Да, отец.

– Если Матотаупа согласен, не возражаю и я. Что еще ты хочешь сказать?

– У Харки, Твердого Как Камень, нет хорошего лука.

Вождь снова рассмеялся и кивнул юноше дакота.

– Тебе, конечно, нужен хороший лук, – сказал он, – потому что ты свое таинственное железо потерял. Там, – и вождь указал внутрь палатки, – там лежат четыре лука. Испробуй их и скажи, который лучше. Если понимаешь в этом деле, то найдешь лучший. Один из луков – твой.

Слова и жесты вождя были поняты Харкой. Он медленно подошел к указанному месту, наклонился и стал пробовать лежащие там луки. Осмотрев все четыре, он понял, что тот, который он взял в руки последним, – лучший.

– Этот!

Вождь поднял брови.

– Ты правильно решил. Так вот, бери. – И вождь вручил Харке другой, однако тоже великолепный лук из упругого дерева с выкрашенной в красный цвет тетивой из жил бизона.

– Позови Матотаупу! – сказал Горящая Вода сыну.

Сильный Как Олень отправился выполнять поручение и скоро вернулся с отцом Харки.

– Матотаупа! – произнес Горящая Вода, протягивая ему лук, признанный Харкой лучшим. – Этот костяной лук добыт в далекие времена нашим большим вождем. Ты – наш гость, ты показал себя великим воином в борьбе с нашими врагами. И этот лук мы дарим тебе.

Матотаупа с достоинством принял дорогой подарок.

– Пусть знают воины сиксики, что моя стрела – это их стрела, что их враг – мой враг! Хау!

Когда Матотаупа и Харка вернулись в свою палатку на южной окраине поселка и у очага рассматривали свое новое оружие, отец спросил юношу:

– Не хочешь ли ты выбросить свой старый лук?

– Нет, отец. Мы сделали его сами, когда жили одни в горах и лесах. Я буду хранить старый лук, хау!

Вечером мальчики подготовили свое оружие, огниво. Жена вождя собрала им в дорогу еду – измельченное сушеное бизонье мясо; это был очень питательный и не требующий особого приготовления продукт, и его можно было взять с собой в небольших кожаных мешочках.

Наступило следующее утро. Матотаупа с тремя молодыми воинами поехал на поиски бизоньих стад. Сильный Как Олень и Харка поскакали галопом на запад. Палатки остались позади, и юноши были одни в бескрайней прерии – последнем пристанище своего народа. Они ехали, воображая себя воинами, ехали без троп и дорог.

Вскоре поросшая травой прерия изменила свой вид: глубже стали долины, чаще встречались возвышенности. Ручьи были полноводнее и быстрее; заросли ольхи и ивы тянулись по их берегам. Попадались группы хвойных деревьев. Сине-зеленые ели топорщили свои ветви, устремляясь вершинами к голубому небу. Юноши еще не делали остановок: голода они не испытывали, потому что завтрак в палатках был очень сытным, но лошади все чаще и чаще переходили на шаг. В пути уже попадалась дичь. Они видели на горизонте антилоп, а на опушке молодой поросли –

лань. В траве, совсем рядом, мелькнули хвосты индюшек. Юноши тотчас схватили луки. Двух индюшек удалось убить. Остальные разбежались. Что ж, жареная индюшка – неплохая добавка к сушеному мясу.

Когда вечернее солнце уже смотрело в лицо всадникам, Сильный Как Олень направил коня к высотке, с которой открывался широкий вид. Далеко на востоке, где потускнела голубизна неба, остались их палатки. На западе и на северо-западе были видны Скалистые горы. Ослепительно сверкали в наступающих сумерках заснеженные вершины. В их волшебном блеске скалы казались прозрачными, невесомыми тенями, окаймленными последними золотыми лучами заходящего светила. Меркла зелень лугов и деревьев. Горы приобретали фиолетовый оттенок, и еще резче становились их контуры. Харка словно впитывал в себя картину этого вечера, ведь такие же в точности вечера были на его родине. Вот, может быть, и сейчас, немного южнее, его сестра Уинона, где-то у Лошадиного ручья, идет за водой, и ей светит такое же вечернее солнце. Может быть, она тоже смотрит на далекие цепи гор, протянувшиеся до самых истоков реки Плэтт, и горы также отсвечивают огнем заходящего солнца.

Харка вздрогнул, когда заговорил Сильный Как Олень.

– Вот там, в роще, – и он показал рукой в сторону ручья, – мы переночуем. Там есть вода, валежник, там мы найдем и защиту от ветра.

Харка был, конечно, согласен. Они направили коней к елям и кустарнику. Мальчики осмотрели рощу, но ничего подозрительного не обнаружили. Небольшой источник бил из земли, увлажняя мхи, питая влагой травы. Вода струи-

лась дальше маленьким ручейком. Мустанги принялись искать себе еду, а юноши стали собирать хворост. Они развели между деревьями небольшой костер. По мере того как сучья сгорали, они подсовывали их дальше в огонь, и от костра шло тепло, хотя пламя большое не разгоралось. Юноши поджарили индюшек. Насытившись, они решили спать. Сильный Как Олень считал, что можно положиться на чуткость мустангов. Оба завернулись в одеяла, протянули ноги к костру и заснули. Пасущиеся лошади потряхивали гривами и с хрустом пережевывали сочную траву.

Ночь прошла спокойно. Мальчики проснулись, когда бледный свет на востоке возвещал наступление утра. Подкрепившись сухим бизоньим мясом и утолив жажду из источника, они двинулись в путь.

Юноши ехали шагом. Они преодолевали возвышенности, пересекали долины. Леса встречали их запахами молодой листвы и смолы. По дороге попадалось много следов диких животных, но это особенно не беспокоило их, пока они не напали на след медведя. Мальчики тотчас спешили: в их планы не входила встреча с медведем. След вел куда-то на юг. Это немного успокоило их. Второй раз они остановились, заметив свежие следы лося, который, видимо, как и юноши, двигался к горам. Глубоко отпечатались копыта тяжелого животного.

Наконец мальчики подошли к небольшой лесной речке. Русло ее местами достигало тридцати шагов в ширину, местами суживалось до щели, промытой водой в скалистом основании. Вода была изумительно прозрачна, и на дне был виден каждый камушек, каждая песчинка.

Все выше поднималось солнце, становилось теплее. Решили устроить привал. Выбрали место, где речка обра-

зовала пологую террасу и в небольшой заводи можно было хорошо искупаться. Мальчики слезли с мустангов, привязали их к деревьям так, чтобы они могли и напиться и поpastись, сами же улеглись на берег половить форелей. Словно сонные, форели спокойно стояли возле самого берега, но нужно было немало ловкости, чтобы быстрым движением руки схватить осторожную рыбу. Каждому удалось поймать по форели. Оглушив рыб, они тут же разложили костерок и принялись жарить их на углях. Запах возбудил аппетит, и только теперь они почувствовали, как проголодались. Заканчивая свой легкий завтрак, оба обратили внимание, что у самой речки тоже глубоко отпечатался след лося, — видимо, животное приходило сюда напиться.

Мальчики разделись и стали купаться. Солнечные лучи пронизывали воду, но она оставалась холодной и хорошо освежала. Они с удовольствием брызгали друг на друга водой, проплыв немного вверх, подставили плечи и спины под небольшой водопад, а потом и совсем спрятались за его струями.

И тут, даже сквозь шум падающей воды, донесся до них треск веток и тяжелый топот. Мальчики хотели выскочить на берег, но было поздно: между деревьями показался лось.

Конечно, ни Харка, ни Сильный Как Олень и самим себе не признались бы в этом, но испугались они сильно. Лесной исполин был в приступе ярости. Он низко опустил огромные рога, точно готовясь на кого-то напасть. Широкая шея, длинные передние ноги, темная грива, огромнейшие рога с множеством отростков. Ну и гигант! Ну и силища! Лось повернулся, поднял голову, посмотрел в лес,

точно там-то между деревьями и скрывался враг, обративший его в бегство, и снова опустил рога. Всю свою злобу он направил на чуждые и потому казавшиеся опасными предметы. В дикой ярости принялся он топтаться на месте, где только что располагались мальчики. Полетели в воздух мокасины, легины, лук, одеяла. Одно из одеял повисло у лося на рогах и закрыло глаз. Он замотал головой, стряхивая этого неожиданного врага, а когда одеяло оказалось на земле, стал остервенело топтать его копытами. Вновь и вновь подбрасывал зверь пожитки мальчиков, и тут Харка увидел, что его новый лук застрял на левом роге лося.

Лось остановился, помотал головой, осмотрелся и пустился в бегство. Огромными прыжками понесся он по берегу речки к горам. И вот он уже исчез – и ни шума ломаемых веток, ни топота...

Стоя позади водяных струй, мальчики посмотрели друг на друга: отчего лось так бесновался? Кто испугал этого исполина? Кто заставил его бежать? Хищник? Какой?.. Может быть, человек? И не была ли эта опасность опасностью и для них?

Совершенно продрогшие, вышли они на берег. Лук Харки лось унес с собой. Лук Сильного Как Олень был сломан. Что же скажут им по возвращении домой? Во всяком случае, совсем не то, чего ожидали они, представляя свое возвращение в лагерь. Еще счастье, что лось не напал на коней. Мальчики подобрали оставшееся оружие и спрятались в кустарнике на опушке леса. Они увидели, что мустанги их по-прежнему спокойны. В лесу тоже теперь было тихо, и мальчики решили, что Харка останется до-

зорным у коней, а Сильный Как Олень отправится обследовать местность.

Уже темнело, когда вернулся Сильный Как Олень. Он очень устал и бросился рядом с Харкой на землю, но тут же вновь вскочил и на языке жестов рассказал, как он шел по следу лося. Далеко в горах он нашел то место, где лось резко повернул назад и бросился бежать. Сильный Как Олень установил, что лось наскочил на двух рысей с детенышами. Эти могли и днем напасть, если бы им что-нибудь угрожало. Вероятно, рассерженные рыси и испугали лося. Куда делись хищники со своими детенышами, он узнать не смог. Сильный Как Олень видел еще в лесу следы медведя, волков, нашел задранную лань, наткнулся на растерзанную тушу бизона, из тех, что бродят в одиночку, — обычно старое животное, которое не в состоянии поспевать за стадом. Все это не очень успокаивало, в особенности если учесть, что наступала ночь.

Зажигались первые звезды, вошла луна. Мальчики собрали все, что осталось от их имущества. Переночевать они решили опять на берегу. Здесь все-таки было больше путей к отступлению. Можно было вскарабкаться на дерево на опушке, можно было спрятаться под водой, а если нужно, то вдоль берега ускакать на конях. Кроме того, здесь был хороший обзор.

Сильный Как Олень очень устал, проделав такой огромный путь, и Харка предоставил ему возможность отдохнуть. Взяв топор, он срубил молодую елочку, очистил ее от веток. Получился довольно длинный шест. Длинные палки и копыя вселяли в хищников страх, так как они принимали их за опасные рога. Харка остался у лошадей с

этим оружием в руках. Маленький водопад монотонно шумел, высокие кроны деревьев слегка качались на ветру.

Сильный Как Олень плотно завернулся в свое довольно истерзанное одеяло и крепко спал. Харка укрыл его еще своим одеялом и принялся ходить вдоль опушки. Он прислушивался к тому, что делается кругом, напряженно всматривался.

Посреди ночи лошади стали беспокоиться. Харка тотчас разбудил своего спутника. Мальчики отвязали мустангов. Лошади подошли вплотную к воде и, прижимаясь друг к другу, остановились под прикрытием берега. Харка остался около них. Сильный Как Олень спрятался в кустарнике. Сквозь равномерное журчание воды с одного из прилегающих к речке склонов донеслись какие-то звуки. Хрустнули ветки, и снова стало тихо.

Ветер улегся. Неподвижно стояли высокие ели. Их вершины вырисовывались на звездном небе. Там, где речка пробивалась между большими камнями, искрились в маленьких волнах отражения звезд. Вдруг Серый и Пегий взмыли на дыбы, и Харка увидел на склонившейся над водой ветке дерева горящие зеленые глаза. Большое животное мягкими кошачьими движениями проскользнуло почти до самого ее конца и, словно распрямившаяся пружина, бросилось на Серого, ощерив клыкастую пасть. Мустанг рванулся в сторону, и хищник, скользнув лапами по гриве, вцепился в бизонью шкуру на спине коня. Харка издал громкий охотничий клич и, подняв обеими руками гибкую палицу, на какую-то долю секунды раньше, чем мустанг со смертельным врагом на спине сорвался с места, изо всех сил ударил. Точно между глаз угодила тяжелая

палица, и оглушенный зверь свалился. Конь, вместо того, чтобы бежать, стал передними копытами бить поверженного врага, и Харке стоило большого труда оттащить его. Он сам подскочил к рыси, которая обладала огромной живучестью и вновь зашевелилась. Харка вонзил нож в шею хищника и издал победный крик. Но у него не было времени праздновать победу, так как за спиной подстерегала новая опасность. Со склона берега подкрадывалась другая рысь. А неподалеку, в темном лесу, слышалось рычание медведя.

Такое нашествие хищников случается не часто. Но звери за зиму изголодались, у них были детеныши, а два мустанга и два мальчика были заманчивой добычей. Рысь выползала из кустарника и готовилась к прыжку. Однако Сильный Как Олень оказался быстрее. Он схватил топор. И не успел зверь прыгнуть, как топор настиг его. Топор, правда, сорвался с топорщища, но удар подействовал. Подоспевший Харка передал другу палицу. Под ударами палицы рысь испустила дух. Теперь второй юноша издал крик победителя. Оба жадно глотали воздух, их трясло от переживаний и напряжения.

Но возможности передохнуть не было: испуганный Пегий скрылся где-то в ночном лесу, и Серый был готов последовать за ним. Харка бросился к своему коню.

– Оставайся! Я сам найду Пегого, – крикнул Сильный Как Олень своему другу.

Мустанга поймать в лесу легче, чем в прерии. Среди деревьев он не может быстро бежать, кроме того, его хорошо слышно по треску веток. Харка не испытывал особенной тревоги за своего друга и надеялся, что тот быстро

найдет коня. Сам он остался у речки и держался поближе к воде, прислушиваясь, не пошевелится ли где-нибудь медведь. Харка был уверен, что это не опасный гризли. Скорее всего это бурый медведь. Рычание гризли было совсем другим, а уж это-то рычание он хорошо знал с того дня, когда у лагеря на Лошадином ручье он вместе с отцом охотился на гризли. Это было прошлым летом, незадолго до изгнания из племени...

Сильный Как Олень нашел Пегого и вернулся к речке. Юноши больше и не помышляли о сне. Они подвели коней к берегу, остались около них и молча ждали наступления дня.

После схватки с рысями, после всего ужаса этой ночи в лесу среди хищников им не надо было ни антилоп, ни ланей. Добыча юношей – рысьи шкуры и мясо рысей – была великолепной.

Утром они отправились назад.

ВСТРЕЧА У БОБРОВОГО ГОРОДКА

По пути домой юноши еще намеревались посетить охотников на бобров, которые каждый год посещали эти места. Харка уже знал от своего спутника, что два этих бородатых, большеносых человека очень похожи друг на друга, и даже голоса у них почти одинаковые. Юноши надеялись еще до наступления ночи встретиться с охотниками.

Где-то после полудня они подъехали к реке. Вода промыла в предгорной равнине глубокое ущелье. Узкой темной лентой извивалась она по окружающей местности.

Из таких вот речек здесь и рождалась Миссури.

Сдерживая мустангов, мальчики осторожно спустились по каменистому склону и поехали по самому берегу, кое-где поросшему кустарником, а местами – по неглубокой воде.

Оба остановились, почувствовав запах дыма. Ветер доносил его откуда-то снизу по течению.

– Это, наверное, они, – тихо сказал Сильный Как Олень.

Над поверхностью воды стелился легкий туман, наступал вечер, и Сильный Как Олень был рад скорой встрече. Однако он был предусмотрительным и считал нужным сначала убедиться, что это именно те, кого они ищут.

Харка вызвался отправиться в разведку. Чтобы поскорее достичь цели, он решил воспользоваться течением и погрузился в быстрый поток. Вода была холодной, и купание не представляло особенного удовольствия. Миновав один из поворотов реки, мальчик увидел хатку бобров. Примерно на высоту человеческого роста она выступала из воды. Животные натаскали много сухих деревьев и сучьев, которыми были так богаты берега. Харка заметил и костер. Небольшой огонь был старательно прикрыт и едва светился в зарослях ольхи, тополя и ивы, но тонкая струйка дыма была хорошо заметна привычному глазу индейца даже в наступающих сумерках.

Харка нырнул и спрятался позади бобрового городка, недалеко от охотников. Оттуда, под прикрытием хатки, он осторожно выбрался на берег и пополз по высокой траве сквозь заросли. Найдя куст с сильно пахнущими листьями, он натерся ими, чтобы не привлечь внимания лошадей,

которые, несомненно, были у трапперов. Прятаться, может быть, и не было особой необходимости, но Харке захотелось как-нибудь удивить людей у костра. Голоса их звучали совершенно беззаботно. Видимо, речь шла о чем-то забавном, потому что нет-нет да и раздавался смех. Голоса были хрипловаты. Говорили на английском — на языке, который Харка за прошлую зиму успел хорошо узнать.

Подобравшись поближе, Харка смог хорошо рассмотреть маленький лагерь. Не было никакого сомнения, что это те, кого они искали. У костра сидели два рослых парня, одетые во все кожаное. Широкополые шляпы лежали на траве. Волосы и бороды были у них такие длинные и густые, что едва можно было рассмотреть лица. Однако носы, большие и изогнутые, как у хищных птиц, были на виду. Сидели парни по одну сторону огня, по другую сторону стояли четыре лошади, из них две — выючные.

Юноша охотно бы послушал, о чем говорят эти люди, но они как раз замолчали, так как занялись мясом, запекавшимся в золе. Для проголодавшегося человека, который к тому же только что принял ледяную ванну, запах жареного был особенно соблазнителен.

Около куста Харка обнаружил ободранную тушу лося. Рядом — шкуру. Видно, охотники недавно уложили его. Один из мужчин придвинулся к огню, беспечно оставив лежащее рядом ружье. Солнце уже скрылось, тени сгущались, и Харка решил подшутить, показать охотникам, как они неосторожны. В конце концов, не только у Харки может пропасть лук. Он стащил ружье и исчез так же бесшумно, как появился. Судя по всему, охотники собирались основательно поужинать. Ясно, что они не скоро обнару-

жат пропажу. Харка отошел от реки и прокричал совой. Это был условный сигнал. Скоро он услышал, что Сильный Как Олень пробирается к нему с лошадьми. Юноша сиксик вел коней осторожно. Трапперы у костра все еще ничего не замечали.

Сильный Как Олень пошел вперед и громко закричал:

– Хэ-хо! Хэ-хо! Томас, Тео!

В ответ, словно карканье, послышалось:

– Хэлло! Хэлло!

Оба траппера вышли из-за деревьев, размахивая руками.

– О! Да это парень вождя! Откуда ты? Где ваши палатки?

Сильный Как Олень что-то отвечал, но Харка, приближаясь к ним верхом, не мог расслышать его негромких слов. Трапперы, видимо, знали немного язык черноногих, как и большинство здешних охотников.

– Сто чертей! Это удивительно! Да где же твой друг? – кричали они.

Тут подскакал и Харка. Оба траппера с удивлением посмотрели на притороченные туши рысей.

– Доннер-веттер! Пара рысей! Вы охотились на рысей! Ох, детки, детки! А какое замечательное ружье у твоего Друга!

Харка едва сдержал смех.

– Пошли к огню, я покажу вам мое ружье, – сказал он по-английски бородачам.

– Прекрасно, прекрасно! Он нам покажет ружье. Такой зеленый мальчишка – и уже ружье! А у нас как раз жареный лось, на неделю сразу наедитесь.

Охотники и юноши с мустангами направились к костру. Томас и Тео расшевелили огонь, и стало светлее. Харка слез с мустанга, подошел к одному из бородачей, вручил ему ружье и сказал:

– Это ружье я дарю моему старшему брату. Он может навсегда им владеть.

– Ко всем чертям, ко всем чертям! Ну что это ты надумал, парень! Ты не можешь дарить такие ружья, это дорогая штука. Что тебе скажет отец? Спасибо, парень, но нет, нет... Какой-то кусок жареной лосятины не стоит такого ружья. Нет, нет, молодой индсмен не имеет никакого представления о том, что чего стоит, никакого представления! Итак, хватит. Держи при себе свою стрелялку. У меня есть ружье, и второе мне ни к чему. Хм, да ведь оно совершенно такое же, как мое. Подожди, я покажу...

Бывалый бородач принялся шарить в траве.

– Проклятье! Тысяча проклятий и тысяча чертей! Чертовы шутки! Ведь вот тут лежало ружье! Ну куда ты его, Тео, задевал?

– Никуда не задевал, никуда не задевал, Томас. Ты на целый час раньше меня появился на свет, и, по-моему, у тебя это уже старческое.

– А ты – на целый час позже, поэтому ты еще птенец! Зеленый птенец, совсем зеленый! Пожалуйста, можешь сам посмотреть. Вот примятая трава, вот след на песке от приклада. Дай-ка мне на секундочку твою штуку, индеец. Я кое-что покажу Тео. Гляди, беби, я кладу сюда ружье, и оно точно совпадает со следом. Значит, здесь лежало ружье. Где же оно теперь?

– Снова на своем месте, – спокойно ответил Тео.

Харка молчал, и только глаза его смеялись.

– Почему снова? Здесь лежит ружье, которое принадлежит молодому индсмену.

– Ты на целый час раньше меня появился на свет, и ты уже старик, Томас. Посмотри на зарубки на прикладе.

– Какие зарубки? А-ах! Все черти и ведьмы мира! Откуда же они взялись? И правда зарубки. Я сделал их прошлой весной, когда проучил этого подлеца Петушиного бойца – Билла. Я думаю, он теперь давным-давно жарится на том свете в аду.

– Нет, – сказал Харка.

– Нет? Что значит нет?

– Прошлой осенью он еще был жив.

– Откуда ты знаешь?

– Мой отец и я – мы встретили его у Найобрэры.

– О! Он еще жив? Вот жаль! Действительно, жаль. Очень жаль. Слушай, но откуда же на твоём ружье эти зарубки? Прямо колдовство!

– Нет, я не колдовал, мой старший белый брат. Я был только очень осторожным, неслышным, быстрым.

– Ты-ы? Ты-ы? Ты-ы?... – Томас остался стоять с открытым ртом.

Тео громко хохотал и шлепал себя ладонями по ногам. Он буквально переламывался пополам от хохота.

– Мой брат Томас, ты часом раньше меня появился на свет, но соображаешь ты часом позже. Этот маленький краснокожий джентльмен спер у тебя ружье, чтобы показать тебе, что ты старый осел, и теперь, как настоящий джентльмен, возвращает тебе обратно.

Томас даже сник.

– Но ведь это же... Ну разве это возможно? Как же вас зовут, юный мистер?

– Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, Преследователь Бизона, Охотник На Медведя, сын Матотаупы.

Томас заткнул себе уши.

– Столько благородных имен для моих ушей – слишком много. Так как ты сказал? Гарка?

– Нет, Харка.

– Давай лучше – Гарри, это еще укладывается в моей старой голове. А твой отец Томато?

– Матотаупа, что значит «четыре медведя».

– Четыре? Это очень много для моего повседневного употребления, скажем лучше – Топ, это вроде и по-христиански, и уважительно. Топ и Гарри! Согласен?

– Белые люди в Миннеаполисе так и звали меня и моего отца.

– Ол райт. Итак, ты, Гарри, перехитрил старого опытного траппера и стащил у него ружье. О! Из тебя получится кое-что!

– Я надеюсь на это, мой старший брат. Но у меня есть и к тебе просьба.

– Наконец-то. Мясо лося, не так ли?

– У нас есть мясо рысей. Но ты вместе с лосем захватил и мой лук.

– Твой... ах, эта штука, которой были украшены рога животного, принадлежит тебе? Да можно лопнуть от смеха! Забирай его себе, мне не нужен лук. У меня снова ружье. Мое ружье! – И он нежно погладил ствол ружья.

Бородачи и их гости расположились у костра. Мальчикам пришлось рассказывать о своих приключениях. Близнецы Томас и Тео были хорошие люди, они зарази-

тельно смеялись, и мальчики смеялись вместе с ними. Хорошо поев, они распределили на четверых ночной дозор: надо было опасаться волков, которые явно чуяли добычу.

На следующее утро бородачи показали юношам капканы для бобров.

— Чертовски дорогие, — объяснил Томас. — Они принадлежат не нам, и мы изрядно платим за них меховой компании. Столько и бобров не наловишь, чтобы рассчитаться за прокат этого имущества. Нет, нет, летом покончим с такой коммерцией. Хватит. Побросаем эти капканы в воду и уйдем. Пять лет мы работаем и все еще не вылезли из долгов. А я отыскал своего хорошего друга. Его зовут Адамс, сын Адамса. Его отец честно купил у индсменов землю и хочет строить ферму. Вот куда мы пойдем. Ты понимаешь, Тео? Пойдем туда, к нему! Станем пастухами и будем жить среди достойных людей. Это лучше. Вы, пожалуй, сможете нас там навестить, юные джентльмены. Ах, нет? Жаль, что нет. Ведь это земли дакота...

— Наши вожди выкурили между собой трубку мира, — сообщил Сильный Как Олень.

— Трубку мира?! Великолепно! Теперь и нам безопаснее передвигаться. Мы можем посетить наших старых друзей. Ну, а сегодня вы останетесь с нами?

— Нет, мы поедем дальше. Нас ждут родные.

— Да, да. Хорошие дети. Это я знаю, знаю. Тогда поезжайте с богом и со всеми чертями. И, надеюсь, мы скоро увидимся. Вы ловкие ребята. Уложить рысь! Украсть ружье! Эх! Такие везде пригодятся! Передайте привет вождю Горящая Вода. Наш привет ему.

Юноши сердечно простились с бородачами и напра-

вились к дому. У Харки было легко на душе, хотя бы оттого, что лук снова у него. Как будут юноши в лагере смеяться, когда Харка и Сильный Как Олень обо всем им расскажут!

ОХОТНИЧЬЯ ХИТРОСТЬ МАТОТАУПЫ

Был уже вечер, когда юные всадники увидели свои палатки. Мустанги почувствовали запах табуна и пошли быстрее, перейдя на легкий галоп.

Из поселка заметили возвращающихся. Мальчишки выехали навстречу и с радостными криками: «Рысь! Рысь!» – окружили их.

В этом шумном сопровождении Сильный Как Олень и Харка доехали до своих палаток, где сложили добычу.

Подошел отец с двумя воинами: Мудрым Змеем и Хромым Волком. Мужчины посмотрели на рысей, которых привез Харка.

– Хорошо! Хорошо! – выразили они свое одобрение.

Но видно было, что мысли их заняты сейчас другим. Оба черноногих направились к палатке вождя. А Матотаупа позвал сына.

– Ты мне потом подробно расскажешь все, – сказал он Харке. – Сейчас нет времени. Я нашел бизонов. Мы будем охотиться, но на нашем пути воины ассинибойнов. Нам придется хитростью избавиться от этих «варителей камней» или бороться с ними за бизонов. Я уже предложил кое-что сиксикам...

Войдя в палатку, Матотаупа занялся своим оружием.

– Лагерь ассинибойнов, – продолжал он свою мысль, –

к северо-западу от нас, в небольшой долине. Вождь Горящая Вода сказал мне, что это недалеко от старой бизоньей тропы. Стадо бизонов движется с юго-востока. Нам нужно раньше, чем ассинибойны увидят бизонов, оказаться между стадом и ними и отвлечь ассинибойнов, увести их подалее на запад...

– Их там пятьдесят, отец!

– Но я – Матотаупа.

Харка посмотрел на отца.

– Я сказал тебе, что кое-что предложил сиксикам. Это мы и сделаем.

Мальчик поднялся.

– Мы отправляемся?

– Да.

К вечеру приготовления были закончены. Люди, которым предстояло выехать на охоту, обматывали копыта мустангов мехом, чтобы животные ступали совершенно неслышно. Харка понял, что это объяснялось необычностью охоты. Не бизонов боялись спугнуть сиксики, а надо было в тайне от ассинибойнов занять удобное место. Охотников, числом двадцать пять, возглавлял вождь Горящая Вода. Вторая группа, которая должна была отвлечь ассинибойнов, состояла из Матотаупы и шести воинов, в числе которых был Мудрый Змей. Харка и Сильный как Олень были с ними. С собой взяли четыре бизоньих шкуры и четыре сшитых из лоскутков кожи «бизоньих головы» с рогами. Только у Матотаупы кроме ножа были еще лук и стрелы: ему предстояло отвлечь на себя ассинибойнов, после того как хитрость будет раскрыта. Все девять человек пошли пешком, навалив на себя шкуры и прочее снаряжение.

Нужно было обойти лагерь ассинибойнов. Темная весенняя ночь способствовала выполнению замысла. Было холодно и сыро, однако при быстром движении, да еще с грузом, зябнуть им не приходилось.

Обойдя лагерь ассинибойнов, они осторожно поднялись на покрытую травой возвышенность, круто спадавшую к реке и отлогую к востоку. На самом верху, на гребне, они подоткнули под налобные повязки пучки травы и улеглись на землю. Они наблюдали за лагерем ассинибойнов, расположенным в низине. Светилось пять костров. Кое-кто из воинов уже расстелил одеяла. Другие – сидели у костров и разговаривали. Обстановка была вполне благоприятна

Матотаупа и Мудрый Змей подали знак. Все, кроме Матотаупы, сползли с высоты чуть вниз, построились парами и, надев на себя шкуры, превратились в бизонов. Матотаупа внимательно следил за превращением и нашел, что все в порядке. Четыре «бизона» стали подниматься к вершине. Матотаупа спустился к реке и начал издавать глухое, негромкое мычание. Оно звучало очень естественно, особенно потому, что сливалось с шумом потока. Мудрый Змей ответил таким же глухим и тихим мычанием из-под бизоньей головы, надетой на его собственную голову, и тут же над высоткой появились качающиеся бизоньи спины. Матотаупа успел далеко пробежать вдоль берега, и теперь его мычание раздалось с другой стороны.

Харка, который был под одной шкурой с Сильным Как Олень, услышал, что ассинибойны в лагере зашевелились. Конечно, они сначала, наверное, удивились, что бизоны движутся ночью, так как ночью стада обычно лежат, но

радость перед встречей с бизонами пересилила сомнения. И почему бы бизонам когда-нибудь не вздумать двигаться ночью?

И вот первый призывающий к охоте крик раздался из лагеря. Теперь переодетым бизонам надо было действовать быстрее, чтобы не стать добычей охотников. Мудрый Змей поднял над гребнем большую голову бизона и замычал. Потом появились три качающиеся бизоньи спины, и почти в то же время из долины реки донеслось новое сильное мычание Матотаупы.

Теперь ассинибойнов ничто бы не смогло удержать. Раздался их охотничий клич. Мустанги заплясали под всадниками в ожидании дикой скачки. Топот копыт стал приближаться к реке. И вот уже всадники взбираются по пологому склону береговой высотки.

Черноногие воины и юноши сбросили свои шкуры и оставили их в траве. Огромными прыжками они спустились по крутому склону, бросились в воду и, как рыбы, поплыли вниз по течению. Быстро достигнув излучины, пловцы вынырнули, чтобы схватить воздуха. Они услышали, как ассинибойны с криками неслись к реке.

Далеко на западе в ночной прерии снова раздалось мычание бизона, которому так хорошо подражал Матотаупа, и почти одновременно – охотничий клич дакота: «Хий-е-хе! Хий-е-хе!»

Воины ассинибойны были обескуражены тем, что впереди дакота, которые смогут отвлечь бизонов. Были слышны их недоуменные злые крики.

Мудрый Змей подал своей группе знак проплыть еще немного вниз по течению. Но когда стало ясно, что они уже в безопасности, все вышли на берег.

Харка теперь хорошо слышал, как ассинибойны с криками неслись на запад. Хитрость Матотаупы удалась. Он увел ассинибойнов далеко от пути бизонов и так заморочил им голову, что, когда ускользнул от них и уже вернулся к Мудрому Змею, ассинибойны все еще продолжали преследование, приняв одного из своих воинов за Матотаупу.

Только к утру Мудрый Змей, Матотаупа и все, кто был с ними, вернулись к палаткам. После небольшого отдыха Матотаупа и Мудрый Змей решили отправиться на поиски вождя Горящая Вода, который руководил охотой. Конечно, и Харка, и Сильный Как Олень поехали вместе с ними.

Около полудня они увидели облако пыли, далеко растянувшееся по прерии. Несомненно, это были бизоны. Матотаупа направил коня к редющему хвосту облака. Мудрый Змей, как охотник, предпочел бы врезаться сейчас в середину несущегося стада и, стреляя направо и налево, стать обладателем богатой добычи, но он сдержал свой охотничий азарт и молча подчинился Матотаупе. Он понял, что представляется возможность приобщить к охоте юношей.

Мустанги дрожали от нетерпения и сами перешли в галоп. Теперь они не уступали в скорости бизонам.

Всадники втягивались в облако пыли. Оно становилось все плотнее и плотнее, но все же позволяло ориентироваться. Матотаупа и Мудрый Змей одновременно издали громкий крик и стали разъезжаться. Харка поскакал за отцом, а Сильный Как Олень – за Мудрым Змеем. Вскоре пары потеряли друг друга из виду.

– Держись за мной и стреляй! – крикнул Матотаупа сыну.

Харка заметил в пыли бизона. Животное несло га-

лопом. Оно почему-то несколько отстало от стада. Мато-таупа предоставил мустангу полную свободу. Конь стал сближаться с бизоном, а Матотаупа наложил на тетиву стрелу и ждал момента для выстрела. Харка следовал за отцом на своем Сером. Он тоже держал лук наготове, и им овладело такое спокойствие, как будто предстоял выстрел на состязаниях. Когда Серый, подгоняемый легким нажимом шенкелей, понесся рядом с бизоном, Харка изо всей силы натянул тетиву и выстрелил. Стрела вонзилась между ребер. Животное споткнулось и упало.

Харка издал громкий крик радости: он уложил своего первого бизона!..

Только по окончании охоты, когда все собрались вместе, Харка снова увидел друга, которому тоже выпало первое охотничье счастье, – Сильный Как Олень уложил бизониху.

В палатки охотники возвратились уже ночью. Радостными криками встретили обитатели лагеря весть об успешной охоте, а с наступлением утра женщины и девушки взяли коней и направились за добычей, которую остались охранять несколько воинов.

Отец с сыном вошли в свою палатку.

– Ты хочешь меня о чем-то спросить, Харка?

– Да. Только два вопроса. Сколько бизонов ты уложил?

– Шесть. И мы можем теперь принимать гостей в нашей палатке.

– Когда мы поедем, чтобы привезти в нашу палатку мою сестру Уинону?

– Теперь недолго ждать. Я поговорю об этом с вождем Горящая Вода. Хау.

СИТОПАНАКИ

Однажды солнечным днем девушка Ситопанаки – «та, чьи ноги поют, когда она идет» – стояла со своими сверстницами на берегу ручья и смотрела на скачки. Вся одежда девушки была из кожи: оленьи мокасины с мягкой подошвой, длинные легины, платье – два больших куска кожи, соединенных швом на плечах. Это было будничное платье, почти без украшений. Свой богато расшитый наряд она собиралась надеть на большой праздник после успешной осенней охоты. Но до этого было еще далеко. А сейчас все радовались, что греет солнце, что растет трава, что ребра наголодавшихся за зиму коней снова обрастают мясом, что первая охота на бизонов позволила сделать запасы.

В последние дни у женщин и девушек было много работы: снимать шкуры, разделывать туши, сушить мясо или закапывать его в землю, очищать и сушить кишки. Уже с четырех лет Ситопанаки помогала взрослым, как и все ее сверстницы. Четырехлетние мальчики учились пользоваться оружием и ездить верхом, а девочки учились обрабатывать охотничью добычу, выделывать шкуры, изготавливать глиняные горшки, раскрашивать и обжигать их, заниматься плетением из прутьев, кроить платья и мокасины, шить и вышивать, разбирать палатки. Девочки должны были также знать, где найти съедобные ягоды и корни, уметь отыскать норы хомяков и вытаскивать зверьков так, чтобы они не укусили за палец. Дочери, сестры, жены должны были научиться перевязывать раны, знать лечебные травы, уметь раскаленными камнями

нагреть потельню, ездить верхом, ориентироваться в лесах и прериях. И если молодой воин хотел взять себе в жены девушку, он должен был ее отцу поднести взамен богатые подарки, потому что девушки были рабочей силой в семье. И при всем этом женщины охотничьих народов не имели права садиться есть вместе с мужчинами, не имели права принимать участие в совете воинов. Женщины не были воинами, и охотники смотрели на них как на людей неполноценных, хотя и нужных.

Впрочем, обо всем этом Ситопанаки и не задумывалась: так было у них всегда, и ничего иного она себе не представляла. Она была только молоденькой девушкой, и ей хотелось быть не хуже своих трудолюбивых подруг, хотелось, чтобы юноши с уважением отзывались о ней

Ситопанаки была не болтлива. Ни в чертах лица ее, ни в действиях не проявлялось такой твердости и решительности, как у ее брата, которого она безумно любила. Когда она радовалась, это можно было заметить только по блеску ее глаз. Презрение только чуть опускало уголки ее рта. И если мальчик падал с брыкающегося коня, он больше всего боялся презрительной усмешки Ситопанаки.

Итак, было ясное утро, и Ситопанаки – «та, чьи ноги поют, когда она идет» – стояла со своими подругами у ручья и смотрела на мальчиков, которые состязались на лугу в верховой езде. И хотя взгляд Ситопанаки как будто был обращен на всех, на самом деле она следила только за двумя мальчиками – своим братом Сильным Как Олень и его другом Харкой, Твердым Как Камень. Оба выделялись такое, что другим было не под силу. И ни разу, при самых немыслимых приемах, они не свалились с коней.

По свистку Сильного Как Олень мальчики, повинаясь ему как настоящему вождю, выстроились на своих мустангах в одну линию и понеслись галопом. По новому свистку, низкого тона, они резко осадили коней, стали. Сильный Как Олень и Харка понимали друг друга по еле уловимому движению руки и одновременно вскакивали на крупы мустангов. По новому, понятному им одним, знаку они перепрыгивали на всем скаку на соседних мустангов, на которых сидели другие мальчики, и, повторяя прыжок, оказывались снова на своих конях. Когда им удавались самые сложные трюки, Сильный Как Олень издавал громкий радостный крик. Харка обучил его многим этим штукам.

Два мальчика попробовали повторить их фокусы – и тут же полетели в траву. Линия всадников расстроилась. Девочки засмеялись, но мальчишки – те, что свалились, – снова быстро вскочили на мустангов.

Рядом с Ситопанаки стояла девушка по имени Насмешливая Синица.

– Быстрее, быстрее! – кричала она, не переставая смеяться. – Держитесь за ветер, и, может быть, ваши прыжки станут побольше! И не нагреть ли вам камни, чтобы у вас лучше сгибались колени?!

И все девочки, кроме Ситопанаки, хохотали.

Сильный Как Олень и Харка взяли под защиту товарищей, они проскакали мимо девушек по мелкой воде и окатили их с ног до головы. Те завизжали и отпрянули. Все, кроме молчаливой Ситопанаки, которая даже не шевельнула бровью. Теперь Сильный Как Олень и его товарищи хохотали, и только Харка – Твердый Как Камень, остался серьезным, как будто бы он даже и не замечал этой группы существ женского пола.

Мальчики продолжали занятия. Они учились одновременно поворачивать коней так, чтобы едущие друг за другом всадники в одно мгновение образовывали ряд. И это не всем одинаково хорошо удавалось, но девочки уже вели себя потише, и только Насмешливая Синица не могла ни на минуточку закрыть рта.

— Да замолчи же ты, несчастная Синица! — крикнул Сильный Как Олень, который не любил эту болтушку. — Ложись на берег и лежи! Носом в песок! Берегись!

Сильный Как Олень и Харка — Твердый как Камень, поскакали в сторону девочек. Те бросились врассыпную. Только Ситопанаки и Насмешливая Синица не сошли с места. В последний момент, однако, и Насмешливая Синица согнулась, присела, а Ситопанаки осталась стоять, как одинокое деревце. Мальчики ударили пятками по бокам мустангов, и кони взмыли вверх. Сильный Как Олень перескочил сжавшуюся Насмешливую Синицу, Харка — Ситопанаки. Девушка увидела над собой копыта и брюхо коня. Она инстинктивно подняла руки, защищая голову. Она почувствовала удар, пошатнулась, но все же устояла на ногах. Мустанги позади нее плюхнулись в воду, обдав брызгами спину, и совсем залили водой согнувшуюся Насмешливую Синицу.

Мальчишки хохотали над мокрой Синицей.

Ситопанаки уже сняла руки с головы и спрятала за спину. Никому не следовало видеть, что левая, задетая копытом, рука покраснела.

Харка — Твердый Как Камень, вместе с Сильным Как Олень направился к остальным мальчикам, и, насколько могла видеть Ситопанаки, он даже ни разу не взглянул на

нее. Однако Харка успел заметить, что у девушки ушиблена рука, а она даже не подает вида. Мальчик остался доволен таким поведением.

Ситопанаки резко повернулась и покинула берег ручья... Она пошла в палатку помогать матери. Девушка не могла разобраться в своих мыслях и чувствах. Раньше каждый человек для нее был ясен, каждому находилось определенное место в ее мыслях. Но вот появились двое незнакомцев из враждебного племени, говорящие на чужом языке. Вождь Горящая Вода принял их и даже проявил уважение, наделив подарками, значит, и Ситопанаки должна относиться к ним со вниманием. Ее любимый брат заключил дружеский союз с чужим юношей. Ситопанаки часто незаметно наблюдала за Харкой. Как хотела она первое время, чтобы Сильный Как Олень во всех состязаниях побеждал чужака! А потом ей этого уже не хотелось, и Ситопанаки, не сознаваясь самой себе, с нетерпением ждала исхода каждой игры, каждого состязания. Иногда ей удавалось услышать в палатке разговор юношей. Харка — Твердый Как Камень, рассказывал удивительные вещи о белых людях. Она знала, что иногда Харку вместе с его отцом Матотаупой вызывает жрец, чтобы узнать что-нибудь о белых людях. Значит, познания Харки очень важны?! Ситопанаки хотелось бы также узнать и о жизни дакота, но об этом Харка не говорил никогда, а Сильный Как Олень его не спрашивал.

Около полудня мальчики закончили игру и отвели своих коней в табун.

Вождь Горящая Вода вышел из палатки в сопровождении Матотаупы. Видимо, они договорились. Харка знал,

о чем отец советовался с вождем: Матотаупа собирался отомстить Тачунке Витко за оскорбление и привезти к сиксикам из палаток дакота от Лошадиного ручья Уинону. У Матотаупы был еще младший сын Харбстена, но о нем Матотаупа не говорил ни с вождем сиксиков, ни со своим сыном. И отцу и Харке казалось, что тот не захочет покинуть род Большой Медведицы.

Вечером Харка и Сильный Как Олень обнаружили вдалеке что-то необычное. Это «что-то» двигалось, и, хотя оно казалось еще не больше хвоинки, оба мальчика разом воскликнули: «Всадники!»

К мальчикам подошли Горящая Вода, Матотаупа и Мудрый Змей.

– Два всадника и две выючные лошади с кладью, – сообщил Харка отцу.

– Томас и Тео, охотники? – предположил Сильный Как Олень.

– Они, – подтвердил Горящая Вода. – Поезжайте им навстречу, – сказал он мальчикам.

Охотники перешли на рысь, мальчики поскакали навстречу галопом, и расстояние между ними быстро сокращалось.

– Хэ-э, хо-о! – крикнул Сильный Как Олень.

– Хий, йе-е! – крикнул Харка.

И вот они встретились. Охотники остановились, а друзья, приветствуя их, подняли коней на дыбы.

– Мальчики! Вы нас встречаете! – обрадовался Томас. – Вот это мне нравится! Тебе, Тео, не мешает с них брать пример! Хоть и молоды, а как внимательны!

– Ты прав, мой мудрый старший брат, – с усмешкой ответил Тео.

Охотники снова перешли на рысь. Мальчики взяли вьючных коней, на которых были капканы и две большие связки бобровых шкур.

– Почему же вы не выбросили капканы? – спросил Харка у Томаса. – Ты же собирался это сделать?

– Потом я, малыш, передумал. Я всегда был справедлив, и если меховая компания обманывает меня, то я не хочу платить ей той же монетой. Честно жить – не тужить. Это значит, что честным путем идти всегда лучше, хоть это и самый длинный путь к богатству. А может быть, этот путь и никуда не ведет. Все возможно, малыш! Мы сдадим капканы на ближайшей фактории, сдадим шкуры бобров, разделаемся с долгом и будем свободны. Тогда мы поедem к Адамсу, сыну Адамса, и поможем ему на ферме. Летом он нам всегда рад, надеюсь, что и зимой не выгонит. У нас богатая добыча. Самый подходящий момент рассчитаться с долгом.

– И ты подаришь там все эти шкуры? – спросил Харка.

– Примерно так, мой мальчик. Да, белые люди или мошенники, или ослы. А иногда и то и другое. И ничего не поделаешь. Держись подальше от них и наслаждайся своей жизнью в прериях. Вас, мальчики, заедят вши, если вы будете ехать так медленно. Скачите галопом да приготовьте нам квартиру! В последний раз мы жили у Мудрого Змея. Это было как в раю.

Мальчиков не надо было упрашивать. Они отдали поводья вьючных лошадей и понеслись к палаткам выполнять просьбу бородатых близнецов.

– Пусть живут в моей палатке, – предложил Матотаупа. – Я собираюсь мстить Тачунке Витко и хочу привезти

свою дочь. Но сначала мне надо съездить на фабрику, достать патронов и, быть может, купить своему сыну ружье. Томас и Тео помогут мне. Если Томас и Тео хотят пожить как в местах вечной охоты, – сказал улыбаясь Матотаупа, – они должны жить в моей палатке. Будут есть и спать сколько хотят. Да еще и подарки получают.

Харка – Ночной Глаз, Охотник На Медведя, очень обрадовался тому, что может пригласить в палатку отца этих двух веселых и справедливых людей. Женщина, как только ей сказали, что будут гости, разожгла очаг и насадила на вертел бизонью грудинку.

– О, какой приятный запах щекочет мне ноздри! – сказал Томас, входя в палатку и усаживаясь вместе с Тео у очага.

Женщина и Харка сразу же ушли в глубину палатки. Матотаупа, как того требовали правила вежливости, сам принялся ухаживать за гостями.

– Тео! – воскликнул Томас. – Послушай! Тут ведь нежнейшая грудинка молодой коровы, выросшей на лугах этой благодатной страны. О, какое наслаждение доставит она нашим голодным взыскательным желудкам! Ты сам поразил ее в сердце, вождь?

– Нет, не я. Мой сын Харка, Преследователь Бизона. Стрелой из лука.

– Ну и малый! Так он должен сесть рядом с нами, чтобы видеть, как мы, словно жадные коршуны, будем пожирать его добычу. Нет, вождь Топотаупа, плохой это у вас обычай! Позволь мне, вождь, позвать твоего сына сюда.

– Как ты хочешь, мой белый брат.

– Так иди же сюда, парень!

Харка медленно поднялся: нарушать обычай претило ему, и, только когда отец подал ему знак глазами, он сел с мужчинами у очага.

– Ого! – воскликнул Томас. – Бедовый парень. Ведь это же он спер у меня ружье! Молодец! Да тебе бы пора уж иметь его.

– У меня есть двустволка, – сказал Харка.

– У тебя есть? Где же она? Эх, молодой человек, такое не выпускают из рук. Или у тебя ее тоже кто-нибудь спер?

– Да...

– И ты знаешь, кто этот негодяй?

– Тачунка Витко.

– О! Ну, это весьма опасный субъект. Тогда не видать тебе больше своего ружья. Тачунку и сам черт не проймет.

– Мой сын получит назад это ружье, – сказал Мато-таупа.

– Твое слово свято, вождь, но если бы я мог дать тебе добрый совет... Позволь, позволь, Тео, так не пойдет. Я тут говорю за двоих, а ты ешь за троих. Этот аппетитный кусок грудинки просится в мой желудок. Хотя я и на целый час старше тебя, но мои кишки еще не так стары и справятся с отличной едой не хуже твоих. Извини, вождь Топотаупа, но тут я должен вмешаться. Кому еще воспитывать Тео, как не мне? Тео!

– Да?

– Ты опять ешь?

– Конечно. Грудинка превосходная!..

– На большее у тебя не хватает ума. Здесь речь о другом: о двустволке, о вождях, а ты жрешь, как голодный койот.

– Ну, ну?..

– А, оставайся ты невоспитанным, жуй свою грудинку. Я отказываюсь пробуждать в тебе высокие чувства... Да, что я хотел тебе сказать, вождь Топотаупа, подумай, прежде чем связываться с Тачункой, лучше оставь ему ружье, а мы попробуем добыть для твоего сына новое. В фактории бывают ружья, хоть и дорогие, очень дорогие. Все торговцы – мерзавцы.

– А где эта фактория?

– Пять дней пути на восток.

– Вы едете туда?

– Самым коротким путем. Мы хотим сдать там капканы и шкурки бобров. Капканы! Капканы! Трудно только понять, кто в эти капканы попадает, бобры или мы. Ты что-то хочешь сказать, парень?

– И бобры и вы

– В самую точку! И мы и они. Все сидим в ловушке. И хитрые бобры и мы оба, так называемая компания «Те энд те» Ну, все, хватит с нас этих капканов. А ты не хочешь поехать с нами на факторию, вождь Топотаупа?

– Я поеду с вами.

– А твой сын? Может быть, нам повезет – и мы найдем ему хорошее ружье?

– Пожалуй. С нами поедет еще и Мудрый Змей. С ним Харка вернется назад. Я поеду мстить Тачунке Витко и привезу свою дочь в эту палатку. Так я договорился с вождем Горящая Вода. Хау.

– Мы хотим отправиться утром.

– Это и мое желание.

– Итак, Гарри поедет на факторию. Правильно, кто умеет обращаться с ружьем, должен сам его выбрать.

С наступлением вечера в палатке Матотаупы собралось много гостей вождь Горящая Вода, Мудрый Змей, Хромой Волк и Темный Дым, сломанная нога которого отлично зажила, и, наконец, жрец. Но о предстоящей поездке уже не говорили. Все необходимое было сказано. Мужчины рассказывали охотничьи истории и много смеялись. Харке казалось, будто он снова в своей родной палатке на Лошадином ручье, где отец был великим вождем и великим охотником, где еще год тому назад в палатке Матотаупы чуть не каждый день собирались гости.

Потом к Харке пришел его друг – Сильный Как Олень, и они сидели в глубине палатки, слушая воинов. Добродушные шутки Томаса еще больше оживляли беседу. Сильному Как Олень было немного жаль, что он не может ехать на фабрику вместе с Харкой, но он был рад и тому, что, вернувшись, Харка расскажет много интересного.

Угощение длилось недолго. Сытые и довольные гости скоро разошлись, и мальчишки рано смогли лечь спать. Сильный Как Олень в эту ночь, перед поездкой Матотаупы, снова остался ночевать у Харки в палатке. Оба завернулись в одеяло и легли рядом.

Харка закрыл глаза. Светлые надежды овладели им. После удачной охоты отца на бизонов они были хорошо обеспечены едой. Отец, хоть и считался только гостем сиксиков, показал, что его умение и смелость совсем не лишние для оказавших гостеприимство. Во всем поселке царил согласие и взаимное доверие. И к жрецу, вылечившему Темного Дыма и сейчас лечащему четырех раненных Тачункой Витко воинов, Харка испытывал истинное расположение. Таких раздоров, какие возникли в па-

латках рода Большой Медведицы после первой встречи с белыми, у сиксиков не было.

Полными хозяевами были черноногие в их родной глуши. Здесь не строилась железная дорога, здесь еще не были нарушены пути бизоньих стад. Здесь оставалось все таким, каким было при отцах, при отцах отцов, во времена предков. И потому все было определено и понятно. И тайны были только древними тайнами, и никто не ломал себе голову над новыми тайнами. Возможно, что и в первобытные прерии сиксиков нагрянет новое, неизведанное, ведь белых становится все больше и больше и они беспокойны, как ветер, который веет повсюду и проникает куда ему заблагорассудится. Но до этого было еще далеко. Сильный Как Олень даже считал, что белые так и не доберутся до них. Харке тоже хотелось бы верить в это. Он провел среди белых целую зиму и не нашел там для себя ничего хорошего.

Харка думал о предстоящей мести отца Тачунке Витко за оскорбление на глазах у сиксиков. Харка был уверен в превосходстве отца и не опасался за него, хотя Тачунка и был сильнейшим противником. Юноша даже снова видел себя обладателем двустволки. Но что-то тревожило его, когда он задумывался о вражде между Матотаупой и Тачункой Витко. Где-то в потаенных уголках мозга теплилось желание, чтобы Матотаупа не убивал уважаемого вождя дакота, чтобы сумел доказать ему свою невиновность. Не должны краснокожие вожди убивать друг друга. Над этим только посмеются уайтчичуны – белые.

Это были совершенно новые для него и очень смелые мысли, и Харка постарался их подавить в себе или по

крайней мере спрятать подальше, скрыть ото всех, как орел прикрывает своего птенца крыльями, чтобы тот слишком рано не бросился в жизнь. Харка вспомнил все, что рассказывали ему в долгие зимние вечера отец и Хавандшита – жрец рода Медведицы – об истории индейцев. Когда жрец Хавандшита, которого теперь мальчик ненавидел, был еще молод, он по зову Текумзе – великого вождя, собиравшего всех краснокожих для борьбы с белыми, – пошел за ним. Потом Харка вспомнил Уинону, сестру, которая в это время в палатке у Лошадиного ручья, наверное, тоже завернулась в одеяло и засыпала. Возможно, и она думала о Харке и об отце. Как она будет рада, если однажды ночью появится Матотаупа и возьмет ее с собой!

Так ли это просто? В палатке живет Шешока, вторая мать Харки. Там живет Шонка, сын Шешоки, которого она привела с собой, там Унчида – мать Матотаупы. О ней Харка вспоминал с большой любовью и уважением. Но Матотаупа не говорил, что хочет взять свою мать, и это было больно Харке. О своем брате Харбстене он почему-то думал мало.

Харка слышал ровное дыхание людей: все, кроме него, спали. Он закрыл глаза, отбросил все думы и забылся в глубоком сне.

ЧЕРНАЯ БОРОДА

На следующее утро из поселка выехала группа всадников. Из-за двух вьючных лошадей они двигались сравнительно медленно, и прошло пять дней, прежде чем всадники достигли фактории. У Матотаупы и Харки

именно на такой фактории произошли неприятные события, и они решили быть осторожными. Близнецы выехали вперед. Они брали здесь в аренду капканы и хотели сдать их.

Матотаупа, Горящая Вода и Харка остались сзади. Они выбрали небольшую возвышенность. Поднявшись на нее, они спешили и присели, чтобы издалека понаблюдать здешнюю жизнь.

Фактория состояла из трех больших домов – блокгаузов, широко обнесенных палисадом. Один из блокгаузов стоял на берегу небольшого озера, видимо питаемого подземным источником. Из озера вытекал ручеек. Ворота в палисаде были со стороны озера. Индейцы наблюдали, как через них входили и выходили люди. Это были главным образом белые охотники. Они били зимой пушного зверя, ловили капканами и сейчас, по весне, сдавали ценные меха чтобы закупить боеприпасы и все, что необходимо в прериях и лесах. У озера расположились индейцы. Из какого племени, пока трудно было сказать, но несомненно, что настроены они были мирно. Мудрый Змей, Матотаупа и Харка провожали взглядами Томаса и Тео. Вот те достигли со своими вьючными лошадьми ворот и въехали. С возвышенности было видно, что делается внутри палисада. Харка вместе со спутниками наблюдал, как близнецы спешили, привязали коней и вошли в ближайший к воротам блокгауз.

За прибытием Томаса и Тео наблюдали не только с высоты. Молодой охотник, находящийся в блокгаузе, острым взглядом разведчика давно следил за ними через бойницу в стене. Когда Томас и Тео собрались войти в дом,

он поспешил уйти во вторую, заднюю половину блокауза. Там хозяин фактории, седой житель пограничья, бывший охотник, был занят пересчетом цветных ситцевых рубах и тканых одеял. Бойницы пропускали мало света, он поставил на стол зажженную керосиновую лампу.

— Что случилось? — довольно недружелюбно спросил старик вошедшего; он сбился со счета и снова стал считать вслух: — Одна, две, три, четыре...

Молодой охотник ничего не ответил, набил короткую трубку и раскурил ее. При этом он прислушивался к происходящему в передней части дома. Бревенчатая стена, разделявшая дом, и дубовая дверь заглушали звуки, но у молодого охотника был отличный слух.

В помещении, служащем приемной и магазином, раздались дружеские приветствия: «Томас?.. Тео!.. Адамсон!.. Как ты попал сюда?.. Давно уж вас жду!.. Вот это встреча!.. Лучше и не придумаешь!»

Молодой охотник, уловивший эти возгласы, отошел от стола, на котором стояла керосиновая лампа, и стал поближе к двери, чтобы лучше подслушивать. Хозяин, просчитав три стопы ситцевых рубашек, взглянул на него.

— Ты что, знаком с ними?

— Вроде бы...

Старик принялся потихоньку считать байковые одеяла. Молодой продолжал подслушивать.

— Все отлично, — слышался глухой голос. — Начал хозяйничать. Встречусь теперь с обоими вождами... Принесут подписанный договор. Заплачу честно, и они не обманут меня...

— Превосходно, Адамсон, превосходно. Мы идем к тебе. У тебя хватит скота для Томаса и Тео?

– Скота хватит, хватит и пахотной земли. Можете приходить.

Хозяин, считая одеяла, прислушался.

– Проклятье! Томас и Тео! А я-то думал, что они с нашими капканами охотятся в прериях. И чего этим идиотам взбрело в голову стать ковбоями? Надо посмотреть.

Старик пошел, но молодой охотник стоял на пути, и хозяину было не открыть дверь. Парень был крепким, широкоплечим. Его волосы и борода были чернильно-черными, и, может быть, поэтому зеленовато-голубые глаза особенно выделялись. Ему можно было дать года двадцать четыре.

– Да, Томас и Тео, – сказал он старику, не позволяя открыть дверь. – Компания «Те энд те». Беспечно шатаются здесь, в глуши. Не боятся, что в одно прекрасное утро стрела, вонзившись меж ребер, отправит их в места вечной охоты.

– Что за ерунду ты болтаешь, – недовольно ответил старик и попробовал отстранить охотника от двери, но это ему не удалось. – С индейцами мы тут на дружеской ноге. Все тихо. И торговля идет отлично. Том и Тео уже лет семь у черноногих. Там они и отлавливают бобров. Что ж тут может случиться. А теперь пусти-ка меня.

– Иди, – чернобородый отошел от двери, – только...

Старик взялся было за ручку двери, но вдруг помедлил.

– Что «только»?

– Ты видел, что они притащили с собой индейцев? Индейцы не поехали сюда, а спрятались где-то неподалеку.

– Что за ерунда, Фред. Сюда любой может приходить, когда захочет.

– Тогда спроси-ка ты этих, с кем они пришли. А я пока подожду здесь.

– Потешный ты парень, Фред. Ну ладно, я сделаю, как ты хочешь.

– Давай-ка. Я буду здесь.

– Дело твое.

Торговец пошел в соседнее помещение. Тот, кого старик называл Фредом, отошел в тень и встал так, чтобы, когда откроется дверь, его не было видно.

– Абрахам! – одновременно воскликнули все трое, как только к ним вышел старый торговец.

– Абрахам, прародитель знаменитой фактории! – не унимался Томас. – Где ты так долго прятался? Опять пересчитывал деньги, чтобы их стало больше?

– Зачем вы явились сюда с капканами?

– Чтобы сдать их.

– Сдать? Да что, у вас медведь последние мозги повыветрял? Чем заплатите?

– Кипой бобровых шкурок, старый торгаш! Горой бобрового меха!

– Сначала посмотрим. Виски хотите?

– Даром?

– Для вас даром! По глотку!

– Пошли, Тео, выпьем. Запах спиртного неплох!

– Ничего себе запах!

Наступила пауза. Видно, выпивали. Чернобородый подошел вплотную к двери, чтобы лучше слышать. По деревянному столу стукнули кружки.

– Где вы оставили ваших индсменов? – Это был голос старого Абрахама.

– Наших индсменов? Там, в прерии, ваша вонючая ко-
нура не для них, да и продаешь ты только дрянные сит-
цевые рубашки да одеяла, словно половые тряпки.

– О, не хули мои товары! За паршивые шкуры, что та-
щат сюда краснокожие, и мой ситец слишком хорош.

– Для тех, кому он нужен. Нашим индсменам не нужны
твои рубахи. Куртки из лосевой шкуры – получше. А
больше у тебя ничего нет?

– Чего ж больше? Чем могут твои голодранцы запла-
тить?

– Спроси сам. Дай-ка своим старым друзьям еще по
глоточку.

– Не набивай цену, Томас! Держи, но это последняя,
которую получаешь бесплатно. Ну, а теперь не темни. Го-
вори ясно и коротко, кого ты притащил к моей фактории.

– Не ори так громко. Если мои краснокожие друзья
услышат твои оскорбления, то как бы они не пощекотали
тебя между ребер.

– Томас, я знаю индсменов лучше, чем ты. Я имею дело
с людьми разного сорта и разного сорта заключаю сделки.
Итак, кого ты притащил? Что они хотят купить? Чем будут
платить?

– Не споткнись на тысяче вопросов, старый Абрахам,
как молодой жеребенок, который путается в своих четырех
ногах. Прежде всего – кто они: великий воин сиксиков, его
зовут Мудрый Змей, а с ним – Топотаупа и Гарри.

– Вот так имена! Чем они платят?

– Спроси у них. Сначала скажи-ка: нет ли у тебя хоро-
шего ружья на продажу?

– Ружья? Я не продаю дряни. Мои ружья не купить
индейцам, да и тебе, горе-охотнику, они не по карману.

– Ну, об этом – потом. У нас есть время. Можно переночевать у тебя?

– Мой дом – большой. Вы мои друзья. Складывайте здесь капканы и шкуры, а утром мы еще поговорим о вашей дурацкой затее. Располагайтесь в соседнем доме, а мне надо заняться своими делами.

Чернобородый в соседней комнате проворно отбежал от двери, и, когда старик вошел, он безразлично стоял у стола с керосиновой лампой.

Абрахам плотно прикрыл за собой дверь.

– Ты ведь все слышал, Фред, – сказал он и пошел к полке.

– Верно, я все слышал. Дурацкая история.

– Мало сказать – дураки. Надо их взять в руки. Притащили обратно капканы! Да их в сумасшедший дом упрятать надо!

– Уж вечер. Не выпить ли с ними?

– Я не возражаю, если ты платишь. Ты, кажется, при деньгах?

– Ну, ну... посмотрим...

Фред подошел к двери, прислушался, потом открыл ее и вошел в помещение. Близнецы и тот, кого они называли Адамсоном, в это время направлялись к выходу. Видимо, они хотели взглянуть на коней, прежде чем уйти в соседний дом на ночлег.

– М-м-м! – произнес Фред, и это должно было означать что-то вроде приветствия. Он вышел вместе с ними во двор, обнесенный палисадом, и, украдкой разглядывая всех троих, пришел к выводу, что легче всего, пожалуй, завести знакомство с Томасом. Лицо Томаса было необыкновенно

подвижным, он непрестанно ворочал глазами, и даже кончик его носа шевелился, когда он говорил.

– Добрый вечер, – сказал Фред после того, как его нечленораздельное приветствие не встретило возражений. – Можно вопросец?

– Разведчики, лесные бродяги, охотники и прочий честной люд ко всему готовы, – ответил Томас.

– Не выпьем ли мы вместе? Только и всего!

– Виски дорого. Старый Абрахам, конечно, душа-человек, однако и живоглот порядочный.

– Он мне кое-что должен. На четыре кружки хватит.

– Иди ты один, Томас, – предложил Адамсон, – тогда каждому достанется по паре. Мы с Тео останемся у лошадей.

– Ты правильно решил, Адамсон. Конечно, это самое лучшее. Присмотри за Тео и за моей лошастью. Я пойду выпью с черной бородой. Я объясню этому юнцу, чем отличаются прерии от Нью-Йорка, бобер – от бизона и индеец – от мерзавца.

– Но не напивайся, – предупредил Тео.

– Две кружки меня не свалят с ног, малыш, – подмигнул он.

Томас пошел за Фредом через темный по вечернему двор к третьему блокгаузу, в котором находился бар. Свободных мест тут хватало, и Фред с Томом заняли стол в уголке.

Когда выпили по кружке и закурили трубки, Томас заговорил:

– Ну, молодой человек, что у тебя за заботы? Тебе повезло, что ты пригласил опытного и честного охотника, который много знает и не обманет тебя!

Фред чуть опустил веки и молча смотрел в свою пустую кружку. Его ироническую улыбку скрывала густая борода.

– Мне повезло... мне повезло... Один вопрос!

– Давай же.

– Сначала наполним кружки. Э-э!

Подошел высокий парень, наполнил им кружки и мелом поставил на столе еще две черты.

Томас давно не пил спиртного и скоро почувствовал себя словно в покачивающейся колыбели. Он добродушно посматривал на своего соседа.

– Итак, мой вопрос, – снова сказал чернобородый. – Топотаупа или Матотаупа, с которым ты сюда приехал, хочет купить ружье?

– Абрахам рассказал?

– Да.

– Уж не хочешь ли ты его опередить?

– Отчего бы нет.

– Пожалуй, мы с тобой поладим. Ты кажешься мне настоящим парнем. С Топотаупой или... как ты сказал?

– Матотаупа.

– Да, да, так всегда его называет Гарри, но я ломаю язык на этом имени. Скажем просто – Топ. Итак, с Топом ты можешь совершить любую сделку, он джентльмен, гран-сеньор.

– Что?

– Гран-сеньор! Не сомневайся. Как тебя зовут-то?

– Фред.

– Не сомневайся, Фред. А слово это я слышал в Канаде, и оно означает: высокий человек, стоящий. Но ты же ничего не соображаешь, совсем как Тео. Ты пойми, что мо-

жешь хорошо продать свое ружье Топу. Оно у тебя выглядит совсем неплохо.

– Посмотрю. А что это Топ притащил сюда своего мальчишку? Я-то думал, он оставил его у сиксиков.

– Ха! Да ты знаешь обоих! Это же превосходно. Да, они живут у черноногих. А мальчишку он притащил, чтобы купить ему ружье. У него еще есть деньги, у Топа. Может быть, зимой заработал или сумасшедший художник ему подарил. Как только купим ружье, Гарри уедет с Мудрым Змеем обратно.

– А Топ – нет?

Когда чернобородый спросил об этом, ему стоило огромного усилия не выдать своего волнения и спокойно продолжать разговор. Его трясло, как на холодном ветру, но Том ничего не замечал.

– Нет, Топ не поедет назад к черноногим. Он хочет Таченку взять за горло.

– Таченку? А не Тачунку Витко?

– Вот, вот, именно его.

– Топ многого захотел.

– Это я тоже ему говорил. Но Топ – твердолобый. Вовпит все время, что Таченка его оскорбил и он должен отомстить ему.

– Жаль.

– Почему жаль?

– Сегодня надо уезжать. А когда вернусь, Топа уже не застану.

– Почему не застанешь? Мудрый Змей и Гарри уедут к черноногим, как только купим ружье. А Топ решил сначала переодеться, чтобы его не узнали, а потом поедет с нами на

ферму к Адамсону. Мы с Тео хотим помочь Топу, потому что он нас, бедных бродяг, замечательно принимал у себя.

Фред сухо засмеялся.

— Хм, и переодетым оказаться на земле дакота?.. Здорово придумано. Ты мне нравишься. Орлиный Нос. Я поговорю со старым Абрахамом. Утром у вас будет ружье. Оно должно быть недорогим?

— Наверное. По мне, так лучше бы подешевле. Топ все равно отберет у Тачунки двустволку, которую тот уволок у Гарри.

Фред с силой стукнул кулаком по столу.

— Вот простофиля Гарри, не сумел сохранить такую вещь, снова остался без ружья!

— Что значит снова?

— Старая история, расскажу потом.

— Ха! Да вы давно знакомы? То-то обрадуются Топ и Гарри. Вот так случай!

— Что значит случай? Известно же, что они собирались жить у сиксиков, а это недалеко. Но с Гарри мне не придется повидаться, надо уезжать. Топа я увижу, когда вернусь. А вернусь скоро.

— Я им расскажу...

— Нет, не расскажешь. Ты будешь молчать! Понятно?!

— Совсем ничего не понимаю. Чего ты кипятишься?

Фред вытер рот и дернул себя за бороду. Потом рассмеялся.

— Хочу удивить Топа! Вот глаза-то раскроет, когда увидит меня. Ты не должен мешать, Томас.

— Ах так, ах так, ну понимаю. Значит, старые друзья. Но ты поговоришь с Абрахамом о ружье?

– Сделаю.

– Ну ладно, я не помешаю вашей дружеской встрече.

– Я вижу, ты, Орлиный Нос, полюбил Топа и Гарри.

– Замечательные ребята, замечательные ребята.

– Если ты действительно их хороший друг...

– Ну, конечно же, конечно. Что у тебя еще на сердце, молодой человек?

– И ты будешь нем, как снежная пустыня?

– Как Северный полюс.

– И Адамсону ничего не скажешь об этом?

– Ничего.

– Собственно, это глупая история.

– Могу себе представить. Топ и Гарри – дакота, и они – злейшие враги дакота, видно в этом дело?!

– Это еще ничего.

– Что-нибудь с Тачункой. Это тоже плохо.

– Да, но...

– Говори же ты наконец! Нельзя ли еще по кружечке?

– Давай.

Кружки были снова наполнены, и парень добавил еще две черточки на столе. Томас, как и Фред, выпил виски залпом.

– Итак?.. – Томас был падок на новости.

– Матотаупа прикончил тут одного, и теперь его ищут. Но держи язык за зубами, говорю я тебе.

– Топ?.. Укокошил? Когда же? Такой джентльмен и... Нет, тут была причина, если он так поступил.

– Белого он убил. Уважаемого человека. В Миннеаполисе. Больше я тебе не могу ничего сказать. По следам Топа рыщут.

– Больше ничего не скажешь? Эх Топ, Топ! Бедный чертяка!.. Такой гран-сеньор и джентльмен! Но Топ не родился убийцей!

– А кто говорит. Но полиция!..

– Бог мой! Вот дуралей. Хорошо, что мы Топа переодеваем.

– Верно. Но держи язык за зубами, говорю я тебе. Иначе ты мне больше не друг.

– Я молчу, молчу. Кто же хочет несчастья таким людям, как Топ и Гарри. – Томас стукнул своей кружкой по столу. – Нет, нет. И это такое случилось! Бедный мальчик! Но не повесят же они его отца?! Мир плох, скажу я тебе, плох мир...

– Я тоже так думаю. Все дерьмо, чертовщина.

– Это так, мой юный друг, это так.

– Ну, не поддавайся отчаянию, Орлиный Нос. Иди-ка спать, пока еще стоишь на ногах. А мне надо уезжать. Но Абрахаму о ружье я скажу.

Фред поднялся, заплатил за шесть кружек и пошел. Парень стер пометки. Томас печально посмотрел вслед уходящему охотнику.

– Вот чертяка! – пробормотал он и поплелся к коням, которые были привязаны у другого блокгауза.

Тео спал у коней.

– Тео!

– Да.

– Мир плох!

– А ты пьян.

– Я пьян.

– Идем спать.

– Да, пошли. Адамсон уже храпит.

Бородатые близнецы побрели к дому. Большое помещение служило спальней. Близнецы завернулись в свои одеяла, и Томас, перегруженный тяжкими раздумьями, тут же заснул.

Индейцы всю ночь оставались у коней в прерии. Они заметили, что ночью одинокий всадник покинул факторию и направился на восток. Но у них не было причин тревожиться из-за этого.

Едва наступило утро, как Матотаупа, Харка и Мудрый Змей проснулись. Они позавтракали. С наступлением рассвета они продолжали наблюдать за факторией и за индейцами, расположившимися у озера. Теперь они хорошо различили, что большинство было из племени ассинибойнов – врагов сиксиков. Впрочем, ассинибойны не были друзьями и своих ближайших родственников – дакота. Но с последними были в мире. Несколько в стороне, ниже по течению ручья, расположились четверо дакота, из них двое – вожди.

Прошло немного времени, и из палисада вышел Томас. Он помахал рукой. Индейцы поняли, что надо ехать к блокгаузу. Они сели на коней и подъехали к воротам.

– Доброе утро! – крикнул Томас. – Итак, вы здесь. Ружье тоже здесь. Но старая железка... Возможно, сам Адам стрелял из него в яблоко еще в раю, когда Ева что-то там сделала... Проклятье, я вечно путаю все истории. Во всяком случае, эта штука стреляет. Можете взглянуть.

Индейцы приветствовали Тео, с достоинством познакомились с Адамсоном. Потом все вместе отправились в первый блокгауз и подошли к прилавку. Только Тео остался снаружи у мустангов индейцев.

Старый Абрахам их ждал.

– Вот вам ружье! – крикнул он и положил на прилавок. – Это, я вам скажу, ружье! Оно по вашим деньгам. Вот этому мальчишке?

Харка посмотрел на ружье, не подходя близко.

– Шомпольное ружье, – презрительно заметил он. – Заряжается с дула.

– Но зато дешевое.

– Слишком дешевое.

– Ты уж, парень, очень требовательный. Оно же стреляет.

– Мой лук лучше.

Мудрый Змей подошел ближе и попросил старого Абрахама и Томаса объяснить устройство ружья. Потом он попросил, чтобы кто-нибудь сделал пробный выстрел. Абрахам вышел с ружьем во двор и выстрелил в указанный Харкой сучок, в одном из бревен палисада.

Цель была поражена.

Матотаупа заметил, что сиксику очень хочется заполучить ружье. Он открыл мешочек, висящий на поясе, и заплатил указанную небольшую цену монетами. Потом кивнул Абрахаму и пошел с ним в блокгауз. Там он взял некоторое количество боеприпасов, заплатил за них и после этого передал ружье Мудрому Змею.

– Это твое. Ты тот, кто первым приветствовал нас, и тот, кто пригласил нас в палатки сиксиков.

Мудрый Змей принял подарок. По глазам было видно, что он доволен. Он попросил еще раз объяснить, как нужно обращаться с ружьем, и во дворе сделал первый выстрел. Отдача в плечо его несколько испугала, и цель была по-

ражена не очень хорошо, но с ружьем он освоился. Остального можно было достичь тренировкой.

– Парень, парень, – обратился Томас к Харке, – ты все же сглупил, что не взял ружья. Но с другой стороны, это хорошо: Мудрый Змей меня и Тео принял у себя в палатке, и там было как в раю. Он заслужил это ружье. Матотаупа, ты – джентльмен. Это я говорил и буду говорить всегда, пока я жив.

Вмешался Абрахам:

– Купите ситцевые рубахи. Купите отличные одеяла. Подходите, господа. Товары прима!

Абрахам ушел в заднее помещение, чтобы вынести вещи, которые, по его мнению, могли подойти индейцам.

Когда прибывшие остались одни, они заговорили.

– Не покупайте у него этой дряни, – энергично сказал Адамсон. – Для чего в лесу и в прериях ситцевые рубашки? И разве согревают эти тряпичные одеяла? Во время дождя промокнешь до костей, зимой не согреешься и при первом случае разорвешь. Ни жителям прерий, ни индейцам такие вещи ни к чему. Эти новомодные товары изобрели для того, чтобы торговцы обманывали индейцев и наживались.

Мудрый Змей согласился. Но Томас, зная, что Матотаупа хочет переодеться, возразил:

– Нет необходимости расставаться с кожаными вещами, но свежая зеленая рубашка...

В это время появился Абрахам.

– ... зеленая рубашка, черные брюки и это красивейшее одеяло. Ну как, Топ?

Матотаупа был не очень доволен.

– Вот эту. Эта рубашка лучше, – сказал он. – Коричне-

вая, зеленая, белая... человек будет, как пятнистая лошадь, и его издалека трудно увидеть. Штаны должны быть коричневые, а одеяло вот это – черное, белое, зеленое.

После долгих пререканий между Томасом и Абрахамом Матотаупа по достаточно умеренной цене получил желаемое.

Как только покупка состоялась, Мудрый Змей посмотрел на Матотаупу и решительно сказал:

– Я еду к нашим палаткам.

Харка поднял голову и взглянул на отца. Он знал, что ему предстоит разлука с Матотаупой, и, несмотря на то, что все было заранее предусмотрено, момент расставания был нелегким.

За время изгнания они с отцом очень привыкли друг к другу. Но Харка давно приучился стойко переносить всякую боль. Теперь, не выказывая беспокойства, он стоял перед мужчинами и ждал окончательного решения отца.

– Мой сын Харка пойдет с тобой к палаткам, – сказал отец сиксику.

Этим было сказано все, что должно было быть сказано. Матотаупа и Харка распрощались только взглядами. Мальчик подошел к Тео, взял у него своего мустанга и мустанга Мудрого Змея. Они сели на коней и, миновав ворота, подняли их в галоп.

Оставшиеся провожали их взглядами, но всадники не обернулись. Они исчезли в холмистой прерии. Стук копыт стих вдали.

Все направились к блокгаузу, чтобы продолжать свои дела. Матотаупа последним вошел в дом. Он дольше всех смотрел вслед уезжающим и теперь, хоть и оставался среди

людей, почувствовал вокруг себя пустоту. Он очень хорошо понял, что Харка – единственный человек, с которым они были как бы одним целым. Они принадлежали друг другу. Матотаупа пытался подавить в себе чувство одиночества, и внешне ему удалось казаться невозмутимым.

Войдя в блокгауз, он не слышал начала разговора трех белых и ухватил только середину фразы.

– ... надо заканчивать, Томас, с капканами и мехами, – говорил обычно молчаливый Тео. – Абрахам становится невыносимым.

– Добрейший был человек, но с тех пор, как стал хозяином фактории, превратился в настоящего живоглота. Я ему это дело растолкую. Пошли. Мы это сразу сделаем. А куда ты всю эту дрянь сложил?

– Там, в лавке, в углу.

– Пошли.

Томас и Тео направились в первый блокгауз. Матотаупа с Адамсоном остались снаружи. Фермер Матотаупе понравился. Он был еще не стар, но, видимо, много работал и немало пережил. Его продубленная непогодами кожа была коричневой, руки тощие, но мускулистые; шевелюра и борода – с проседью, хотя Матотаупа давал фермеру не больше тридцати пяти лет. Но и Адамсон, наверное, заметил в косах Матотаупы пряди седых волос. Они были ровесники. Индеец, однако, был почти на голову выше довольно рослого белого.

Оба молча стояли рядом и прислушивались к спору в лавке, который шел на все более и более высоких тонах. Старый Абрахам на чем свет стоит поносил бровровые шкуры, доставленные Томасом и Тео; близнецы же на все

лады корили алчность старого Абрахама, да еще в пользу меховой компании.

– Тут не до смеха, – громко ворчал Абрахам. – Я знаю ваши повадки. Вы нежитесь в прериях, как бизоны на солнце. Жарите себе грудинку и так, между прочим, ловите бобров. Вот это жизнь! Потом тащите сюда капканы. Это от лени! В сумасшедший дом вас! В сумасшедший дом!

– Кто это стал бесчестным плутом – ты или мы? Мы невинны, как ангелы. Индейцы нас не душат процентами и процентами с процентов, а угощают по-королевски – жареным мясом. Разве мы не приносили много раз тебе отличные бобровые шкуры? За что же ты хочешь отправить нас в сумасшедший дом?

Адамсон, который вместе с Матотаупой все слышал, сделал нетерпеливый жест рукой.

– Болтовня продлится не меньше двух часов – и потом они сойдутся. Земледельцу нельзя тратить на пустяки столько времени, как торговцам и охотникам. Мне надо беречь время. Послушай, у меня к тебе просьба.

– Мой белый брат может говорить.

– Я тут заключил договор с двумя вождями дакота на землю, которую уже обрабатываю. Мы с ними во всем сошлись. Эти двое здесь. Они там, на берегу озера. Я должен получить тотем или как там это у вас называют. Хорошо, если бы ты взглянул на договор о продаже и купле. Ты же письмо индейцев лучше разберешь, чем я.

– Я посмотрю тотем. Как зовут людей, с которыми мой белый брат здесь встречается? К какому костру советов дакота они принадлежат?

– Тетон-дакота. А вот имя... имя... я позабыл. И я

обещал им, что выступлю против всякого, кто вторгнется на их землю. Я иду к ним. Пойдем со мной?

– Я останусь у коней. Ты принеси тотем, чтобы я мог его посмотреть.

– Жди. Я скоро вернусь.

Адамсон вышел через ворота и направился по берегу озера к южной его оконечности, туда, где из него вытекал ручей. Матотаупа следил за ним, пока он не скрылся среди зелени. Уже через несколько минут Адамсон снова появился и поспешил назад к блокаузу. Он подошел к Матотаупе, держа в руках свернутую в трубку кожу, которую передал ему. Матотаупа стал рассматривать картинное письмо. На лбу индейца залегли глубокие складки. Наконец он вернул договор.

– Хорошо.

– Итак, ты думаешь, что с этим я могу начинать?

– Хау. В глазах всех дакота это будет охранять тебя, твою жену, детей, землю, на которой ты живешь, и твой скот. Ты будешь стоять на стороне дакота, они будут стоять на твоей стороне.

– Верно. Те двое сказали, что договор утвердил их очень большой вождь. Имя его я не помню, но, кажется, Та... Ту... Ты... Не можешь сказать его мне по тотемному знаку?

– Хау. Тачунка Витко?

– Да, да. Так его и называли. Тачунка Витко, Тачунка Витко. А он пользуется влиянием?

– Хау.

– Ну, значит, все в порядке. На слово индейцев можно положиться, как и на мое слово. – Адамсон совершенно

успокоился. – Наконец-то под ногами земля. Моя земля! Но ее нужно не раз и не два вспахать. У меня есть сын. Он года на два моложе твоего Гарри, но уже помощник. Его зовут Адамс, Адамсон, как и моего отца, и отца моего отца, и его деда. Наверное, нас так зовут с тех пор, как библейского Адама изгнали из рая и он стал обрабатывать землю. Теперь можно сына с бабушкой взять сюда. Работа нелегка, но Адамсоны всегда были трудолюбивы. У меня хорошая жена, работает, как мужчина. – Адамсон легко вздохнул. – Да, снова собственная земля.

– Ты потерял свою землю?

– Из-за ростовщиков, которые отняли ее у меня на родине. Но тут совсем другая земля, первозданная земля! Здесь выгодно работать. И мы снова добьемся успеха. Что ты думаешь о Томасе и Тео?

– Хорошие парни.

– Да, это верно. Только Томас много болтает. От этого ему надо отучиться. Вечером за кружкой пива и мне по душе веселое слово, но на работе мужчине не следует зря разевать рот.

В блокгаузе все еще продолжалась словесная перепалка.

– Пошли, – сказал Адамсон Матотаупе. – Пойдем к нашим коням и позавтракаем. Мне придется подождать, пока завершится эта сделка с мехами. А там снимемся и поедем. Торговля – это потеря времени и обман. Не для земледельца.

Индеец присел вместе с Адамсоном в палисаде у коней. Фермер достал шпик и отрезал большой кусок. Индеец не стал есть свинину и, поблагодарив, достал свои запасы.

– Томас говорил, что ты поедешь с нами на ферму. Так ведь? – спросил Адамсон, проглатывая последний кусок.

– Нет, я не поеду с вами.

– Нет? Я думал, что ты тоже едешь через Миссури.

– Хау. Но я еду один.

– Как хочешь. Одному в глуши худо. Поехал бы с нами, я был бы рад тебе.

– Я не хочу оскорбить своего белого брата, но ехать с вами на ферму не могу. Тачунка Витко взял тебя под защиту, Адам, Адамсон. Тебя, твою жену и детей, твою землю. Тебе же будет нехорошо, если ты, приняв тотем Тачунки Витко, пригласишь к себе его смертельного врага.

– Эх, черт возьми, щекотливый вопрос! Это что ж, вражда действительно так сильна?

– Хау.

– Очень жаль. Но ты прав. Благодарю тебя за заботу обо мне.

Адамсон кончил завтракать, и как раз в это время из лавки вышли Томас и Тео. У них были довольные лица, а сзади показался старый Абрахам.

– Непутевые олухи, – кричал он. – Притащили мне капканы! Да еще груду дрянных шкурок, а я теперь сиди в дураках. Больше никаких с вами дел! Никогда! Прощайте!

– До свидания, старикан!

Оба подошли к Адамсону и Матотаупе.

– Что скажете? Не прошло и пяти минут, а дело сделано. А меха, что мы принесли, все же первоклассные.

– Ну, теперь-то мы можем ехать? – проворчал Адамсон.

– Как угодно. Но Топ еще не одет.

– Он не едет с нами.

– Почему?

Матотаупа ответил сам.

– Наши пути расходятся, но мы остаемся друзьями, – сказал он так решительно, что у Томаса застрял в горле следующий вопрос. – Прощайте.

Адамсон и близнецы сели на коней, а Томас все покачивал головой. Фермер еще раз кивнул индейцу.

Матотаупа смотрел на отъезжающих через открытые ворота; они поехали берегом озера и скоро растворились в утренней дымке прерий. Он остался совсем один.

Пока Матотаупа решил ничего не предпринимать. Он шагом направился к холму, на котором ночевал вместе с Харкой и Мудрым Змеем. Там он стреножил Пегого и лег на вершине в траву. Отсюда было хорошо видно факторию и индейцев, расположившихся на берегу озера. Он решил дожидаться отъезда дакота, с которыми вел переговоры Адамс.

Пока он лежал на холме, его мысли текли, как поток, по которому ветер гнал против течения волны. Он хотел бы не сомневаться в своем решении, но события последнего времени и то, что он слышал вокруг, заставили его задуматься. Ведь он собрался взять Харку в дорогу отмщения Тачунке Витко. Ему казалось естественным, что Харка поедет с ним, Харка, который делил с отцом все превратности жизни в изгнании. Но когда Горящая Вода бросил на Матотаупу удивленный взгляд, отец впервые засомневался, имеет ли он право согласиться с желанием сына участвовать в этом опасном предприятии. Ведь Тачунка Витко уже однажды похитил мальчика и намерен был воспитать его у верховных вождей и великих жрецов дакота... А по-

пав на земли дакота, Матотаупа мог в любой момент расстаться с жизнью. Горящая Вода был прав. Задуманное Матотаупой предприятие совсем не подходило для мальчика. В палатках сиксиков мальчик будет в безопасности, и, даже если Матотаупу убьют, он и без отца вырастет, станет великим воином и вождем.

Эта уверенность успокоила Матотаупу. Из видений, проносящихся перед ним, исчезла картина расставания, такая тяжелая для отца и сына. Матотаупа уже думал о предстоящей осени, о встрече с Харкой, о дне, когда он принесет в палатки сиксиков скальп Тачунки Витко, двустволку, приведет свою дочь Уинону. Матотаупа подумал о том, с какой радостью встретит его сын – Харка – Твердый Как Камень.

Солнце стояло уже высоко на небе, когда на востоке показался одинокий всадник. Это было необычно: в этих местах редко кто разъезжал в одиночестве. Приближающаяся фигура становилась все отчетливее. Интерес Матотаупы рос. Это оказался белый. Шляпа с полями скрывала его лицо, и была хорошо видна только черная борода. Рослый, ладный парень, он остановился, достигнув ворот фактории, и посмотрел по сторонам. Матотаупа продолжал следить за ним. Казалось, всадник раздумывал, въезжать ли ему. Облик чернобородого все больше и больше привлекал внимание Матотаупы. Он пытался припомнить, где же видел этого охотника или ковбоя. О, если бы услышать его голос, вот тогда бы он вспомнил! Матотаупа сел на Пегого и шагом направился к открытым воротам.

Бородатый всадник в широкополой шляпе оглянулся на подъезжавшего Матотаупу. Казалось, он на мгновение за-

мер от неожиданности, затем дал шпоры своему серому коню и галопом поскакал навстречу индейцу. Он остановил коня рядом с Матотаупой, скинул шляпу и крикнул таким знакомым индейцу голосом:

– Мой краснокожий брат!

Матотаупа был рад, что всадник не назвал его по имени: это могли услышать дакота, расположившиеся у озера. И Матотаупа обошелся без имени. Он только воскликнул:

– Мой белый брат!

– Да, это я. И меня зовут Фред. Понял ты, Фред!

– Мой брат Фред.

– Мой брат Топ! Поехали. Остановимся ненадолго тут, на фактории.

Они въехали во двор и у второго блокгауза привязали коней. Фред сразу же вошел в дом для приезжих. Матотаупа за ним. Сейчас, утром, здесь было пусто. Пахло потом и табаком. Вещи ночлежников фактории лежали у постелей. Фред уселся посреди помещения лицом к двери.

– Топ! Топ, – тихо сказал он. – Какое счастье, что я тебя встретил. Куда держишь путь?

– Я убью Тачунку Витко, который меня оскорбил и украл ружье у Харки. Потом приведу мою дочь Уинону в палатки сиксиков, где я живу с Харкой.

– Я так и думал, что вы у них найдете приют. Не надо бы только в Миннеаполисе говорить, что вы отправились к сиксикам.

– Это знал только ты, мой белый брат.

– К сожалению, не только я. Черт знает, когда и где вы с Харкой проговорились. Возможно, Харка сказал старику Бобу, с которым работал в цирке. Во всяком случае, на твой след напали, и я хочу тебя об этом предупредить.

– Кто меня ищет, почему?

– Ты должен сам понять, Топ, наш последний парадный спектакль с ковбоями и индейцами в цирке Миннеаполиса не остался незамеченным. Вспомни-ка... кто стрелял в мерзавца Эллиса?.. А меня оклеветали. Эта алчная блондинка, кассирша, которая была с нами в цирке еще в Омахе. Забрала из кассы деньги, а полиции заявила, будто бы я их украл. Меня схватили, только я, как видишь, сбежал. Думаю, что пройдет лето... осень – и они успокоятся. Но вот ты, мой краснокожий брат... С тобой похуже. Убийство так скоро не забудется.

– Да. Я его застрелил...

– Это было презренное существо. Рональда, дрессировщика, он чуть не довел до самоубийства только потому, что тот кое-что умел. Тигрицу он хотел отравить, Харку он хотел наказать, потому что мальчишка помогал Рональду. Вот какой мерзавец. Он заслужил пули. И все было бы хорошо, если б полиция не пронюхала, что вы направились к сиксикам. Теперь они напали на твой след. Для полицейских человек есть человек, убийство есть убийство. Им не докажешь, что это не убийство, а возмездие.

– Хау.

Матотаупа опустил голову.

Матотаупа молчал.

Чернобородый ждал.

– Что собираются сделать белые? – спросил наконец сдавленным голосом индеец.

– Белые послали вождю сиксиков приказ, чтобы он выдал тебя полиции, иначе они жестоко накажут сиксиков.

Матотаупа едва сдержал стон.

– Меня там нет. Нет меня среди сиксиков, – сказал он с трудом. – Вождь скажет правду, что меня там уже нет.

– А если ты вернешься к сиксикам, что тогда?

Матотаупа поднялся медленно, очень медленно. Он встал во весь рост в этом полутемном душном помещении, недвижимый и гордый. Он смотрел на белого, все еще сидящего на полу.

– Я не вернусь, – тихо, но отчетливо проговорил Матотаупа. – Никогда сиксики, которые приняли к себе меня и моего сына, из-за меня не пострадают. Я сказал. Хау!

Белый пожал плечами и молча поиграл своей трубкой.

Матотаупа все еще стоял, оцепенев.

– Топ, ты благородный человек, – наконец заговорил охотник. – Проклятье и тысячу раз проклятье! Я долго думал, хотя это меня не касается. Но теперь все это снова тревожит мое сердце. Еще счастье, что по крайней мере парень в безопасности у сиксиков. Но ты, Топ... у тебя, Топ, теперь все совершенно так, как и у меня. Изгнание, презрение, преследование, война со всеми. Это нелегкая жизнь. Но ее можно перенести, если ее надо перенести. Умирать нам обоим рано. У нас есть еще дороги и на этом свете.

Индеец несколько минут не двигался.

– Да, – сказал он. – Есть еще дороги... Моя месть! Харка никогда не сможет сказать, что его отец не отомстил за оскорбление.

– Пусть так. Но приди в себя, Матотаупа. Ты не один. Мы до гроба принадлежим друг другу.

– Мой белый брат.

– Мой краснокожий брат.

УТРО МЕРТВЫХ РЫБ

Прерия между истоками реки Платт была иссушена летним солнцем. Голые песчаные гряды перемежались с участками, едва покрытыми пучками травы и кустарником. Ложа многих ручьев были сухи. В других еще чуть сочилась вода. Стада бизонов перекочевали либо на север, либо восточнее, к более сочным лугам. Олени и лоси ушли в предгорья запада, в леса.

Пустынной, заброшенной, бесплодной выглядела эта земля, встречающая новый день, снова несущий жару, ветры и ни капли воды.

В небольшом лагере экспедиции, прокладывающей трассу железной дороги, проснулись. Люди из палаток потянулись к ручью. Полусонные, они уныло окликали друг друга. На завтрак их ждали те же консервы, что и вчера, однако все были довольны, что работу стали начинать пораньше, ведь каждый мечтал поскорее закончить изыскания и побыстрее убраться из этой коварной пустыни. От палаток к ручью мужчины ходили раздетые до пояса, но после завтрака они спешили надеть куртки, которые хоть как-то могли защитить от стрел индейцев. Все, от инженера до последнего грузчика, носили на пояском ремне револьверы. Бородатые лица и руки изыскателей были опалены солнцем.

Начальник экспедиции стоял перед палаткой. Он ждал трех человек из ночного дозора. Двое с ружьями в руках уже приближались к нему. Он хорошо знал обоих, как и всех своих подчиненных.

Один, по имени Билл, был неуклюж, грубоват, с лица

его не сходила глупая улыбка. Второй – чуть не двухметрового роста, со щегольской бородкой, которую он не ленился ежедневно подстригать клинышком. Его стремление быть красивым вызывало шутки товарищей. Парня звали Чарльз, но за гигантский рост и тщеславие где-то кто-то из французов окрестил его Шарлеманем – Карлом Великим. Это имя так за ним и осталось. Большинство его спутников говорили по-английски и не понимали смысла забавного французского прозвища.

Дозорные спешили к руководителю экспедиции. Подойдя поближе, они посмотрели на него, как собачонки, ожидающие взбучки.

– Ну что? – сердито спросил тот, едва взглянув на их лица. – Где Том?

В ответ Билл и Чарльз только пожали плечами.

– Куда девался Том, хочу я знать!

– Сейчас его там нет.

– Сейчас нет! Сейчас его там нет! Ничего себе ответ бывалых разведчиков. Мертвый или живой, но он должен быть там.

– Его нет.

– Люди, не задерживайте меня понапрасну. Что произошло?

И опять оба пожали плечами.

– Вчера Том ушел в дозор. Это ясно. Ну, и?..

– Его нет.

Руководитель экспедиции пошевелил губами, заставил себя сделать спокойный глубокий вдох и не произнес тех громких ненужных слов, на которые часто не скупится начальство.

– Когда вы заметили, что его нет?

– Утром мы его окликнули. Хотели вместе вернуться.

– И что же там, где его нет? Труп?

– Нет, только шляпа и сапоги.

– Шляпа и сапоги? Так! И вы не обнаружили никаких следов?

– Нет, сэр.

– Когда вы в последний раз окликали Тома?

– За два часа до рассвета.

– Так. Значит, тогда он был. А потом? Что же, он испарился, как дым? Или провалился сквозь землю? Или улетел по воздуху, оставив в наследство шляпу и сапоги? Ну, что вы об этом думаете?

– Возможно, он захотел домой. Некоторые сходят с ума и удирают.

– Значит, так сказать, дезертировал? Причина?

– Ему уже давно здесь надоело. Маленькая лавочка в пограничном городке – это его давняя мечта. Он хотел торговать, хотел жить спокойно. Еще прошлым летом после песчаной бури он сильно подумывал об этом. Но денег не хватало, не было товаров для начала.

– Может быть, ночью ему с неба свалилось. А? И сразу столько, что он откроет лавочку?

– Кто знает. Бывает, кто очень долго о чем-нибудь думает, и еще солнце припекает ему мозги, ветер продувает, да еще индейцы... сходит с ума...

– А лошадь Тома, где она?

– Здесь.

– Здесь? И Том без шляпы и сапог пешком отправился по прерии? Ну, это вы можете рассказывать кому-нибудь

другому, но не мне. Пошли. Я сам посмотрю. Сапоги и шляпу вы оставили лежать так как нашли?

– Да, сэр.

– Хэлло. Пошли, взглянем.

Инженер направился вместе с ними к возвышенности севернее ручья, где ночью Том был в дозоре. Когда они оказались на гребне, инженер увидел широкополую шляпу и лежащие в траве высокие сапоги. Шляпа лежала там, где должна бы находиться голова лежащего человека, а сапоги – там, где его ноги.

– Как точно и в каком замечательном порядке, – зло сказал инженер. – Итак, он, видимо, снял сапоги, чтобы легче было бежать. Сумасшествие, полное сумасшествие. Ни на кого нельзя положиться в этих прериях! – Инженер направился к шляпе и сапогам.

Он поднимал эти предметы по очереди и рассматривал со всех сторон.

– Крови не видно. Следов борьбы – тоже. Значит, просто удрал? Слыхано ли что-нибудь подобное?!

Едва инженер произнес эти слова, как в воздухе раздался легкий свист. Шляпа слетела с головы инженера на склон холма. В ней торчала стрела.

Все бросились на землю и отползли по склону назад.

– Богом проклятые индсмены! Краснокожие бандиты! – крикнул инженер.

Из лагеря наблюдали за происходящим. Тотчас же люди с оружием в руках бросились на помощь и залегли на холме, дали на всякий случай несколько выстрелов.

Наступила тишина.

– Может быть, индсмены попытаются подкрасться по

южному склону холма, — сказал Шарлемань инженеру. — Нам надо бы занять этот склон.

— Конечно, они могут попытаться подползти с юга. Почему бы нет? Они вообще не дают нам покоя. Каждое утро они доставляют себе удовольствие тревожить нас. Но я не могу снова терять целый рабочий день. Впереди выгодный контракт с правительством. Наша компания не может упускать такого случая... Вы двое оставайтесь здесь и стреляйте, как только где-нибудь появится черная шевелюра или хотя бы нос красного. Двое — на южный склон. Остальные на работу. Живо!

Мужчины поворчали, но подчинились и последовали за инженером, который пошел вниз по склону. Он поднял свою шляпу и стал рассматривать стрелу. Она была окрашена и имела зарубки.

— Это мы сохраним. Визитная карточка бандита.

Люди приступили к топографической съемке в долине ручья. На высотах с юга и с севера дозоры продолжали наблюдение.

Лежащие на вершине холма к северу от ручья Билл и Шарлемань были недовольны. Всю ночь они несли дозор и теперь не могли поспать.

— Надо было нанять еще пару разведчиков-скаутов, — заметил Билл. — Интересно, многие ли из нас доживут до осени? И что же произошло с Томом?..

Шарлемань не ответил. Жара усиливалась; обоим хотелось пить. Ветер улегся, раскаленный воздух дрожал. И вдруг в долине ручья раздался крик. Дозорные оглянулись и увидели, что один из рабочих упал. Стрела проткнула ему шею.

Билл и Шарлемань не сказали ни слова. Уже несколько дней следовали одно за другим эти безмолвные нападения индейцев. Каждый раз прилетала всего одна-единственная стрела, но она поражала цель. И ни разу никто не видел индейца.

Люди в долине покинули работу. Многие из них бросились на землю, ища за кустиками и выступами берега хоть какое-нибудь прикрытие. Некоторые побежали к палаткам.

– Какое свинство! – прервал молчание Билл.

– Попробуй что-нибудь изменить, хоть ты и победил в двадцати шести поединках.

– Если бы только краснокожие трусы предстали передо мной, я бы им показал!

– Рано или поздно тебе придется это сделать.

Один смельчак отважился подобраться к убитому. Он не смог вытащить стрелу и отломал ее конец. Крохотный кусочек кожи с какими-то знаками был прикреплен к стреле.

Человек рассматривал этот кусочек.

– Опять голова лошади! – крикнул он тем, кто лежал на холме.

– Что это означает, Билл? – спросил Шарлемань. – Красные полосы и голова коня? Все время этот знак.

– Осел, ты рассуждаешь так, точно проткнули тебя! Стрела так и есть стрела.

– А ты сидишь тут и ждешь, пока прилетит еще одна и проткнет тебя!

– Что же делать? Эх, были бы с нами индейцы, вот бы они подрались с этими... Против собак нужно натравливать собак, против краснокожих – краснокожих...

– А против краснокожих собак – краснокожих собак, хочешь сказать ты. Да только кто сунется в такую кутерьму? В прошлое лето с нами были пауни. Теперь их тоже не видно.

– Мы обманули их. Они хотели получить оружие, а мы не дали и сотой доли того, на что они рассчитывали.

– Кто же хочет брать на себя ответственность за снабжение краснокожих оружием.

– Во всяком случае, мы преданы и проданы. Скоро я оставлю вам мою шляпу – и до свидания. Не хочу больше торчать в этих проклятых местах. Но как отсюда смыться? Эх, глупцы мы, глупцы...

– Еще бы не знать, что означает голова лошади!

– Оставь меня в покое. Еще хорошо, что голова лошади, а не томагавк!

– А что означает томагавк?

– То, что ты свою башку носишь на плечах, пока не наткнешься на томагавк. Соображать надо, а еще считаешь себя скаутом!

– Тихо, слушай!..

Оба прислушались. На северо-востоке стреляли. Несколько выстрелов последовали один за другим.

– Билл, что это?

Снова с разных сторон прозвучали выстрелы.

У Билла не было времени отвечать. Он слушал...

Перестрелка затихла. Оба дозорных приложили уши к земле. Через некоторое время донесся топот копыт и опять раздались выстрелы. За высоткой даже расплылись дымки. Послышался далекий крик.

– Теперь меня уже интересует, Билл, кто за кем гоняется, кто кому хочет состричь клоч волос.

– Видно, на этот раз волосы не наши.

Послышался еще выстрел, довольно далеко, но в настороженной тишине и он был хорошо слышен. Конский топот тоже стих где-то на северо-востоке от лагеря.

– За работу, люди! – раздался голос младшего инженера. – Наши коварные враги теперь заняты другим.

Мужчины поднялись неохотно, но ни один из них не послушался приказа. Молодой коренастый младший инженер был точно заряжен энергией, которая излучалась на всех. Легкий загар выдавал, что он сравнительно недавно в экспедиции, он больше других заботился о поддержании порядка. Джо Браун, руководитель, слегка улыбался, наблюдая рвение молодого человека. Этот зеленый юноша был очень кстати, но ему еще предстояло пройти все стадии зрелости. Прежде всего надо было осознать опасность, которая над ним нависла, затем – научиться хладнокровно преодолевать ее. Пока же юнец поддавался первому порыву.

Билл и Чарльз думали, как бы заснуть. Выстрелы больше не повторялись, и стука копыт даже их тонкий слух не улавливал. Все, кто хоть чем-нибудь мог помочь в разбивке трассы, находились в долине ручья.

– Засни хоть ты часок, – сказал Билл Чарльзу. – Потом я посплю. Вечером нас сменят. Сегодня, пожалуй, господам инженерам, окончив работу, придется поглазеть отсюда на окружающую местность. А с полночи мы их отпустим.

– Ну если так... – и Шарлемань, положив голову на руки, закрыл глаза и тут же громко захрапел.

Билл толкнул его в бок: нельзя же, чтобы в долине слышали храп. Шарлемань повернулся, закрыл рот и замолчал.

День прошел без происшествий. А когда солнце, коснувшись вершин Скалистых гор, закатилось, Джо дал свисток, и люди побросали работу. Была роздана еда. Солонина стала уже невыносима, но охотиться было некогда, да и небезопасно, и они ели то, что давали. Вода в ручье была затхлой и очень невкусной, вот почему все время спорили, не рыть ли на стоянках колодцы. С каждым днем ручей мельчал и назревала опасность остаться без воды.

– Что делают индейцы, когда иссякает вода? – спросил юный инженер.

– Разбирают палатки и едут туда, где есть вода, – ответил Джо Браун.

– Но это же дико!

Мужчины раскурили трубки, протянули ноги к огню: днем стояла жара, однако ночью в прерии было свежо.

Наступило время сменять Билла и Шарлеманя. Молодой инженер, которого звали Генри, попросил послать в дозор его. Никто больше не горел желанием нести охрану, и Джо решил, что он с Генри сам подежурит до полуночи.

– Будьте осторожны, сэр, – предупредил Шарлемань.

– Я побольше вашего имел дело с индейцами. – Джо был в скверном расположении духа, может быть, именно поэтому он и пошел в дозор с Генри.

Поднявшись на вершину холма, Джо Браун стал терпеливо объяснять молодому инженеру, как лучше найти укрытие, как важно обращать внимание и на шевеление травы, и на тени в долине.

Под влиянием наставлений Генри некоторое время с особым усердием прислушивался и наблюдал. Но скоро им овладели новые мысли. Он оглянулся.

– Что? – спросил Джо.

– Я думаю об исчезновении Тома. Как в авантюрном романе!..

– Который лучше читать у камина, чем принимать в нем участие!

– Поймите меня правильно, сэр...

– Пожалуйста, просто Джо.

– Я думаю: не пойти ли на розыски?

– А ты, пожалуй, не можешь пожаловаться на недостаток мужества, скорее оно у тебя в избытке.

– Надо поискать Тома. Он хороший парень. Он лучший из этих удивительных скаутов.

– Да, один из лучших, но слишком сентиментален. Такие, увы, и гибнут. Где же его искать?

– Ну, а если я завтра порыскаю по округе?

– Ах ты... блаженный. Не сходи с ума. Здесь кругом такие люди, такие люди... Эх, если бы я знал какие...

– Это те, что стреляли в прерии? Возможно, у Тома и была стычка, ружье ведь у него с собой...

– Да, но не лошадь. А те, что осыпали друг друга пулями, были на хороших конях. Может быть, впрочем, это не самое страшное. Хуже, когда индейцы применяют лук и стрелы. Стрелы – бесшумны. Ни звука, ни вспышки, ни дымка, а она уже сидит у тебя в шее. Ты делаешь последний вздох и – конец.

– Неужели нельзя договориться с индейцами? Мой отец...

– Твой отец, Генри... Я знаю, знаю. Но это было совсем другое поколение. Были индейцы – друзья на жизнь и на смерть. Таких теперь не сыщешь. Индсмены превратились

в босяков и торгашей. Ты слышал, как поступают пауни? Давай им оружие, или они оставят нас подыхать! А с дакота тут уж вообще никакой дружбы. Им бы только выгнать нас отсюда. Ну, хватит. Ночь. Если дакота услышит наш шепот, нам уже не нужно будет укрытия.

Джо замолчал, и Генри больше не начинал разговора.

Ночь была тихой. Ветер бесшумно клонил травы, от палаток доносился храп Шарлеманя. Все вокруг казалось вымершим. Пожар прерий в конце прошлого лета и песчаная буря, видно, выгнали отсюда животных. Сейчас, по весне нежная трава пробилась сквозь золу и песок.

Наступила полночь. Билл и Шарлемань, хорошо поспавшие несколько часов, были точны и пришли на смену. Джо и Генри сползли по склону холма и направились к палатке, в которой они жили. С ними жил и старый верный слуга Джо Брауна. Этот старик уже давно повсюду сопровождал его, носил вещи, заботился о куреве, еде, палатке, знал все привычки Джо. У старика был спокойный характер, и он неплохо стрелял. Джо привязался к нему.

Когда Джо и Генри вошли в палатку, очаг еще теплился. Этот очаг старик сделал по примеру индейцев в углублении земляного пола и огонь на ночь покрывал золой. Старик спал. Как верный пес он лежал поперек входа. Едва вошли Джо и Генри, он проснулся и доложил:

– Все в порядке.

Джо перешагнул через старика, но тут же отпрянул и замер, удерживая Генри левой рукой. Правой он схватился за револьвер. Но раньше, чем он выхватил оружие, перед ним выросли две темные фигуры.

– Руки вверх!

Инженеру ничего не оставалось, как поднять руки. Генри последовал его примеру: он стоял позади, но ничего не предпринял, опасаясь за жизнь Джо. Верный слуга, старик тоже лежал неподвижно: повернись он, и выстрелят в его господина.

— Что это значит? — крикнул Джо; он надеялся разбудить людей в соседней палатке, привлечь внимание дозорных.

Одновременно он пытался рассмотреть незнакомцев. Оба были большого роста. На одном — широкополая шляпа, другой — без головного убора. Несмотря на то, что на нем была пестрая рубашка, Джо определил, что это индеец.

— Хотим переговорить. Ничего больше, — ответил в полный голос незнакомец в широкополой шляпе: видно, он не боялся разбудить людей в палатках. — Мы устали и позволили себе здесь подремать. Опустите спокойно руки. Но не вздумайте нападать, ведь мы проворнее.

Джо и Генри опустили руки. Незнакомцы убрали револьверы.

— Дуфф! Огня! — крикнул Джо слуге.

Старик быстро поднялся и разжег огонь. Джо убедился, что не ошибся. У незнакомца без шляпы волосы были расчесаны на пробор и заплетены в косы. Это был индеец.

— Вы появились довольно неожиданно, — тихо сказал Джо, досадуя, что незнакомцам удалось пробраться, как раз когда он нес дозор; Джо даже не мог обругать своего верного слугу, так как и сам был в смешном положении. — И вы решили спать в моей палатке, что же вам нужно еще?

— Если разрешите, то остаться здесь до утра. Тогда и поговорим о дальнейшем.

– Где ваши кони?

– Где-то там и, к сожалению, убиты. Вы, должно быть, слышали вчера перестрелку?

– Да. Кто же вас собирался отправить на тот свет?

– Точно мы не знаем, но ясно, что это был дакота.

– Из какого рода дакота твой спутник?

– Теперь уже никакого. Был дакота.

– То есть как?

– Теперь он их смертельный враг.

– Хм... Интересно... Но об этом потом. Ну, если твой спутник что-то знает о дакота... у меня здесь две стрелы. Он мог бы посмотреть, что за знаки на них.

Джо кивнул Дуффу, и тот принес стрелу, которая воткнулась в шляпу, а также обломок стрелы с кусочком кожи. Все это Джо передал молчаливому индейцу, который взяв осторожно стрелы, стал их рассматривать со всех сторон.

– Ну? – настаивал Браун.

Индеец не торопился с ответом. Он еще и еще раз осмотрел стрелу и кусочек кожи. Потом обратился к своему юному спутнику:

– Союз Красных Оленей из рода Большой Медведицы. Голова коня – тотемный знак Тачунки Витко.

– Черт возьми! – воскликнул белый. – Вот видишь Топ, я был прав. Вот где он. Значит, мы у цели.

Джо с недоверием прислушивался к разговору и вдруг спросил:

– Отчего же вы у цели?

– Оттого, что хотим иметь дело с тем, кто является и вашим и нашим врагом.

– Но у нас нет никакого намерения уходить отсюда и тем более заниматься преследованием. Нам нужно работать.

Индеец сделал легкое движение рукой, прося слова. Возможно, это также был знак для его спутника в широкополой шляпе.

– Говори.

– Мой брат Фред и я, – индеец говорил тихо, но отчетливо, – мы не хотим навлекать опасность на белых людей. Доброй ночи.

Едва прозвучали эти слова, он и человек в широкополой шляпе, миновав обоих инженеров и Дуффа, выскользнули из палатки и исчезли, как щуки в омуте. Прежде чем оставшиеся собрались с мыслями, снаружи раздался топот копыт.

– Проклятье! Украл коней! – одновременно крикнули Джо и Дуфф и выскочили наружу, Генри – за ними.

Они подошли к коням и нашли лежащего в траве сторожа. Топот был уже едва слышен.

– Мерзавцы! Преступники! Сброд! Вот такие и болтаются вокруг.

Джо, Генри и Дуфф наклонились над пострадавшим.

– Нет, он только потерял сознание.

– Что случилось? – крикнул Билл с вершины холма,

– Башка у тебя дырявая, вот что, – огрызнулся в ответ Дуфф.

– Кто это ускакал?

– Черт и его бабушка!

Шарлемань спустился с холма и подошел к ним.

– Стрелять по всадникам?

– Если ты за пять миль попадешь в цель. Иди назад к Биллу и следи лучше. Двух коней, во всяком случае, у нас нет! И кажется... – Джо осмотрел табун, – как раз моего. Я это чувствовал. И нет коня Билла. Конокрады знают толк в лошадях.

Генри и Дуфф подняли оглушенного и понесли его в палатку. Пришел человек, который был кем-то вроде санитаря.

В лагере поднялась тревога. Люди спросонья выскакивали из палаток и спрашивали друг друга, что же произошло. Санитар и Дуфф осмотрели сторожа. Они установили, что его ударили по голове, вероятно рукояткой револьвера. Дуфф сказал, что он скоро придет в себя. Джо и Генри стало как-то легче.

Снаружи шумели. Палатка инженера распахнулась, и влетел разъяренный Билл.

– Мой конь исчез! Как назло – именно мой! Сатанинское наваждение! Откуда они взялись?

– Из моей палатки, – с железным спокойствием сказал Джо.

– Из палатки?.. Инженер! Да что это, у вас в палатке яйца, из которых вылупляются конокрады!

– Кто знает... Успокойся и поговорим. Ты знаком с Западом. Ты не слышал таких имен – Фред и Топ?

– Имя Фред я, конечно, слышал не раз, – насмешливо ответил Билл. – Мне что-то кажется, что некоторые получали его при крещении. Кажется, это даже христианское имя, сэр. А вот Топ? Откуда вы взяли этого Топа, позвольте полюбопытствовать, сэр?

– Не я его взял, а он сам ко мне пришел.

– Это... что-то... где-то... А как он выглядит?

– Метра два ростом. Пробор. Косы. Без раскраски. Клетчатая ситцевая рубашка, коричневые штаны и мокасины.

– Нет, Топ, которого я припоминаю, не носит ситцевых рубашек. А жаль, что это не он... А может быть, и хорошо.

– О ком, о ком это ты говоришь?

– Э-э, тот был вождем.

– Сейчас много бывших вождей. Вероятно, больше, чем правящих.

– Но не таких! Такие попадаются не часто. Такие, как он и Джим...

– Фред!

– А по мне все равно, пусть Фред Возможно, у него и десять имен. Оставим это, я иду обратно в дозор. Доброй ночи!

Билл вышел из палатки.

Санитар и Дуфф тем временем привели оглушенного в чувство. Он смотрел вокруг и никак не мог вспомнить, кто же ударил его по голове.

Билл снова лежал рядом с Шарлеманем на гребне холма.

– Какая-то неразбериха, – ответил Билл на вопрос напарника о том, что произошло в палатках. – Но о Топе и Фреде я завтра же утром узнаю поподробнее.

К концу ночи поднялся страшный ветер. Люди потуже затянули ремешки шляп на подбородках. Билл и Шарлемань с рассветом еще раз оглядели прерии, раскурили по трубке и, как только их сменили, отправились к инженеру. Он закончил распределение людей на работы, и дозорные

надеялись поговорить с ним, но ошиблись. Инженер сказал, что у него нет времени, и направил их к Генри.

Генри рассказал о событиях ночи. Он все еще был полон доверия к старым охотникам прерий. Они узнали от него и что сказал Фред. Узнали, что индеец был дакота, но порвавший со своим родом.

– Так это все-таки он! – воскликнул Билл так громко, что привлек внимание Джо и тот подошел к группе.

– Так кто же это «он»? – спросил инженер.

– О, это очень опасный парень. Я познакомился с ним в блокгаузе Беззубого Бена на Найобрэре. Он пытался убить и ограбить художника Морриса.

– Всевышний! – воскликнул Генри.

– Удивительно, – сухо бросил Джо. – Что за ценности были у Морриса, что его захотел убить индеец. Да и вообще такие штуки не приняты у индейцев.

Билл разозлился, так как тут у него самого было рыльце в пушку

– Удивительно! – заорал он. – Мало вам еще неприятностей от этого сброда, сэр. А Топ очень опасный преступник. Не лучше и его друг Фред или Джим, как его зовут на самом деле. У художника был мешочек с долларами. Это, знаете ли, привлекает бродяг. А они хотели купить себе оружие.

– Возможно. И что ты разволновался?

– А то, что мы еще легко отделались, лишившись двух лошадей. Могло случиться похуже. Это опасные пройдохи.

– Да, но они же враги дакота

– Конечно, дакота такие негодяи не нужны. Нет, не нужны, сэр, это точно. Остается только радоваться, что оба исчезли и что наши потери не так велики.

– Ты, может быть, и прав, Билл. Я их не знаю, и все же мне не хотелось давать им приют. А вообще-то было бы неплохо заполучить двух хороших парней.

Билл и Шарлемань пошли к ручью. Они уселись на берегу и стали доедать остатки солонины. Потом Шарлемань достал кусочек зеркала и принялся бритвой приводить в порядок свою козлиную бородку. При этом он делал страшные гримасы, и Билл с усмешкой посматривал на него.

Завершив не без успеха эту процедуру, Шарлемань, в свою очередь, прищурил глаза, молча уставился на Билла.

Билл заерзал под этим взглядом, поправил шейный платок и наконец спросил:

– Ну что ты? Мукой, что ли, меня посыпали, в перьях обваляли?

– Да вот... припоминаю... а может быть, мне это просто приснилось...

– С тобой все может быть.

– Так вот, будто попал я в блокгауз Беззубого Бена... этой весной. Снег уже начал таять – и мы сидели с тобой вечером под смоляными факелами. Ты помнишь? Сидели с тобой в углу?

– Ну, ну, как же.

– Было так уютно, тепло, а Бен подносил нам виски, и мы ели жареную медвежатину. Парни подвыпили и начали плести всякие небылицы.

– Да, да, так оно и было. Всякую чушь. – Билл вдруг смолк и помрачнел. – И отчего все это взбрело тебе в голову?

– Ты же сам заговорил о блокгаузе... Так вот, была

глубокая ночь. Кто-то рассказывал об индейском вожде, который знал пещеру с золотом. Вождь по пьянке разболтал о золоте – и его прогнали из племени. И случилось же, что вождь этот оказался тут же в блокгаузе, вместе с нами. Несколько крепких парней сразу навалились на него, связали. Хотели выпытать у него тайну пещеры. Но вскоре явился Джим и освободил краснокожего. Ясно, что Джиму улыбалось стать монополистом золотой пещеры. Только, видишь ли, индеец не собирался грабить художника Морриса. Он хотел защитить его от бандитов, но...

– Тебе так кажется?.. Глупости. Индеец хотел убить и ограбить художника.

– Эх Билл, Билл! В твоей голове, голове петушиного бойца – петушины бои, хоть ты и не пил еще виски. Зачем индейцу грабить, если он – хозяин золотой пещеры?

Билл так и вылупил глаза на Шарлеманя.

– А может быть, он ничего и не знает о пещере... может быть, люди все выдумали... понимаешь ты?

– Понимаю, понимаю. Ну, а если знает?

– Тогда, пожалуй, нужно бы приютить его. В благодарность этот краснокожий, возможно...

– Помолчал бы ты уж лучше со своими проектами. Нам этот сброд ни к чему. – Шарлемань потерял свою козлиную бородку. – Понимаю, понимаю, отчего это ты на него наворотил. Понимаю и молчу, потому что я твой друг. Молчу!

– Вот это-то я тебе и хотел посоветовать, Шарлемай, иначе ты можешь стать моим бывшим другом.

Билл поднялся. Шарлемань его раздражал. После беспокойной ночи хотелось спать, но не следовало попадаться

на глаза Джо, а то получишь какую-нибудь работу, а это совсем ни к чему. Наконец Билл нашел солнечное местечко, достал свое одеяло и растянулся, чтобы заслуженно, по его мнению, отдохнуть.

День прошел без новых происшествий. Но люди так привыкли к неожиданностям, что в самом спокойствии для них таилась тревога. Озираясь, они обменивались соображениями по поводу затишья, уверяли друг друга, что идет подготовка к новому налету на лагерь. Только вот – кто?.. С какой стороны засвистят стрелы?..

Один Джо оставался безразличным ко всяким такого рода предположениям. С прежним фанатизмом он требовал работы и работы. Он считал, что трасса, которую он прокладывал, лучшая, что это единственно возможная трасса для трансамериканской железной дороги. Скоро должно было начаться ее строительство. Честь инженера не позволяла ему из-за каких-то индейцев сворачивать работу.

К вечеру они настолько продвинулись, что инженер отдал приказ на следующий день разобрать лагерь и перенести его дальше на запад. В предвкушении перемен люди почувствовали себя увереннее и бодрее. Вечером у очагов уже рассуждали о преимуществах трансамериканской железной дороги.

Ночь прошла тихо. Когда наступил рассвет и подул свежий ветер, все вышли из палаток. Направились к ручью. Вода в последние жаркие дни текла еще медленней.

Билл стоял на берегу со стаканом в руках.

– Ну что ты там задумался? – спросил Шарлемань. – Поторопись. Надо поскорей разобрать палатку. Нам же выезжать на разведку!

– Знаю.

– Ну и что ж ты стоишь, точно тебя стукнули по башке.

– Посмотри на рыб.

– Каких рыб?

– Вон. Уже втораядохлая рыба.

Шарлемань насторожился.

– Верно! Ну и смех!

– Нет, это плохой смех... Плохой смех, я тебе говорю.

– А что... неужели ты думаешь...

– Думаешь?... Люди! – заорал Билл. – Не пейте! Не пейте больше! Вода отравлена! Рыбадохнет, плывут мертвые рыбы.

Все отпрянули от ручья.

– Проклятье! – крикнул Джо.

Генри рыгнул – и его от ужаса вырвало.

– Заканчивайте мытье! – приказал инженер. – Сейчас же сниматься. Посмотрим, далеко ли протянулся район мертвых рыб.

Хорошее настроение пропало. Люди поспешили разобрать палатки. Инструмент был еще с вечера упакован, поэтому лагерь свернули быстро, и через полчаса экспедиция пришла в движение.

Всадники направились вверх по течению. Высокие берега позволяли отряду двигаться скрытно, однако они же и ограничивали видимость.

Билл и Шарлемань, едущие впереди, поднялись на высокий, опаленный солнцем берег. Перед ними простиралась покрытая песком и золой прерия. Билл, лишившийся своего коня, ехал на одной из выючных лошадей. Животные едва переступали ногами, точно уже с самого утра устали.

В долине ручья, где двигалась экспедиция, поднялся шум. Доносились проклятия. Билл и Чарльз направили своих спотыкающихся коней вниз, в долину.

Лошади одна за другой ложились на землю и корчились в судорогах. То же происходило и с людьми. Это было признаком опасного отравления. Санитар, который чувствовал себя не лучше других, ходил от человека к человеку и давал рвотное. Никто не имел понятия, что это был за яд.

Продвигаться дальше было невозможно. Хорошо себя чувствовали только Билл, Шарлемань, Генри, которого вовремя вырвало, и Джо. Тот, услышав предупреждение Билла, даже не подходил к воде.

Джо раздумывал, не послать ли ему нарочного назад, в главный лагерь за подкреплением. Но только четверо были на ногах. Пришлось бы оставить без помощи пострадавших. Нет, не в его характере было покидать место происхождения. Билл и Шарлемань согласились с ним, что большой переход пешком тоже таил много опасностей.

Проклятия стихли, так как они не приносили облегчения. Лучше никому не стало. Билл и Шарлемань сидели рядом, покуривая трубки.

— Если не отравился, так умрешь от жажды. Неужели нельзя вырыть колодца? — сказал Билл.

— В песке-то? А где найдешь бревна для сруба? Безнадежно. Нет, мы не будем рыть колодец, мы направимся вверх по течению. Чтобы отравить ручей, даже такой маленький, нужно немало яда. Они, вероятно, отравили только небольшой участок, около лагеря.

— Да, о таком дакота раньше никогда не помышляли.

– Они научились этому, Билл.

– Возможно, Чарльз. Старый жрец из рода Медведицы, без которого тут, видно, не обошлось, весной, год тому назад, был у нас...

– Жрец здесь, жрец – там. Попробуем-ка мы с тобой пробраться вверх по течению и посмотрим, где же кончается участок мертвых рыб.

– Сейчас?

– Лучше сейчас. Скажем Джо. Может быть, это и не так далеко.

Инженер согласился, Билл и Шарлемань отправились в путь. Им обоим, да и Джо с Генри, тоже было нелегко, хоть они и не пили отравленной воды. Все четверо знали, что индейцы нападут если не днем, то ночью.

МАТЬ ВОЖДЯ

Матотаупа и Фред на чужих конях неслись галопом по ночной прерии. Каждую минуту они могли ждать встречи с врагами, от которых с трудом спаслись. Когда они отъехали достаточно далеко, стало ясно, что из лагеря их никто не преследует. Они остановились на возвышенности, оставили в низинке стреноженных коней, сами же спрятались в траве. Их глаза были острее, а уши более чуткие, чем у Билла и Шарлеманя, и никому не удалось бы подобраться к ним на расстояние выстрела даже в ночной тьме.

Стало светать. Фред посмотрел на Матотаупу. «Что дальше?» – говорил его взгляд.

– Тачунка Витко вероятнее всего в палатках рода Медведицы, – прошептал Матотаупа. – Я проберусь к па-

латкам, может быть, мой томагавк и найдет Тачунку Витко, как в прошлое лето моя стрела настигла Старую Антилопу.

– Топ, но ведь это же безумство.

– Я должен отомстить, а не ты.

– Если ты хочешь сказать, что мне не надо идти с тобой, – хорошо. Я буду ждать тебя в блокгаузе Беззубого Бена.

– Неужели нет другого места?

– Бен – подлец, это я знаю, однако ни тебе, ни мне он ничего не сделает. Но там болтаются люди, у которых можно узнать кое-какие новости.

– Как хочешь.

– Договорились. Я сейчас же отправляюсь.

– Возьми и моего коня.

Фред сполз по склону, взял коней и быстрой рысью поскакал на северо-восток. Матотаупа продолжал вести наблюдение. Оружие было при нем – обоюдоострый нож, стальной томагавк, револьвер, двустволка. Костяной лук – подарок вождя сиксиков – он не взял с собой, когда поехал на фабрику старого Абрахама. Лук остался в палатках черноногих. Кожаное одеяло и кожаную индейскую одежду Матотаупа потерял вместе с конем. Из провианта у него был только небольшой мешочек с пеммиканом⁷, немного табака. Полотняная рубашка его раздражала. Враги из племени дакота узнали его и в рубашке, – значит, и для маскировки она не годилась. Он с юности привык бороться обнаженным и бросил рубашку.

Целый день Матотаупа провел на высотке; он съел

⁷ Пеммикан – сушеное, растертое в порошок мясо, смешанное с жиром.

щепотку пеммикана, пожевал зернышки трав. С наступлением вечера он поднялся.

Днем не было видно ничего подозрительного, и он без особой осторожности бегом направился к знакомому ему летнему лагерю рода Медведицы у Лошадиного ручья.

Уже к полуночи Матотаупа рассчитывал достичь палаток рода. Там наконец-то он встретит Тачунку Витко! Хотелось ему, конечно, увидеть мать и свою дочь. Но этому чувству он не позволял разрастаться, ведь возвращение к сиксикам было теперь невозможно, и ему некуда было брать Уинону. Выношенный когда-то план рухнул.

Все время прислушиваясь и наблюдая, Матотаупа бежал, петляя между холмами. Солнце закатилось. Взошла луна. И он стал избегать мест, освещенных луной.

Дакота был, как и все его соплеменники, хорошим бегуном на большие расстояния. Он бежал равномерно, без остановок, дыхание его не сбивалось. Метнулась мимо сова. Стайка индюшек кучкой лежала на его пути – Матотаупа обошел их, чтобы не испугнуть: встрепёнувшиеся среди ночи петухи могли предупредить врага.

Вскоре он узнал очертания небольших холмов у Лошадиного ручья. А вот и долина. Бесшумно струились воды ручья, поблескивая в свете луны. Матотаупа остановился. Пахло водой. Темной лощинкой он скользнул к самому берегу, измученный жаждой, лег на песок и длинными глотками потянул в себя воду. Потом погрузил в нее руки, и ему стало так хорошо, как будто эта вода – близкое живое существо, приветствующее его на родине. Наступила полночь, когда он под прикрытием прибрежного кустарника прополз к окраине лагеря.

Палатки стояли здесь, как и ожидал Матотаупа, но, увидев их перед собой, он даже вздрогнул, точно от страха.

Типи – круглые кожаные палатки – были бесцветны в свете луны. От них тянулись длинные тени. Матотаупе казалось, что он различает трофейные шесты перед палатками, видит на них знаки военных и охотничьих подвигов. И только свою собственную палатку, палатку, в которой он, военный вождь, жил со своей матерью, с детьми и женой, он еще не мог различить. Она обычно стояла посреди лагеря, и, видимо, ее скрывали другие палатки.

Матотаупа знал, где должны располагаться дозорные. Еще будучи вождем, он установил определенный порядок и был уверен, что при соблюдении некоторой осторожности можно пробраться в лагерь незамеченным.

Матотаупа медленно, как змея, пробрался по заросшей травой земле, и вот он уже на месте, откуда можно спокойно вести наблюдение.

Он залег, так как услышал с юга топот копыт. Матотаупа приник ухом к земле и понял, что скачет всего один всадник. Топот быстро приближался. Человек не таясь подъехал к поселку. Матотаупа оставался в своем укрытии. Скоро всадник оказался неподалеку от Матотаупы, и его озарил слабый свет луны. Это был индеец, дакота, худощавый, как любой молодой воин. Он что-то крикнул, и с высоты к западу от поселка, а также от табуна крикнули в ответ. Значит, выставлено двое дозорных, а на холме, у подножия которого находился Матотаупа, – никого.

Как можно быстрее он стал продвигаться по лощинке на высоту. Дозорные, ответившие на крик, все внимание обращали сейчас на всадника. Это был удобный момент

для Матотаупы. С возвышенности лагерь был хорошо виден, и можно было рассмотреть все, что там происходит. Всадник направил коня к табуну и только там спрыгнул с него; дозорный позаботился о животном. Молодой всадник поспешил к палаткам. Теперь Матотаупа узнал юношу – это был Четан, друг Харки, вожак союза Красных Перьев. Открылась палатка жреца, стоящая посередине поселка между большой палаткой совета и палаткой вождя, в которой когда-то жил Матотаупа. Да, да, несмотря на слабый свет, Матотаупа различил на соседней палатке большой четырехугольник – символ четырех стран света. Значит, это его палатка. В этой палатке он родился, с этой палаткой он странствовал, перед этой палаткой по-прежнему стоял шест с его охотничьими и военными трофеями.

Из палатки жреца появилась тощая фигура старого Хавандшиты. Это он обвинил Матотаупу в предательстве и добился изгнания вождя! Матотаупа справедливо считал его виновником всех своих бед и несчастий, но никогда в его мозгу не возникало мысли отомстить жрецу.

Четан почтительно приветствовал жреца. В это время открылась другая палатка, стоящая несколько в стороне, и вышел мужчина, вид которого удивил Матотаупу. Мужчина был среднего роста. Длинные волосы закрывали уши. У него была большая борода. А одежда – кожаные штаны, как у белого охотника прерий, и мокасины, как у индейцев. Видно, он только что оделся и на ходу затягивал ремень. Быстрыми шагами он прошел через лагерь и остановился перед Хавандшитой и Четаном.

По-видимому, больше мужчин в лагере не было. Ведь если сообщение Четана очень важно, а это было именно

так, потому что сам жрец вышел среди ночи из своей палатки, то, конечно, вышли бы все воины, если бы они были дома.

Человек с бородой говорил в тишине ночи так громко, что Матотаупа без труда мог его слышать.

– Отравлены? – с ужасом воскликнул бородатый. – Но дети мои, как можно быть такими варварами, такими бессердечными! Люди ведь только выполняли договор, хотели что-то заработать. О, несчастные!

Четан ответил ему громче, чем говорил до сих пор:

– Том Без Шляпы И Сапог должен сначала подумать, а потом говорить. Эти люди пришли на нашу землю, не спросив нас. Они прогнали бизонов, которыми мы живем, а если мы требуем своего, они стреляют в нас. Если они говорят о нас, то называют нас «проклятыми собаками». Их не беспокоит то, что голод ждет наших женщин и детей. Они хотят нас изгнать, уничтожить. Вот почему мы боремся против них, вот почему убиваем их, не дожидаясь, пока они убьют нас. Том живет в наших палатках, и он должен научиться думать и поступать, как краснокожие люди. Или он снова хочет быть нашим пленником?

– Боже спаси! Вы ко мне хорошо относитесь. Я хочу помогать вам в охоте, я хочу, чтобы трудолюбивая вдова Шешока была моей женой. Я даже взял в свою палатку ее сына Шонку. Я хочу оставаться вашим верным другом. Но я же христианин, я молюсь на крест, и если происходит умерщвление людей при помощи яда!.. О, вы должны понять... Я не могу даже сдержать слез. Я всех их знал: и Джо, и Генри, и Билла, и Шарлеманя... Боже мой! Впрочем, петушиный боец Билл – исключение, он лучшего не заслужил. Но юный Генри!..

– Ты христианин, Том Без Шляпы И Сапог. Почему ты держишь у себя в палатке изображение человека, распятого на кресте? Зачем ты каждый день стоишь перед этим изображением и разговариваешь с ним? Зачем вы, белые люди, празднуете свою победу над этим человеком на кресте? Что он вам сделал? Он убил ваших воинов? Он заставил голодать ваших женщин и детей?

– О всевышний! Нет, нет! Он...

– Что же он? – раздался голос Хавандшиты.

– Он проповедовал мир и любовь. Он благословил хлеб наш!..

– И за это его убили?

– Но это не мы.

– Кто тогда? Может быть, мы?

– Ну что вы, нет! Все это очень сложно. Я так быстро не могу объяснить. Он принес себя нам в жертву, а что такое жертва – вы знаете.

– И что же? Вы хотите сохранять любовь и мир? Или нет? – спросил Четан.

– Я, конечно, хочу. И, несмотря на это, все время стреляют. Я не могу понять, почему это происходит. Это просто проклятье...

– Итак, вы будете продолжать убивать, а мы не должны защищаться?

– О боже! Я знаю, что вы правы, конечно, вы правы.

– Ну, если ты так думаешь, то я могу тебя успокоить. Джо, Генри, Билл и Шарлемань остались живы. Мы только отняли у них оружие, сняли с них одежды и сказали, чтобы они убিরались туда, откуда пришли.

– О всемогущий!.. Да это замечательно! Ну а остальные?

– Остальных мы застрелили, чтобы они не мучились.

Том закрыл лицо руками. Он покинул площадку и вошел в свою типи. Скоро он появился снова и, видимо, пошел сменять дозорного у коней.

Старый жрец кивнул Четану и направился с ним к себе. Вероятно, он хотел услышать более подробное сообщение. Пока они шли, он задал юноше еще несколько вопросов, которых Матотаупа не расслышал, но ответ Четана, который говорил громче, чем обычно, он разобрал:

– Тачунка Витко и другие воины, – объяснил юноша, – вернутся только к рассвету. Тачунка сразу же направится к своим палаткам, на север, так как борьба с белыми здесь закончена.

Хавандшита и Четан скрылись в палатке жреца.

Из этого разговора Матотаупа понял, что Шешока и ее сын Шонка, которые жили в палатке Матотаупы после гибели его жены, теперь живут в палатке Тома, Тачунка Витко вернется только к утру и сейчас же уедет.

Кто же опекает палатку Матотаупы, кто обеспечивает пищей его семью: мать Унчиду, его дочь Уинону, малыша Харбстену? Об этом никто не говорил. Но перед палаткой Матотаупы все еще стоит шест с его трофеями, и, значит, другой воин туда не вошел. Вероятно, разные семьи заботятся о матери Матотаупы и его детях.

И Матотаупа решил пробраться в палатку матери.

Это было безумством, но для изгнанника жизнь потеряла цену. Она была для него не более чем пустяковая ставка в игре ради встречи с матерью. А Унчида была необыкновенной женщиной. Спокойная, умная, владеющая тайнами врачевания, – словом, самая уважаемая женщина

поселка. И с тех пор как его изгнали старейшины, Матотаупа не смог с ней перемолвиться ни словом.

Унчида – это его совесть! Что думает она о нем, своем сыне?

Он решил побывать у матери, а утром снова спрятаться и тайно последовать за Тачункой Витко, чтобы заставить навсегда замолчать оскорбивший его язык.

Незамеченным он перешел ручей, миновав крайние типы, выпрямился во весь рост и спокойно пошел через площадь к своей палатке, так, как если бы она ему по-прежнему принадлежала.

Он открыл ее и вошел.

Внутри палатки было темно, слышалось дыхание спящих. Привыкшие к темноте глаза при слабом свете прикрытого очага различили детей и мать.

Дети продолжали спать, но мать Матотаупы, сон которой был чуток, проснулась. Она встала, не торопясь набросила на себя кожаное одеяло, спокойно подошла к очагу и слегка пошевелила уголья. Когда она подняла глаза, перед ней стоял Матотаупа.

При слабых отблесках огня сын смотрел на мать. Волосы ее стали совсем седыми, хотя она еще не видела и пятидесяти солнц. Она была худа, ее щеки провалились, глаза, казалось, стали еще больше, и в неподвижном взгляде ее виделось глубочайшее горе.

– Мать.

– Мой сын.

Матотаупа не находил слов, хотя знал, что долго оставаться здесь не может. Горло схватила спазма, и мать это почувствовала.

– Матотаупа, кого ты искал?

– Тебя.

– Меня?

– Да тебя.

– Что ты хотел мне сказать?

Только теперь изгнанник сумел найти нужные слова.

– Мать, я невиновен. Я никогда и никого не предавал. Я хочу это доказать. Что нужно сделать, чтобы мне поверили?

Женщина плотно закуталась в кожаное одеяло. Теперь, видимо, ей было трудно произнести ответ. Ее губы пересохли. Она приоткрыла было рот и снова закрыла. Наконец к ней вернулся голос.

– Матотаупа, есть один путь, один-единственный.

– Мать, есть путь?!

– Один-единственный.

– Говори! Говори!

– Убей того, кто тебя обманул. Принеси нам скальп Рэда Джима.

Матотаупа ужаснулся. Он молчал.

– Мой сын, убей! Принеси скальп на собрание старейшин!

– Мать! – почти беззвучно, словно выдохнул Матотаупа, но в тишине это прозвучало для женщины воплем отчаяния. – Только не это. Он так же невиновен, как и я, и он стал моим братом.

Женщина опустила веки.

– Он твой враг, Матотаупа, и он будет твоим убийцей! Убей его и возвращайся!

– Я никогда не был предателем, мать! Я не буду предателем и моего белого брата, Рэда Джима.

Женщина больше не отвечала. По ее телу прошла дрожь: так дрожит дерево под ударами топора.

– Мать...

Женщина молчала. Ее руки похолодели, как в ту ночь, когда Матотаупа покинул палатку и Харка последовал за ним.

– Где Харка?

– У сиксиков. Там он станет великим воином.

– Врагом дакота!

– Да! – крикнул Матотаупа так, что дети зашевелились в постелях.

Уинона открыла глаза.

Мать и сын стояли друг против друга.

– Это твой единственный путь, – прошептала женщина. – Возвращайся к нам...

– Замолчи! Не смей повторять! Вы хотите сделать меня койотом, предателем! Я никогда не был и не буду им!

Мать сникла. Она ничего больше не слышала и не видела – ни сына, ни вспышек пламени в очаге. И она, и Матотаупа словно отгородились от мира и не слышали, что происходит вокруг них, они вслушивались только в самих себя, видели только друг друга. Они не слышали топота коней, негромких голосов, и оба вздрогнули, когда откинулся полог палатки. Молодой стройный воин вошел, выпрямился и встал у очага. Это был Тачунка Витко.

Матотаупа повернулся, и они впились глазами друг в друга.

Мать неподвижно стояла у очага. Угли светились ровным огнем. Уинона не двигалась на своем ложе, но ее широко открытые глаза были устремлены на отца.

– Не здесь, – наконец сказал Тачунка Витко. – Выйди вон!

Матотаупа даже не сразу уловил значение этих слов. Кровь стучала у него в висках, сбивала мысли, притупляла слух. И он уловил только последнее слово, дошедшее до его сознания: «Вон!»

«Вон» из своей собственной палатки!

«Вон» от матери!

«Вон» от детей!

«Вон» из поселка!

«Вон» из памяти друзей!

Отчаяние овладело им. Матотаупа схватил двустволку и размахнулся, чтобы раздробить череп Тачунки Витко. Приклад просвистел, но Тачунка успел уклониться, а сам Матотаупа потерял равновесие и покачнулся. И в то же время сильные руки Тачунки Витко обхватили его ноги. Матотаупа упал, как дерево, глухо ударившись о землю. Он тут же был скручен лассо и рванулся было в безумном порыве, но поздно...

Молча и не шевелясь лежал он вниз лицом. Глаза Матотаупы были закрыты, вокруг него было темно. Его голова болела, а члены, перетянутые лассо, постепенно немели. Его уши не хотели слышать, а глаза видеть. Он сам не знал, как долго он лежал, и вдруг что-то произошло. Были произнесены тихие слова, легкие ноги прошуршали по шкуре, лежащей на земле...

Вода освежила его лоб. Рука, которую он ощутил на лице, была легкой и мягкой. Матотаупа думал, что все это сон. Он думал о своей дочери Уиноне, которую он так хотел видеть рядом с собой и которую он не мог увезти. Он

продолжал лежать с закрытыми глазами, не желая спугнуть эти мысли. Но вот ослабло лассо, и он смог пошевелить руками. Он поднял голову и увидел свое дитя.

– Отец, скорее! Тачунка и Унчида вызваны в палатку жреца. Но долго они там не пробудут. Харбстену я выслала из палатки. Беги скорей, иначе тебя убьют.

Матотаупа поднялся. Он искал глазами свое ружье, но его не было. Тачунка забрал его. Угловатым движением точно рука его была парализована, он погладил по волосам Уинону.

– Бедная девочка, – сказал он сдавленным голосом. – Харка думает о тебе. Когда я буду мертв, он может взять тебя к сиксикам. Ты знаешь, что он у сиксиков?..

– Отец, скорее! Беги!

Матотаупа сжался.

– А ты?

– Меня охраняет Унчида.

Матотаупа схватил лассо, которым был связан, и хотел свернуть его в клубок, но руки не подчинялись ему... Он поймал полный страха взгляд Уиноны.

Матотаупа выскользнул из палатки, и ноги понесли его к коням. Даже в темноте он сразу различил своего лучшего мустанга. Не было ножа, чтобы перерезать путы на ногах коня, а пальцы не повиновались. Тогда он опустил на землю и зубами попытался развязать путы. И тут к нему спокойно подошел дозорный. Это был бородатый Том, который теперь стоял у коней. Он, видимо, не знал того, что произошло в палатке Матотаупы, и принял его за одного из воинов, который приехал вместе с Тачункой Витко.

– Снова уезжаешь? – безразлично спросил он. – Подожди, я помогу тебе, – и он снял путы с коня.

– Хау, – ответил Матотаупа, – снова уезжаю. – И его собственные слова кололи сердце.

Он вспрыгнул на коня и галопом понесся в прерию. Его беспомощные руки не мешали скакать, так как индейцы управляют конем шенкелями. И пока Матотаупа гнал коня по тому же пути, которым пришел в лагерь пешком, все еще было темно.

Спустя какое-то время он услышал топот. Это, видимо, были преследователи. Он стал поторапливать коня ласковыми словами и горячить его громкими криками. Он ударял коня пятками по бокам. Мустанг любил своего хозяина, который поймал его и заставил служить себе. Он несся, точно за ним горели прерии, бежал, словно спасая собственную жизнь. Топот преследователей не становился громче и скоро начал даже стихать. Мустанг Тачунки Витко не был плох, но конь, на котором ехал Матотаупа, давно отдыхал и был свежее. Так без труда была выиграна скачка за жизнь.

Когда вспотевшее, с ходящими боками животное перешло на шаг, преследователей было не слышно.

Скоро Матотаупа соскочил с коня и оставил его в долине – он знал, что животное никуда не уйдет, – сам же поднялся на высотку, ту самую, с которой вместе с Рэдом он недавно вел наблюдение. Лучи восходящего солнца заиграли над прерией. Было тихо.

Матотаупа опустил на землю и прижался к ней лицом. Он не хотел больше видеть света, не хотел видеть бесконечной прерии, потому что ему снова пришлось покинуть родину. И он ушел не понятый своей матерью, побежденный тем, кому хотел отомстить, освобожденный

маленькой девочкой. Имеет ли право такой человек жить на свете? Человек, который достоин насмешки и презрения каждого! Сердце Матотаупы едва билось, усталость овладела им, и он заснул.

Что разбудило его, он понял не сразу. Что-то едва тронуло его слух. Потом мустанг ткнул его мордой, сначала слабо, потом сильнее. Матотаупа открыл глаза, и его ослепило высоко поднявшееся солнце. И тут он понял, что слышит голоса, слабые голоса изможденных людей. Их было четверо, бородатых, лохматых, совершенно нагих. Они обступили его следы и о чем-то спорили.

Матотаупа поднялся из травы и закричал:

– Хи-йе-хе! Хи-йе-хе!

Люди воспрянули, подтянулись, замахали тощими руками. Продолжая кричать, они, спотыкаясь, направились к холму, на котором их ждал Матотаупа. Он поднял руку, чтобы люди лучше видели его. Их шатало из стороны в сторону, они смеялись и выли, словно сошли с ума.

Наконец они добрались до подножия холма. Один из них тут же попытался схватить мустанга, но не рассчитал. Животное начало кусаться и бить копытами. Человек, который и вообще-то, видно, никогда не имел дела с лошадьми, от страха и слабости упал на траву.

Матотаупа спустился с высоты навстречу людям, а они бросились к нему и пытались, перебивая друг друга, о чем-то его расспрашивать, как будто они и на самом деле потеряли рассудок.

– Джо, Генри, Билл и Шарлемань! – сказал индеец. – Я проведу вас к блокаузу Беззубого Бена. Вы будете подчиняться мне. Я сказал, хау!

– Он знает наши имена! Дьявольское счастье! Он знает нас! Человек! Индсмен! Э-э!

– Я Топ. Теперь замолчи, Петушиный боец – Билл. Я однажды тебя и твоих людей уже вывел из пустыни. А вы – связали меня. Поберегись, кровавый Билл!

– Но брат... Мой дорогой...

– Заткни глотку!

Индеец подошел к Генри, силы которого были на исходе, взвалил его на мустанга, сел на коня и повел обессиленных людей.

Пять человек, напрягая все силы, пытались добраться до Найобрэры, а в это время в блокгаузе Беззубого Бена шли разговоры о гибели экспедиции, прокладывающей трассу железной дороги. Никто толком ничего не слышал, но если встречались охотники, разведчики или торговцы, сейчас же начинался разговор об экспедиции.

Блокгауз Беззубого Бена был на южном берегу Найобрэры, в стороне от тех мест, где предстояла постройка трансамериканской магистрали. Здесь было сравнительно безопасно, но сенсационные новости, несмотря на расстояния, стекались сюда со всех сторон. Торговля виски в темном, освещенном лишь смоляными факелами помещении блокгауза шла вовсю. Бен – хозяин – жадно прислушивался к речам гостей и тут же пересказывал новости другим, с новыми подробностями, сообразуясь с предполагаемыми вкусами слушателя.

И вот вечер в блокгаузе. Запах сивухи, табачный дым, бесконечные разговоры. За столом в левом углу, за тем самым столом, о котором вспоминал в дозоре Шарлемань, сидел небольшой человечек. Черные растрепанные волосы

его падали на лоб. Он уже порядочно выпил. Его руки дрожали, и, хватая очередную кружку, он расплескивал виски. Однако мысли его были ясны.

– Где же пропадает Рэд Джим? – крикнул он хозяину.

– Вечер длинный, придет, – буркнул Беззубый Бен; года два назад, во время восстания дакота на Миннесоте, ему выбили чуть не все зубы, с тех пор его называли Беззубый.

Прошло с полчаса, прежде чем появился тот, кого ждали. Он громко хлопнул за собой тяжелой дубовой дверью, осмотрелся, нетерпеливо оттолкнул попытавшегося подойти к нему пьяного неряху и направился к Бену.

– Топа все еще нет? – спросил Джим, он же Фред.

– И сам не слепой, ищи!

– А я и не знал, спасибо за совет.

Джим вышел из дому, подошел к загону с лошадьми, осмотрелся. Он еще не решил, что ему предпринять. Найти в прерии индейца – все равно что поймать какого-нибудь комаришку, который по крайней мере жужжит и не прячется. Джим решил, что лучше всего ждать там, где они договорились.

Перед тем как появиться в блокгаузе, Джим расстался со своей черной крашеной бородой и ходил бритым, каким его здесь и знали. Он не боялся в глуши Небраски полиции из Миннесоты, да и совершенное им в Миннеаполисе преступление было не так уж и велико. Шевелюра у Джима была потешная: черные его волосы ближе к корням становились ярко-рыжими. Однако в зеленовато-серых глазах проглядывала злоба. Ожесточали выражение его лица и узкие губы, и приросшие мочки ушей. Его энергия и сила, которым соответствовали и резкие движения, многим были не по нутру.

Джиму не хотелось спать, не было и желания выпить. Он шатался по берегу реки, рассматривал звезды, подставляя ветру непокрытую голову. Не устроиться ли в железнодорожную компанию возглавить разведчиков изыскательской партии?.. Теперь, когда ушедший на запад отряд уничтожен, можно заработать лучше, чем обычно...

Большими прыжками он взбежал на песчаный холм, который вдавался в долину Найобрэры южнее блокауза. Там он улегся и стал обозревать окрестности. Лето было очень жаркое, земля так прогрелась, что утомленному человеку приятнее было провести ночь на лоне природы, чем в душном блокаузе.

Итак, он лежал на холме с ружьем в руках, хотя вблизи блокауза не было оснований ждать нападения. Он раскурил трубку. Задуманная Матотаупой месть в его глазах была не более чем сентиментальность, к которой так склонны индейцы. Глупости все это, и из-за них Топ может погибнуть, прежде чем... Злость настолько овладела Джимом, что отпало всякое желание спать.

Вскоре внимание Джима привлекли какие-то звуки. Он не мог еще точно определить – какие и даже подумал, не игра ли это воображения, вызванная размышлениями о Матотаупе. Но Джим обычно не ошибался, а по чуткости, наверное, не уступал диким зверям. Сирота, выросший в лесу у дровосеков, он с детства был окружен врагами и опасностями. Приемные родители были для него немногим лучше врагов. Его били и унижали до тех пор, пока он сам не стал таким большим и сильным, что смог бить и унижать других.

Нет, он уже не сомневался – стук лошадиных копыт. И

все ближе и ближе. А вот доносится разговор, какие-то выкрики. «Там белые, – сказал себе Джим. – Конечно, белые. Такого идиотского шума индейцы не поднимут. И они чем-то возбуждены. Посмотрим...»

Он спустился с холма. В темноте уже можно было различить людей. Они приближались. Три тощих человека еле переставляли ноги, спотыкались. Четвертый сидел на отличном мустанге, которого вел индеец.

Джим даже попятился: он узнал индейца.

– Топ! То-о-оп! – крикнул он во весь голос.

Люди остановились. Индеец повернул голову и крикнул в ответ:

– Джим! Мой белый брат!

Джим с ружьем в руках побежал навстречу. Он с удивлением увидел, что отошавшие спутники Матотаупы к тому же совершенно голы.

– Что за привидения ты отыскал?

– Экспедицию, – сказал индеец.

– Это все, что осталось? И ты – в роли спасителя! Великолепно!

Джим увидел, что и у его друга нет оружия. Но мустанг был отличный. Джиму даже показалось, что он уже где-то видел этого коня. Да, с ними случилось что-то потрясающее. Но Джим не стал расспрашивать: он знал обычаи индейцев, надо было считаться с Топом. Не говоря ни слова, он повел всех к блокаузу.

У палисада юного Генри с трудом сняли с коня и поставили у забора, чтобы не упал. Затем Матотаупа завел мустанга в загон и вместе с Джимом повел четверых изможденных людей в блокауз.

Едва они показались в помещении, наступила мертвая тишина. Бен был первым, к кому вернулся дар речи:

– Люди! Дети!.. Нет... Сейчас же виски! Ты платишь, Джим?

– Как и всегда, старый мошенник!

– Кровосос ты, рыжий черт! Ну все равно я запишу на тебя и твоих гостей.

– Вот на это я согласен.

Джо осмотрелся и обнаружил, что на его обычном месте, за столом налево от входа, в углу, все еще сидел, положив голову на руки, неряшливый человечек.

– Прошу, господа... Сейчас я достану вам штаны и одеяла.

– Я думаю, – сухо сказал Джим.

Матотаупа инстинктивно выбрал место у стены, которая могла бы служить защитой с тыла. Джим сел на скамью рядом с ним. Около них опустились спасенные. Маленький человек приподнял голову, глянул, но тут же снова заснул.

Джим еще раз посмотрел на четырех белых и покачал головой:

– Да, индейцы, кажется, поработали. Мне думается, теперь без карательного отряда не обойдется. Конечно, как только кончится гражданская война.

Матотаупа посмотрел на него. Но тема не получила продолжения, так как появился Бен с кружками и кувшином виски. Потом он извлек из большого, тяжелого, надежно запертого сундука одеяла и набросил их на полумертвых людей. Посетители из-за соседних столов уставились на пришедших.

Джо первый схватил кружку. Джим быстро налил ему. Затем он обернулся к Матотаупе.

– Что у тебя с руками? Тебе надо их вправить!

– Хау.

Для Джима, при его медвежьей силе, это было одно мгновение. Лицо индейца даже не дрогнуло. Он почувствовал огромное облегчение.

– Как с медвежьим окороком? – спросил Джим хозяина.

– К сожалению, больше нет. Бизонья вырезка!

– Согласен. Поторапливайся. Особенно не жарь, если, конечно, бизон не столетний!

Джо опрокинул уже четвертую кружку виски.

– Будь благоразумен, – сказал ему Джим. – Завтра можешь снова напиваться, а сегодня при твоём состоянии это тебе может стоить жизни.

Джо ответил сумасшедшим хохотом.

– Готов, – сказал Джим, пожав плечами.

Матотаупа неподвижно сидел на скамейке. Бен поставил кружку и перед ним, но Джим не наливал индейцу. Матотаупа очень исхудал, его коричневая кожа приобрела нездоровый серый оттенок, и в выражении лица была какая-то боль, растерянность. Он напоминал мертвеца. Джим посматривал на индейца с тревогой: как бы не потерять его.

Высохший словно мумия инженер все больше и больше привлекал внимание Топа. Особенно изумил его этот хохот после второй кружки виски.

– Что за человек? – спросил он Джима.

Джим не нашелся что ответить, но Шарлемань услышал вопрос. Долговязый охотник прерий лучше других перенес лишения, только борода его стала клочковатой и потеряла форму.

– Джо слишком сильно горел. Его спалило честолубие,

да и все остальное. Теперь он конченный человек. Если ты хочешь знать, что с ним произошло, надо только посмотреть на него как следует.

– Хау, – ответил индеец и после некоторого раздумья повторил: – Конченный человек...

На лице Джо появилась улыбка, превратившаяся в гримасу.

– Но мы еще придем, – пробормотал он. – Мы еще придем. Мы сюда все равно вернемся! – Тут он посмотрел на Топа, перед которым стояла пустая кружка, наполнил ее; руки его тряслись, он проливал вино на стол, но налил и себе. – Будь здоров!

Джим следил за этой сценой.

На губах Матотаупы появилась такая же болезненная улыбка, как и у Джо, полная презрения к самому себе и ко всему свету. Он поднял кружку.

– Будь здоров!

Оба выпили.

– Может быть, мы и сдохнем, как предсказывает Джим... – проворчал Джо, он потерял равновесие и чуть не повалился на лавку. – Лучше не думать, Топ, это лучше... – И голова его упала на стол.

Матотаупа откинулся к стенке. Он очень устал, а к алкоголю не привык. Мысли его стали быстрее, сердце забилось сильнее. «Умереть, – подумал он, – или где-нибудь видеть что-нибудь совсем другое, что самое правильное...» На лбу Матотаупы выступил пот. Какой-то непонятный страх охватил его... закрутились цветные солнца... Он выпил вторую, третью кружки, Джим подливал. И вот страх стал исчезать, Матотаупе показалось, что перед ним

появился Тачунка Витко и хочет напасть на него. Огромным великаном вдруг почувствовал себя Матотаупа, военный вождь тетон-оглала, которому на роду написано победить всех своих врагов. И все, кто его оскорбил, бегут от него, от него – ужаса прерий!..

Матотаупа свирепел. Он ударил Шарлеманя в лицо, а когда мимо проходил Бен, он вытащил нож и набросился на того. Он и сам не знал, наяву происходило это или только казалось ему.

– Совсем обалдел, – сказал Джим, устраиваясь поудобнее и наблюдая, как Бен выхватил у Матотаупы нож и как они дрались...

Летняя ночь коротка. Уже около четырех утра взошло солнце и снова залило прерии светом.

Джим повел трех коней, которые были теперь у них с Матотаупой, на водопой. Когда кони напились, к Джиму подошел Шарлемань. Он получил у Бена штаны, на плечи у него было брошено одеяло. И в таком виде он предстал перед Джимом.

– А хорошо, что оба коня снова здесь, – с усмешкой сказал он; несмотря на свое плачевное состояние, он встал, видимо, пораньше Джима и, достав где-то бритву, успел привести в порядок бороду.

– Глупцом ты был, глупцом и останешься, – грубо оборвал его Джо. – Что тебе эти две клячи?

– А то, что одна из них снова будет моя.

– Почему «снова»? Из этих двух ни одна тебе не принадлежала.

– Хотя и не принадлежала, но...

– Это «но» совсем ни к чему. Ни один из этих коней

тебе не принадлежал. Один – Джо, другой – Билла. Джо получит своего одра назад: Топ достал другого коня. А за клячу Билла заплачено тем, что он привел вас сюда, иначе вы бы пропали в прерии. Ясно? Есть еще вопросы?

– Но не можешь же ты...

– Я могу, могу то, что другим людям даже не снится! Но вот лучше скажи: что ты собираешься делать?

Шарлемань выпятил губы трубочкой, потом снова растянул их.

– Как только достану коня, снова поеду к канадской границе.

– Туда, где ты получил свое красивое имя?

– Да, и где гораздо спокойнее. Здесь на юге, на строительстве дороги, черт знает что творится.

– Ты прав. – Джим раскурил трубку. – И как же ты думаешь достать коня, чтобы отправиться на границу? А ружье? А нож?

– Компания заплатит же нам что-нибудь, хоть мы и не довели до конца работу.

– Ну, это долгое дело. Может быть, оно и выгорит, а может быть, правительство уже заключило контракт с другой компанией. Я бы на твоём месте выбрал иной путь.

– Но надо знать какой.

– Да, да... У тебя же нет никаких идей... Впрочем, идея есть у меня. И отличная идея! Вечерком, пожалуй, потолкуем. – Джим взял поводья и медленно повел коней от берега.

– Подожди-ка, рыжий. – Шарлемань встал на пути Джима. – Почему бы не сейчас?

– Почему?... Ранним утром, на пустой желудок и без

кружки виски? Нет, так не пойдет. Да, может быть, я найду себе малого порасторопнее. Не обязательно же тебя...

— Остальные так напились, что не скоро проснутся.

— Впрочем, уж если ты так заинтересовался... Может быть, и сделаешь дело?..

— Надо думать, — игриво ответил Шарлемань, накинув одеяло, как королевскую мантию.

— Ты ведь бывал близ канадской границы?

— Ну, допустим.

— Можешь ты хоть как-нибудь объясняться на языке черноногих?

— Если нужно.

— Тогда давай потолкуем. Мне нужно послать своего человека к верховному вождю сиксиков, но такого человека, который бы умел держать язык за зубами.

— Я готов. Я такой человек, Джим. Коня, ружье и нож!

— Отведу лошадей, и мы поговорим. Лучше всего в палатке, где Бен хранит провиант: никто не должен видеть нас вместе.

— Да и здесь нас никто не увидит.

— И все-таки палатка лучше. Бен такой же глупец, как и ты: уже давно бы пора сделать пристройку к блокгаузу, а он все тянет. Иди, я скоро приду.

В блокгаузе проснулся Матотаупа. Вокруг было темно: Бен еще ночью потушил факелы, а дверь была закрыта. Индеец чувствовал себя отвратительно. Он стал припоминать, что однажды уже был в таком состоянии, но когда это было? Сейчас он не смог даже сразу понять, где он. Ему было не по себе, так как если бы он съел слишком много сырой собачьей печенки. Он поспешил покинуть дом.

Свежий утренний воздух принес некоторое облегчение. Матотаупа побежал к реке, разделся, вошел в воду и долго плавал, глядя в бесконечную синеву неба. Потом он вышел на берег, натер себя песком и снова влез в воду. Это его освежило. Выйдя на берег, он привел в порядок волосы, заново заплел косы, оделся, потянулся и развернул плечи. Послышался голос:

– Вот это человек! Атлетическая фигура!

Матотаупа оглянулся. Генри произнес эти слова, он шел по берегу, разговаривая с Джо. Оба уставились на индейца, бросили что-то вроде: «Хэлло, Топ!». Матотаупа кивнул белым и пошел вверх по течению. Ему хотелось побыть одному.

Родины для него не существовало. Он начинал ее ненавидеть. И не только людей, которые его изгнали, но и прерии, в которых они жили, горы, которые они часто навещали, бизонов, на которых они охотились, воду, где они ловили рыбу и плавали. Он хотел одного: убить Тачунку Витко, а затем – умереть. Отомстить Тачунке Витко он должен был сам, один, без Джима – вот почему они расстались. Но когда месть его не удалась и он едва-едва спасся, он стал думать по-другому. Теперь ему нужна была помощь Джима.

И как раз в это время из палатки, где Бен хранил провиант, вышел Джим. Матотаупа видел его. Ему показалось, что кто-то еще хотел выйти вслед за Джимом, но Джим помешал. Над этой «случайностью» индеец не задумался. Он сейчас считал очень важным поговорить один на один с белым и наивно думал, что Джим хочет того же.

Они встретились.

– Что ты хочешь сейчас делать? – спросил Матотаупа. Джим был поражен тем, что индеец снова бодр и полон сил.

– Я? Я... думаю, что мы будем вместе с тобой...

Матотаупа просветлел и глубоко вздохнул.

– Я буду преследовать Тачунку Витко. Если мой друг хочет, я буду бороться и против людей рода Большой Медведицы.

– Где ты будешь искать Тачунку Витко?

– В Блэк Хилсе⁸.

Джим рассматривал свои сапоги, чтобы скрыть волнение.

– Опасная местность. Но я, твой друг, готов идти за тобой.

– У тебя нет коня. Лошадей, на которых мы ехали, мы должны вернуть Джо и Биллу.

– Я понял. Даже, может быть, лучше идти пешком в леса Блэк Хилса. Нас будет не так легко обнаружить.

– Мустанга я возьму с собой. Я не хочу его потерять.

– Согласен. Мы пойдем пешком, но в любом случае возьмем твоего коня. Когда?

– А почему не сейчас?

– Итак, сейчас.

Матотаупа привел мустанга. За это время Джим успел переговорить с Беном, который после ночной схватки с Матотаупой был в синяках и царапинах. Ни с кем не попрощавшись, индеец и его белый спутник исчезли в прерии.

⁸ Блэк Хилс (Черные холмы) – горный массив;

И ВСЕ-ТАКИ ОДИН

Когда Шарлемань покинул наконец продуктовую палатку, он уже не нашел Джима. Чарльз осмотрелся, заметил Джо и Генри, которые разлеглись на берегу реки подремать, проводил взглядом нескольких гостей Бена, направлявшихся к своим коням, глянул на лагерь полуцивилизованных индейцев вблизи блокгауза. Но все это мало интересовало его.

Стараясь не возбуждать любопытства, он присмотрелся к следам Джима и Матотаупы. Видимо, они и не пытались скрыть, что двинулись на запад. Глубоко вдавленные следы твердых кожаных подметок Джима, отпечатки мокасин Матотаупы, вмятины от неподкованных копыт мустанга создавали непривычную комбинацию.

Предложение Джима было любопытно. Многолетняя, полная всевозможных приключений жизнь на границе и, наконец, последние события с экспедицией, прокладывающей трассу, — всем этим он был сыт по горло. И все-таки он дал согласие Джиму отправиться в те места, где было не менее жарко, чем в экспедиции. Правда, Шарлемань всячески старался убедить себя, что поездка не столь опасна, и он, даже и до разговора с Джимом, намеревался ехать на север и не считал, что это будет увеселительным путешествием. К тому же после встречи в продуктовой палатке поручение представлялось ему в другом свете. Да, рассуждал он, возможно, предстоят опасности, но Шарлемань может... хо-хо... в один прекрасный день стать счастливейшим из счастливых, если сумеет найти золото! Он станет богатым и остаток жизни сможет жить в свое удо-

вольствие – сыт и пьян и нос в табаке. Перспектива мутила рассудок, и шанс казался невероятно огромным. К тому же по складу своего ума он был всего-навсего заурядный охотник, а не детектив.

Мысли о такой жизни доставляли Чарльзу наслаждение, как голодной кунице запах куриной крови. Они даже придавали ему сил. Эти мысли были связаны с новой открывшейся для него возможностью, с тем, о чем рассказал Джим. К тому же Чарльз и раньше кое-что слышал об этом золоте – золоте Блэк Хилса.

Месяц назад Шарлемань услышал о нем от Петушиного бойца – Билла. Блокгауз Беззубого Бена, золото Блэк Хилса, индеец Матотаупа! И об этом же индейце говорил сегодня Джим. Теперь индеец с Джимом ушли из блокгауза и, судя по следам, ушли пешком, взяв с собой вьючную лошадь. Джим поручил Шарлеманю поехать на север к верховному вождю сиксиков и рассказать ему о том, что Матотаупа – убийца, что полиция ищет его и что сиксики могут навлечь на себя кровавую месть белых людей, если будут укрывать Матотаупу. Так это было или не так, но горячее желание Джима порадовать этим сообщением сиксиков показалось Шарлеманю странным. Зачем Джиму надо лишать индейца его последнего приюта у черноногих? Пока ясно одно: Джим решил отправиться с индейцем в Блэк Хилс на поиски золота. «Мой дорогой Джим, ты думаешь, что ты хитер, а я глуп. А может быть, в этот раз окажется наоборот. Я обещал побывать у сиксиков и все им рассказать. Почему же мне не сдержать своего слова? Я получил ружье и лошадь! Но мы еще посмотрим, как пойдет игра и останусь ли я только платным курьером или сам приму участие в этом предприятии».

Окрыленный надеждами, Шарлемань бросился искать Бена, а тот, как назло, в это утро был особенно занят. В одних штанах, босой, с наброшенным через руку одеялом бегал Шарлемань по двору, пока, наконец, не поймал хозяина.

– Знаю, знаю, – бросил ему Бен, не ожидая вопроса. – Коня и ружье? Нашел нового дружка? Нечего сказать, счастье попасть в лапы...

– В лапы? Но он же платит?

– Ты получишь коня и ружье. Но пока у меня нет времени. – И Бен хотел уйти.

– Слушай, почему ты сам не хочешь направиться к золотым россыпям? – спросил Чарльз.

Бен побледнел и повернулся к Шарлеманю.

– Что тебе известно об этом?

– Больше, чем ты думаешь.

– Ну, парень! Советую тебе: лучше не суй туда нос.

– Чтобы ты мог сунуть свой и тебе бы никто не мешал?

– Это местечко принадлежит Джиму – не мое и не твое.

Впрочем, если хочешь поскорее подохнуть, поступай как знаешь...

– Тебе не повезло?

– Больше чем не повезло. Я был внутри горы. Чертовщина, темнота, вода, тысяча ходов, чуть не потонул... Там-то в потемках я и повстречал Джима. Чудо, что я еще жив. Но я дал ему слово и себе тоже, что больше туда не сунусь.

– Он пока ничего не нашел.

– Вот то-то и оно. Лучше зарабатывать честным трудом.

Шарлемань расхохотался.

– Честным? Ты меня смешишь, мой друг. И неужели ты готов это дело уступить Джиму?

– Он, кажется, прихватил в качестве лоцмана Топа. Так, что ли?

– Сомнительный лоцман. Ну, а если... Послушай, я придумал кое-что, чтобы и нам найти лоцмана.

– Нам? Нет, мой дорогой, я вне игры.

– Ты не хочешь рисковать? Дай мне кроме ружья, коня и ножа еще кожаный костюм и револьвер...

Бен громко рассмеялся.

– И ты исчезнешь?

– Если я что-нибудь найду, я все равно принесу на твои фальшивые веса.

– И где же ты возьмешь себе лоцмана?

– Очень просто. У Топа есть мальчишка... у сиксиков. Вот его-то я и приручу. Доставлю его отцу... Вернее, он сам найдет своего отца. Тогда Джим не скажет, что я пошел по его следу, а Топ будет мне благодарен за спасение мальчишки, ну хоть бы от... воспитательной колонии, куда он мог бы попасть, потому что Топ – его отец – убийца.

– Джим запретил тебе идти с ним?

– Да, запретил.

– Конечно, он с Топом направился в пещеру. Будь же он трижды проклят! Ведь это я свел их, я позволил этому мерзавцу Джиму!..

– Ты осел. Ведь стоит Джиму что-нибудь узнать – и он постарается сам добыть золото, тогда прощай все мечты! Но я повисну у него на хвосте.

– Это мысль. Пошли. Я дам тебе коня, ружье, нож, да

еще револьвер и одежду ковбоя, такую, какой ты не видел. Но держи язык за зубами!

На этом разговор закончился. Шарлемань, хотя и видел уже впереди великолепное будущее, еще не свыкся с мыслями о предстоящем деле. Страх Бена окрасил в мрачные тона его радужные надежды. Он еще раз прошел к тому месту, где начинались следы Джима и Топа. Как просто бы идти по этим следам, но Шарлеманю казалось, что за ним следит Джим. Да, надо еще раз обдумать план, прежде чем принять окончательное решение.

Охотник осмотрел коня, которого предложил Бен, попросил лучшего и получил его. Он надел новое кожаное платье и почувствовал себя в нем преотлично. Это не была одежда для работы, она была отделана бахромой, раскрашена и даже не лишена изящества. Шарлемань хотел бы ружье получше, но в этом пункте Бен оставался тверд. Единственное, чего добился Шарлемань, это некоторого увеличения боеприпасов. Револьвер был подходящий. Итак, Шарлемань был обеспечен всем, что могло пригодиться человеку на диком Западе. И решение было принято.

Было хорошее теплое солнечное утро, когда Шарлемань, еще раз приведя в порядок свою бородку, сел на коня. От Найобрэры до прерий, расположенных севернее верховьев Миссури, куда держал путь Шарлемань, по прямой было около восьмисот километров. Но Шарлемань не был птицей, он ехал на коне и добывал пропитание охотой. Ему предстояло долгие недели находиться в пути.

Прошла середина лета. Жара стала спадать. Солнце озаряло луга, леса и реки спокойным сиянием. Стали длиннее ночи, а днем рано становились длинными тени. Стада бизонов и мустангов все еще держались на севере, но инстинкт, зовущий на юг, уже беспокоил их. Индейцы готовились к большим осенним охотам, чтобы, когда землю покроет снег, не пришел голод.

Палатки сиксиков, где вождем был Говорящая Вода, находились в еще нетронутых прериях. После осенней охоты на бизонов индейцы собирались вернуться в леса предгорий.

Харка жил со своим другом Сильным Как Олень в типи вождя. Палатка, выделенная им с отцом, не была разбита, да в этом и не было надобности. Женщина, которая вела хозяйство Матотаупы, теперь жила у своих родителей и помогала им.

В палатке вождя Харка чувствовал себя хорошо. С Сильным Как Олень они стали совсем как братья. С утра до вечера мальчишки вместе играли, стреляли из лука, охотились и о многом говорили. Ребята поселка приняли Харку как своего.

Когда ниже стало солнце и начала блекнуть трава, все мысли Харки обратились к наступающей осени, и он уже ждал, что скоро вернется отец и принесет ему ружье. Почти каждый день Харке казалось, что вот именно сегодня должен вернуться отец. Засыпая, он думал, что раз уж сегодня отец не вернулся, то обязательно появится завтра. Ожидание становилось невыносимым, и нужно было много

самообладания, чтобы не заговорить об отце вслух. Ясно, что и Сильный Как Олень ожидал возвращения Матотаупы. Но, хотя мальчики были все время вместе, никогда Сильный Как Олень не упомянул о том, что Харка – дакота, что отец его изгнан из племени. Часами сидели они, думая об одном и том же, но не произнося неосторожных слов. И может быть, это было лучшим проявлением их дружбы.

Мудрый Змей захотел перед большой осенней охотой отправиться на факторию старого Абрахама, чтобы купить припасы для своего ружья. Хромой Волк и Темный Дым пожелали сопровождать Мудрого Змея. Они хотели познакомиться с факторией, а может быть, тоже надеялись раздобыть себе огнестрельное оружие. Когда об этом шел разговор, Сильный Как Олень подошел к вождю-своему отцу – и спросил, не сможет ли Харка сопровождать воинов на факторию, ведь там что-нибудь можно услышать о Матотаупе. Харка понимал язык белых людей, он мог быть переводчиком, а кроме того, мог бы послушать, о чем белые люди говорят между собой.

Эти аргументы Говорящая Вода не мог не принять во внимание. Он понял и сокровенные мысли своего сына, оценил дружбу мальчиков и разрешил обоим поехать.

Харка решил отправиться на своем Сером. Небольшая группа передвигалась быстро. Уже на четвертый день привычные глаза индейцев различили на горизонте факторию, и вскоре после полудня всадники достигли ее.

На фактории и в ее окрестностях за прошедшие месяцы почти ничего не изменилось. Уровень воды в озере за лето несколько понизился. Трава пожелтела. Приезжих было немного, так как осенняя охота еще только предстояла.

Трое воинов-сиксиков и оба мальчика проехали к палисаду и через ворота – во двор.

Старый Абрахам, который в эти дни был не слишком занят, вероятно, давно их заметил и приветствовал мужчин и мальчиков у первого блокауза. Так как перед ним были индейцы, он не говорил лишних слов. Он прекрасно знал привычки и обычаи своих гостей. Прибывшие не захотели разместиться в блокаузе, как и большинство приезжающих сюда индейцев, они расположились со своими конями на берегу озера. В эти последние летние дни еще вполне можно было обойтись без крыши над головой.

У озера расположились ассинибойны и даже черноногие, но из другого рода. Однако дакота тут не было, и не приходилось опасаться, что кто-нибудь похитит Харку.

Мудрый Змей выбрал на берегу подходящее место. Коней напоили, стреножили и пустили пастись. Приближался вечер, мальчики набрали хворосту и разожгли огонь. Еда у них была с собой, да по дороге подстрелили еще несколько степных курочек; теперь их ощипали и начали поджаривать, Мудрый Змей не собирался с первого дня начать разговор со старым Абрахамом о зарядах: кто хочет вести торговлю, должен иметь не только товары, но и терпение. Мудрый Змей привез для обмена несколько отличных горностаевых шкурок.

Воины и оба юноши сидели у костра и ужинали. Потом воины закурили. Юноши спустились к самой воде и смотрели, как крутилась вверху мошकारа.

Вечернее солнце, осветив зеркало озера, сделало его перламутровым.

Казалось, что юноши заняты озером и мошкаррой. На

самом деле они разглядывали все, что могли охватить взором. Они увидели, как старый Абрахам вышел из ворот и стал осматривать берег озера, точно искал кого-то. Потом он медленно побрел вдоль берега, как будто просто прогуливаясь, и так дошел до сиксиков. Тут он остановился, вытащил маленькую трубку, набил ее, раскурил и затянулся.

– Добрый вечер, – произнес он.

Индейцы промолчали, однако смотрели на хозяина и торговца уважительно.

– Ну как, тебе хорошо среди сиксиков? – спросил старый Абрахам Харку.

– Да.

– Жаль, твой отец не смог здесь остаться. Он был джентльмен. Как Томас говорил, гран-сеньор. Жаль...

– Yes, – ответил Харка без всякого выражения на лице.

– М-да. Ты уже большой и можешь один шагать по жизни. М-да.

– Yes, – ответил Харка так же спокойно и безразлично, как будто бы Абрахам спросил его, хороша ли дорога, благополучно ли они добрались.

– И все же жалко, – снова заговорил Абрахам. – У него были доллары... Я его очень хорошо обслужил... Но чего нет, того нет. Это так.

– Yes.

– Вы, наверное, прибыли, чтобы узнать, где твой отец.

– Но ведь и ты не знаешь, старый Абрахам. – Харка сохранил спокойствие, но у него появилось предчувствие что у Абрахама есть кое-какие сведения о Матотаупе и они не так хороши, как Харка надеялся.

– Нет, не знаю. Трудно предположить, что произошло далеко на юге, в Блэк Хилсе, – сказал Абрахам.

При слове «Блэк Хилс» Харка почувствовал беспокойство. Он не ответил старому Абрахаму, а перевел сначала его слова своему другу, Сильному Как Олень. Потом он снова посмотрел на Абрахама, стоящего перед ним с трубкой. Будь Абрахам индейским воином, Харка давно бы из уважения к нему поднялся, но в разговоре с хозяином и торговцем он остался сидеть, так как и поведение Абрахама, и вопросы, которые он задавал, показались Харке недостаточно почтительными по отношению к индейцам.

Пока Харка переводил слова Абрахама Сильному Как Олень, он соображал: Абрахам, видимо, знает, что Мато-таупа поехал в Блэк Хилс. Надо проверить. Если отец направился в Блэк Хилс, значит, у него были основания, – видимо, ему стало известно, что там и Тачунка Витко. Откуда же эти известия?

– Старый Абрахам, кто сказал моему отцу, что Тачунка Витко в Блэк Хилсе? – спросил он.

– Ах, вот ты о чем! Ему никто этого не говорил. Во всяком случае, здесь – никто. Обычно Фред утверждал, что Тачунка Витко где-то у реки Платт, там, где индсмены борются против постройки железной дороги.

Харка поднялся. Он был такого же роста, как и Абрахам, хотя был всего только юношей,

– Кто это – Фред?

– Ты его не знаешь? – Абрахам пошевелил пепел в трубке. – Твой отец с ним хорошо знаком и называет его Джимом.

– Джим? – Харка почувствовал, что кровь прилила к щекам. – Он встретил здесь моего отца?

– Встретил. Они отсюда уехали вместе.

– Мой отец хотел поехать вместе с Томасом и Тео...

– Но он этого не сделал. Близнецы уехали много раньше.

– Почему старый Абрахам думает, что мой отец не вернется сюда? Он мертв?

– Нет, мой мальчик. Этого не знаю.

– Кто сказал, что мой отец поехал в Блэк Хилс? Джим ведь говорил, что Тачунка Витко у реки Платт?

– Пфа! Ты прав. Вот поэтому я и пришел к тебе. Там в блокгаузе сидит один... он твоего отца встретил в Найобрэре.

– Кто?

– Известный охотник. Его зовут Шарлемань. Долго был на канадской границе. Потом спустился на юг к строителям железной дороги, но здесь у него, как он говорит, пошло все вкривь и вкось. Какие он только не рассказывал истории! И он не раз упоминал имя Топа. Вот тут-то мне и пришла мысль – пойти к тебе.

– Как долго этот охотник пробудет здесь?

– Завтра будет...

– Я попробую завтра с ним поговорить.

– Ты терпелив. Неужели не хочешь сегодня узнать о своем отце? Пойдем со мной в блокгауз, я познакомлю вас. Сейчас вечер, и у меня есть время. Завтра у меня будет много работы.

– Я спрошу Мудрого Змея.

– Хорошо воспитаны вы, молодые индсмены.

Харка объяснил Мудрому Змею положение дел. Воин решил, что он вместе с Харкой пойдет в блокгауз. Абра-

хаму, кажется, это не очень понравилось, но он не стал возражать, проводил обоих и, как хозяин фактории, вместе с ними вошел в дом.

В чисто содержавшемся помещении было занято всего несколько столов.

Абрахам направился к одному из них, стоящему у стены, где сидел одинокий гость, высокий мужчина лет тридцати, который выделялся не только своей козлиной бородой. Его одежда из тонкой кожи, отделанная бахромой, была отличного качества и более яркой, чем обычно носят ковбои и охотники. Перед ним стояла пустая кружка, щеки его были красными, глаза блестели.

– Абрахам, – крикнул он, – кого ты привел ко мне? Неужели это возможно? И это сын моего спасителя, сын Матотаупы?!

– Именно его я привел к тебе, Шарлемань.

Абрахам представил также Мудрого Змея, и все трое сели к столу.

– Ну, спрашивай, – прошептал старый Абрахам Харке.

Харка раздумывал. Он был поражен, что так легко может получить сведения об отце. С другой стороны, ему казалось, что его ожидают неприятные известия, и юноша сделал усилие, чтобы взять себя в руки и держаться спокойно.

– Почему Шарлемань называет моего отца спасителем? – спросил он.

– О, это была чертовски неприятная ситуация. И работал в железнодорожной изыскательской партии. Это далеко на западе, между Северным и Южным Платтом. Каждый день проклятые бандиты из рода Медведицы и

Тачунка Витко устраивали всякие сюрпризы. То убивали кого-нибудь, то выкрадывали. Однажды даже прострелили шляпу инженера. А напоследок они решили отравить нас и отравили всех, кроме четверых. Я имел честь остаться в живых. Они обезоружили нас, раздели догола и выгнали в прерию. Вот это было удовольствие. Ни капли воды на такой жаре, нечего есть и еще необходимо спастись... Там бы мы и сложили кости, если б не Матотаупа. Он нашел нас и привел в блокауз Беззубого Бена. Твой отец – великий воин. Ты можешь им гордиться, мальчик.

– Откуда ты знаешь, что я его сын?

– Откуда? Старый Абрахам сказал мне.

– Когда ты расстался с моим отцом?

– Несколько недель тому назад. Он на день раньше меня ушел из блокауза Бена к Блэк Хилсу, вместе с Рэдом Джимом. Там должен был находиться Тачунка Витко, после того как он прикончил нашу экспедицию.

Харка почувствовал, что у него сильнее забилося сердце.

– Почему ты, – спросил он старого Абрахама, уже не в силах больше сдерживать свое возбуждение, – почему ты думаешь, что мой отец не вернется сюда?

Абрахам постучал пальцем по столу и скорчил гримасу, точно ему нелегко дать ответ.

– Почему? Да, мой мальчик, твой отец кое-что говорил перед тем, как с Фредом или Джимом, или бог ведает, как его еще зовут, ушел отсюда.

Сказал ли мой отец Матотаупа, почему он так решил?

Нет, не сказал, но теперь уже везде говорят, что Матотаупа прикончил кого-то в Миннеаполисе и его разыски-

вает полиция. Полиция знает, что он нашел приют у сиксиков. Возможно, полиция запросит об этом верховного вождя сиксиков и предложит выдать его. Тебя полицейские запрячут в интернат для индейских детей и сделают цивилизованным.

– Кто это говорит?

– Лучше спроси меня, кто этого не говорит. Это известно всем. Вот почему я думаю, что твой отец захочет остаться в лесах и прериях юга.

Наступило долгое молчание. Но вот заговорил Мудрый Змей:

– Это все, что белые люди хотели нам сказать?

– Да.

– Хорошо, мы слышали. – С последними словами Мудрый Змей поднялся, поднялся и Харка.

Оба индейца вышли из-за стола. Они покинули блокгауз и друг за другом прошли через двор к воротам. Было уже темно, и ворота были закрыты. Но они быстро перелезли через палисад и совершенно спокойно направились к своим, на берег озера.

Оба воина и Сильный Как Олень сидели у костра. Рядом с ними опустились на землю Харка и Мудрый Змей.

Озеро лежало перед ними черным зеркалом. Чуть шевелились ветки кустов. Неисчислимые звезды стыли в ночном небе. У блокгауза залаяла собака. И снова тишина.

Пятеро индейцев молча сидели у костра.

Мудрый Змей спросил:

– Харка – Твердый Как Камень, твой отец убил белого человека, и кто это был?

– Мой отец убил белого человека. Этот негодяй издевался над краснокожими. Его имя Эллис.

– Он был вождем среди белых людей?

– Он был вожаком, каких много. Он был вожаком маленькой группы.

– Хорошо. Мы завтра направимся к нашим палаткам я об этом деле посоветуемся с нашим вождем – Горящая Вода. Хау.

Его слова означали, что до встречи с вождем разговоров об этом не будет.

Мудрый Змей завернулся в одеяло и лег спать. Его примеру последовали другие воины и оба юноши, каждый положил рядом свое оружие. Дозора выставять не было надобности, так как можно было положиться на мустангов, да и сами индейцы спали очень чутко.

Харка только сделал вид, что спит. Его глаза были закрыты, а мысли не давали ему покоя.

Он опять с Джимом, с тем человеком, с которым связано изгнание Матотаупы из рода. Харка знал, что отец ни в чем не виноват, но этот Джим...

Белые люди на фактории старого Абрахама говорят, что Матотаупа убийца, и что Харка – сын убийцы, и что их должны поэтому арестовать. Та новая жизнь, которую Харка вел у сиксиков, обрывалась. Они с отцом теперь будут нежелательными гостями, они навлекут на сиксиков беду.

Ему стало ясно, что надо покинуть сиксиков. Тогда сиксикам не придется думать о том, бороться им против белых людей, защищая Харку и Матотаупу, или нет.

Казалось, никто не заметил, что Харка поднялся, свернул свое одеяло, подошел к коню и снял с него путы. А может быть, никто не хотел замечать... Харка тихо отвел в

сторону коня. Когда он миновал кусты и несколько небольших деревьев, он погладил Серого по морде и хотел вскочить на него. Но перед ним появился человек, и мальчик знал, кто это, – Сильный Как Олень.

– Харка! Что ты задумал?

– Я уезжаю. Я еду к моему отцу.

– Харка...

– Молчи. Я так решил.

– Когда ты вернешься к нам?

– Тогда, когда я смогу пройти испытание воина. Я еще не убил ни одного белого и меня не за что обвинять. Но когда я буду мужчиной, меня уже не смогут упрятать в интернат, похожий на тюрьму.

– Харка – Твердый Как Камень, у меня просьба.

– Я не могу тебе возражать, но не проси того, чего я не в силах сделать

– Станем кровными братьями. Сейчас, пока ты еще здесь, чтобы я знал, что когда-нибудь вернешься в наши палатки.

– Пусть так будет.

Оба юноши вынули ножи и сделали порезы на руках, так что выступила кровь. Они смешали кровь. И это был знак, что с этого момента они заключают братский союз и что они принадлежат друг другу.

Харка вложил нож в ножны. Он смотрел на своего друга, которого долго не увидит. Он хотел запечатлеть в памяти этого гордого и сильного юношу.

Потом он сел на мустанга и молча, без оглядки, легким галопом поскакал в ночную прерию.

Сильный Как Олень смотрел вслед. Всадник быстро

растворился в ночи. Но Сильный Как Олень стоял до тех пор, пока не пропал топот копыт. Это прощание в жизни сына вождя, которая до сих пор спокойно текла по привычному руслу, было первой большой болью и первым большим вопросом, на который не было ответа. Кто виноват в том, что Харка ушел? Белые люди? Матотаупа? А может быть, воины сиксики, которые в этот вечер не сказали Харке ни одного дружеского слова?

В уголках рта Сильного Как Олень залегли складки. Он не мог сразу вернуться к спящим воинам. Он приложил руку к ранке, из которой выступила кровь и, смешанная с кровью Харки, сделала их неразлучными. У него есть теперь кровный брат. Это будет его тайной. Ни с кем об этом он не станет говорить. Есть только один человек, один-единственный, который понимает его печаль, его сомнения, – Ситопанаки, сестра. Только она будет знать. Она с такой же болью воспримет известие об отъезде Харки.

Долго стоял молодой сиксик. С трудом он заставил себя вернуться к остальным и лечь спать: те, другие, не должны знать, как глубоко он потрясен.

Чуть начало светать, и Сильный Как Олень проснулся. Он смотрел, как тускнели звезды, таяла ночь, прежде чем поднялось солнце. Он наблюдал, как брызнули из-за горизонта солнечные лучи, ударили по тьме, разогнали ее по укромным местам. Поверхность озера превратилась в золотое зеркало, тонкие серебристо-зеленые ветки ив, слегка покачиваясь на легком ветру, блестели на солнце. Сильный Как Олень напоил коней и сел на берегу, на то самое место, где еще прошлым вечером они сидели с Харкой. Рыбы стайками играли в прозрачной воде.

Мудрый Змей подошел к мальчику, и Сильный Как Олень встал.

– Ты говорил с Харкой? – спросил Мудрый Змей.

– Да, прежде чем он уехал. Когда он станет взрослым и сможет пройти испытание, чтобы стать воином, он вернется в наши палатки.

Мудрый Змей посмотрел на озеро, на горы, синеющие вдали, и больше ничего не сказал...

Прошло около получаса, когда из открытых уже ворот палисада вышел высокий мужчина, в котором индейцы сейчас же узнали Шарлеманя. Он потеревил свою козлиную бороду и направился прямо к сиксикам.

Мудрый Змей и Сильный Как Олень подошли тем временем к другим воинам и присели у костра, сделав вид, что не замечают Шарлеманя.

Охотник в своей нарядной одежде подошел к ним и остановился.

– Доброе утро! – сказал он.

Индейцы ему не ответили, так же как накануне Абрахаму. Они были даже менее внимательны к Шарлеманю, чем к хозяину фактории.

– Где же мальчик, где Гарри? Я бы хотел с ним еще поговорить.

– Уехал, – ответил Мудрый Змей.

– Почему уехал? – Шарлемань был удивлен.

– Уехал, – повторил Мудрый Змей.

– Когда он вернется?

– Этого мы не знаем.

– Куда он направился?

– Он уехал.

– Уехал? Я думаю... А я хотел бы с ним еще поговорить.

– Этого он не знал.

– Ну и что же он... Он не навсегда ведь уехал?

– Кто знает.

Шарлемань начал теревить бороду.

– Он поехал к своему отцу?

– Нет, – ответил Сильный Как Олень, хотя он отлично знал, что так юноша не имел права говорить, но Мудрый Змей не вмешается в этом случае, подумал он.

Сильный Как Олень не стыдился неправды, потому что перед ним был враг. Ведь из-за этого человека уехал Харка. Своим ответом Сильный Как Олень направлял этого охотника по ложному следу.

– Не к своему отцу?

– Нет. Там его могут искать, а он не хочет, чтобы его кто-нибудь нашел.

– Черт возьми! Что за глупость. Мальчишка совсем один, на границе, в глуши. Он же пропадет!

– Уж лучше пропасть в прериях, на своей родине, чем в тюрьме-интернате.

– Из-за интерната для индейских детей, о котором я говорил, он удрал? Небо и ад! Кто бы мог подумать. Неужели он это принял всерьез!

На лице Сильного Как Олень отразилось презрение и ненависть.

– Харка принял это всерьез. Ты его никогда больше не увидишь.

Охотник ударил себя кулаком по лбу.

– Сумасшествие! Уехал, просто уехал! А ведь я пришел

сюда, чтобы просить вас отпустить его со мной. Я хотел ехать вместе с этим мальчишкой в Блэк Хилс и помочь ему найти своего отца. А он уехал... Непонятно. Но это же... Нет, это типично индейское! Кто вас поймет, краснокожих. И вы разрешили ребенку так просто уехать?

– Да.

– Все пропало. Все к черту!

Шарлемань пошел прочь.

Каждый шаг, который он делал, был шагом от этих индейцев, которые над ним издевались, от этого глупого парня, который взял да уехал, от богини счастья, которая отвернулась от него,

Ничего не оставалось, кроме коня, ружья, револьвера, ножа и одеяла. Но этого было слишком мало для бродяги, который уже видел перед собой неисчислимое богатство, возможность жить без забот и без работы.

Шарлемань притащился в блокгауз и, хотя было еще раннее утро, принялся пить.

Когда голова закружилась и все стало казаться ему словно в тумане, он подозвал старого Абрахама и спросил:

– Абракадабра! Как ты думаешь, могу ли я направиться по следу исчезнувшего мальчишки?

– Попробовать ты можешь, Шарлемань, но Гарри – сын Матотаупы. Если он не хочет, чтобы его нашли, его не найдешь.

– Абракадабра! Еще виски, старый Абрахам! Абракадабра! Теперь все равно.

Хозяин подсел к Чарльзу.

– А чего ты беспокоишься? Предоставь краснокожему младенцу ехать куда он хочет. Ты же не его отец.

– Абракадабра! Ты невинен, как новорожденный! Отец этого мальчишки знает, где в Блэк Хилсе золото. Ты понимаешь?

– Ах так. Другое дело! Я дам тебе еще виски, но пропись-ка лучше где-нибудь в другом месте. Этот зал не для тебя.

Абрахам отошел. Шарлемань невидящими глазами следил за ним. Его мысли путались.

ТРОЕ В ПЕЩЕРЕ

Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, не тешил себя ложными надеждами, он знал, какие трудности ждут его впереди. Одинокий путник, даже если у него есть лошадь, оружие и огниво, перед лицом предстоящей зимы все равно остается ничтожной букашкой, которой ничего не стоит затеряться в непроходимых лесах, в необозримых прериях, попасть в лапы хищникам или к недобрым людям, а ко всему еще близились свирепые бури, зимние холода, метели.

Его первой трудной задачей была переправа через Миссури, которая на языке его отцов называлась Минисосе – Илистая вода. Осенью прошлого года он видел эту могучую реку далеко на юге, в Омахе. Однако верховья реки с ее бурным течением, водопадами, порогами и водоворотами были ему еще незнакомы.

И вот однажды утром юный всадник достиг долины Миссури. Несмотря на осень, трава здесь была еще сочной. Красноватый глинистый холм тянулся вдоль долины. Река шумела. По растрескавшейся корке ила на берегу можно

было видеть, как понизился уровень воды под жарким солнцем уходящего лета.

Серый жадно припал к воде. Харка улегся на берег и тоже пил, едва переводя дух, длинными глотками. Потом он стреножил коня и принялся подыскивать место для переправы. Он понимал, что быстрое течение снесет его далеко вниз. Чтобы как можно лучше скрыть свои следы на другом берегу, следовало переправиться у впадения в Миссури какой-нибудь речушки и по ней, мелкой водой, забрести как можно дальше на юг.

Солнце уже перевалило за полдень, когда Харка нашел подходящую речку и, перекусив, приступил к осуществлению своего намерения. Лодки у него не было, и переправляться предстояло вплавь. Он нарезал тоненьких ивовых веточек и принялся плести круглую корзинку. Конечно, это была женская работа, но при необходимости он мог выполнить и ее.

Корзинка получилась на славу. В нее поместился не только револьвер с патронами, но и одежда. Закрепив на голове эту корзиночку и привязав за спину лук, он сел на коня и направил его в воду. Когда они забрели достаточно далеко и животное потеряло под ногами дно, Харка сполз с него в воду и поплыл рядом. Конь стремился вперед, чтобы поскорей выбраться из воды. За ним плыл Харка. Течение тащило, швыряло мальчика, его чуть было не затянуло в водоворот. Едва выбравшись из него, Харке пришлось догонять Серого, который уже приближался к другому берегу. Почти одновременно с конем Харка коснулся ногами илистого грунта, но так как животное теперь с большим трудом вытаскивало из вязкого дна свои копыта, Харке удалось схватить его за узду.

Направив Серого к речке, впадающей в Миссури, Харка повел его по воде на юг. Двигаться против течения было тяжело, но только так можно было надежно скрыть свои следы. Лишь к вечеру юноша решился выйти на берег. Закрепив на шее коня лассо, он отпустил узду и, осторожно ступая, пошел к невысокой траве, стараясь и тут не оставлять заметных следов. Потом он прыгнул на спину Серого и до глубокой ночи ехал, предоставив коню полную свободу.

Он остановился, когда решил, что розыски его заняли бы теперь несколько дней. И лишь сейчас, когда стал давать знать о себе ночной холод, Харка принялся растирать не успевшее обсохнуть тело, а конь затряс гривой, рассыпая вокруг мелкие брызги. Харка распаковал корзинку. Все, что там было, осталось сухим. Юноша позволил себе передохнуть. Одеяло из шкуры бизона он развесил на кусте для просушки.

Потянулись долгие дни пути. Ближайшей целью Харки была ферма Адамсона. В такой глуши найти ее было не легко, но Харка не считал это безнадежным делом. Томас и Тео, конечно, уже там, а белые люди жгут такие костры, что дым индеец может почуять не то что за километр, а, пожалуй, и за все двадцать.

Харка часто останавливался, чтобы осмотреться, и пристально разглядывал всякие следы. Однажды он разрыл мышиную норку, где обнаружил небольшой запас сухих корешков и зерен. В другой раз ему удалось подстрелить собачку прерий – маленького жирного грызуна чуть побольше белки.

Погожие дни миновали. По ночам стал подниматься

холодный ветер – предвестник зимы. По утрам прерия становилась белой от инея. Харке стали попадаться волчьи следы.

Наконец после долгих дней пути он почувствовал, что откуда-то издалека доносится еле ощутимый запах дыма. Юноша поднял коня в галоп. Он выехал на высокий холм и убедился, что впереди перед ним – ферма. Едва различимыми зернышками казались вдали многочисленные «прирученные бизоны», которых разводят белые люди. В наступающих сумерках виднелся костер. Харка понесся к огню. Навстречу ему с остервенелым лаем бросились две собаки. Одной досталось от Харки по морде кожаной плеткой, и она отпрянула. Серый скоро оставил обеих собак позади.

Юный всадник приблизился к стаду коров. У костра стоял бородатый мужчина с ружьем в руках. Его конь пасся рядом.

– Эй, кто там!

– Друг! – Харка подъехал к нему, резко осадил коня, так что он взвился на дыбы, и поднял в знак приветствия руку, демонстрируя тем самым мирные намерения; он уже давно узнал человека с ружьем. – Томас!

– Гарри! Гарри! Малыш! Откуда тебя принесло?

Юный индеец спрыгнул с коня, взял его за повод и подошел к Томасу.

– Могу я здесь побыть до утра?

– Сколько хочешь. Устраивайся. Ты что, совсем один?

– Да, я один.

– Но малыш... Молодой человек... а... да садись сначала к костру.

Харка стреножил коня и опустился возле огня.

– Какая неожиданность! – Томас набил трубку.

Тепло было приятно Харке – тепло костра, к которому он протянул ноги, и то тепло, которое чувствовалось в голосе разговаривающего с ним Томаса. Ковбой протянул индейцу кусок уже остывшего поджаренного мяса, и Харка немедленно принялся его жевать.

– Как тебе удалось нас найти?

Индеец молча указал на костер.

– Ха! Костер! Это мы от волков. Надо же как-нибудь отпугивать этих бестий! Зима наступает рано, и целая стая кружит около нашего скота. Они разорвали у нас пять собак, то и дело разгоняют стадо. Двадцать две овцы они уже утащили. Адамсон вне себя.

Харка презрительно поджал губы.

– А что же нам делать? – крикнул Томас.

– Охотиться на волков.

– Попробуй! Мы бы воспользовались ядом, но ведь можно отравить собак. Тео сегодня у стада овец, вон там, южнее дома. Адамсона вчера покусал волк. Он лежит в постели. И до чего же эти бестии хитры, днем они держатся на расстоянии километра, а ночью... Слышишь!.. Видишь!.. Проклятые!

Животные сгрудились, быки принялись фыркать, рыть землю копытами, трясти рогами. Собаки дико завывали и стали сбиваться в кучки.

Харка быстро поднялся с земли и распутал Серого, который тоже забеспокоился.

Томас подошел к юноше.

– Вперед! Мы должны напасть на волков! – крикнул Харка и вскочил на коня.

Томас, кажется, не решался.

— Ты что же, будешь ждать, пока волки задерут скот?! — снова сердито крикнул Харка, а Серый так и закрутился под ним.

Собаки отступали, опасаясь волчьих зубов, но продолжали лаять. Скотина держалась еще тесней: коровы послабее — в середине, посильнее — образовали внешний круг и наклонили рога. Более всех отважились выдвинуться вперед два быка, к ним подскакал Харка. Животные глухо мычали и угрожающе фыркали.

Юный индеец недаром получил от своих товарищей в родных палатках рода Медведицы имя Ночной Глаз. Видел он в темноте отлично и теперь моментально различил взметнувшиеся над загривком одного из быков две горящие зеленым огнем точки. Волчьи глаза!

Первая стрела Харки — и глаза исчезли. И тут же юноша увидел, как вступил в борьбу второй бык. Он перестал мычать, бросился на колени, подхватил волка на рога и швырнул его высоко в воздух. За ним — другого. Харка возликовал. Как вовремя он подоспел на помощь! Волки — мечущиеся по прерии тени — отступили, растворились во тьме. Может быть, отошли, чтобы повторить нападение с другой стороны? Харка и Томас одновременно выстрелили им вдогонку: один — беззвучно, другой — сотрясая темноту грохотом.

Длинноногие серые тени скрылись за вершиной холма. Харка поднялся по склону вслед за ними и по другую сторону холма разглядел с десятков удаляющихся на запад волков. Он послал вслед им стрелу, а сам галопом возвратился к стаду. Тут раздался выстрел Тео на юге, около

отары овец. Томас поспешил на помощь брату, и собаки, которые хорошо знали своего пастуха, тоже понеслись за ним.

Харка остался на всякий случай около стада. Быки, одержав победу над хищниками, успокоились. Они обходили стадо и самодовольно пофыркивали. Волкам, видимо, и во второй раз тут бы не поздоровилось.

По небу плыли облака, временами закрывая сверкающие звезды. Ветер то почти задувал огонь, то заставлял его пылать большими языками.

С юга снова раздались выстрелы, и Харка услышал, как Томас и Тео науськивают собак. В это время послышался топот. Какой-то всадник галопом подскочил к стаду. Всадник выглядел несколько необычно – фигура его была слишком полной. Харка понял, что это женщина в брюках. Вероятнее всего, это была жена Адамсона. У нее было ружье. Она, кажется, не заметила Харки, и юный индеец громко крикнул: «Хий-ие!» Она испуганно отпрянула, но Харка сумел ей тут же объяснить по-английски, что он друг Томаса и хочет помочь избавиться от волков. Он уверил женщину, что ей не нужно беспокоиться о стаде, а лучше позаботиться об огне, чтобы не вызвать пожар в прерии. После некоторого раздумья женщина последовала этому совету, направила лошадь к огню, спешила и начала тушить головешки. Харка охранял коров.

У отары овец больше не стреляли, но тревога не спадала до рассвета. Утром поднялся сильный ветер. Облака начали сгущаться, и неожиданно посыпал град. Зерна его были величиной с лесной орех. Град молотил по людям и животным и, словно снег, застелил прерию белым покрывалом. Животные жались друг к дружке.

В черных волосах Харки и в светлой гриве его мустанга посверкивали льдинки. Об огне можно было больше не беспокоиться, и женщина сказала, что вернется в дом, который виднелся неподалеку среди группы деревьев. Рядом блестел пруд, вырытый ради запаса воды для скота во время жаркого лета.

С юга, от отары овец галопом несли Томас.

– Виктория! Победа! – вопил он. – Скот спасен. Ни одной головы не потеряли. Иди, Гарри, отрежь себе волчьи уши.

Оба поехали по округе, Харка отрезал уши убитых им волков и извлек стрелы из тел животных.

– Ну и ночка была, – продолжал орать Томас. – Как хорошо, что ты пришел, Гарри!

Вместе с молодым индейцем Томас направился к дому. Тем временем подъехал и Тео. Кони их принялись пить из ручья. Они настолько устали, что, когда их стреножили, даже не стали пастись, а тут же улеглись. Тео хлопнул Харку по плечу:

– Э-эх! Парень! Приехал к нам! Гарри! Правильно ты сделал!

– Тео, – сказал Томас, – ты что же, решил оставить скот без охраны? Бери-ка другого коня да возвращайся. Я привезу тебе поесть.

Не возражая, но и не выказывая большой охоты, Тео отправился к овцам.

Томас раскрыл дверь дома и пригласил Харку войти. Это был простой, основательный рубленый дом, который выстроил сам Адамсон. Дом состоял из двух помещений. Первое – кухня, гостиная и спальня. Второе – позади –

служило кладовкой для различных припасов. Окон в доме не было, только узкие бойницы. Сейчас свет проникал через открытую дверь.

Адамсон лежал на топчане, покрытом шкурами овец. Он испытующе посмотрел на вошедших. Женщина стояла около сложенного из камней очага и подкладывала дрова, чтобы вскипятить воду.

Томас заговорил:

– Адамсон, Адамсон! Нам просто повезло! Ведь тебя не было сегодня с нами, но появился этот юный индеец – Харка, и он здорово помог нам! Ни одной коровы мы сегодня не потеряли, ни одной овцы. Прими же нашего юного гостя по-королевски, как его отец принимал нас когда-то в своей палатке.

– Нас? – пробурчал Адамсон. – Ты хочешь сказать – вас! Ну и разыгрывай, если тебе нравится, короля.

– Адамсон, Адамсон! Ты хороший фермер, но ты скуп, и потому у тебя дело не идет на лад. Мы – ферма в глуши, форпост! Сегодня волки у нас не поживились! Но наш скот все время на одном месте, и мы не перекочевываем! Человек! И что только ты думаешь? Ведь у волков по усам текло, а в рот не попало; они будут продолжать виться вокруг нас, как пчелы у цветов на весеннем лугу! Адамсон! Я даю тебе хороший совет: возьми еще одного пастуха, и ты меньше потеряешь скота. Харка уложил сегодня своими стрелами нескольких хищников.

– Жена, дай-ка парню как следует подкрепиться. Он будет продолжать свой путь.

Харке предложили приготовленной для всех баранины. Томас завернул порцию для Тео. Поев, Харка сидел опу-

стив глаза, его лицо оставалось совершенно безучастным к происходящему.

– Куда ты собираешься ехать? – спросил наконец Томас напрямик.

– К своему отцу в Блэк Хилс.

– Сейчас? Зимой? Ты с ума сошел, мальчик.

– Может быть. Я даже не знаю сам...

– Оставайся-ка лучше здесь и помоги нам пасти скот.

– Я не останусь здесь. Хау.

У Харки из головы не выходили слова Адамсона: «Он будет продолжать свой путь».

– Он хочет к своему отцу, и он прав, – сказал Адамсон. – Нас же, мужчин, здесь вполне довольно. Ранней весной приедет мой собственный сын с бабушкой. Тогда и жена сможет больше времени уделить скоту.

– Адамсон, ну ты и скряга, – вздохнул Томас и смахнул пальцами непрошеную слезу.

Харка поел и поднялся.

– Я провожу тебя немного, Гарри, – сказал Томас. – Подожди минутку.

Бородач забежал в заднее помещение и вышел через некоторое время назад с большим завернутым в одеяло свертком.

– Ну, теперь пошли!

Харка молча и гордо поклонился Адамсону. Жена его вытерла руки о передник и прошла мимо:

– Я посмотрю, что там делают собаки, – сказала она больному. – Я скоро вернусь.

Все трое вышли наружу. Харка хотел сразу же сесть на коня, но Томас удержал его.

– Хочу тебе еще кое-что показать, малыш! Мы пойдем к овцам, к Тео.

Пешком путь туда оказался довольно далек. Тео, которого все трое пришли повидать, куда-то ускакал. Решили дожидаться его. Томас опустился на землю, рядом с ним села женщина, уселся и Харка.

Томас принялся развязывать сверток.

– Ну вот, Гарри, посмотри-ка на эти бобровые шкурки. Что скажешь?

Харка посмотрел и даже пощупал их.

– Они хороши.

– Я тоже думаю. Они даже слишком хороши для старого Абрахама, и поэтому он их не получит. Из них выйдет хорошая зимняя куртка. Конечно, не такая прочная, как из бизоньей шкуры, но мягкая и теплая. Что ты об этом скажешь?

– Выйдет.

– Шкурки раскроили на меня, но этого добра у меня хватает. Сшей-ка ты, женщина, куртку парню. Я для этого все принес. Если бы ты не пошла с нами, я бы сам занялся шитьем.

– Но ты помоги, Томас, чтобы дело шло быстрее, а то ведь мне надо торопиться домой.

– Да, да, твой муж очень строг. Но не обращай на это внимания, Гарри. Адамсон стал таким скрягой потому, что на своей родине он потерял все – и землю и имущество, так как не сумел заплатить вовремя проценты за полученный кредит. Вот почему он теперь дрожит за свое имущество больше, чем за собственную жизнь. Он все хочет разбогатеть, стать богатым фермером.

Привычными руками Томас и жена Адамса быстро шили, и скоро была готова хорошая меховая куртка.

– Эх! – Томас посмотрел на результаты совместного труда с удовольствием. – Ну вот тебе еще две шкурки. Возьми их. Будет холодно – обернешь ноги.

– Хау.

– Ну а здесь – еда на дорогу. Твой отец не должен сказать, что мы отпустили тебя голодать.

Все поднялись.

Харка с благодарностью посмотрел на бородатого Томаса и женщину, быстро повернулся и направился к коню. Он тут же надел бобровую куртку, а летнюю куртку и обе бобровые шкурки приторочил на спину мустанга, вместе с одеялом из бизоньей шкуры. Оно высохло, но жестким не стало: в свое время шкура была хорошо обработана.

Юноша вскочил на коня, звонко вскрикнул и галопом поскакал на юг.

Женщина пошла домой. Хотя она долго отсутствовала, Адамсон ничего не сказал, и только спустя значительное время, когда ему перевязали раны, он как бы мимоходом заметил:

– И мне мальчишка понравился, но у нас нет причин делать индейца слугой. Они ведь такие же, как цыгане, у них своя голова на плечах.

Женщина не ответила.

А Томас и Тео смотрели вслед уезжающему Харке до тех пор, пока его маленькая фигурка не исчезла из виду.

– И что это происходит? – сказал Тео Томасу. – Сначала отец хотел прийти к нам и не пришел. Затем мальчишка появляется здесь и ищет его. Чертовщина!

– Чертовщина!

На этом разговор закончился.

Харка скакал по безлюдной прерии. Остановив коня, он глубоко вздохнул и потрянул плечами, будто сбрасывая с них что-то. К полудню он подъехал к долине пересохшего ручья, но так как по всем признакам здесь еще недавно была вода, он двинулся вверх по руслу в надежде найти источник. И нашел его. В кустарнике из земли бил ключ. Здесь Харка и решил передохнуть. Лишь после захода солнца он снова пустился в путь.

Харка находился в глубине земель тетон-дакота, где из многочисленных источников рождались ручьи и реки, несущие свои воды на восток, в Миссури. До северных отрогов Блэк Хилса было еще не менее четырех дневных переходов. В южных отрогах этих гор Харка надеялся еще до наступления зимы встретить отца. Предстоял трудный поиск.

Каждое утро, как только с небосвода уходила луна, все небо затягивали серые тучи. Воздух был влажным, и Харка чувствовал, что скоро пойдет снег. Мустанг щипал траву на каждой остановке. Он щипал все, что можно было съесть. Инстинкт животного подсказывал, что приближается голодное время, и, если бы он был один, как и все дикие мустанги и бизоны, он бы помчался на юг. Харка на пути видел следы больших табунов лошадей, видел свежие следы на старых бизоньих тропах. И это все, что встречалось.

Однажды утром на горизонте показались покрытые лесом горы – цель его пути. Как темный остров возвышались они над бескрайней прерией. И в это же утро начал

падать снег. Снежные хлопья крутятся неслись по ветру. Их становилось все больше и больше.

Харка достиг леса только за полдень. Но он не стал забираться в чащу: в лесу могли оказаться разведчики дакота. Харка решил идти долиной ручья, скрываясь за изгибами берегов.

Снег все падал и падал. Ах как хорошо, если бы у Харки была шкура белого волка. Но, увы, это было только желание. Долина ручья вела к северным отрогам гор, и как только он спустился на ее дно, движения его стали более свободными и, кроме того, он смог утолить голод, наловив рыбы. Ему не пришлось расходовать свой более чем скудный запас.

И вот наконец он приблизился к покрытым лесом склонам. Конь ему теперь мешал. Он оставлял слишком много следов, а кроме того, пешком индеец по лесу движется быстрее, чем на коне. Но Харка не захотел оставлять Серого и поэтому то ехал на нем верхом, то вел его в поводу.

Лес! Здесь легче спрятаться, но легко можно оказаться захваченным врасплох. Лес – хорошая защита от зимней непогоды. Здесь всегда под рукой топливо для костра. Рядом – вода. Если землю покрывает толстый слой снега, Серый может прокормиться ветками.

Харка хотел отыскать то место, где позапрошлой зимой стояли палатки рода Большой Медведицы, прежде чем по весне, под водительством Матотаупы, род направился к Лошадиному ручью. Харка не мог забыть, что в последнюю ночь, перед снятием лагеря, Матотаупа собирался посвятить его в тайну пещеры, которую называют заколдован-

ной пещерой, и только случайное событие помешало это осуществить.

Харка надеялся побывать и в пещере. Может быть, он что-нибудь найдет там или ему станет ясно, зачем стремятся туда другие люди. А может быть, там Матотаупа, и Харка встретится с ним?

Медленно, бесконечно петляя, приближался юный индеец к южному склону гор. Следы, которые стали попадаться, настораживали его: видимо, здесь охотились дакота, которые где-то недалеко нашли себе зимнее пристанище. Он поднимался все выше и выше, приближаясь к месту, где когда-то стояли палатки рода Медведицы. Штормовые ветры, пронесшиеся за это время, изменили все вокруг, и Харка скоро понял, что площадка, где были палатки, теперь завалена деревьями. И следов тут стало меньше. Зато Харка обнаружил следы лошади с неподкованными копытами. Некоторое время он шел по следу, однако животного не нашел. Харка был убежден, что это мустанг без всадника.

Харка решил проникнуть в пещеру ночью. Вход и часть подземного пути до водопада были ему известны. Он подыскал для коня место, где было поменьше снега и животное могло хоть чем-то подкормиться, не уходя далеко, потом стреножил Серого. Имущество, завернутое в бизонью шкуру, оставил на спине у коня. Еще до наступления темноты направился он ко входу.

Вход в пещеру находился на крутом склоне, и к нему было трудно добраться. Над самым входом нависала скала. Лучше всего было забросить лассо, привязать к растущему на скале дереву и оттуда спуститься ко входу. Собственно, такой путь ведь и проделал с ним полтора года назад Ма-

тотаупа. Чтобы привязать лассо, Харке пришлось с большим трудом карабкаться в темноте по осыпающимся камням. Вскрикнула сова. Харка невольно вспомнил, что и тогда, когда они поднимались с отцом, тоже кричали совы. Но теперь это его не пугало. Тревожило другое: у самого входа совершенно не было снега. Значит, кто-то очистил от снега камни? «Да, – решил Харка, – здесь был человек. И видимо, уже после снегопада. Значит, совсем недавно. Но для чего незнакомец сметал снег? Чтобы не оставлять следов?..»

Харка призадумался. И все же он не изменил своего намерения. Он обхватил дерево у корня руками, протащил вокруг него ремень лассо и взял в руки оба его конца. Упираясь ногами в утес, начал спускаться вниз. И вот он на площадке перед входом. Потянув за один конец лассо, он сдернул его с дерева и, свернув аккуратным мотком, взял с собой. Осторожно обогнув выступ, прикрывающий вход, он быстро скользнул внутрь. Теперь по крайней мере он был в укрытии. Харка стал ждать, не пошевелится ли кто-нибудь. Но кругом стояла тишина. Тогда он начал медленно подвигаться в глубь пещеры. Он ощупывал стены и потолок, он обходил сталагмиты, растущие с пола, сталактиты, спускающиеся с потолка. Ход уводил вниз. Из глубины горы доносились шипящие звуки, которые становились все громче и громче. Харке было известно, что шумит подземный водопад, и он без боязни продвигался вперед. Шум нарастал с каждым шагом, и вот он уже прямо бьет по ушам.

Юноша вспомнил, как они с отцом достигли воды и кто-то пытался схватить тут отца, но сразу же был увлечен

струей воды. Еще осторожнее, ощупывая руками и ногами каждый уступ, он продолжал двигаться.

И вот до него уже долетали брызги от вырывающегося справа потока, который пересекал галерею и с грохотом падал слева в неизмеримую глубину.

Но вдруг Харка почувствовал, будто что-то перед ним пошевелилось. Он и сам не мог бы сказать, почему ему это показалось. Пахло человеком. Обоняние Харки было очень тонким, почти как у собаки, и запах, дошедший до него, не был запахом индейца. Нет, это запах белого, запах давно не стиранной потной одежды. Совсем близко... Не было времени на размышление. Внезапное чувство ненависти против непрошеного посетителя пещеры и мгновенно вспыхнувший инстинкт самозащиты заставили Харку выхватить нож.

Этим оружием, привычным для него с детства, он мог распорядиться быстрее, чем револьвером, с которым познакомился всего год назад. Размахнувшись, он изо всей силы ударил перед собой и попал в тело. Да, в тело, ошибки быть не могло. Едва он выдернул нож, как тут же был схвачен. На Харке была бобровая куртка, а за плечами лук — ухватиться было за что. Мгновенно юноша сжался и выскользнул из куртки, которая осталась в руках нападающего. О луке он и не думал. Он припал к земле и проскользнул между широко расставленными ногами врага прямо по воде, текущей по полу пещеры, к противоположной стене. Выпрямился, прижался к влажному камню, выхватил из-за пояса револьвер, взвел курок. Удивительно, что противник не прибег к огнестрельному оружию, за которое белые хватаются прежде всего.

Трудно сказать, сколько времени прошло в непрерывном ожидании. Может быть, враг был от него на расстоянии вытянутой руки, но грохот воды не позволял услышать ни шороха, ни дыхания. И вдруг Харка снова ощутил перед собой этот запах. Он нажал на спусковой крючок раз, сразу же еще раз. Раздались выстрелы, и тут же револьвер был выбит из его руки.

Многократное эхо еще глушило шум водопада, а он уже, согнувшись, отскочил в сторону. И видно, вовремя, так как по нему скользнула рука врага. Но он опять успел увернуться и бросился вправо, в неожиданно обнаружившийся проход. Противник изрыгнул невероятное проклятье, по которому индеец узнал врага. Это был не кто иной, как Рэд Джим.

Поток относил Харку, ледяная вода била в голову. Руками и коленями он пытался удержаться, не скатиться назад. Опасность удваивала силы, и он медленно удалялся от противника. Потом ему удалось обхватить выступающий из воды камень, лечь на него всем телом. Он смог немного перевести дух. Опасность утонуть отодвинулась. С камня он перебрался на другой, и вот он уже в новом, более узком ходе пещеры. Да, здесь мог проскользнуть только худенький Харка. Рэд Джим его тут не достанет. И все же он еще немного продвинулся вперед.

И вдруг он смог свободно вздохнуть, смог раскинуть по сторонам руки. И потолка ему было здесь не достать. Харка дрожал всем телом от сырости, холода и изнеможения, но как только успокоилось его дыхание, перестало бешено колотиться сердце, он тотчас же принялся обследовать в темноте свое убежище. Это оказалось довольно обширное

круглое помещение, в котором стекались со всех сторон подземные воды и сливались вместе в один поток. Теперь, в начале зимы, воды еще было немного, в большей части помещения пол был сух, и Харка вполне мог тут расположиться. Но ветвь пещеры тут заканчивалась, и иного выхода не было. Продолжая ощупывать стены, он нашел сухой участок, в нем углубление – нишу, тоже совершенно сухую. Харка забрался на ее край и окончательно успокоился. Враг здесь не страшен. Проход, который вел сюда, был слишком узок для широкоплечего Рэда Джима. Значит, у Харки есть время продумать план действий.

Он начал ощупывать дно и стенки ниши, на краю которой сидел. Рука наткнулась на круглые, очень гладкие камни. Потом под руку попали два других лежащих отдельно камешка с надломленными краями. Он взял их и стал тереть и ударять друг о друга. Посыпались искры. Значит, это обыкновенное огниво индейцев. Кто положил его, зачем? И он снова выбил искры и вдруг увидел, что обкатанные круглые камешки – это зерна золота. Множество золотых зерен! Кто принес их сюда? Неужели водяной поток? А может быть, человек, который оставил здесь огниво? Значит, Харка был не первым в этом боковом отроге пещеры? И его предшественник, видимо, тоже был индеец...

Не знает ли Рэд Джим об этой золотой сокровищнице?

Если не знает, то никогда и не узнает. Но если он знает, то ему никогда не владеть этим золотом! Никогда!

Что же предпринять? Несколько дней и ночей он может пробыть здесь. Дышать легко, есть вода и немного подмоченного пеммикана. Но ведь когда-то надо искать выход! И конечно, раньше, чем он потеряет силы.

Продолжая обследовать стены, он нашел два небольших кусочка трухлявого дерева. Взяв огниво, он начал выбивать искры, и хоть и с большим трудом, но разжег эти два маленьких кусочка дерева. При свете тлеющей гнилушки он отобрал несколько крупных зерен и сунул в кожаный мешочек с пеммиканом. Немного подумав, положил туда же огниво. Оставшиеся зерна забросал камнями.

Так как его никто не беспокоил, а он страшно устал, то он попытался поудобнее расположиться и хоть немножко заснуть. Он был мокрый, лежать было неудобно, и все же он задремал, как ему показалось, совсем ненадолго. Проснувшись, почувствовал себя бодрее. Можно было попытаться поискать выход. Тем же узким проходом он выбрался назад к водяному потоку. Добравшись до него, погрузился в воду, чтобы избежать нежелательной встречи. Стремительное течение подхватило его, ударило о стенку. На момент он даже потерял сознание. Но поток не даром потрудился много тысячелетий: ложе его стало гладким, острые выступы утесов закруглились, и он тащил Харку как частицу воды все дальше и дальше вниз, больше не ушибая. Харка знал, что поток должен вынести его наружу. И вот его закрутило, бросило вверх, потянуло вниз, ударило...

Он лежал под темным ночным небом. Шумела вода, но по-иному звучал этот уже надоевший шум. Кости болели. Харка с трудом пошевелил руками, приподнялся, выбрался из воды.

Над ним тускло светились звезды. Посверкивал снег, устилающий землю. Ветер покачивал вершины деревьев. Наконец Харка сообразил, что это за место, и поспешил

укрыться в кустарнике. Легины, пояс и мокасины его были мокры. С волос стекала вода. Револьвера он лишился. Лука не было. Не было на нем и бобровой куртки. Только нож, палица, лассо и мешочек с намокшим пеммиканом.

Харка дрожал от холода. Собрав последние силы, он поднялся и пошел разыскивать коня, на спине у которого оставалось одеяло. Рыская по лесу, Харка ускорял и ускорял шаг до тех пор, пока не пустился бегом. По лицу и по телу хлестали ветки, но он не обращал на это внимания: коня нигде не было видно

Стало светать. Харка решил забраться на дерево, чтобы осмотреться. По холодным и скользким ветвям он поднялся на вершину. Перед ним открылось место, где когда-то стояли палатки его рода. Такое знакомое место! Вот тут была палатка отца. Там – палатка его друга Четана. Здесь – палатка жреца. В утренних сумерках он заметил на земле следы от костров. Что ж, может быть, недавно здесь воины другого рода ставили свои палатки. Но что это? Его конь. А рядом с ним – другой и тоже с гордо поднятой головой. Харка тотчас узнал его. Конь отца! Оба стояли рядом и жевали траву, которую откапывали из-под снега копытами.

Первые лучи солнца золотыми стрелами пронизали кроны деревьев. Первые тени потянулись по земле. Все тихо. Ах, с какой радостью всегда встречал Харка восход солнца! Маленький ручей, протекающий по краю поляны, заблестел в солнечных лучах. Дети рода Медведицы по утрам плескались в этом ручье, мылись, играли...

А сейчас все казалось Харке таким угрюмым...

Раздался крик ворона. Нет, это не было началом пере-

клички сытых воронов, сидящих на деревьях над трупами убитых, воронов, собирающихся почистить перья. Этот ворон, что каркнул, вообще не был вороном. Харка хорошо знал этот крик «ворона» и ответил на него точно таким же криком.

У пасущихся коней появился отец, который до сих пор прятался за деревом. Туго заплетенные косы опускались на его плечи. У него не было перьев в волосах, но скальпы на боковых швах легин – черные скальпы индейцев – висели. Его одежда – куртка из бизоньей кожи до колен, меховые мокасины – соответствовала зиме. В руках он держал ружье и смотрел вверх на крону дерева, где притаился Харка. В волосах отца стало больше седых прядей, вокруг глаз и рта залегли тени.

Харка быстро спустился вниз, прыгнул с последней ветки на землю и бросился к отцу. Матотаупа смотрел на исхудалого, бледного юношу, с исцарапанной кожей, с синяками на плечах, в мокром платье. Взгляды обоих встретились, и в каждом был один и тот же вопрос, на который пока не было ответа, да и не было таких слов, чтобы ответить на него!

– Ты один, Харка – Твердый Как Камень?

– Один.

У Матотаупы была охотничья добыча, и Харка с удовольствием разделил с ним завтрак. Он снял мокрую одежду и развесил ее просыхать. На плечи он набросил бизонье одеяло, на котором были изображены героические дела его отца, военного вождя рода Медведицы.

– Я не один, – сказал Матотаупа, как только они поели. – Мы живем с Джимом в пещере. Там мы в безопасности. Дакота считают нас духами и покинули эти места.

– Они считают духами и лошадей?

– Наших с тобой мустангов – конечно, нет. Возможно, бродит здесь мустанг и Тачунки Витко. Но я его пока не видел. Почему ты Джиму не сказал, кто ты?

«Значит, отцу известно о схватке!»

– Мы встретились в темноте. И Джиму ничего не надо в пещере?.. Только укрытие?..

– Никто других мыслей ему не давал. Я сам ему предложил на зиму остановиться здесь. Тебя выбросил водопад?

– Хау.

– Джим тяжело ранен. Я его перевязал, но пройдет времени не меньше чем полная луна, восстановятся его силы. Хорошо, что теперь мы втроем. Почему ты покинул палатки сиксиков?

– По той же причине, что и ты, отец. Ты убил режиссера цирка Эллиса. Для белых я – сын убийцы, и до тех, пор, пока я не воин, они могут меня, по их законам, схватить.

– Ты не должен был говорить старому Бобу в Миннеаполисе, что мы уходим к сиксикам. Он предал нас полиции.

Харка насторожился. Ему было тяжело справиться с собой, когда приходилось противоречить отцу, подчинение которому он считал своим долгом. Но голос его прозвучал сухо и твердо:

– Я молчал. Старый Боб ничего не знал. Есть только один человек, который мог нас предать... Это – Джим...

– Замолчи! Он мой белый брат, и никогда он меня не предаст.

Харка сдержался и не произнес ни слова, но в нем все кипело.

Отец и сын еще несколько минут молча сидели друг против друга каждый со своими мыслями. Возможно, это случайность... А может быть, и нет, но они сидели на том же самом месте, где когда-то находился очаг палатки вождя рода Медведицы. И казалось, что земля сама начала говорить, когда люди сидели молча. Все прошедшее точно ожило. Матотаупа ждал встречи с сыном. И Харка пришел. Харка покидал родину, дважды следовал за отцом. И вот этот разговор...

– Харка – Твердый Как Камень, – сказал медленно Матотаупа. – Ты знаешь, что я доверяю тебе. То, что я сказал тебе два лета тому назад, должно свершиться. Ты должен знать тайну пещеры. Ты один. Как мой отец доверил тайну мне, так я доверяю ее тебе. И эту тайну ты не должен предавать. Никогда!

– Никогда, отец!

Снова наступило молчание. Беспокойство Харки улеглось. Он не потерял доверия отца. Должен же наступить такой день, когда ложное представление о белом человеке рассеется. Спокойно и осторожно нужно Харке держать себя до тех пор, пока в его руках не будет такого доказательства коварства Джима, которое убедит отца. Отец принадлежит ему, а не этому белому человеку.

– Идем, – сказал Матотаупа и поднялся. – Мы пойдем к тайне пещеры, а потом – к Джиму.

Харка тоже поднялся.

– А кони?

– Предоставим их самим себе.

Харка пошел за отцом.

Скоро мальчику стало ясно, что Матотаупа не собира-

ется воспользоваться известным ему входом. Они были уже значительно выше его и ушли далеко в сторону. Гораздо дальше, чем этого требовала бы самая большая предосторожность. Матотаупа остановился на каменистой площадке. Деревья здесь были низкорослые, скрюченные стволы их обросли мхом. Тонкий слой снега местами растаял. В надвинувшихся со всех сторон скалах было что-то угрожающее.

Матотаупа осмотрелся и, ступая по камням, чтобы не оставлять следов, направился к большой скале. Он осторожно отвернул моховой покров, который точно сращивал камни с землей, приподнял довольно крупный камень, и Харка увидел два маленьких камня, которые поддерживали этот большой камень, не давая ему плотно прижаться к земле. А когда Матотаупа полностью поднял камень, открылась темная дыра.

— Здесь мы войдем.

Спуск начинался узким входом, но затем становился довольно удобным. Оба маленьких камня, которые были у Харки, Матотаупа, как только они оказались внутри, подложил под камень так, что тот снова стал на свое место.

Матотаупа опустил вниз, и Харка без особого труда последовал за ним, так как за выступы стены можно было держаться. Двигались ощупью. Они прошли довольно далеко, пока не оказались на перекрестке. Матотаупа свернул в известный ему проход. Затем остановился и стал рассказывать:

— Путь, по которому мы двигались, ведет вниз к водопаду, но еще раз разделяется. И одно из разветвлений, по которому мы сейчас пойдем, имеет выход наружу под

корнями огромного дерева. Туда я тебя не поведу, но ты должен об этом знать. Недалеко от водопада в узком проходе есть ниша...

— Я знаю ее.

— Хорошо. Итак, до сих пор тебе дорога известна. Но мы пройдем с тобой еще один небольшой ход, который никто не знает, кроме меня, и никто не узнает, кроме тебя.

И Матотаупа стал карабкаться по новому проходу. Здесь продвигаться было значительно труднее. Легко крошились каменные сосульки. В одном месте проход, казалось, был совершенно завален, и Матотаупе пришлось осторожно убирать обрушившиеся камни, прежде чем они с Харкой пролезли дальше. Становилось душно. Харка чувствовал растущую усталость.

Скоро они оказались в большом помещении. Харка глубоко вздохнул: здесь воздух был свежее. Матотаупа присел. Харка придвинулся вплотную к отцу, который возился с огнивом. Полетели искры, и Матотаупа поджег немного сухого бизоньего помета, который индейцы часто применяли для раскуривания трубок. Пещера была значительно больше, чем Харка предполагал в темноте. При свете пламени Харка различил разбросанные вокруг сухие кости. Лежали два огромных медвежьих черепа, гораздо больших, чем череп обычного гризли. Большинство костей были очень старые, давным-давно высохшие, полуистлевшие. Взгляд Харки невольно остановился на проломанном человеческом черепе.

Матотаупа закурил свою трубку и потушил огонь. Наступила темнота. Была полная тишина, такая, что даже чувствовался вес собственного тела и уши воспринимали малейшее движение суставов.

– Здесь тайна пещеры, – прошептал Матотаупа. – Никто не видел Большой Медведицы, но она живет здесь, в этой горе, с незапамятных времен. Ее сын был человек. Он – прародитель рода Медведицы, мой и твой прародитель. – Матотаупа сделал паузу. – Здесь, – шептал он, схватив за руку Харку, точно собираясь вести его, – здесь лежат зерна золота. Песок пещеры – золотой песок. Я возьму немного песка с собой. Мы – потомки Медведицы, и нам принадлежит любая часть того, что принадлежит ей. В этой горе – золото. Оно и здесь, и у истоков водопада, куда я хотел привести тебя два года тому назад. Там, в небольшой нише, где начинается один из источников, ты можешь взять золотые зерна, просто протянув руку... Ну, теперь ты знаешь достаточно.

– Золотые зерна в нише стены я нашел, – сказал Харка.

Матотаупа резко повернулся к сыну. Харка почувствовал в темноте это движение. Он чувствовал и взгляд отца.

– Ты... – сказал Матотаупа тихо и оборвал фразу; в наступившей тишине из недр горы донесся звук, от которого Харка задрожал: это было глухое, злое, угрожающее рычание, многократным эхом повторенное в проходах пещеры. – Харка!

Точно преследуемый духами, заторопился Матотаупа по проходу, по которому они только что пришли с сыном. И Харка поспешил за отцом. Проход был слишком тесен для медведя, но страх, охвативший мальчика, пересиливал его желание оставаться хладнокровным. Снова удушающий воздух сдавливал грудь и тело покрывалось потом. Движения их были быстры и не всегда осторожны, камни

из-под ног летели вниз. Но вот и выход. Матотаупа остановился, резко нажал на камень, закрывающий его, и повернул камушки, его поддерживающие. Харка увидел бизонью шкуру – одеяло, которое он оставлял здесь, и оба вылезли наружу... Свет, ветер, тающий снег. Скрюченные деревья снова окружали их.

Когда Харка и Матотаупа установили на свое место камень, прикрывающий вход в пещеру, и тщательно уложили мох, пот стекал у них со лба и с плеч.

Матотаупа раскурил трубку.

– Не знаю, хотела ли Медведица сказать, что я поступил неправильно, открыв тайну ее владений, не знаю... В первый раз в жизни я слышал ее голос... – Матотаупа глубоко вздохнул. – Я сказал тебе, Харка, что ты должен узнать тайну. Теперь ты ее знаешь. Хау.

Матотаупа выбил трубку, встал и вместе с Харкой отправился в путь. Они долго петляли по склону и в конце концов оказались у скалистой стены, где находился главный вход в пещеру.

Был полдень.

Рэда Джима не пришлось долго искать. Он сидел в пещере, недалеко от входа, прислонившись спиной к стене и положив ноги на обломок сталагмита. Лицо его осунулось и было пепельно-серым. Взгляд блуждал. Охотничья рубашка – в крови. Не было и следа от его былой самоуверенности.

– Топ, – сказал он слабым голосом, когда оба индейца подошли к нему, – никто и ничто не удерживает меня больше в этой проклятой пещере. Где ты так долго пропал? И кого ты приволок ко мне? А, Гарри? Ты так эле-

гантно пырнул меня ножом. Ты, может быть, подумал, что я свинья, которую нужно заколоть? Твое счастье, мальчик, что со мной не было револьвера. – И Джим попытался усмехнуться, но это ему не удалось и он закашлялся.

– Моему белому брату плохо? – Матотаупа озабоченно склонился над Джимом.

– Да, Топ, твоему белому брату не так хорошо. Тащи меня отсюда к блокгаузу Беззубого Бена, иначе я сдохну, а подыхать у меня нет никакой охоты. И еще этот проклятый медведь! Откуда он тут мог появиться?

Даже Джим заметил, что Матотаупа помрачнел.

– Ты что же, видел медведя?

– Видеть? Нет. Этого еще не хватало. С меня довольно его рычания. У меня даже рана снова стала кровоточить... Здесь душно, Топ. Вытащи меня скорей наружу. И в блокгауз, и в блокгауз к Бену. Я пришел с тобой летом сюда, теперь ты должен идти со мной в блокгауз, к Беззубому. А ты, Гарри, в потемках меня хотел убить! Ну, а теперь, теперь ты должен быть мне другом, а я – твоим другом. Другого выхода нет.

Джим попытался улыбнуться, но только жалкая гримаса появилась на его лице.

– Где ты был, когда услышал рычание медведя? – спросил Харка.

Джим сделал неопределенное движение рукой.

Матотаупа понял, что означает вопрос Харки.

Можно ли было слышать рычание медведя у выхода? Или Джим, несмотря на то, что был ранен, попытался еще раз проникнуть в глубь пещеры?..

Матотаупа был готов исполнить желание Джима и до-

ставить его в блокгауз Бена. Харка хотел последовать за отцом, чтобы помочь ему подготовить все для перевозки раненого, но отец отклонил его предложение. Харке пришлось остаться с Джимом в пещере и ждать.

Когда Матотаупа ушел, раненый закрыл глаза. Харка сел выпрямившись напротив него, прижавшись спиной к стене пещеры. Его глаза были почти закрыты. Он тоже казался спящим. Из глубины пещеры доносились шумы, шорохи и звон падающих капель. Снаружи по небу шли разорванные тучи. В кронах деревьев кричали вороны. Белка, перепрыгивая с ветки на ветку, сбивала облачка снега.

Джим на мгновение открыл глаза и глянул на Харку. Этого взгляда для юного индейца было достаточно: во взгляде белого была ненависть. Беспощадная. Ненависть, жаждущая крови, убийства!

Харка не шелохнулся. Несмотря на смертельную усталость, он старался быть начеку, пока не пришел отец. Матотаупа вернулся с одеялом, запасом пищи, с бобровой курткой, луком и револьвером. Мальчик молча взял куртку и надел ее. Взял свой револьвер.

— Мы тронемся в путь, как только настанет ночь, — сказал Джиму Матотаупа. Белый открыл глаза, но взгляд его на этот раз ничего не выражал, он кивнул головой. — Я пойду постеречь коней. В последнюю минуту они не должны разбежаться.

— Позволь мне идти к коням, — попросил Харка отца.

— Ты слишком устал и заснешь.

— Позволь мне идти к коням, отец.

Матотаупа был удивлен настойчивостью Харки. Он

видел, что мальчик совершенно изможден, и чувствовал, что Харка во время дозора может заснуть. Но видимо, была какая-то причина, отчего Харка не хотел оставаться один на один с Джимом, и Матотаупа не стал упорствовать. Харка сам знал, что он должен хоть немного поспать, вот почему он не хотел остаться с Джимом. Так как отец не возражал, Харка взял легкое кожаное одеяло и еще одно — меховое, отцовское. Затем отец помог ему сбросить вниз лассо, по которому мальчик легко скользнул на поляну, где оба мустанга, как друзья, стояли рядом.

Харка нашел укромный уголок, завернулся в одеяло и мгновенно заснул. Это было первый раз в его жизни, что он, приняв дозор, тут же заснул, но он ничего не мог с собой сделать.

Когда наступила совершенная темнота и засияли звезды, Матотаупа завернул Джима в одеяло, обвязал его лассо и без особого труда спустился вниз со скалы. Он думал, что найдет мальчика спящим, и уже решил, что только разбудит его и ничего не станет говорить: он знал, насколько обидчив сын, а за время бездомных скитаний чувствительность Харки еще больше обострилась.

Когда отец вышел на поляну, Харка не спал. Он сидел на одеяле и присматривал за лошадьми. Возможно, Серый, почуяв Матотаупу, разбудил мальчика и тот успел сесть. Матотаупа взял на руки Джима и помог забраться на своего собственного коня, которого решил вести в поводу. Харку он направил вперед. Незамеченными все трое покинули лес и вышли в открытую прерию. Харка на своем Сером добросовестно вел обзор местности, но в ушах мальчика звучал голос Медведицы.

Места, через которые они ехали, были свидетелями его юности. Здесь родился он, здесь вырос, здесь издавна стояли палатки его рода, рода Медведицы, здесь жили люди, о которых он постоянно помнил во время своих скитаний. Теперь снова перед ним были эти горы, долины, леса. Образы Уиноны, товарищей детских игр теснились перед ним. После минувшей ночи, посвященный в тайну пещеры – тайну рода, Харка чувствовал себя не только сыном Матотаупы, но и сыном рода, потомком Большой Медведицы. Да, он индеец, дакота, такой же дакота, как его сверстники из рода Медведицы. Нет, не одинокие скитания его удел!

ТОП И ГАРРИ

Они везли с собой тяжелораненого, и путь до блокауза Беззубого Бена занял четыре ночи. Днем они отдыхали. Джим был близок к смерти, и Харке такой исход казался справедливым. Но белый держался за жизнь, как раненый бизон.

Однажды утром молодой индеец увидел Найобрэру и стоящий на другом берегу блокауз. Солнце висело в зимнем туманном небе как красный шар. От реки поднимался пар. Вода стояла низко, и выступали песчаные отмели. Харка остановил коня, наблюдал открывшуюся картину и думал. Он знал блокауз, знал он и Бена. Бен внушал еще меньше доверия, чем старый Абрахам. Ведь это он со своей компанией сбросил мальчика в колодец, и ему едва удалось спастись...

Да, нужно быть осторожным с Беном. Но несмотря на все пережитое, у Харки не было страха перед этим чело-

веком. Если говорить о страхе, то он испытывал его только перед Джимом, но надеялся, что когда повзрослеет, то преодолеет и этот страх.

Харка направил коня в воду и переправился на другой берег.

Бена не было видно, но из двери блокауза вышли две женщины. Они были очень похожи, но одна из них, повыше ростом, держалась ровно, спокойно. Выражение ее морщинистого лица было мрачным. В руках она сжимала ружье. Вторая была молодая и какая-то вертлявая. Она поглядела на Харку через плечо высокой старухи и улыбнулась. Юный индеец направил коня к дому, но, естественно, не на галопе и не сделал обычной мгновенной остановки. Он подумал, что подобное обычное приветствие индейцев этим женщинам ни к чему. Он подъехал шагом и, предоставив мустангу остановиться как он хочет, обратился к старой женщине.

— Где Бен? Едет Джим.

— Лучше бы ты не говорил мне об этом негодяе! — крикнула в ответ женщина, и в ее словах прозвучала давно сдерживаемая злоба. — Откуда тебя несет, краснокожее насекомое? Хватит с нас подонков и бандитов, которые жрут, крадут и ничего не платят! — И она втокнула девушку назад в дом, сама влетела за ней, с грохотом хлопнула тяжелую дверь.

Харка заметил, как тотчас же в одну из бойниц высунулся ствол ружья. Он усмехнулся, повернул коня, медленно переехал реку и только тогда пустил Серого в галоп.

Топ и Джим отдыхали в прерии. Джим жевал снег, чтобы освежить пересохшее горло. Харка остановил коня.

– В блокаузе Беззубого, – сообщил он безразличным тоном отцу, – появилась женщина, и она не хочет принимать «ни краснокожих насекомых, ни бандитов».

– Откуда ты это знаешь?

– Я повторяю ее слова.

На лице Матотаупы отразилось разочарование и озабоченность. Харка достаточно хорошо знал своего отца. Это разочарование было связано не только с появлением новой хозяйки. Чувствовалось, что отец и не совсем доверяет сыну.

– Останься с Джимом, – сказал он Харке. – Я поеду к блокаузу, и меня женщина так легко не обратит в бегство. Джим не может долго оставаться без крыши.

Пока в заснеженной прерии происходил этот разговор, в темном блокаузе на Найобрэре был в разгаре скандал.

В доме было темно: через бойницы проникало мало света, а огонь в очаге был прикрыт. Едва тлели уголья под дымящимся котлом. За столом, стоящим рядом с очагом, сидел Бен, около сидела дочь, тут же стояла жена. В руке у нее была кочерга.

– Я сказала – нет! Не будет здесь этой воровской шайки! Или в этом доме в конце концов будет порядочная фактория, или я уйду!

– Жена, послушай... Успокойся. Дай мне тебе рассказать...

– Нечего зря тратить слова. Джим – бандит! Это настоящий подонок, а ты, как койот, дрожишь перед ним. Этот мерзавец придет, нажрется, напьется со всей своей компанией и ни черта не заплатит! Это ж твои собственные слова, Бен!

– Правильно, все правильно. Ну, а если он найдет золото?..

– Пока он ничего не нашел!

– А может быть, что-нибудь? Ведь он же пропадал все лето. Я хочу разузнать. Этот молодой индеец – это, наверное, Гарри... Плохо, жена, если от нас уходит индеец, не сказав ни слова.

– Что же, хочешь пойти за ним? Отправляйся!

Бен поднялся. Жена продолжала ругаться и даже замахнулась кочергой. Он вдруг повернулся и вырвал кочергу.

– Ну, теперь спокойно, моя милая гадюка.

Дочь подала отцу ружье. Он вышел, резко хлопнув за собой дверью. Бену не пришлось долго ехать по следам Харки, потому что навстречу попался Матотаупа.

– Топ! – Бен махнул ему шляпой.

Оба остановились друг перед другом.

– Где Джим? – спросил Бен.

– Джим тяжело ранен. Я привез его к тебе.

– Ну, вы нашли золото?

Матотаупа побледнел. Сдержав себя, он ответил:

– Мы искали Тачунку Витко.

– Э-э, Тачунка! Пустое занятие. А чем вы будете мне платить, если я вас приму? У меня здесь жена и дочка. Они не дадут даром ни куска хлеба, ни глотка водки.

– А чем расплачиваются белые?

– Долларами, если они у них есть.

– У нас есть.

– Хорошо. Это настоящие слова. Гарри мог бы сразу об этом сказать, тогда моя жена не стала бы бесноваться и

свою кочергу она бы сунула в печку, вместо того чтобы испытывать ее прочность на спине мужа.

Матотаупа с удивлением выслушал последние слова.

– Мы придем, – сказал он и повернул коня, чтобы ехать за Джимом и Харкой.

Скоро они подъехали к блокгаузу. Джим был так слаб, что сам идти не мог и позволил внести себя. Ему ничего не надо было, кроме воды, тепла и покоя. Он не припоминал другого случая, когда был бы в столь плачевном состоянии. Матотаупа занялся расчетами с хозяйкой. Он дал ей несколько серебряных долларов, и она смотрела на них круглыми глазами, ведь Джим едва ли был способен много съесть или выпить, а индейцы вообще не пьют вина.

Джим получил удобное место вблизи очага. Матотаупа ухаживал за ним с заботливостью брата и умением врача. Раны гноились и заживали медленно. Целую неделю Харка был предоставлен самому себе. Он не ел ничего, что готовила женщина. Он не обращал никакого внимания на Джима и очень мало говорил с отцом. День за днем он обследовал окрестности, иногда верхом, иногда пешком. Он ловил рыбу, подстрелил несколько мелких животных, а однажды даже антилопу и добывал себе все, что нужно для поддержания жизни. Он собирал хворост, разжигал костер и приготавливал на углях обед. На ночлег он возвращался в блокгауз. Только когда разразилась непогода, несколько дней бушевала метель и сыпался град, он отсутствовал целых три дня, а потом появился, но вовсе не для того, чтобы прибегнуть к спасительному крову, а лишь показать, что он жив. После бури он и ночи стал проводить вне дома. На другой стороне реки он выстроил себе снеж-

ную хижину, покрыл пол в ней бизоньей шкурой и ночевал там. Он притащил с реки кусок льда и, прорезав дырку в стене хижины, вставил его. Лед слегка пропускал свет. Харка иногда разжигал здесь небольшой костер и, завернувшись в бизонью шкуру, мог спать, не опасаясь замерзнуть. Приходя в блокгауз, он держался в стороне от Бена и его жены и только иногда разговаривал с их дочкой Дженни. Она была ему противна, во-первых, потому, что блондинка, во-вторых, потому, что болтлива, но через нее он мог узнать все, что его интересовало. Он слышал о всех разговорах ее отца и матери, узнал, что родители ее не любят. Иногда он встречался с Дженни в загоне для коней, устроенном с южной стороны дома. Она каждый раз замечала, когда он заходил туда, и тут же прибегала к нему и заводила разговор. Харке было четырнадцать лет, девушке — лет семнадцать или восемнадцать, и все же Харка был гораздо смышленнее ее.

Однажды утром, когда Харка поил коней, она сидела на заборе и смотрела на него, хотя юноша и не обращал на нее внимания.

— Летом, Гарри, здесь будет весело. Может быть, ты заедешь посмотреть?

Индеец не отвечал.

— Джим скоро поправится. Он уже может говорить и хочет взять у моего отца под проценты деньги.

Индеец не отвечал.

— Сколько лет Джиму?

— Спроси его.

— Он сказал, что он сам не знает.

— А откуда должен знать я?

– Джим женат?

– Спроси его.

– Я не буду спрашивать, иначе он что-нибудь подумает.
Ты не хочешь помочь нам заготовить дров, Гарри?

– Нет.

– Ты настоящий бродяга. Ты просто цыган.

Индеец не ответил, но и не ушел. У него было такое чувство, что девушка хочет сообщить что-то важное. Несколько дней назад блокгауз посетили белые на измученных конях. Харка изучил их следы. Один из них прибыл с запада и отправился на восток.

– Ты бродяга, ты не хочешь на лето стать скаутом – разведчиком?

– А для кого?

– Южные Штаты потерпели поражение. Самое позднее этим летом наступит мир – и тогда можно будет строить железную дорогу.

– Если кончится война, то найдется достаточно людей, чтобы быть скаутами.

– Правильно. Для нас важнее другое.

– Что же?

– Золото.

– Мне не нужно ваше золото.

– Наше золото? Ах, если б оно было наше.

– Чье же оно?

– Горы. А гора молчит или рычит.

Харка повернулся вполоборота к девушке, однако так, чтобы она не видела его лица.

– Отец сказал, что он никогда больше не пойдет в пещеру, да и у Джима охота пропала – сыт по горло.

– Что же, и отец был в пещере? – Харка постарался, чтобы вопрос прозвучал безразлично, даже несколько иронически, но ему не вполне удалось это.

– Да, два года тому назад, – ответила она, не заметив интереса Харки. – Два года назад он был в пещере. Страшное дело, скажу я тебе, – путанные ходы, вода, тьма. Там-то он и встретил Джима.

– Ты говоришь – два года?

– Да, весной. Снег тогда уже почти стаял.

Харка усилием воли скрыл свое волнение и спокойно гладил коня.

Девчонка была довольна, что молодой индеец так долго с ней разговаривает. Ей показалось, что она наконец-то нашла тему, которая может его заинтересовать. Кроме того, ей было любопытно, не знает ли и он чего-нибудь об этой пещере и золоте. О золоте, которое отец и Джим без конца ищут. Она резко изменила тему разговора.

– Топ и ты – вы из рода Медведицы?

Харка с удовольствием пнул бы девчонку ногой, ведь она коснулась самой больной его раны, но сдержался.

– Зачем тебе это знать?

Девчонка ответила не сразу:

– Летом туда направится карательная экспедиция. Это род Медведицы в прошлое лето отправил изыскателей.

– Итак – война!

– Что значит – война? Карательная экспедиция?

– Свободных воинов никто не может карать. Со свободными воинами воюют.

– Ах, у тебя есть свои взгляды. Ты индсмен и им остаешься... Проклятый дакота.

– Хау.

– Отравители! Мерзавцы твои сиу! Их нужно давить, говорит мать!

– Ну и иди к матери, там тебе и место. – Харка взял лыжи и направился в прерию. Он взял с собой и копье, которое сделал сам.

Девушка показала ему вдогонку язык, бросила взгляд на потемневшее небо и направилась к ворчливой матери готовить дрова.

Этот день начинался ясным, золотисто-красным рассветом, но когда молодой индеец покидал блокгауз, на небе появились темные облака, они сливались, образуя огромные тучи, которые тянулись к солнечному диску. Харка поспешил к своей хижине, чтобы добраться до нее раньше чем начнется снежная буря.

Однако не прошел он и половины пути, как налетел шквал, закрутились снежные вихри. Чтобы укрыться от страшного ветра, Харка спустился на склон холма и дал себя занести снегом. Копье он поставил вертикально. Это было принято у воинов, если люди неожиданно попадали в метель. Если случалась беда, торчащее из снега копье позволяло легко отыскать пострадавших.

Через несколько часов буря улеглась. Солнце склонилось к горизонту и милостиво освещало бесконечную равнину, покрытую ослепительно белым снегом. Харка выполз из-под сугроба, отряхнулся и, проваливаясь в глубокий снег, двинулся к своему убежищу. Ориентиром для него служила река, на берегу которой чуть выше по течению, у небольшой рощицы находилась хижина.

Когда Харка достиг своего жилища, он прежде всего

посмотрел, нет ли у входа следов непрошенных гостей. Но и следы, и самый вход – все занесло свежим снегом. Солнце уже село, когда Харка, убедившись в отсутствии поблизости людей, принялся откапывать вход. Добрался до плотного куска снега, служившего дверью, и стал осторожно отодвигать его. В хижине было тихо. Глаза Харки, привычные к темноте, постепенно различили и очаг, и постеленную бизонью шкуру. Но он заметил и нечто новое. Это были скрещенные ноги индейца, присевшего на корточки.

Харка отпрянул, схватился за револьвер.

– Выходи вон! – сказал он на родном языке.

– Заходи ты, – услышал он ответ тоже на языке дакота.

Голос этот Харке был слишком хорошо знаком.

– Четан!

– Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, Преследователь Бизона, Охотник На Медведя!

И наступило молчание.

Харка ждал: что же будет дальше? Четан был его лучший друг в роду Медведицы. Он был всего на несколько лет старше, и когда Харка был вожаком Союза Молодых Собак, Четан был вожаком юношеского союза Красных перьев. Четан расположился в его снежной хижине, – значит, он сначала выяснил, кто ее хозяин.

Тишина зимней ночи, бесконечная заснеженная прерия, окружающая их, создавали у юношей ощущение, точно они одни в целом свете, точно их не разделяют ни время, ни случившиеся события.

Харка с помощью огнива развел огонь в очаге, подбросил заготовленные заранее ветки. Пламя осветило обоих.

За прошедшие два года Четан, конечно, немного вырос, но вырос и Харка. Четан оставался таким же тощим, только кожа его больше потемнела да скулы выступили еще резче.

Харка вытащил насквозь промерзший окорок антилопы и стал поджаривать его на огне. Распространившийся запах показался голодным великолепным. В длинную зимнюю ночь времени было достаточно. Харка с пониманием дела со всех сторон обжарил мясо и разделил его с Четаном. Оба ели молча.

Когда поели, Харка подбросил в огонь веток. Наступило время что-то сказать друг другу.

– От нас убежал человек, – сказал Четан, он говорил спокойно, как бы разговаривая с посторонним. – Этого человека звали Том, но мы называли его в наших палатках Том Без Шляпы И Сапог. Он был нашим пленником и стал мужем Шешоки... Теперь он сбежал. Он был в блокгаузе.

– Возможно.

– Это так. Но он и отсюда, несмотря на снег, убежал дальше на восток. Вероятно, он боялся нас. Он обещал, что будет воином рода Медведицы, и сбежал. Все белые лжецы.

Харка сказал:

– Когда растает снег и зазеленеет трава, уайтчичуны придут, чтобы с вами воевать.

– Прошлым летом мы их изгнали, и они больше не придут.

– Вы изгнали всего несколько белых, а придет – много.

– Разве ты не знаешь, что каждый из нас может убить сотню этих койотов?

– Но тогда придут тысячи.

Четан сердито бросил в огонь ветку.

– Ты говоришь, как трус, разве ты больше не Харка – Твердый Как Камень? Что делаешь ты здесь, в стане наших врагов? Предстоит большая борьба, это мы знаем. Вернись к нам!

– Вместе с моим отцом – Матотаупой.

– Да, вместе с твоим отцом – Матотаупой, если он сделает то, чего старейшины рода ждут от него.

Харка не двинул ни одним пальцем, не шевельнулся ни один мускул на его лице, не дрогнули веки, когда его губы произнесли:

– Чего ждут старейшины?

– Скальп Рэда Джима, Красного Лиса.

Харка глубоко вздохнул:

– Так решил совет воинов?

– Да.

– Я скажу моему отцу.

– Готов ли ты сам принести скальп Рэда Фокса?

– Хау.

– Вернись к нам.

– Но у меня есть вопрос к тебе, Четан. Я сын вождя, а не сын предателя. Мой отец невиновен. Ты в это веришь?

– Нет.

Харка вздрогнул и побледнел. Его взгляд, обращенный к Четану, погас. Он теперь смотрел на очаг, медленно вытаскивая горящий сучок, и он тлел в его руке. Все молчало, все было неподвижно: ветки в очаге больше не трещали, угли больше не трепыхались пламенем, хворостинка в руке Харки медленно догорала. Губы юноши были плотно сжаты. Неподвижным был и Четан. Он не издал больше ни звука. «Нет» – было последнее, что прозвучало в палатке.

Оба молча сидели друг против друга, пока не настало утро. Рассвет едва пробился сквозь ледяное окошко и осветил два бледных лица. Четан поднялся. Он собрал оружие и вышел из снежной хижины, не сказав ни слова.

Харка остался один.

Через два дня он пришел в блокгауз и накормил Серого, за которым в его отсутствие следил Матотаупа. Он встретился с отцом у коней. Но он молчал и ничего не сказал о встрече с Четаном. Он ждал. Надо было, чтобы отец сам как следует узнал Рэда Джима и был готов его убить.

Пришло время, и дни стали длиннее, снег потерял свою слепящую белизну и становился рыхлым. На крыше блокгауза стали расти сосульки, началась капель. С шумом сваливались с деревьев снежные шапки, сползали пласты снега с крыши, таяла снежная хижина Харки. Воздух стал влажным, вздулась река, и глинистый поток подступил почти к самому блокгаузу. Стали зеленеть ветки ивняка, и молодая трава появилась на талой земле. Потом распустились первые цветы. И наконец, день стал длиннее ночи. По лесам и прерии бродили изголодавшиеся мустанги, бизоны, антилопы, лоси, олени. Хомяки покидали в поисках пищи свои норы. Поднялись от зимней спячки медведи, они изрядно похудели и тоже рыскали в поисках добычи. Индейцы-охотники и белые охотники направлялись в фактории с прекрасными зимними мехами.

Было утро. Бен со своей женой и дочерью сооружали позади дома легкий длинный навес, который должен был служить летней столовой. Рэд Джим с ружьем слонялся вокруг дома. Когда пожилая женщина увидела его, ее губы сложились в презрительную усмешку и с них готово было

сорваться резкое слово, но Джим подметил это и опередил ее.

– И вечно-то она в трудах! – крикнул он. – Какая жена тебе досталась, Бен! Сколько я советовал соорудить подобную штуку, а ты меня не слушал. Должна была появиться твоя жена. Там, где и сам черт не в силах, там, где и Рэд Джим ни гроша не стоит, там может справиться только твоя Мэри!

Женщина подошла к Джиму, спокойно отобрала у него ружье – и он с усмешкой позволил ей это сделать, – сунула ему в руки топор.

– Старый бездельник! – крикнула она. – Помогай!

У Джима, видимо, были причины наладить отношения с этой женщиной.

– А ну, все в сторону! – приказал он. – Развели тут канитель! Рэд Джим, Джим Красный сделает все это быстрее и лучше!

Бен посмотрел на жену, потом махнул рукой:

– А, сделайте что хотите... Мне надо обслуживать... – и исчез в доме.

В блокгаузе три стола были заняты. Двери оставались открытыми, и проникающие в помещение утренние лучи пронизывали пыльный воздух. Раздавались удары топора: Джим прорубал дверь из блокгауза в пристройку. Река журчала у самых стен дома. Ржали в загоне мустанги. И все было совсем не так, как зимой, все было звонче, веселее, живее. Повеселели и люди, полные новых надежд.

За столом в левом углу сидели инженер Джо, его юный помощник Генри и Матотаупа. Рядом сидел Харка. Джо был снова полон сил. Он сидел на пристенной скамье, не

требовал виски, а заказал себе окорок лани и пил чай. Несмотря на прежнюю, бьющую из него энергию, что-то в нем изменилось. И тот, кто внимательно следил за его разговором, различил бы в голосе его оттенок горечи, а тот, кто знал его взгляд, заметил бы, что он смотрит теперь на мир с необычной для него печалью. Для Джо не прошло бесследно утро мертвых рыб. Этот день изменил и Генри.

– Что же сделает ваша дорога? – спросил Матотаупа инженера.

– Во всяком случае, ничего плохого, – ответил Джо. – Ты, Топ, видел большие города. Таких городов на востоке много. Есть такие города и на западе. Гражданская война подходит к концу, и города будут расти как никогда. Но между городами Востока и Запада – дикая прерия и Скалистые горы. Восток и Запад – словно два далеких континента. Такое положение нелепо, недопустимо. Трансконтинентальная железная дорога должна быть, и не одна. Пока строится только первая линия. Кому она повредит? И потом, что потеряют индейцы, если через прерии проложат путь, по которому пойдут поезда, ведь поезд не может свернуть ни вправо, ни влево, он едет только по рельсам. Это ясно и просто. Вдоль путей будут станции. На эти станции смогут приходить индейцы и обменивать меха и шкуры на то, что им нужно. А на станциях товаров будет больше, чем у такого торговца, как Бен.

– Но дорога нарушит пути бизонов.

– Бизоны, несомненно, привыкнут. Да и индейцы тоже привыкнут. Через какое-то время индейцы сами будут пользоваться этой дорогой.

– Возможно, ты прав, Джо.

– Конечно, я прав. То, что здесь произошло, это результат ужаснейшего невежества твоих сородичей, результат дикой ненависти твоих жрецов. Отравить воду! Разве это борьба, достойная воинов? Скажи, ведут таким способом войну краснокожие воины друг с другом?

– Нет.

– Ну вот видишь. Против таких способов должны восстать все, кто хоть немного сохранил благоразумие. Я очень рад, что встретил тебя здесь.

– Почему?

– Потому что я снова возглавляю изыскательскую партию. Дорога – это большое, гигантское, долговечное сооружение, которое будет служить всем людям – белым и краснокожим. Ты нас спас, Топ, когда мы чувствовали, что гибнем. Оставайся нашим братом, будь нашим проводником и защитником. Ты совсем не такой человек, как кровавый Билл или Шарлемань. Один – поножовщик, второй – хвастун. Ты и не такой неженка, как Том. На тебя мы могли бы положиться! Ну что, Топ?

– Я ищу Тачунку Витко.

– Где же тебе его найти, как не там, где будет строиться дорога? Ведь он наверняка будет продолжать нам мешать.

Глаза Матотаупы блеснули.

– Если он узнает, что ты охраняешь нас, – продолжал Джо, – он постарается прийти и убить тебя. Тебе будет легко осуществить свою месть.

Индеец молча смотрел перед собой.

– Я не собираюсь тебя уговаривать, но подумай обо всем, что я тебе сказал. Подумай как следует.

– Хау. – Голос Матотаупы прозвучал глухо, но спокойно. – Завтра я дам ответ тебе, Джо.

– Я буду ждать. Не забудь, Топ, что Хавандшита – твой враг – в союзе с Тачункой Витко – твоим оскорбителем. Они-то и отравили моих спутников.

Матотаупа больше не произнес ни слова. Он встал и пошел. Харка – за ним.

Джо посмотрел им вслед и заказал виски. Генри тоже посмотрел на индейцев, которые медленно шли по лугу. Курток они уже не носили. Их светло-коричневая кожа, их черные волосы, их стройные высокие фигуры, спокойствие их движений – все свидетельствовало о том, что они – дети прерий и идут по собственной земле. Генри следил за ними через проем двери, пока они не исчезли за одним из холмов.

– Удивительные люди, – сказал он скорее для себя, чем для Джо, – прямодушные и коварные, понятные и непонятные. Какой же ответ принесет завтра Топ?

– Он скажет «да».

– Удивительно. Он ведь из тех, с кем мы воюем.

– Нет ничего страшнее, чем ненависть брата к брату.

Джо опрокинул стакан виски. Сегодня он способен был выпить целую бутылку, выпить и не свалиться под скамью.

Удары топора смолкли, и вскоре в доме появился Джим. Он подсел к Джо и Генри. Бокал его был наполнен, прежде чем он успел опуститься на скамью. Дженни поставила его. Джим поблагодарил ее кивком, из которого следовало, что он не заплатит ни цента.

– Ну, снова на ногах? – начал он разговор с Джо.

– Как видишь.

– Снова мерить землю?

– Да.

– Нужны скауты?

– Конечно!

– И опять задарма?

– Да, в таком роде.

– Ерунда, не пойдет.

– Ну а индейцы?

– Если я не захочу, Топ не пойдет с вами.

– А может быть, поспорим?

– На что? – спросил иронически Джим, опрокинув виски и стукнув о стол пустой кружкой. Дженни тотчас наполнила ее.

Джо наблюдал за выражением лица Джима, пытаясь разобраться, насколько все это серьезно.

– Ты что же, в крепкой дружбе с Топом?

– А тебе что за дело? Здесь речь не о дружбе, а о вознаграждении.

– Пожалуй, я подумаю до утра.

– Я – тоже.

Джим опрокинул второй бокал и снова пошел работать.

Джо почувствовал какое-то беспокойство, как рыба, которая вдруг замечает, что не она ловит рыбака, а рыбак ее. Джим был инженеру непонятен, Джим был для него загадочен и зловещ. Джо не верил ни в бога, ни в черта, хотя на родине по воскресеньям с женой и детьми прилежно ходил в церковь, он не верил ни в духов, ни в предсказания, ни в счастливое расположение звезд: день был теплым, виски – достаточно крепким, поднятая мужчинами тема – обычной – разговор об оплате работы, и все же в Джиме было что-то зловещее. Джо понимал, что это парень огромной силы воли, что Джим дотошен в своих начинаниях и делах. И ему вдруг показалось, что действительно от

Рэда Джима зависит, пойдут индейцы к нему разведчиками или нет.

– Что вы? – спросил Генри.

– Ничего особенного. Выпьем!

– Я больше не буду. Этот Джим мне совсем не нравится. Наглец.

– Такие-то и нужны в прериях...

Через несколько часов Джим через Бена сообщил инженеру свои условия. Сумма, названная им, была довольно велика. Джо знал, что ни одна дорожно-строительная компания не заплатит такие деньги скауту без имени. Следовательно, Джо придется платить из своего кармана. Инженеру не улыбался такой выход.

За полдень Джим подошел к Генри.

– Скажи твоему начальнику Джо, чтобы он подготовил контракт на всех троих – на меня, Топа и Гарри – по обычной ставке.

Генри вытянул губы.

– Значит, ты будешь командовать! Ну и хищник! Значит, деньги получать хочешь ты, а работать заставишь двух краснокожих джентльменов?

– А это вас тревожит?

– Меня – нет. Оба индсмена из племени отравителей, которые чуть не отправили меня на тот свет. Я передам твое предложение Джо, пусть он и решает.

Генри сказал Джо Брауну, что, по его мнению, с Джимом можно заключить контракт. Инженер согласился, но не мог отделаться от какого-то неприятного чувства.

– Делай как хочешь, – сказал он Генри. – Важно, что эти трое будут в нашем распоряжении.

Пока происходили все эти разговоры, Матотаупа и Харка отдыхали в небольшой рощице. Ветер слегка покачивал ветки деревьев. Воздух был наполнен запахом первых цветов и влажной земли.

Стало вечереть. Матотаупа поднялся с земли.

– Я буду сопровождать и охранять Джо и Генри, – сказал он. – Ты мой сын, и ты пойдешь со мной. Мы не расстанемся. Я сказал. Хау.

Медленно направился Матотаупа назад к блокгаузу. Медленно шел за ним Харка. Как наяву перед ним возник другой индейский разведчик, с которым они познакомились два года назад, – Тобиас. Он снова видел перед собой лицо Тобиаса – безвольное, равнодушное. Теперь Харка понимал, как свободный индеец попадает в зависимость и что он переживает при этом.

Когда был уже виден блокгауз, Харка сказал:

– Я построил себе шалаш.

Матотаупа был удивлен. Он остановился и посмотрел на сына, взгляд которого был устремлен вперед. Что-то вроде улыбки появилось на лице Матотаупы, а в глазах засиял мягкий свет.

– Ты пригласишь меня в гости?

– Хау. – Харка не сказал больше ни слова, но в этом коротком возгласе было столько надежд...

Оба подошли к загону и вывели коней к реке, причем Харка шел теперь впереди. Их шаги были широкими, легкими и быстрыми.

Небо затянули облака. Холодный весенний ветерок играл с травой и ветками деревьев и кустов, которые образовывали островки среди травы и песчаных участков.

Харка подошел к самому краю одного из этих островков и дал отцу знак следовать за ним. Из прочных веток, небольших стволов и кусков коры была сделана хижина. На земле в ней была расстелена бизонья шкура, которая служила Харке еще в снежной хижине, на ней лежало кожаное одеяло, разрисованное картинами о делах и подвигах Матотаупы. Харка высек огонь, поджег подготовленную лучину и принялся поджаривать окорок енота. Впервые в своей жизни он выступал в роли хозяина палатки, а его отец был гостем у очага Харки, Твердого Как Камень. Юноша хотел показать себя хорошим хозяином, хотя у него и не было ни мисок, ни ложек, ни горшков и они должны были есть, как воины в походе. Они вытащили ножи, разделили мясо и с удовольствием начали есть. Единственное, что Харка притащил для своего хозяйства из блокгауза, была соль, за которую он подарил Мэри шкурку горноста.

Когда Матотаупа насытился и раскурил трубку, он сказал сыну:

— Говори.

Харка знал: от того, что он скажет сейчас, зависит многое. Он внутренне собрался и начал:

— Отец, два лета тому назад ночью, прежде чем ты вывел наши палатки из леса на Лошадиный ручей, ты меня впервые привел в таинственную пещеру. Когда я тебя ждал в лесу под деревом, я заметил следы человека. Это был след белого человека. Ты это знаешь.

— Хау. Я знаю это.

— Тебя в пещере около водопада кто-то пытался схватить и сбросить в глубину. Мы осмотрели следы, но недо-

статочно внимательно, потому что у нас не было времени и Солнечный Дождь, отец Четана, боялся духов. Мы ничего не нашли, а из источника, где вытекала вода, никто не вышел.

– Да, это так, как ты говоришь, – подтвердил Матотаупа.

– Кто был тот человек, кто оставил след? Это был тот же, кто схватил тебя у водопада?

– Да, это был тот же человек, – на лице Матотаупы играла улыбка довольства. – Ты хочешь знать, кто это был? – спросил отец.

– Я тебя уже об этом спрашивал, отец.

– Да. Этот человек был Беззубый Бен, который искал золото, но не нашел его. Несколькими лунами позже, когда я с художником Моррисом, которого мы называли Далеко Летающей Птицей, и с его краснокожим братом шайеном Длинным Копьем были здесь, в блокгаузе, Бен вместе с Петушиным бойцом – Биллом и другими бандитами связали меня, чтобы выведать тайну. Они угрожали мне, что будут пытаться тебя до тех пор, пока я не открою ее. Но я молчал, так как поклялся моим предкам.

– Хау. Так было, отец. Бен сбросил меня тогда в колодец... А ты знаешь, как Бен вышел из пещеры?

– Хау. Он вышел через боковой проход, который теперь тебе известен.

– Но при этом он встретил другого человека!

– Я знаю. – Матотаупа снова рассмеялся, и таким добрым стал отцовский взгляд, что Харка не знал, как ему быть дальше.

Харка рассчитывал своим сообщением нанести удар по

Рэду Джиму, и удар, как он надеялся, сильный. Но оказывается, отец многое знал.

– Да, Бен наскочил на другого человека, и это был Рэд Джим.

Харка смотрел на тлеющий огонь, чтобы не видеть улыбки отца.

– Да, отец, это был Джим, – сказал он.

– Рэд Джим и второй раз пытался искать золото в пещере, – снова заговорил Матотаупа. – Слушаешь ли ты мои слова, Харка – Ночной Глаз, Твердый Как Камень? Джим был на пути из Канады к реке Платт, так как он слышал об изыскательской партии и хотел быть у них скаутом. Однажды в поисках убежища он нашел ход в пещеру, который находился под мощными корнями старого дерева. Он уже успел спуститься немного вниз и тут повстречался с Беном. Бен сказал ему, что он искал золото и не нашел, и тогда Рэд посоветовал Бену заняться торговлей.

– А разве сам Рэд Джим не искал золото, разве он выгнал Бена не потому, что считал эту пещеру своей собственностью?

– Кто сказал тебе это?

– Дженни.

Харка не видел, как лицо Матотаупы еще больше расплылось в улыбке. Он не видел этого, потому что не смотрел на отца, но он чувствовал эту улыбку.

– Харка – Твердый Как Камень, неужели ты веришь больше болтливой девчонке, чем такому отважному мужчине, как Рэд Джим.

– В этом случае – ей.

– Ты думаешь о Рэде Джиме не так, как твой отец. Но

ты забываешь, что он разрезал мои путы, когда Бен схватил меня. Я обязан ему жизнью.

– Да, Рэду Джиму. Я знаю это.

– Ты не благодарен ему за это?

– Я ненавижу его за то, ради чего он так поступил.

– Ради чего? – спросил Матотаупа и насторожился.

– Отец, он хочет завладеть твоей тайной. Вот и все. Он знает, что не заставит тебя говорить, и хочет тебя перехитрить.

– Харка – Твердый Как Камень, скажи мне прямо: согласишься ты мне, что я всегда и перед любым буду молчать?

– Да. Так будет, Матотаупа.

– Ты что же, считаешь Рэда Джима глупцом?

– Нет.

– Ты идешь в своих подозрениях по неверному пути.

Харка ничего не возразил, но он был обеспокоен еще больше, чем в начале разговора.

Матотаупа выкурил трубку и выбил ее. Он подбросил несколько сучков в огонь, а глазами искал глаза сына.

– Харка – Твердый Как Камень, с кем ты разговаривал в твоей снежной хижине?

– С Четаном.

– Что он хочет?

– Скальп Джима.

Глаза Матотаупы расширились, точно он увидел что-то страшное.

– Он хочет получить скальп... От кого?

– Если нужно – от меня.

– Харка... Твердый Как Камень... Ночной Глаз... Убивший Волка! Мой сын! Если ты поднимешь свою руку

против моего белого брата... Против моего единственного брата, чтобы снять с него скальп и передать его тем, кто меня оскорбил, изгнал, унизил... То я тебя... – Матотаупа вынул нож из ножен и по рукоятку всадил его в землю. – То этот нож найдет тебя!

Харка смотрел на руку отца, на рукоятку ножа, на лезвие, вытащенное из земли и мерцающее в последних отсветах очага.

– Матотаупа! – сказал Харка. Он сказал это твердо как мужчина. – Ты меня воспитал, на тебя и на твои поступки я смотрел, когда я рос. Я не знаю страха, не боюсь я и твоего ножа. Но я убью твоего белого брата только тогда, когда ты сам будешь готов убить его. Я сказал. Хау.

Отец посмотрел на своего сына как на человека, который был для него нов и чужд, как на человека, которому он уже не в силах возразить.

Угасали уголья. Никто не подбрасывал больше веток. Густая тень постепенно окутывала отца и сына: сначала лицо, потом плечи и наконец – ноги. В хижине похолодало. Ветер завывал и свистел в щелях. Снаружи шумела река, кричала сова.

Харка потянул на себя кожаное одеяло, взятое им из родной палатки в ту ночь, когда он покинул ее вместе с изгнанным отцом. Он завернулся в него, подобрав колени, чтобы занять как можно меньше места. Закрыв глаза, Матотаупа улегся спать на шкуру бизона.

Утром оба поднялись рано, и ни один из них не знал, спал ли другой. С восходом солнца они пошли по мокрому от росы лугу к реке, выкупались, потерли свое тело песком и смазали жиром. Они взяли из хижины одеяла и напра-

вились к блокгаузу. Потом Харка повел мустангов к реке, чтобы напоить их, а пока они паслись – сидел на берегу. Матотаупа пошел в блокгауз. Никогда еще индейцу воздух этого дома не казался таким неприятным, как в это утро. Пахло потом, грязью, крепким табаком, вином и жареным луком.

Люди начинали вылезать из-под одеял. Дженни вошла с огромной метлой и начала подметать. Мэри положила в очаг дров и зажгла огонь, чтобы согреть большой котел. Бен еще храпел. Накануне он много выпил и теперь отсыпался.

Джо сидел на своем обычном месте у стоящего в углу стола на пристенной скамье и курил сигару. Генри сидел рядом. Матотаупа подошел к ним и, достав трубку, раскурил ее. Джо постарался не показывать, что он ждет решения Матотаупы, но индеец не хотел бесполезно тратить время.

– Мы пойдем с тобой охранять тебя и Генри.

– Хорошо. – Джо выпустил клуб дыма. – Ты сказал «мы». Кого ты имеешь в виду, Топ?

– Меня и моего сына – Гарри.

– Отлично. Джим тоже дал согласие. Вы трое стоите больше, чем три сотни краснокожих отравителей. Я в этом уверен.

– Считай более осторожно, – ответил Матотаупа не без некоторой иронии. – Если придет Тачунка Витко, то я займусь только им.

– Если ты с ним благополучно справишься, то это будет не хуже победы над тремя сотнями.

Топ только пожал плечами. Слово Джо было по душе

Матотаупе, но индейцу было трудно говорить в это утро. Он пошел к коням и Харке. По дороге он увидел Рэда Джима, который мылся у реки, Матотаупа его приветствовал, но тот, словно бы не заметив индейца, хотел направиться в дом.

Матотаупа пересек его путь и остановился.

– Топ? Привет! – сказал Джим. – Ну что ты решил?

– Я иду с Джо.

– Хорошо. Я тоже. А Гарри?

– Пойдет с нами.

– Ну ладно.

Джим направился к блокгаузу, Матотаупа пошел к Харке и коням.

Для тех, кто отправлялся с изыскателями, это был последний день в блокгаузе Беззубого Бена. Хозяин предчувствовал неплохую выручку на проводах гостей, которые идут на довольно рискованную авантюру. Да, они сегодня будут пить и не будут держаться за каждый цент. Госпожа Мэри уже с полдня начала подготовку. Бен расставлял бутылки с виски. Дженни украсила свои волосы красным бантом и работала особенно прилежно.

Наступил вечер. Пошел дождь, и поэтому гости заполнили блокгауз раньше, чем обычно. Стол в углу как всегда занимали Джо, Джим, Генри и Матотаупа. Джо уже осушил пару кружек и теперь с жаром рассказывал о предстоящем строительстве трансконтинентальной дороги. Индеец слушал молча и внимательно. Джим несколько раз ударил кулаком по столу. Генри только посмеивался. За другим столом тоже курили и пили. Рядом играли в карты. Джим наблюдал некоторое время за игрой, а потом вытащил собственную колоду карт из нагрудного кармана.

– Э-э, Бен! – крикнул он.

Хозяин поспешил к столу.

– Игра.

– Эх, я занят.

– Ерунда. Останься. Всего один круг.

– Нет, это не для меня, кто счастлив в любви...

Джим рассмеялся.

– А, с твоей Мэри! Блестяще. Именно поэтому! Садись ты, женатый мошенник! Мне нужно выкрасть из твоего кармана пару центов, которые я заплатил поутру.

– Ну и нахал же ты!

– Был, есть и буду таким. Иди сюда, беззубый пройдоха!

Хозяин начал сердиться, но не мог противиться искушению. Генри тоже согласился. Игра началась.

Матотаупа смотрел, пытаясь постичь правила игры. Джо, оставаясь наблюдателем, начал объяснять ему. Когда Бену после изрядной потери удалось немного отыграться, Джим обратился к Матотаупе:

– Не хочешь ли с нами?

– Ну что ж, попробую.

Матотаупа поставил несколько центов и выиграл. Снова поставил и опять выиграл. Казалось, ему везет. Но Джо заметил, что Джим нарочно дает выиграть индейцу. В конце концов Матотаупа выиграл у белых около двух долларов.

– Человек! Ты же меня сделаешь нищим! Чем же я заплачу за кружку вина или за медвежатину, которую уже поджарила Мэри?

– Вы – мои гости, – неожиданно торжественно сказал индеец.

– Браво!.. Бен! Окорок! Топ платит.

Хозяин мгновенно бросился выполнять просьбу.

Пока в блокаузе происходили эти события, Харка продолжал оставаться у коней. Он снял с себя всю одежду, кроме пояса, и капли дождя стекали по его коже. Но дождь тревожил его не больше, чем лошадей, он смотрел на проходящие тучи, прислушивался к шуму реки. Доносился до него и возрастающий шум и смех в блокаузе. И чем больше проходило времени, тем громче были голоса.

К ночи мустанги насытились. Харка привел их в загон. Дождь усилился. Юноша накинуд на себя одеяло и прислонился к стене блокауза. Он умел спать и стоя, а идти в блокауз у него желания не было. Искать свою хижину тоже не хотелось, так он и остался у лошадей и дремал, прислонившись к стене. Полусонный, он слышал доносящийся из дома шум.

С рассветом из дома с ведрами вышла Мэри.

– Дженни! – крикнула она резко.

Появилась дочка. Ее волосы были спутаны, и выглядела она очень бледной.

Мать крикнула:

– Неси воду, будем будить свиней.

Харка повел мустангов к реке несколько ниже места, где брали воду женщины. Мэри наполнила ведра водой, а потом сказала Харке:

– Твой старик напился. Иди, вытащи его на свежий воздух.

Харка ничего не ответил и даже не пошевелился. Он подождал, пока женщины наполнили ведра и ушли от реки. Потом отвел коней в загон и вошел в дом, чтобы взять свои

вещи. Вышел наружу, подготовил коней, навьючил на них поклажу и остался ждать, пока не выйдет отец.

Рэд Джим – он тоже вчера много выпил, но, видимо, способен был много и выдержать – в это время вышел из дома и направился к Харке.

– Гарри! Где ты там торчишь? Не разыгрывай драмы. Выпивать должен каждый, а кто не умеет – пусть учится! Первый раз платит тот, кого учат. Пойдем вытащим твоего отца наружу.

Харка не удостоил белого даже взглядом.

– Ах, ты не можешь видеть пьяных? Эх, мальчик! А еще хочешь быть скаутом на постройке дороги.

Харка взял коней и отвел в сторону.

Джим посмотрел ему вслед и проворчал про себя: «Мальчик, ты мне не нравишься».

Двумя часами позже, когда солнце уже освещало реку и луга, все были на ногах. Матотаупа опустил голову в воду и сразу протрезвился. Он был очень бледен. Губы его были плотно сжаты, когда он подошел к Харке, чтобы взять своего коня. Осунувшееся лицо мальчика было единственным укором отцу.

Матотаупа смотрел в землю.

– Харка – Твердый Как Камень, никогда больше твои отец не будет пить этой колдовской воды.

Молодой индеец не ответил на это обещание, но он спросил:

– Кто тебе дал колдовскую воду?

– Бен.

Матотаупа чувствовал себя разбитым и испытывал угрызения совести, однако с обычной легкостью он вскочил на коня.

– Едем, – сказал он Харке. – Джо приказал мне разведывать дорогу. Белые пойдут за нами.

Индейцы подняли коней и скоро исчезли между холмами.

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

На четвертый день пути всадники с двумя проводниками-индейцами – Матотаупой и Харкой – переправились через Северный Платт. Здесь они обнаружили следы, которые пересекали их путь. Целый отряд недавно прошел тут. Кони были подкованы, – значит, это отряд белых. Конники не делали ни малейших попыток замаскировать свои следы и, по-видимому, не опасались противника. Судя по отпечаткам копыт, они двигались то рысью, то галопом и путь держали на северо-запад.

Индейцы подозревали Джо и Джима и показали следы. Джим наклонил голову:

– Я думаю, белые в этой местности нам не помеха.

– Следы говорят, что они восьмичасовой давности, – пояснил Матотаупа Джо.

– Значит, нетрудно догнать этих людей? – спросил инженер.

– К вечеру можно нагнать, – ответил Матотаупа. – Такие всадники рано остановятся на привал.

– Да... Но нам с ними не по пути, мы идем на юго-запад. Пожалуй, неплохо, если Топ и Гарри догонят отряд, узнают, что это за люди. Ты, Джим, останешься с нами: несколько дней мы обойдемся одним разведчиком.

У Джима нашлись возражения:

– Речь идет о белых. Индейцу, который попадется им на пути, придется кисло. Я думаю, не следует посылать Топу и Гарри. Они, конечно, сумеют провести разведку, но если дело дойдет до разговоров, лучше, чтобы с ними был кто-нибудь из нас.

– Нельзя же отправить всех разведчиков, – сказал Джо. – Меня все это очень интересует, и я сам поеду с Топом и Гарри, а ты, Джим, останешься с нашими людьми.

– Согласен.

Джо и Джим вернулись к группе, чтобы объявить свое решение. Индейцы дождались Джо и вместе с ним направились по следу. Матотаупа ехал впереди, Харка – замыкающим, Джо, едущему посередине, пришлось приноравливаться к индейцам и, как они, менять галоп на шаг и снова скакать галопом.

Скоро Матотаупе стало ясно, что его расчет верен. И отец, и сын почувствовали близость больших костров. Матотаупа пустил мустанга шагом и обратил внимание Джо на легкий запах дыма.

– Мы подъедем к ним открыто? – спросил инженер.

Матотаупа прямо не возразил, но и не сказал «да»: не в обычаях индейцев было выдавать себя, прежде чем они не узнают, кто перед ними.

– Ну, как ты думаешь, Топ?

– Мой сын здесь может кое-чему поучиться. Мы остановимся и пошлем его разузнать, что это за люди. Задача не из трудных: всадники чувствуют, что сильны, и не соблюдают осторожности.

– Что ж, согласен. Предоставим Гарри проявить свои способности, – добродушно согласился Джо, слез с коня и

закурил сигару, последнюю сигару, которую он долго берег.

Матотаупа тоже слез с мустанга, опустился на траву и вытащил трубку.

Харка отнесся к поручению с должной серьезностью. Он стреножил коня и, слегка пригнувшись, поднялся на ближайший холм. С возвышенности были видны костры, их можно было даже сосчитать. Харка решил дожидаться наступления сумерек и рассмотреть все поближе. Он даже надеялся подслушать разговоры: ведь по вечерам у костров люди обычно не прочь поболтать. Харка подумал и о том, что за белыми могут вести наблюдение и другие разведчики-индейцы: лагерь был на расстоянии дневного перехода от Лошадиного ручья и мест охоты рода Большой Медведицы. Этих разведчиков-индейцев Харка опасался больше, чем белых.

Белые обычно ведут себя неосторожно, а огонь выдает их с головой, в особенности по ночам. Конечно, Матотаупа знал об этом, посылая Харку. Но хотя он и сказал, что задача нетрудная, легкой она не была — предстояло самостоятельно провести разведку, и отец посчитал его достаточно внимательным и сообразительным для выполнения этого дела. Мальчик не сомневался, что отец проследит за каждым его шагом, чтобы узнать, насколько он осторожен, наблюдателен и хитер. Эта мысль занимала Харку, пожалуй, не меньше, чем соображения об опасностях, с которыми он мог встретиться во время поиска.

Сначала Харка двигался довольно быстро — не было никакого резона терять время на излишнюю осторожность. Однако он не упускал лагерь из поля зрения, используя для

наблюдения каждую высотку. Приблизившись к кострам, он уже понял, что отряд расположился в долине небольшого, текущего на северо-восток ручья. Берега его поросли ивой, ольхой и мелким кустарником.

Харка установил, что кони белых держались двумя табунами по одну и по другую сторону ручья, что костров было пять, один – на правом берегу и четыре – на левом, что сам лагерь вытянулся вдоль излучины. Примерно посредине лагеря берег был особенно высок, и уж если белые люди не выставили здесь дозора, – значит, они глупее собак прерий... Впрочем, Матотаупа всегда говорил сыну, что не следует считать врага глупцом, надо, наоборот, думать, что он сообразителен и хитер, вот почему Харка, хотя и не обнаружил на круче дозорных, все же считал, что они там могут быть, так же как и в кустах с обоих концов вытянувшегося в линию лагеря. Предводитель отряда, по всей видимости, тоже где-то поблизости от высотки: ведь это и посредине лагеря и недалеко от коней, рассуждал Харка и соображал, как бы ему подобраться поближе. Под прикрытием деревьев и кустарников он решил дойти до ручья, переправиться через него и, описав большую дугу севернее лагеря, подкрасться к нему с другой стороны.

Так он и поступил: осторожно по кустарнику пробрался на высотку. При этом он заметил, что на самом деле был не единственным разведчиком. Кроме него по меньшей мере еще двое наблюдали за лагерем: один – на противоположном берегу, другой – на этом же, совсем неподалеку. И оба – индейцы: у одного, у того, что напротив, Харка успел заметить косичку, у того, что был рядом, мелькнула в траве оторочка мокасин. Рассудив, что все разведчики обеспо-

коены главным образом тем, чтобы их не обнаружили белые, Харка сосредоточил все свое внимание на лагере.

Становилось совсем темно. Топтались кони, потрескивал огонь костров, слышались голоса людей. Харка подползал все ближе и ближе до тех пор, пока не смог отчетливо слышать каждое, даже негромко произносимое слово. Да, белые люди оказались очень беспечны. Харка теперь убедился, что они и не подумали выставить дозорного на высоте.

И только юный разведчик расположился поудобнее, как ветки соседнего куста неслышно раздвинулись и разведчик-индеец улегся совсем рядом с Харкой, видимо тоже собираясь подслушивать. Харка схватился за рукоятку ножа и приготовился к прыжку. Однако сосед не выказывал никаких враждебных намерений. Оба быстро посмотрели друг на друга и оба снова устремили все свое внимание на лагерь.

Ни тот, ни другой не шевелились, только Харка нет-нет да и посматривал на соседа. Расстояние между разведчиками было чуть больше протянутой руки. Харка присматривался, и казалось ему, что он знает этого парня, хотя и не видит в темноте лица. Он был довольно мускулист и широкоплеч. Эти руки... эти плечи... нет, Харка не мог ошибиться, не мог ошибиться даже в ночной темноте. Как часто Харка мерился с этим парнем в силе и ловкости у палаток рода Медведицы, состязался с ним в плавании, в скачках на конях! И Харка всегда брал верх, а этот, хотя и был старше (а это был именно он – Шонка), терпел поражения. С детства у них были недружелюбные отношения, и даже тогда, когда умер отец Шонки – вождь мирного вре-

мени – и Матотаупа взял к себе в палатку вдову и ее сына, их отношения не стали лучше. От Четана Харка знал, что Шешока – мать Шонки – теперь вышла замуж за пленного Тома Без Шляпы И Сапог и что Том сбежал от нее... И вот Шонка теперь рядом с ним, Харкой, лежит под соседним кустом и наблюдает за лагерем.

Довольно громкоголосый белый подошел к ближайшему костру. Каждое его слово отчетливо доносилось до Харки. Однако белый говорил очень быстро, и Шонке, который почти не знал английского языка, уж конечно, ничего не понять. Харка подумал, что только он сам сможет как следует во всем разобраться.

Пятьдесят три человека, расположившиеся здесь, составляли отряд так называемой милиции: тут были и лесорубы, и трапперы, и разведчики, и земледельцы, и скотоводы – словом, все те, кого можно было встретить на аванпостах цивилизованного мира по границе с «диким» Западом. Они направлялись покарать род Медведицы за отравление изыскателей.

Отряд был многочислен, хорошо вооружен, и выполнение задачи казалось людям делом простым и почти безопасным. Они намеревались совершить налет на Лошадиный ручей, где «эта банда убийц» весной обычно разбивала свои палатки. Они собирались разрушить палатки, растоптать и перестрелять вокруг них все живое. Белые подробно обсуждали план нападения, ведь с наступлением утра им оставалось только сесть на коней и приступить к осуществлению задачи.

Отношение Харки к услышанному было двойственным. Два года назад он вместе с изгнанником-отцом принял

участие в отражении напавших на род Медведицы пауни, но ни вожди, ни старейшины даже не поблагодарили их за это. Воины рода Медведицы могут в этот раз обойтись без их помощи, ведь у них есть оружие. С другой стороны, там Уинона – сестра Харки, которую он так любил, там Унчида – бабушка, заменившая ему мать... И он не может их защитить? Харка даже представить себе не смел, что Унчиду и Уинону будут топтать, истязать, могут даже убить!.. Тут Харка невольно подумал о лежащем рядом Шонке, который наверняка не только не пошевелинет и пальцем, чтобы защитить Уинону и Унчиду, но даже, наверное, будет рад их несчастью.

Харка прикинул: белые люди хотят двинуться с восходом солнца и около полудня уже покончить с родом Медведицы... Если сейчас же отправиться в путь, то еще до восхода солнца можно успеть предупредить Уинону... а та предупредит всех, даже ненавистного жреца, даже старейшин, которые несправедливо осудили Матотаупу, даже Четана, который считает Харку сыном предателя. Всех предупредит Уинона, ведь не будет же она молчать. А если велеть ей молчать? Но тогда ей не убежать в лес, не вызвав подозрения. Как быть? О том, чтобы слова белого перевести Шонке, у Харки не возникало и мысли: этого парня он ненавидел.

Харке надо было вернуться к отцу и Джо, сообщить им обо всем. Но Джо, в конце концов, может узнать о том, что предприняли белые люди, и днем позже, и это ничего не изменит. Может быть, даже лучше, если он узнает позже, потому что он, наверное, захочет принять участие в налете – и тогда пропадут все, кто живет на Лошадином ручье, ведь Джо сам пережил «утро мертвых рыб».

Это опасение как-то отодвинуло все другие соображения Харки. Нет, нет, Джо не должен сейчас узнать об этих планах! Надо сначала предупредить Уинону. Может быть, все же удастся помочь сестре и бабушке...

Харка выполз из кустов так, что сосед ничего не заметил. Он отполз достаточно далеко и оказался в долине, по которой хотел выбраться в открытую прерию. Ничто не свидетельствовало об опасности. Харка поднялся и побежал по холмистой прерии на северо-восток.

И вдруг какой-то звук послышался Харке позади... Потом где-то в стороне... Неужели его преследует Шонка или тот разведчик, косичку которого он заметил на другом берегу?

Харка остановился. Внешне он был совершенно невозмутим, однако беспокойство его росло – он чувствовал присутствие человека...

А ночь по-прежнему оставалась безмолвной. Может быть, тот, другой, кто преследует его, тоже остановился, чтобы не выдать себя? Молодой индеец не был человеком, который легко отказывается от поставленной задачи. Он взял в руки револьвер, решив при надобности стрелять, и снова побежал. Временами ему слышался топот человеческих ног, но он уже не останавливался и не прислушивался, решив, что, в конце концов, и разведчик рода Медведицы тоже может спешить этим путем к Лошадиному ручью.

Чем ближе был Харка к Лошадиному ручью, чем скорее приближался момент встречи с сестрой и бабушкой, тем страшнее и страшнее становились видения кровавого торжества белых. Харка тяжело дышал, судорожно рас-

крывая рот. Еще один поворот – и уже совсем рядом долина Лошадиного ручья.

Вот он карабкается на высокий берег. Ветер освежает его вспотевшую спину. Сквозь ночной туман доносится журчание поллой воды. И только поднялся он, как из мрака и тумана возникла перед ним человеческая фигура.

Харка смотрел и не двигался.

Перед Харкой стоял индеец. Волосы его были расчесаны на пробор, верхняя часть тела обнажена, в руках – ружье.

Это был Матотаупа.

Харка чувствовал, что и отец пристально смотрит на него. И раз Матотаупа не таясь стоял перед ним, значит, поблизости не было врага и Харка мог без опаски подойти к нему.

Матотаупа опустился среди кустарников на землю. Сел и Харка. Он ждал, что скажет отец. Но Матотаупа не раскрывал рта и не подавал знака говорить Харке.

Харка был теперь убежден, что именно отец и следовал за ним. Несомненно, он знает, о чем говорили белые, – ведь он тоже понимает их язык. И если уж Матотаупа направился тем же, что и Харка, путем, то, видно, он не станет задерживать сына – скорее всего им руководили те же заботы, и он, наверное, тоже собирался предупредить Уинону и Унчиду... Харка ждал, что скажет отец, он все еще ждал... Взошла луна. Свет ее проникал сквозь ветви кустарника и падал на Харку. Матотаупа оставался в тени. Матотаупа продолжал молчать, и Харку охватил непонятный страх, точно в спину ему вот-вот вонзятся когти хищника. А что, если отец думает не так? Что, если он

считает, что Харка изменил долгу разведчика? Изменил?.. О, тогда произойдет такое, чего даже нельзя себе представить.

Матотаупа заговорил.

– Кто ты? – спросил он сына тихо, сохраняя достоинство и спокойствие.

Харка отвечал медленно, запинаясь, еле ворочая вдруг отяжелевшим языком:

– Я – Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз... Убивший Волка, Преследователь Бизона, Охотник На Медведя... сын Матотаупы... – Харка хотел на этом закончить, но взгляд Матотаупы требовал продолжения. – И... и разведчик белого человека Джо.

– Ты был всем этим.

У Харки перехватило дыхание: все его надежды рухнули.

Снова стало тихо. Неотвратимо приближалось утро.

– Куда мне идти? – подавленно спросил Харка: он понимал, что этим вопросом отдает себя на суд отца.

– Иди туда, куда ты хотел идти! Иди, если ты презираешь отца и предаешь своих друзей!

Харка пытался собраться с мыслями, но и мысли его и чувства были подавлены тяжелыми сомнениями. Он молчал.

– Я не держу тебя, иди!

– Н-нет...

– Знаешь ли ты сам, чего хочешь?

Харка склонил голову и уставился в траву.

Отец сидел перед ним в отчаянии, опустив плечи. Люди рода лишили его и чести, и родины и вот добираются до

последнего, что еще осталось, – до сына. Они настраивают Харку против Джима, они незримыми нитями притягивают Харку к себе. Кем же он, Матотаупа, будет в глазах Джо, как не отцом изменника, мальчишки, который хотел бежать к врагам? И каким врагам! Джо никогда не забудет «дня мертвых рыб».

– Харка, мог ли я подумать, что ты – блудливая собака и коварная лисица! Вставай и иди! Я приведу тебя к Джо и скажу, что ты хотел нас предать. Он решит, что делать с тобой.

Харка поднял голову.

– Веди! – сказал он хрипло, потому что дыхание еще не подчинялось ему. – Веди, но не говори больше того, что знаешь, скажи, что ты встретил меня на пути к Лошадинному ручью.

– Чем ты докажешь, что не хотел нас предать?

– Чем хочешь. Можешь сдирать с меня кожу – я не крикну!

– Нет, это не подойдет, я предложу тебе другое. Ты будешь бороться с нами против рода Медведицы!

Харка вздрогнул. Он, когда еще только начинал говорить, уже знал, что не имеет права возражать старшим, но тут он не смолчал:

– Я не снимаю скальпов с женщин... с детей...

– Ты будешь бороться против тех, у кого оружие в руках, а иначе – ты предатель, и я напялю на тебя женское платье и убью! Так ты будешь бороться?

Харка хотел еще что-то возразить, но не смог и только выдавил из себя:

– Да.

Матотаупа не смотрел на мальчика. Он добился своего, но что-то мешало ему взглянуть в лицо сына. И раздражение его не улеглось, а, напротив, усилилось. Он резко поднялся.

– Пошли!

Харка нетвердой, шатающейся походкой последовал за отцом.

Матотаупа двинулся тем же путем, которым они пришли. Направлялся ли он к Джо и его спутникам или туда, где располагалась милиция, сначала было непонятно, но скоро стало ясно, что они направляются к лагерю, к которому недавно подкрадывался Харка и у которого наверняка побывал и Матотаупа.

И еще не успели они дойти до лагеря, как до них донеслись выстрелы. Матотаупа остановился, прислушался. Выстрелы прекратились. Тогда Матотаупа ускорил шаг, и Харка последовал за ним.

Наконец они достигли лагеря. Костры тут были потушены, и нигде не было видно огня, только от обгорелых деревьев поднимались дымки. По-видимому, лагерь был обстрелян из луков. Вот из-за этого-то, вероятно, и потушили огни и ответили ружейным огнем. Но сейчас стояла настороженная тишина. Момент для встречи индейцев с белыми был неподходящий.

– Беги к Джо и сообщи ему обо всем! – приказал Матотаупа Харке.

Не сказав ни слова, Харка отправился. Он побежал, ускоряя бег, к тому месту, с которого начал разведку.

Когда он определил, что находится неподалеку от Джо, он издал условленный крик и получил ответ. Джо не спал, он стерег трех коней.

– Ну? – спросил он Харку.

– Пятьдесят три человека хотят сегодня уничтожить палатки рода Медведицы на Лошадином ручье. Мой отец около лагеря милиции. Ночью лагерь был обстрелян из луков.

– Опять это коварство индейцев! И сегодня совершится кара? Да, я должен там быть! Я обязан быть там ради моих погибших спутников! Мы отправляемся. Сейчас же! Ты возьмешь лошадь своего отца?

– Да.

– Ты выглядишь ужасно усталым. Ты не ранен?

– Нет.

– Ты выдержишь?

– Да.

– Теперь пошли! Иначе нельзя.

Харка сел на Серого, коня отца он взял за повод и по-несся галопом по следу отряда. Джо поскакал за ним.

Они еще не доехали до ручья, где располагался лагерь, как вдруг Харка остановился.

– В чем дело? – спросил Джо.

– Нам навстречу идет человек.

– Человек? Я не слышу. – Джо все-таки взял ружье в руки, чтобы быть готовым к встрече.

Оба ждали. На одной из высоток показался Матотаупа и махнул рукой. Джо убрал ружье, а Харка поднял коня в галоп. Как только они встретились, Матотаупа тоже сел на коня, и они поехали дальше.

– Белые люди уже давно снялись. Я видел их. Они надеются, что мы их догоним, – угрюмо сообщил он.

– Вперед! – И Джо дал коню шпоры.

Матотаупа выехал первым, Харка по-прежнему замыкал цепочку. Всадники миновали место ночного пристанища милиции и поехали по следу.

Только далеко за полдень они достигли Лошадиного ручья. Матотаупа и Джо спешили. Отец оставил сыну коней и вместе с Джо поспешил на возвышенность, с которой хорошо обозревалась прерия.

Харка ждал и прислушивался. Не было слышно ни выстрелов, ни криков – полная тишина, лишь едва доносилось журчание ручья. Харка надеялся, что Шонка все-таки успел предупредить людей и белые не застали врасплох палатки рода. Военный вождь, может быть, успел распорядиться свернуть лагерь, а женщин и детей вовремя отправили в лес?.. А может быть, воины сражались с белыми?.. Харка мог пока только строить догадки, но Матотаупа и Джо – должны же они уже что-нибудь знать, ведь с холма видно...

– Поедем, – сказал Джо скорее всего просто потому, что надо же было что-нибудь сказать.

И снова всадники вытянулись в цепочку, и снова Матотаупа повел их галопом, и скоро встречный ветер донес до Харки запах дыма. Обогнули последний холм, закрывающий долину, и Матотаупа пустил коня шагом. Харка устремил взгляд на лагерь.

– Мы пришли поздно, но мои спутники отомщены, – громко сказал Джо.

Все выглядело так, как будто каратели застали лагерь на месте. На земле валялись полотнища и поломанные жерди. Четыре палатки остались нетронутыми. Но палатка жреца исчезла бесследно, пусто было место палатки совета,

место палатки вождя. Может быть, их успели разобрать и увезти? Земля вокруг была истоптана. Виднелось несколько трупов. Харка заметил, что они обезображены.

На другом берегу ручья толпились люди милиции в своих кожаных ковбойских костюмах. Они еще не выпускали из рук ружей. Расседланные кони, впрочем, были под охраной. Мустангов рода Медведицы Харка не видел, но не видел он и убитых коней. Из своры собак только три пегих кобеля слонялись на месте побоища и, кажется, не прочь были заняться убитыми.

Джо, Матотаупа и Харка проехали мимо разрушенного поселка к группе карателей и спешили. Харка привязал лошадей в стороне от коней белых. Он хотел усесться у своего мустанга, но отец взглядом приказал и ему идти к белым. Матотаупа подошел к предводителю отряда, с которым, видимо, познакомился ночью. Он назвал Джо Брауна, и это вызвало общий интерес. Люди поспешили к ним и расселись вокруг. Все хотели услышать от самого Джо, как погибли его товарищи.

Джо рассказал, но, кажется, он с видимой неохотой вспоминал об этом событии и даже начинал испытывать неприязнь к этим людям, которые допытывались о подробностях. Затем он спросил:

– Ну а что здесь произошло?

– Д-да, – произнес вожак, – ваш разведчик Топ нас предупреждал... Но мои люди чувствовали себя слишком уверенно, и их было не удержать. Утром они ну прямо меня за горло взяли. Топ видел разведчиков, а на рассвете у нас даже произошла перестрелка. Значит, нечего было рассчитывать застигнуть краснокожих врасплох. А мы по-

неслись, как стадо глупых бизонов. Когда мы подъехали, все здесь было спокойно. Палатки стояли освещенные утренним солнцем, а у ручья две или три женщины брали воду. Но едва мы появились, как женщины словно провалились сквозь землю, а из палаток посыпались стрелы. Четверо наших убито. Трех из тех, что стреляли, мы уложили, двое – убежали. И может быть, женщины, что черпали воду, были совсем и не женщины, а переодетые мужчины, которые скрылись в палатках и стреляли?

– Где же мустанги рода Медведицы? – спросил Джо.

– Когда мы подъехали, мустангов было не видно. Конечно, можно найти следы... Индейцы успели вывезти женщин и детей, шкуры, имущество. Видимо, они увезли часть палаток. Словом, им было известно, что готовится нападение.

– Среди индейцев рода Медведицы живет один сбежавший раб, его зовут Чужая Раковина, – сказал Матотаупа. – С ним его сын – Чернокожий Курчавый. Оба хорошо понимают язык белых. Если один из них был в разведке, – удивляться нечему.

– Проклятые негры! Всех их пора уничтожить! Им положено быть рабами!

– Вы, видно, из конфедератов? – спросил Джо.

– Да, я был с ними, отпираться не буду! – вызывающе сказал предводитель.

– Итак, род Медведицы потерял троих, а вы – четверых, – заключил инженер. – Вот итог нашей карательной экспедиции.

– Не забудьте, что разрушены палатки.

– Переломано несколько жердей, – заметил Матотаупа.

– Я уже говорил, Топ, что твои предостережения были справедливы. Но все равно наша миссия выполнена.

– Я посмотрю следы, – сказал Матотаупа, поднялся и кивнул Харке, чтобы тот шел с ним.

Отец с сыном прошли к тому месту, где был индейский лагерь. Матотаупа осмотрел убитых. Каратели выместили на них всю злобу и растерзали трупы так, что Матотаупа не смог их опознать.

Харка не впервые видел истерзанные тела. Год тому назад он видел погибшего отца Четана – Солнечного Дождя, который упал во время охоты на бизонов и был растоптан копытами. Видел своего дядю – брата Матотаупы, разорванного гризли. Харка не раз слышал, что от неудачных охотников часто находили только куски мяса да кости. Звери оставались зверьми, и можно было объяснить их слепую злобу к врагу – человеку. Но здесь были белые люди, и они знали, что делали. Они сняли с мертвых одежду, амулеты, забрали оружие и лишь после того раскрошили их. Таковы были белые люди, которые называли индейцев дикарями.

Харка тоже не мог никого узнать в этих изрубленных и растоптанных трупах. Может быть, среди них Шонка, может быть – Четан, а может быть, и младший брат Харки – Харбстена, потому что один труп значительно меньше других... Харка хотел завернуть останки, как это делалось по обычаю рода при захоронении, в кожаные одеяла, но он не посмел спросить на это разрешения у отца. Он только отогнал собак.

Обход показал, что еще до нападения белых были разобраны палатки жреца, совета, Матотаупы, а также па-

латка погибшего во время охоты Солнечного Дождя – отца Четана.

По следам было видно, что люди рода Медведицы ушли не вместе, а разошлись небольшими группами и, вероятно, встретились где-то в условленном месте, в лесу.

Когда Матотаупа и Харка возвращались к белым, они еще раз прошли мимо маленького исковерканного трупа, и Харка снова подумал о Харбстене. Раньше он мало внимания обращал на своего маленького брата. После перенесенного в детстве тяжелого заболевания тот был очень слабеньким, и не было надежды, что из него получится когда-нибудь хороший воин и охотник.

Оба перешли ручей. Матотаупа направился к Джо. Харка еще раз попытался остаться у коней, но Матотаупа опять взглядом приказал идти за ним. Мальчик и отец уселись среди белых рядом с Джо. Люди разогревали на костре какую-то еду и болтали, но Матотаупа оставался молчаливым и мрачным. Джо не участвовал в общей болтовне. Инженер даже немного отодвинулся в сторону и спросил у Матотаупы:

– Что ты скажешь теперь?

– Белые люди делали все неверно.

– Согласен с тобой. Да, все это было глупо... Чего мы добились? Хорошо вооруженный отряд скачет через прерии, тратит боеприпасы, жрет консервы, убивает трех индейцев, ломает несколько жердей от палаток и теперь празднует победу. Род Медведицы с небольшими потерями уходит в леса и теперь, вполне естественно, будет мстить, хотя бы за то, что так надругались над трупами...

– Что ты будешь теперь делать, Джо?

– Я? Ничего. Надо только отоспаться за прошлую ночь. А потом мы вместе отправимся к нашим людям. У меня договор с железнодорожной компанией. И так много времени потеряно зря с этой затеей.

Матотаупа погрузился в мрачное молчание.

Наступил вечер. Солнце закатилось за вершины Скалистых гор. Глухо журчали воды ручья. Вдалеке послышался вой волков.

– Белые люди хотят провести ночь здесь? – вдруг спросил Матотаупа; в вопросе звучала озабоченность.

– У тебя есть какие-то опасения? – поинтересовался инженер, встревоженный тоном индейца.

– Да. Если бы я был вождем белых людей, я бы приказал сейчас же сниматься.

– Уж не думаешь ли ты, что ночью на нас могут напасть?

– А почему бы и нет. Если мы останемся, нужно усилить дозоры или продолжить преследование!

– Ну, поднять наших людей на новое выступление и прочесать лес нам не удастся. Они выполнили свое и теперь будут болтать о том, что разрушили поселок и уничтожили индейцев. Они хотят того же, что и я, – вернуться к работе. А преследование рода Медведицы потребует не одну ночь.

– Да, и будут еще убитые.

– Ну вот видишь. А нам это ни к чему. Сумеешь выставить дозоры?

– Я не могу приказывать здесь белым людям.

– Я скажу, чтобы они слушались тебя.

Джо направился на другую сторону большого круга переговоров с вожаком. Матотаупе было доверено расставить посты.

Он решил прежде всего выслать дозорных на западную и восточную высоты – туда, где ручей делал поворот, то есть расставить посты так, как делал это, будучи военным вождем рода Медведицы. Он предложил также установить пост и там, где когда-то стояли палатки. Коней он перевел на восточный берег, где обычно находились мустанги индейцев.

Наступила ночь. Растерзанные трупы белые люди собирали в кучу на берегу. Выли собаки, чуя приближение койотов. Вожак собрал людей и показал, кому куда идти в дозор.

Матотаупа сообщил все это Джо и сказал, что сам будет проверять дозоры вместе с Харкой.

Джо молчал. Матотаупа спросил:

– Что еще?

– М-да... Тебе очень нужен Харка? Может быть, дать ему поспать, он ведь чертовски устал, со вчерашнего вечера на ногах.

Матотаупа задумался. Потом повернулся к Джо.

– Он жаловался?.. Да... лучше пусть он останется с тобой и поспит.

Харка действительно еле стоял на ногах, и не только оттого, что не спал. Отец должен был знать – отчего. Инженер был рад, что его заботы достигли цели. Работа надолго отрывала Джо Брауна от семьи, к тому же у жены был прескверный характер, а дети были от него далеки. Он всем сердцем привязался к Генри, из которого хотел сделать хорошего инженера. Но Генри был сейчас далеко – и объектом забот Брауна стал Харка.

Харка решил устроиться на ночлег у своих коней, ко-

торые были привязаны отдельно от других в восточной части поселка. Отец воспротивился было, но Джо Браун не стал возражать. Инженер поступил совершенно неожиданно.

Едва Харка отправился к коням и улегся у своего Серого, тот тоже прихватил кусок кожаного полотнища от палатки, пошел за мальчиком и улегся неподалеку, у своего коня: Брауну были неприятны эти люди, которые проявили низменный интерес к обстоятельствам гибели его спутников.

Заснуть Харка не мог. И дело было не столько в усталости, сколько в огромном нервном напряжении. Сквозь полуприкрытые веки он смотрел на небо. Он вспоминал Уинону, Унчиду, их прощальные взгляды. Впервые он задумался и о младшем брате. Чего только, наверное, не пережил Харбстена в родной палатке за последние два года! Харбстена остался без отца и, что еще хуже, был сыном изгнанника и братом того, кто пошел за изгнанником. У Харбстены не было еще сил, чтобы постоять за себя, если мальчишки задевали его. Не было у него и старшего брата, который бы мог защитить...

Джо кого-то окликнул, и Харка даже вздрогнул, так неожиданно это было. Он приоткрыл глаза.

– Хэлло! – крикнул Джо. – Кто ты?

Мальчик лет десяти, узкогрудый, хрупкий, остановился шагах в пяти от Джо. На нем были мокасины, легины, кожаная куртка внакидку. Одежда была необычна. В это время года дети индейцев не носили курток, а на нем была прекрасно вышитая праздничная куртка, это Харка хорошо разглядел. При свете луны он узнал своего брата.

Харбстена подошел к Харке.

– Это ты? – спросил он на языке дакота.

– Да, это я.

– Я пришел сюда, – продолжал Харбстена своим детским голоском, – потому что от наших разведчиков узнал, что вы здесь.

– Тебя видел отец?

– Да. Я его спросил, где ты, и он мне сказал: «Иди туда, где спят, там найдешь его». Вот я и нашел тебя.

– Чего ты хочешь от меня? – спросил Харка.

– Харка – Твердый Как Камень, мы оба – сыновья предателя.

– Молчи, если ты любишь жизнь.

– Я не люблю ее больше. – Эти слова Харбстена произнес своим звонким голосом, но это были не просто слова, они вырвались, как вопль души.

– Существует много способов умереть, если кто-нибудь хочет умереть, – с горечью ответил старший брат.

– Я выбрал свой путь, Харка. Воины могут говорить, что я – сын предателя, которого в наших палатках, словно ребенка, связал Тачунка Витко и который девочкой Уиноной был освобожден. Но я покажу, что у меня есть воля и мужество. И это так.

– Доказательством твоего мужества служит то, что ты пришел ко мне?

Подошел Матотаупа и остановился около своих детей.

– Нет, – ответил Харбстена в присутствии отца. – Это не то, в чем я проявляю мужество. Я пришел сюда открыто, я сказал, кто я, и никто не препятствовал мне, когда я шел к тебе. Я проявлю мужество в другом.

Харка поднялся со своего ложа. Он чувствовал, что отец ждет, чем кончится этот разговор. Мелькнула мысль, что и Джо Браун свидетель этой сцены, правда, он не понимает ни слова.

– Как хочешь ты доказать свое мужество, Харбстена? – спокойно спросил Харка, преодолевая жалость к младшему брату.

Харке было трудно владеть собой еще и потому, что только сейчас, в присутствии отца, он услышал от Харбстены о том, что произошло с Матотаупой в палатках рода Медведицы...

– Как я докажу свое мужество? Вы сейчас узнаете. Он – который стоит здесь – мой отец. Ты – мой старший брат. Вы должны знать: я надел праздничные одежды, чтобы умереть в них, после того как...

При этих словах Харбстена сбросил куртку и, выхватив нож, бросился к Джо, который стоял неподалеку и не ожидал такого поворота...

Острие ножа даже не коснулось куртки инженера, пальцы Харбстены разжались – и он упал...

Джо Браун отскочил, с ужасом посмотрел на неподвижно стоящего Матотаупу.

Харка воткнул острие своего ножа в землю, обтер его и спокойно вложил в ножны.

– Бог мой! Что это? – скорее прошептал, чем сказал Джо. – Перед нами говорил ребенок. Я никогда бы не подумал, что такой мальчик способен на убийство... Гарри! Ты спас мне жизнь!..

Харка не обращал внимания на эти слова и даже не смотрел на Джо. Он молча взял кусок кожи, на котором

лежал Джо, положил на него убитого и прикрыл его праздничной курткой, которая была сшита Уиноной. Еще раз посмотрел на лицо, которое освещала луна – исхудалое лицо мальчика-старичка, – и стал заворачивать тело в кожу, как когда-то он и Харбстена заворачивали убитую мать. Этот маленький мертвец принадлежал Харке. Никто не должен его касаться. Никто! В праздничном платье со своим оружием должен быть похоронен Харбстена. Он убит как воин! Харка отошел, чтобы найти жерди и кожаные ремни. Он принес их. Установил жерди крест-накрест по две. Крепко связал их концы и подвесил завернутое в кожу тело к этим жердям так, чтобы оно не касалось земли. Это было обычным способом захоронения индейцев дакота, чтобы хищные звери не могли разорвать мертвеца.

Белые, спящие в палатках и несущие дозор, вряд ли видели, что произошло: не было ни выстрела, ни крика. И только те, что были в дозоре у лошадей, обратили внимание на эту группу. Но так как ни Матотаупа, ни Джо никого из них не окликнули, они продолжали нести дозор. Джо Браун хотел принести новую шкуру, но потом передумал и направился к одной из палаток. Внутри было совершенно темно, и, когда Джо вошел туда, кто-то крикнул: «Хе!» – так как Джо наступил на спящего. Джо остался спать в палатке. Ему было жутко с этими двумя непонятными разведчиками-индейцами.

С наступлением рассвета все поднялись. Мужчины направились к ручью, чтобы освежиться. То же сделали Матотаупа и Харка. Они не смотрели друг на друга и не делали попыток заговорить.

Пока белые завтракали и готовились к переходу, Матотаупа объезжал лагерь. Его щеки провалились, а спутанные волосы в лучах солнца казались еще более поседевшими.

Отряд двинулся в обратный путь. Инженер решил выехать позже, а утром немного отдохнуть в тишине. Весеннее небо над далекими, еще заснеженными вершинами Скалистых гор, над зеленеющей прерией было светло-голубым. Харка повел лошадей на водопой к ручью.

Когда он вернулся, Матотаупа, нахмутив лоб, пристально смотрел на запад, в том же направлении посмотрел и Харка, повернул голову и инженер. По прерии быстрыми шагами, не прячась шел одинокий человек. Оба индейца уже определили, что это женщина. Харка стал позади Серого и наблюдал поверх его спины. В приближающейся фигуре отец и сын узнали Унчиду. Губы Матотаупы злобно сжались при мысли, что она потребует от него скальп Рэда Джима и станет обвинять в разгроме стойбища. Харка вообще ничего не думал и не чувствовал — он был в таком нервном состоянии, которое гасило всякие раздумья. Скоро женщина приблизилась к ним и Джо смог увидеть ее седые волосы.

Женщина знала ручей и, когда достигла западного берега, подошла к мелкому месту и смело вступила в воду, не обращая внимания на то, что ее одежда мокнет. Она достигла восточного берега, на какое-то мгновение остановилась, затем пошла к середине бывшего поселка и дальше — к захоронению. У детской могилы испустила она один-единственный громкий жалобный стон. Затем она подняла одно из кожаных полотнищ и быстрыми шагами

направилась к тому месту, где лежали непогребенные тела. Она завернула их все вместе.

Когда это было сделано, Унчида направилась обратно. При этом она не отклонилась от находящихся теперь на ее пути мужчин. Она повернула лицо к Харке и Матотаупе, она смотрела им в глаза. Матотаупа опустил веки, но Харка выдержал взгляд и не скрыл от Унчиды того, что выражали его глаза. В его глазах была скорбь, которая была ответом на скорбь...

Унчида прошла мимо. Она опять перешла ручей и пошла на запад через прерию к лесам, в которых, наверное, скрывались люди рода и где ее ждала Уинона.

Когда она исчезла из глаз, Джо повернулся.

— Это удивительная страна, с удивительными людьми, — сказал он. — Что за лицо! Не искала ли она своего сына?

— Она его не нашла, — ответил Матотаупа.

ЛАГЕРЬ СТРОИТЕЛЕЙ

Матотаупа вскочил на своего мустанга и поехал в направлении, указанном Джо. Инженер опять был вторым, а Харка замыкал цепочку. Во рту у Харки пересохло от жажды, хотя он и напился в дорогу. Глаза его горели, виски были горячими, голова болела. Прерия плыла и крутилась перед его глазами так, что он не мог временами различить, где земля, а где небо.

Когда остановились на отдых у реки, Харке стало совсем плохо, и мужчины обратили внимание на его состояние.

– У него жестокая нервная лихорадка, – сказал Джо. – Что вы, индейцы, делаете в таких случаях?..

– Я поеду дальше, – с трудом сказал Харка; он лег на траву, повернулся к Джо и отцу спиной. Потом он хлебнул немного воды и спокойно лежал с закрытыми глазами, пока не наступила пора ехать.

Порядок движения изменили. Последним теперь ехал отец, который мог следить за сыном. Харка держался до самого вечера. Ночью он свалился в лихорадочном бреду, говорил что-то непонятное, а потом совершенно недвижимо лежал до утра на бизоньей шкуре. Отец укутал его в одеяло и взял к себе на коня. Джо повел Серого в поводу.

Солнце уже садилось, когда Матотаупа, Харка и Джо прибыли к месту назначения. Посреди прерии было разбросано несколько деревянных бараков, две большие палатки. Несмотря на позднее время, в лагере было оживленно и шумно. Почти никто не обратил внимания ни на инженера Джо, ни на обоих индейцев.

Прибывшие направились к одной из палаток. Перед входом в нее стоял стол, за ним сидел мужчина и перелистывал списки. Увидев инженера, мужчина поднялся и почтительно поздоровался. Джо Браун был начальником лагеря. Матотаупу и Харку мужчина отметил в списке, озаглавленном «Группа разведчиков Рэда Джима».

Джо хотел помочь находящемуся в беспамятстве мальчику. Он нашел двух санитаров, но тут же убедился, что они умеют лишь перевязывать раны, и стал продолжать поиски. Он увидел Рэда Джима. Этот верзила сидел с какими-то двумя субъектами и пил пиво.

Джо Браун произнес что-то вроде приветствия и спро-

сил, не видели ли они Генри. У Джима не было желания отвлекаться от выпивки, но, заметив, что инженер очень озабочен, он на всякий случай спросил:

– Что случилось?

– Нужно найти кого-то, кто хоть что-нибудь понимает в болезнях, иначе Гарри умрет у нас на руках.

Джим вскочил, на миг задумался и сказал:

– Об индсмене лучше всего позаботятся индсмены. В моей группе два пауни. Я с ними поговорю.

Джо был не в восторге от такого оборота дела, он не очень-то доверял искусству индейцев исцелять. Но Джим проявил такое усердие, что даже оставил пиво и побежал разыскивать пауни.

Джим привел двух пауни, и Браун вместе с ними пошел к большой палатке, возле которой сидел Матотаупа. Харка лежал на земле, завернутый в кожаное одеяло. У него резко обозначились скулы, красные пятна покрывали щеки и лоб.

– Ему нужен хороший уход, – решительно сказал Джим. – Как далеко отсюда ваши женщины и ваши палатки? – повернулся он к пауни.

– Полдня пути.

– Берите его и несите туда, иначе он тут сдохнет. А тебе, Матотаупа, я даю отпуск, ты сам доставишь мальчишку к пауни. Пока обойдемся без тебя.

Индеец бросил благодарный взгляд на Джима.

Еще до наступления ночи Матотаупа и оба пауни направились с больным в поселок.

Харка не понимал, что с ним происходит. Кровь стучала в жилах, сердце неистово колотилось. Перед глазами все плыло, а голова болела так, точно вот-вот расколется череп.

Он судорожно раскрывал рот и хватал холодный ночной воздух. Он все время делал попытки сбросить одеяло. Его все сердило, и страшно хотелось пить.

Приходилось только удивляться, что его живым довели до палаток. Харку положили на мягкое ложе, раздели, однако нож, в рукоятку которого он вцепился в беспмятстве, у него так и не смогли отнять. Лоб и губы стали смачивать холодной водой. Когда он стал различать окружающие предметы, то увидел, что лежит в большой палатке. Много военных и охотничьих трофеев висело на жердях. Пол был покрыт одеялами и шкурами. В лихорадочном бреду Харке представилось, что находится в родной палатке, и он невольно вскрикнул.

Тотчас к нему подошла женщина и стала шептать что-то непонятное. У Харки снова потемнело в глазах. Его укутали в одеяло и вынесли из палатки. Там его раскрыли, чтобы холодный ночной воздух овеивал тело. Харку потрясло, у него застучали зубы. И снова вернулось зрение. Он видел над собой усыпанное звездами небо, а вокруг него танцевал человек, увешанный шкурами змей и черепами животных. Человек бил в барабан и подпрыгивал. Это был жрец. Он должен был изгнать из Харки злого духа — болезнь. Оборвав танец, жрец набросился на Харку и принялся растирать тело; при этом он выкрикивал непонятные заклинания. Харке представилось, что это Хавандшита, жрец его рода, тот, кто оскорбил и изгнал отца — Матотаупу.

Харка не хотел больше слышать барабана и заклинаний. Покоя, только покоя хотел он. Как и Харбстена, он хотел смерти и чтобы его в одежде подвесили над землей.

У мальчика уже не было больше сил. Он по-прежнему держался за рукоятку ножа и, когда жрец на миг отпрянул, вытащил неверной рукой нож и хотел убить себя. Не сумел! Острие ножа вонзилось в левую руку.

Он почувствовал, как потекла кровь. И жар тоже словно потек из него. Постепенно прошла головная боль, медленнее стало биться сердце и какой-то необыкновенный покой охватил его. Он закрыл глаза. Почувствовал, как кто-то взял его, и словно уже не его, холодеющую руку. Ему представилось, что и его уже раскачивает над землей ветер, как раскачивал когда-то тело матери, как раскачивал тело младшего брата Харбстены...

Когда он открыл глаза, над ним снова были кожаные полотнища палатки. Было светло. Харка повел глазами и увидел незнакомую женщину.

Женщина заметила, что он открыл глаза. Она сразу же принесла воды, а когда Харка жадно выпил, дала ему две ложки мозга бизона, который он с жадностью съел. Но он быстро устал и снова улегся.

На следующее утро Харка проснулся очень рано. Он поднялся, сам пошел к ручью, хотя чувствовал себя еще слабым, как следует помылся, вернулся в палатку и полностью оделся. Харка нашел все свое оружие. Во время завтрака он сел рядом с женщиной и поел так, как если бы был совершенно здоров. Он был тощ, как бизон в феврале.

Когда в палатку пришел отец, он улыбнулся Харке. Харка сказал:

– Я не хочу здесь оставаться. Я хочу сейчас же ехать с тобой обратно к белому человеку Джо.

– Хорошо, хорошо. Завтра мы отправимся. В лагере

неспокойно, мы, может быть, будем нужны Джиму и Джо...

На следующий день, вечером Матотаупа и Харка подъехали к лагерю строителей с его двумя большими палатками и деревянными бараками. Харка сразу заметил, что отец слишком мягко выразился, будто в лагере спокойно. В лагере все было в движении. Тут царила невероятная суматоха.

Харка с недоумением смотрел на возбужденных, собирающихся кучками людей. Мужчины громко разговаривали, пели. Кто-то забрался на бочку, и к нему стягивалось все больше и больше народу. В окружающем шуме Харка не мог разобрать слов, и смысл речей остался ему непонятным.

Джо Браун, его помощник – молодой инженер Генри, Рэд Джим, два разведчика пауни и еще несколько вооруженных людей прошли через лагерь и исчезли за большим бараком. Матотаупа позвал Харку, и они направились туда же.

Там вместе с Джо и Рэдом Джимом собралось не менее тридцати человек. У всех в кобурах револьверы, а в руках – винтовки. Джо поднял руку, заговорил. Голос его был резок и отчетлив.

– Люди, – сказал инженер, – рабочие забастовали. Они не хотят строить дорогу, они хотят домой. Они говорят, что мало еды. Это верно. Не хватает воды. И тут они правы. Вовремя не выплачивается жалованье... Я не могу их успокоить. А тут еще дакота ночью убили трех человек. Это ваша забота, разведчики! Вы должны обеспечить спокойствие рабочих!

– О'кей! – громко ответил Джим. – Мы с Топом, моим лучшим разведчиком, это сделаем. Но одного спокойствия недостаточно.

– Согласен, что недостаточно, – кивнул Джо. – Прежде всего нужно наладить регулярный подвоз продовольствия. Нужно вырыть еще несколько колодцев. Нельзя задерживать выплату денег. Этим займусь я. Но прежде всего – работа! Нам нельзя терять ни одного часа!

Харка не мог понять: почему нельзя людям сначала дать хорошую еду и деньги и тогда приняться за работу? Зачем так спешить с постройкой дороги? И раз уж рабочим нечего есть, так надо пойти на охоту, ведь Матотаупа и Харка обеспечивают себя охотничьей добычей...

– А если они не приступят к работе, пока не получат денег и продовольствия? – крикнул долговязый Билл.

– Тогда будем стрелять!

– Ого! Но ведь и у них есть кое-какое оружие.

– Так нам надо стрелять первыми. Один залп в толпу может сотворить чудо.

– Когда? – деловито осведомился Джим.

– Утром. Если они вздумают отлынивать от работы.

Ночь разведчики и вооруженные сторонники Брауна решили провести вместе здесь же за бараклом. Джим пошел потолкаться по лагерю, вывести настроения.

Харка очень устал, ему было холодно. Джима, обманывающего его отца, он презирал, а Джо Брауна не мог понять. Почему этот инженер, который совершенно справедливо говорил, что рабочие во многом правы, вдруг решил стрелять?

Харка завернулся в одеяло и попробовал заснуть.

Настоящего покоя не было, так как в лагере продолжался шум. Вернулся Джим и что-то шепнул Джо. Долговязый Билл перед кем-то хвастался своим искусством бросать нож. В лагере где-то пели. Оратор на площадке между бараками все еще продолжал говорить. И Харка теперь даже понимал, что он говорит. Он обвинял белых, которые заставляют других белых голодать, заставляют их работать и подвергают их жизнь опасности. Он обвинял белых, которые живут в роскоши и довольстве и не заботятся, чтобы снабдить своих рабочих всем необходимым. Он называл таких белых кровопийцами, угнетателями, говорил, что они ничуть не лучше рабовладельцев. Харка был согласен, что такие белые люди – плохие люди. Но ведь все белые одинаково плохо относятся к краснокожим и готовы отобрать у них землю и еду!.. Да, трудно понять белых...

С наступлением рассвета Матотаупа разбудил сына. В палатках и бараках было еще тихо. Фыркали лошади.

Джо Браун раскурил трубку.

– Генри, подойди ко мне, – позвал он молодого инженера. – Я с теми, кто порешительнее, пройду по лагерю и постараюсь сразу же после подъема направить людей на работу. Завтракают они пусть на месте. А если опять соберутся здесь и примутся за свои разговоры, то наше дело наполовину пропало. Ты, Джим, отвечаешь за то, что оружие будет применено только в случае необходимости. Только в этом случае! Но тогда уж – решительно, до конца!

Джо и Генри обошли барак и исчезли. Матотаупа, Харка и другие разведчики и трапперы, которые по договору должны были охранять лагерь от нападений индейцев, сидели, прислонившись спинами к стенке барака.

Взошло солнце. Лагерь оживал. Но не было смеха, шуток, громких разговоров, торопливых шагов – всего того, чем обычно сопровождалось рабочее утро. Люди угрюмо выходили из бараков и собирались небольшими группами. Они держались на почтительном расстоянии от разведчиков и посматривали в их сторону. От палатки доносился решительный голос Джо: он объявлял, какие партии рабочих куда должны направиться. Но все больше и больше людей собиралось здесь, позади барака. У некоторых были ружья.

– Проклятье! – пробормотал Рэд Джим и дал знак разведчикам приготовиться.

Матотаупа и Харка вместе с другими взяли оружие в руки.

– В чем дело? – крикнул в толпу Джим. – Отправляйтесь на работу!

– Делайте свое дело! – послышался ответ. – Вы только шатаетесь вокруг лагеря и пьянствуете, а нас бьют, как куропаток.

– Заткнись! Это вы только пьянствуете, а не работаете! – заорал Джим. – Убирайтесь, убирайтесь из лагеря!

Джим выхватил два револьвера и взвел курки. Это послужило сигналом для остальных. Матотаупа и Харка тоже вскочили на ноги, подняли ружья и так, спинами к бараку, стояли против толпы.

– Разведчики! Будьте же людьми! – послышался голос, который Харка слышал накануне вечером. – Разве вы не такие же рабочие, как мы? Разве вы не получаете такое же нищенское жалованье? Неужели ради каких-то грошей вы готовы каждый день ставить на карту свою жизнь?

– Замолчи! – рявкнул Джим.

От палаток донесся голос Джо Брауна:

– Отправляйтесь на работу! Кто будет сегодня работать, получит и деньги сполна, и еду! Это говорю я, Джо Браун. Кто не выйдет на работу – будет уволен!

А позади барака появился еще один – небольшого роста человек.

– Вы должны быть с нами вместе! Разведчики, трапперы, одумайтесь! Неужели вы станете вместе с индейцами расстреливать своих братьев! Переходите с оружием на нашу сторону!

В этот момент Матотаупа приложился щекой к ружью. Нет, он еще не стрелял, он не собирался стрелять, пока Джим не подаст знак. Но его движение было замечено.

– Чертов индсмен стреляет в нас! – вскрикнули в толпе, и со стороны рабочих раздался выстрел.

– Стойте! Стойте! – раздался голос вчерашнего оратора. – Братья рабочие! Краснокожие и белые!..

Рэд Джим спустил курок. Оратор схватился за грудь и растянулся на земле.

Грянул залп.

Харка тоже стрелял. Маленький человек, который вышел было вперед, упал, словно споткнулся: две пули попали ему почти в одно место – между глаз.

Трапперы и индейцы перезарядили оружие.

Толпа молчала. Люди словно оцепенели. Такого они не ждали. Они, собственно, не знали, что будут делать, они не успели ни о чем договориться, не успели ничего решить. Они просто думали, что вооруженные разведчики или примут их сторону, или выйдут из игры. Теперь они остались без вожака. Десять трупов лежало на земле.

– Люди, люди... – произнес кто-то.

Рабочие продолжали молча стоять против направленных на них ружей.

– Одумайтесь и идите! – крикнул Джим. – У нас нет желания расстреливать вас, как бизонов, но, если вы вынудите нас, мы это сделаем. Слышите! Другие уже пошли на работу, и вы отправляйтесь. Тогда никто не скажет, что вас видели здесь с оружием.

Последние слова Джима произвели действие. Один из тех, кто явился с оружием, повернулся и пошел. За ним – другой, третий. Толпа расплзалась. Осталось человек пять, которые с мрачными лицами стояли над сраженными товарищами. Двое из упавших еще стонали.

– И вы – прочь отсюда! Прочь! – орал Джим. – Или я буду стрелять!

Один из оставшихся вышел вперед. Он был еще совсем юн, на вид лет шестнадцати. Лицо его было бледно, босые ноги – забрызганы кровью павших товарищей. Вся одежда – рабочие штаны. Ребра отчетливо выступали сквозь кожу.

– Стреляйте, бандиты! – сказал он твердо и опустил на колени перед стонущим раненым.

Рэд Джим спустил курок, но в тот же момент кто-то снизу подтолкнул его руку, и три револьверные пули полетели в воздух. Джим повернулся и увидел Харку.

– Свиненыш! – прошипел Джим. – Подожди, я рассчитаюсь с тобой!

– Да, я думаю, мы с тобой рассчитаемся, – спокойно ответил Харка; в руках у него было уже не ружье, а револьвер, и палец лежал на спусковом крючке.

Пока Джим бросал яростные взгляды то на молодого

рабочего, то на стоящего рядом индейца, остальные опустили оружие.

Напряжение разрядилось. Двое вышли из-за барака посмотреть на главную площадку лагеря.

– Все отправляются на работу, – тут же сообщили они. – Кончайте со стрельбой. Это будет только на радость дакота.

Джим почувствовал, что события поворачиваются не в его пользу, и сразу же перестроился:

– Вот это правильно! Нам не стоит больше ссориться. – Он заткнул за пояс револьвер и рысью побежал к Брауну доложить, как он со своими людьми ликвидировал опаснейший взрыв, как застрелил главного подстрекателя и как недисциплинированно вел себя Харка.

– ... Он молод и горяч. Он не нужен нам. Мы его отошлем...

Браун вытер со лба пот, повернулся и молча пошел прочь.

Харка вместе с молодым рабочим стоял перед раненым, минуты которого уже были сочтены.

– Почему ты так поступил? – спросил босоногий юноша. – Я хочу сказать: почему ты не дал убить меня?

Харка даже с удивлением посмотрел в глаза рабочего и сказал:

– Ты ведь тоже не побоялся.

Матотаупа с разведчиками оттащил убитых от барака. Потом он подошел к сыну. Молодой рабочий только взглядом простился с Харкой и пошел со своими товарищами. Они принесли лопаты и начали рыть в стороне от барака могилу.

Матотаупа с Харкой направились к большой палатке разыскивать Брауна. Отец спросил:

– Ты понял, что сделал сегодня ошибку? Наступит день, когда ты должен будешь стать воином, но испытание тебе дастся нелегко.

Мальчик не ответил.

Браун увидел приближающихся индейцев, вышел из-за стола и сказал Матотаупе:

– Я хотел бы поговорить с Гарри наедине.

Матотаупа покорно кивнул: ему было стыдно за сына.

Джо позвал Генри, и вместе с Харкой они прошли в небольшую комнату барака, где инженер жил вместе со своим помощником.

– Гарри, – начал Джо, – ты сегодня поступил неправильно, но я не хочу тебя ругать за это. Ты смелый юноша. Ты спас мне жизнь, и я этого не забуду. Я думаю, что отец сказал тебе о твоём неправильном поведении. Словом, подумай об этом и впредь будь осторожней. Сейчас же я хочу с тобой поговорить о другом. Ты хорошо говоришь по-английски. Скажи, а ты умеешь читать и писать?

– Немного.

– Ты хочешь научиться читать и писать лучше?

– Да.

– Не хочешь ли ты уехать отсюда и поступить в одну из наших школ?

– Нет.

– Почему же нет?

– Я хочу учиться, но хочу остаться свободным.

– Ну, подумай над этим. Неужели ты хочешь навсегда оставаться индейцем?

– Да.

– Ты не понял. Я сказал «индейцем», а хотел сказать «необразованным человеком».

– А разве это одно и то же? Наверное, могут быть и образованные индейцы, – довольно твердо произнес Харка, и Джо согласился с ним кивком головы.

– Ну ладно, – добродушно сказал Генри, – ложись-ка ты на мою кровать. Здесь тебя никто не побеспокоит...

Харка проспал больше двух часов, а потом долго лежал и смотрел в открытую дверь, до тех пор, пока не вошли Джо, Генри, Матотаупа и Рэд Джим. Мальчик сейчас же поднялся и отодвинулся в угол к окну. Матотаупа остался около двери, остальные уселись на кровать Джо.

– Конечно, все, что обещано рабочим, я не могу выполнить сию минуту, – заговорил Джо Браун, – но хоть что-нибудь нужно сделать. Люди должны почувствовать добрую волю. Деньги... деньги я не могу вытащить из своего кармана, нет у меня денег. Чтобы вырыть колодцы, нужно время, но завтра же надо отправить людей и найти подходящие места... Да, что-то делать надо, иначе это затишье не продлится и недели.

– Консервов мало, и они испорченные, – мрачно сказал Генри.

– Да, основное сейчас – хорошая еда.

– Может быть, поохотиться на бизонов? – предложил Джим. – Мы в прериях, и сейчас весна.

Браун повернулся к Джиму:

– Хорошо! Очень хорошо! Самое важное и – так просто. Как же мы не додумались раньше? Пара котлов кипящего бульона, бизонье мясо... Несколько окороков можно под-

жарить на вертеле... Вот это-то нам и нужно! Но как мы найдем бизонов?

– Обратись ко мне, и я найду, – отозвался Матотаупа.

– Все в порядке. Я прощу тебя, Топ! Итак, господа, отправляемся спать, а завтра пораньше встанем. Дорога будет построена!

Все поднялись. Индейцы покинули комнату первыми.

– Спать пойдем к коням, – сказал Матотаупа. Харка погладил своего Серого, и тот сразу лег. Мальчик тоже улегся и завернулся в одеяло. Прежде чем закрыть глаза, он бросил взгляд в сторону свежей могилы. Две фигуры четко выделялись там на ночном небе. В одной из них Харка узнал босоногого юношу. Он бы охотно поговорил с ним, но отец... нет, отец будет против. Харка закрыл глаза и теперь уже думал только об охоте,

Харке минуло четырнадцать лет, а это был тот возраст, когда молодые индейцы уже принимали участие в охоте на бизонов. Да, Харка, которого белые люди называли Гарри, уложит бизона, и не одного... Но эти убитые им бизоны не будут доставлены в его родные палатки. Гарри будет убивать, а чужие люди будут жарить и есть бизонье мясо...

Через пять дней Матотаупа, Харка и ездившие с ними два разведчика пауни привезли в лагерь весть о большом стаде бизонов, движущемся с юго-востока.

Пока Матотаупа, Джо Браун, Рэд Джим обсуждали, как лучше организовать охоту, Харка отвел мустангов в небольшую долину, где собиралась влага и трава была более сочной и зеленой, стреножил коней и стал готовиться к охоте: поел сушеного мяса, попил из ручейка, снял всю одежду, кроме пояса, натерся жиром и занялся оружием.

Потом он вернулся к бараку, где жил Браун, и стал ждать. Скоро совещание закончилось и все вышли. Джо подозвал Харку:

– Ты хочешь принять участие в охоте?

– Да.

– Ты берешь с собой ружье?

– Нет.

– Почему же нет?

– Железная труба, которую мне здесь выдали, годится только на то, чтобы убивать енотов и белых людей, но не годится для охоты на бизонов.

– Все ясно. Ну, поступай как знаешь. Но если ты уложишь стрелами хоть десяток бизонов, я подарю тебе такое ружье, которое кое-чего стоит.

– Я понял.

Солнце светило в глаза скачущим по прерии всадникам. Когда издалека донеслось глухое мычание, кони стали горячиться. Матотаупа со своими спутниками поднялся на отлогий холм. Без команды охотники повернули коней и из цепочки перестроились в ряд.

Внизу перед ними спокойно паслись бизоны. Великолепный сильный бык выделялся среди стада, и Харка подумал, что если им достанется даже один этот бык, то белые люди будут долго варить его, поджаривать и есть.

Часть бизонов паслась, другие разлеглись и пережевывали жвачку. Их коричневые шкуры были пропылены, вымазаны глиной. Рога, которые могли быть такими опасными, едва выглядывали из косматых грив, маленькие глазки сверкали из-под нависшей шерсти.

Животные были спокойны, и лишь громкое глухое

мычание внушительно разносилось над прерией. Казалось, можно рассчитывать на хорошую добычу. Но Харка и его мустанг хорошо знали, что может произойти еще всякое.

Ближайший бизон находился на расстоянии полета стрелы. Вожак держался на севере, в голове стада, а охотники зашли с юга.

И вот все одиннадцать галопом понеслись к бизонам. На всем скаку они приготовились стрелять из ружей. Харка натянул лук. Три очередных стрелы он держал в зубах, чтобы, если охота пойдет, как задумано, можно было бы делать выстрел за выстрелом. Трапперы, у которых были устарелые, заряжающиеся с дула ружья, держали пули во рту.

Прозвучал первый выстрел, просвистела стрела Харки. Поле охоты еще не застилали облака пыли, и было видно, что стрела попала в молодого бизона, под лопатку, прямо в сердце. За другими охотниками ему было уже не уследить.

Напуганные треском выстрелов бизоны поворачивали свои огромные головы и, ослепленные солнцем, пытались разглядеть нападающих. С севера донеслось мычание вожака, который несся на выручку своего стада.

Охотники предоставили коням полную свободу. Точно безумные понеслись они вместе с обратившимся в бегство стадом.

Гремели выстрелы. Раздавались неистовые охотничьи вопли. Поднимались облака пыли. Вожак направлял стадо на северо-запад, и грузные животные неслись так же быстро, как и мустанги. Харка оказался на своем коне в гуще стада. Впереди него, справа и слева тряслись в бешеной скачке бурые спины. Оглянуться назад у него не

было времени. Стрелял он расчетливо и знал, что уже убил и второго бизона, и третьего. Никто потом не сможет этого отрицать, ведь его стрелы имели особые зарубки. Серый был скор и вынослив. Даже среди разъяренных животных он не забывал своей выучки – приближаться к бизонам так, чтобы всадник мог стрелять.

Харка неся, стрелял и кричал. Он ничего не видел перед собой, кроме пыли и бизонов. Он знал только одно: вперед, целиться и стрелять!

Он выпустил девятую стрелу, и знал, что девять бизонов убито. Но десятого еще не было.

И тут произошло неожиданное.

Головная часть стада, с которой неся Харка, вдруг пришла в замешательство. Животные стали метаться из стороны в сторону, останавливаться, задние наседали на передних. Серый заметался, но вырваться из толчеи коричневых тел было некуда. Харка сорвал с пояса ременный кнут и принялся хлестать по спинам сгрудившихся бизонов. На какой-то миг слева образовался проход, и Серый устремился в него, перескочил через одного бизона, через второго, но, зацепившись за спину третьего, упал. Упал и Харка. Однако он моментально поднялся и снова вскочил на вставшего на ноги Серого. Сквозь облака пыли до него донесся охотничий клич дакота, которые, видимо, атаковали стадо в лоб.

Так вот из-за чего возникла заминка!..

Что же делать? Конечно, чтобы не встречаться с соплеменниками, можно как-то выбраться из этой суматохи и ускакать в сторону. Но бросать такую великолепную охоту! К тому же еще нет десятого бизона.

В это время стадо, следующее за вожаком, встретив на пути новых охотников – дакота, свернуло на восток, и Харка, находящийся среди бизонов, понесся с ними в новом направлении. Крики дакота затихли позади. Видимо, они отсекали какую-то группу животных и теперь преследовали только ее.

Харка выпустил десятую стрелу в спину бегущего рядом бизона и в тот же момент услышал рядом, в облаках пыли, чей-то крик, несомненно, крик дакота. Бегущих животных становилось все меньше, и скоро Серый без труда пробился на свободное от бизонов пространство.

Когда чуточку улеглась пыль, Харка направил коня к последнему убитому им бизону. Десятый бизон лежал в траве на боку. Стрела попала туда, куда и послал ее охотник. Но... рядом с убитым бизоном стояла чужая дрожащая лошадь, так же как и Серый покрытая пылью и потом, с пеной у рта. Чужой охотник пытался вытащить вторую стрелу из спины быка, стрелу, которая не могла нанести смертельной раны. Этот охотник был молод, строен и курчав. Его волосы и тело, как и у Харки, были покрыты слоем пыли. Но когда он поднял свои огромные глаза, Харка сейчас же узнал его – друг детства Чернокожий Курчавый.

Харка не сошел с Серого и не произнес ни слова. Курчавый заговорил первым.

– Вот мы и снова вместе, – сказал он. – Бизон принадлежит тебе. Жаль...

– Почему жаль? – спросил Харка, выплевывая набившийся в рот песок.

– Потому что это была моя единственная стрела, которая все-таки попала в бизона.

– Отчего же ты до сих пор не научился как следует стрелять, Чернокожий Курчавый?

– Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, Преследователь Бизона, Охотник На Медведя, ты уже почти четырнадцать лет держишь в руках лук и стрелы, мне же только двенадцать. Я уже не ползаю по спине лошади, словно муха, как это было совсем недавно, я скачу вместе с нашими воинами. А вот стрелять на скаку я еще как следует не научился. Но я так хочу привезти с охоты своего собственного бизона: в нашей палатке много женщин, старых и молодых, а мой отец погиб.

– Чужая Раковина убит?

– Убит, Харка – Твердый Как Камень. Пятьдесят белых напали на наш лагерь, и их пули нашли моего отца, когда он оборонялся от них. Я ненавижу теперь белых людей еще больше, чем раньше. Я сказал! Хау!

Харка молчал, потупившись.

– Харка! – снова заговорил Курчавый. – Ты должен вернуться в род Медведицы.

Чернокожий Курчавый широко раскрытыми глазами смотрел на своего лучшего друга. Друга, который многому научил его, друга, которому он беспредельно верил. Харка не мог поднять взгляда и уставился на гриву Серого.

– Чернокожий Курчавый, – сказал он наконец, – а как ты думаешь, виноват ли перед родом мой отец Матотаупа? – и посмотрел на Курчавого.

Теперь тот опустил глаза и молчал,

– Говори же, Чернокожий Курчавый. Говори, что ты сам думаешь об этом, – требовал Харка и уже чувствовал, что он может услышать в ответ.

Курчавый печально посмотрел на Харку и продолжал молчать.

– Ты боишься, – с грустью произнес Харка, – так не бойся, я же не убью тебя за это. Говори, что ты думаешь.

– Матотаупа должен принести нам скальп Рэда Джима.

– Рэд Джим здесь. Возьмите его скальп. Или мужчины рода Медведицы не воины?

Чернокожий Курчавый молчал.

– Ну, что же ты стоишь и молчишь? Матотаупа не виноват?

– Так думаешь сейчас только ты один.

– Я один? Ты, может быть, думаешь, что какой-то дух закрыл мне глаза и не дает видеть правду? Прошло уже два года с тех пор, как Рэд Джим побывал в палатке Матотаупы, но и до сих пор он не нашел золота! Мой отец не выдавал тайны рода и не выдаст ее! Хау.

– Может быть, и так... – прошептал Чернокожий Курчавый скорее для себя, чем обращаясь к Харке. – Нам, молодым, трудно знать правду, если смелые и уважаемые воины не в состоянии узнать ее и спорят между собой.

– Но не думайте, что я вернусь в ваши палатки как сын предателя, – сказал Харка и почувствовал, что ему перехватило горло.

Он слез с коня, подошел к убитому бизону, вытащил свою охотничью стрелу и сказал:

– Бизон твой! Хау. – Вскочил на мустанга, поднял его в галоп и поскакал прочь.

В наступающих сумерках он увидел в одной из ложбин группу людей, спокойно расположившихся в большой круг. Большинство из них были индейцы, но были среди

них и белые. Они сидели и курили, видимо о чем-то совещаясь.

Харка поехал к ним. Когда он приблизился, то заметил, что большинство индейцев – дакота. Он даже узнал двоих из рода Медведицы, но они не принадлежали к особенно известным воинам племени. Видимо, род Медведицы принял участие в охоте вместе с другими дакота. Здесь же были старый траппер из лагеря строителей и оба разведчика пауни. Ни Матотаупы, ни Джима не было видно. По всей вероятности решили не раздражать дакота присутствием «предателя» Матотаупы и искателя золота Рэда Джима.

Беседа шла мирно.

Харка не стал подъезжать к людям, сидящим в кругу, но его подозвал старый траппер:

– Э-э-гей, Гарри! Ну, получишь ты новое ружье?

– Нет.

– Нет? Но мы, объезжая поле, видели уже девять бизонов с твоими стрелами!

– Десятого – нет.

– Жаль... А может быть, Джо Браун и так согласится?

– Я не буду с ним говорить об этом.

– Упрямец ты, но смелый парень. И это в четырнадцать лет! Девять стрел – девять бизонов! Об этом еще будут рассказывать, да! А отец твой уехал на станцию, в лагерь. Он должен собрать людей, чтобы доставить бизонов, не бросать же их здесь. Предстоит хорошее угощение!

– О чем вы тут говорите?

– Уже обо всем договорились с дакота. Каждый берет всех бизонов, которых убил. Надо же хоть раз решить все по-хорошему.

– Значит, все прошло благополучно?

– Более-менее, только Джиму бизон проткнул левую ногу. Кровь лила, как из зарезанной свиньи. Ну, ничего, его перевязали, и через пару недель он будет здоровехонек.

Харка простился с траппером и поехал в лагерь. Там он прежде всего выкупал своего взмыленного коня, потом вымылся сам и стал разыскивать отца. Было уже темно, но кое-где копошились рабочие: несколько отбившихся от стада бизонов проскочило через лагерь, они сломали большую палатку и повредили барак.

– Гарри! – окликнул Харку молодой инженер Генри. – Гарри, это же великолепно! Девятью стрелами ты уложил девять бизонов! Отец гордится тобой.

Харка прислонился к боку Серого.

– Ну что ты так кричишь?

Генри расхохотался.

– Ну это же великолепно! Конечно, ты получишь замечательное новое ружье.

– Десятого не хватает...

– Десятого?! Так ведь это же скорее шутка. Никто из нас не думал, что ты уложишь хотя бы пять.

– Но я с Джо Брауном не шутил. Я сказал! Хау!

– Гарри! Ты скоро будешь лучшим охотником в округе Платта, но уж больно ты щепетилен. Это нехорошо для серьезного человека. Пойдем-ка лучше к нам да выпьем по этому случаю. За успех на охоте, за окончание стачки. Твой отец уже давно там.

– Нет, – произнес Харка.

– Жаль. Ну, тогда доброй ночи! – И Генри направился к бараку, где жил Джо.

Харка похлопал Серого по шее, отвел его немного от лагеря, уложил на землю и рядом с ним устроил себе ложе из бизоньих шкур. Он понял, что раз отец опять принялся за «таинственную воду», его не дожидаться.

Усталый Харка проспал до рассвета. Отец так и не появился. Утром, когда вместе с другими людьми старый траппер поехал за мясом, Харка присоединился к нему. Лошади встали у первого убитого Харкой бизона, и траппер заметил, что индеец что-то хочет сказать.

– Ну, что ты, говори!

– Скажи, можно мне взять печень и мозги убитых мною бизонов?

– Мозг и печень? А языки?

– Нет, языки мне не нужны.

– Тогда поделимся: мне – языки, а тебе – мозг и печень. Поможешь мне снимать шкуры.

– Хорошо. А рога и шкуры я бы хотел тоже забрать. Мясо мне не нужно, я настреляю для себя и другой дичи.

– О чем разговор, я согласен. Все равно шкуры нам ни к чему. Торговцев, которым можно бы их продать, тут нет. А что ты собираешься делать с ними?

– Я передам их пауни, чтобы они обработали. Я хочу построить палатку для нас с отцом.

– Подумать только! Слушай, а не передашь ли ты и две моих шкуры для обработки?

– Если хочешь. Но одну шкуру я подарю женщине пауни за работу.

– Но только из твоих девяти, понял?

– Хау.

Траппер удивленно посмотрел на юного индейца.

– Ты замечательный парень и годишься не только для охоты, – добродушно пошутил он. – Отдай женщине одну мою шкуру. И вот что, если Джим имеет что-нибудь против тебя, можешь на меня рассчитывать.

– Хорошо.

Весь день до позднего вечера Харка был занят: снять шкуру бизона и очистить ее от жира и мяса – это была не легкая работа. Закончив ее, он навьючил шкуру на двух лошадей. Мозги и печень ему не хотелось везти в лагерь. Он развел костер и стал поджаривать свои деликатесы. Подошел траппер.

– Неужто ты все сразу съешь?

– Да.

– Приятного тебе аппетита. Ну и брюхо у тебя! Когда же ты следующий раз будешь обедать?

– Послезавтра.

Харка был в восторге от такого изысканного лакомства. В лагере приятной для него по вкусу пищи не было, и с этого дня он решил сам заботиться о своем пропитании.

Было далеко за полночь, когда Харка вернулся в лагерь. Отца он нашел лежащим у коней. Матотаупа хотел похвалить Харку за отличную работу, но по резким движениям сына догадался о его настроении, и слова похвалы застряли в горле. Он притворился спящим и натянул одеяло на лицо. Ему было не по себе, ведь он дал сыну слово никогда больше не пить «таинственную воду» – и вот опять напился почти до потери сознания!..

Он лежал спиной к спине со своим сыном, но чувствовал себя очень одиноким. «Видимо, в этой воде какой-то особенно злой дух», – думал он, и эта мысль вдруг так

испугала его, словно увидел себя на краю бездонной пропасти.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Прошло три года. Рельсы железной дороги дотянулись уже до лагеря строителей. К ночи ожидалось прибытие поезда с материалами. После разгрузки он должен был отправиться в обратный путь.

Джо Браун сидел на постели в своей комнатухе. Он еще и еще раз перечитывал письмо. Его миссия на строительстве была завершена, и все дела он уже сдал прибывшему преемнику. Браун проявил себя, однако, достаточно энергичным и предприимчивым человеком. В условиях бешеной конкуренции различных компаний, осуществлявших строительство дороги, о таких качествах не забывали, и Браун получил новое выгодное положение. По случаю отъезда он давал прощальный ужин.

Генри вошел в комнатуху Джо Брауна. Молодой инженер был полон энергии.

— О Джо, сегодня будет великолепно. Я приглашу скрипача, который пикирует тут по вечерам. А кроме того, я обнаружил настоящего цыгана. Ну, этот сыграет, так сыграет! Все варится, жарится! А завтра — завтра мы уже будем катить по этой опостылевшей прерии! Как я рад!

Браун даже рассмеялся.

— Во всяком случае, мы свой участок пути сделали, и премия — наша.

— Я в этом уверен, Джо. Но извини, у меня еще куча дел. Один вопрос: кого ты хочешь видеть за нашим столом?

– Конечно, людей достойных, которых не так уж у нас много, и, конечно, тех, с кем мы блуждали по прерии и кто знает, что нам пришлось пережить...

– Хм... это значит... ну, словом, этот Петушиный боец – Билл не та фигура, которую хотелось бы видеть за нашим столом...

– Ты прав. А знаешь, составь два стола. Наиболее респектабельная публика пусть усядется с нами, а этих головорезов – подальше.

– Ага. Топ будет?

– Топ и Гарри.

– Гарри, пожалуй, откажется.

– Ах, упрямец!.. Но он спас мне жизнь... Уж в последний-то день он должен быть. Скажи ему, что сегодняшний вечер – это его служба.

Генри пошел на окраину лагеря, где стояла палатка Топы. Она была сделана из шкур, добытых Харкой на охоте.

Генри вошел внутрь. Его приветствовал Харка, который только что улегся спать, но, услышав шаги, успел подняться. Генри шел уже двадцать пятый год, но он был почти на голову ниже рослого семнадцатилетнего индейца. До сих пор Генри как-то не приглядывался к разведчику, хотя доставал ему книги – Гарри пристрастился к чтению. В обмен на шкурки он дал Гарри хорошую карту. Вот и все. Отношения между ними были чисто служебными. Сегодня же Генри вдруг обратил внимание на лицо индейца. Это уже не было лицо мальчика. Выделялся высокий открытый лоб, нос с горбинкой. Слегка прикрытые веки придавали этому лицу независимый вид.

– Джо Браун приглашает тебя и твоего отца на про-

щальный ужин. Быть на этом ужине – твоя обязанность, твоя служба. Так сказал инженер Браун, – произнес Генри.

– Но служба не обязывает меня пить виски. Я не пью. Это может вызвать неудовольствие, если я приду и не стану пить. Но если хочет Джо Браун и если хочет отец – я приду.

– Хорошо. Мы будем вас с отцом ждать, как только прибудет поезд. – Генри был рад покинуть палатку. И дело было не только в том, что у них с Харкой не находилось общего языка. Ему не по себе было от женщины, которая присутствовала при разговоре. Он принял ее за старуху, но о возрасте ее трудно было сказать что-то определенное. Вместо носа у нее был багровый рубец, уши отрезаны, щеки совершенно провалились, руки худы, как палки. Закутанная в черный платок, словно страшный идол, восседала она в глубине палатки.

Харка тоже не сожалел о быстром уходе молодого инженера. Поразмыслив немного, он покинул палатку и пошел в лавку. Для этой единственной в лагере торговой точки в одном из бараков был отведен угол с окном. Все здесь стояло втридорога, но так как других лавок поблизости не было, покупатели находились. Харка дождался, пока все разошлись, и тогда попросил трубочного табаку. Он расплатился монетой, которую извлек из расшитого индейским орнаментом кошелька. Подкладка кошелька с одной стороны была зеленая, с другой – красная. Юноша демонстративно повернул зеленую сторону к торговке. Это был условный знак. Торговка – черноволосая смуглая метиска – улыбнулась во весь рот, сверкнув белыми зубами, и на языке дакота тихо сказала:

– Старуха все слушает. Вечером она придет с внучкой за водой.

Харка вышел. Вернувшись в палатку, он отдал табак немой индианке, выкурил трубку и улегся спать. До прощального ужина было еще далеко.

Вечером он отвязал коня и поехал к ручью, который еще не пересох, напоить коня. Дул ветер. Чуть доносились обычные запахи лагеря – запахи грязной одежды, потных человеческих тел, кухни. Едва слышались далекие голоса, бреление котлов. На западе лежали горы, на которые уже упали фиолетовые тени. В небе заблестели звезды.

Старуха пришла.

Эта полная старая индианка целыми днями работала на кухне, чтобы прокормить себя и свою внучку. Она пришла сюда с ней, девочкой лет четырех, и пока ребенок плескался в воде, она говорила на языке жестов, но не с ребенком, как мог бы подумать посторонний наблюдатель, а с притаившимся Харкой, которого сразу же заметила. Она сообщила, что на кухню заходил парень из банды Джима и болтал там с белокожей девчонкой, что затевается какое-то злое дело.

Юный индеец осмотрелся по сторонам и на языке знаков же ответил:

– Пусть придет белая борода с нашими братьями.

Старуха поняла ответ, позвала ребенка и ушла обратно в лагерь. Она жила вместе с негритянками рядом с кухней, куда и вернулась с девочкой. Тут она извлекла из своего мешка светлый китель, который брала в починку, и отправилась с ним в канцелярию лагеря. Человек с льняной бородой, которая делала его на вид старше, чем он был, подметал помещение. Старуха взяла у него из рук щетку, чтобы продолжить эту работу, положила зашитый китель на стол и сказала белобородому:

– Приведи своих друзей на прощальный вечер. Гарри придет. – Молодой человек забрал китель, поблагодарил старуху и вышел. Он натянул китель на себя, посмотрел на звезды, определил, что у него еще есть время до начала празднества, и как будто без всякой цели направился к железнодорожному пути, туда, где должен был остановиться поезд. Там он встретил траппера, который нес дозор. Как будто между прочим бросил ему негромко:

– Сегодня во время праздника мы сядем неподалеку от Гарри. – Затем в полный голос спросил: – Ну, так когда же придет поезд?

Тут подошел Рэд Джим, и белобородый не стал продолжать разговора. Джим мог его узнать, а до сих пор белобородый избегал попадаться ему на глаза. В нем трудно было узнать того босоногого юношу, который три года назад чуть не получил пулю из револьвера Джима. Сейчас он снова вернулся в лагерь и под чужим именем нанялся на работу. Табельщик взял его себе помощником, и Мак Лину, как его звали, было известно многое, что некоторые люди хотели бы сохранить в тайне. Это Мак Лин сообщил Харке, что Рэд Джим присваивает деньги индейцев-разведчиков. Харка при отце сказал об этом Джиму, и тому пришлось отказаться от чужих заработков. Харку с этого времени Рэд Джим возненавидел еще больше.

Около полуночи пришел поезд.

– Ну вот, и последний день завершен точно по графику, – сказал инженер. – Значит, можно начинать. Пошли.

В огромной палатке, которая обычно служила и столовой и магазином, были расставлены простые столы и скамейки. Посредине сооружен помост, где уже разме-

стились музыканты. Стол для инженеров и администрации стоял поближе к буфетной стойке, недалеко от широкого прохода. Кто-то расстелил на нем скатерть и поставил цветы. Это не было предусмотрено программой Генри, но он и не подал вида, что это для него неожиданность.

Джо Браун сел в центре, его преемник Тейлор – слева от него, начальник станции – справа. Другие инженеры, бухгалтер и кассир заняли места по соседству.

Браун сделал заказ на весь стол.

Вошел Матотаупа. Волосы его были аккуратно расчесаны на пробор и завязаны в две косы. Лоб стягивала повязка из змеиной кожи, сзади за нее заткнуты два орлиных пера, которые не часто украшали голову бывшего вождя. Прекрасно расшитая кожаная куртка была, однако, изделием не дакота, а пауни, о чем свидетельствовали линии узора. Впрочем, это могли понять только знатоки. Матотаупа держал себя независимо и гордо. Царственная осанка и весь праздничный наряд делали его совершенно другим человеком. Это был не индсемен, который собрался поужинать со своими товарищами по разведке, это был вождь, приготовившийся к приему знатных гостей.

Харка, следовавший позади отца, не уступал ему ростом, но был по-юношески стройный. Куртки на нем не было: зимнюю, меховую, он не захотел надевать, а летнюю он так еще и не приобрел. Отцовская накидка из бизоньей шкуры, наброшенная на его плечи, была украшена изображениями подвигов военного вождя рода Медведицы. Никто не мог сказать, было ли какое-нибудь оружие под этой накидкой. Сядясь за стол, молодой индеец выбрал такое место, чтобы молодчики Рэда Джима оказались перед его глазами.

Заиграл оркестр. Скрипач подошел поближе к почетным гостям и запел под свою скрипку. Гости, поднимая бокалы, поворачивались к Джо Брауну и приветствовали его. Джо едва успевал раскланиваться. Выступать с речами он не собирался, это было не в его духе. Матотаупа подошел к Джо и что-то сказал ему. Инженер с удивлением поднял голову и энергичным жестом подозвал официантку Дейзи, на полной шее которой уже поблескивали капельки пота.

– Дейзи! Имей, пожалуйста, в виду: за эти два стола, что перед нами, расплачивается Топ! За все.

Девушка с сомнением посмотрела на вождя.

– Топ! О, тебя ждет такой расчет, что ты бы смог купить целую ферму... Да сможешь ли ты заплатить столько?!

Матотаупа усмехнулся, достал небольшой кожаный кошелек и раскрыл его, чтобы девушка могла заглянуть.

– Топ!.. Кто бы мог подумать! – Дейзи даже залилась краской, а глаза ее засияли так, словно она увидела чудо.

Матотаупа протянул ей несколько монет.

– Это за твою работу, – сказал он.

– Заказывайте, Топ платит за всех! – объявила Дейзи гостям за обоими столами, убирая монетки в карман передника.

– Виски и виски! – весело заорали разведчики.

Очень скоро многие захмелели, слышались глупые, грубые шутки, начались хвастливые речи, а люди все пили и пили за Матотаупу.

Временами казалось даже, что виновник торжества Матотаупа, а не Браун. Харка спокойно ел свое жаркое и не принимал участия в разговорах, которые были неприятны и

неинтересны ему. Матотаупе приходилось то и дело поднимать свой бокал, однако он еще не выпил ни одного, а когда Дейзи подошла, чтобы наполнить бокал еще раз, он выплеснул на землю остатки вина. И Харка заметил это.

Рэд Джим был совершенно трезв, хотя выпил не меньше других. Матотаупа едва ли выпил полбокала.

Харка впервые был среди пьющей компании, и отец решил показать сыну, что бывший вождь может быть щедрым и вместе с тем в состоянии не пить колдовскую воду. Он все больше и больше входил в свою роль: давно ему уже не случалось чувствовать себя в центре внимания.

Был третий час ночи, когда Харка сказал Джо Брауну, что хочет уйти в дозор, так как предутренние часы особенно опасны. Инженер не стал возражать, и Харка молча поднялся из-за стола.

В этот момент к нему потянулся с бокалом пьяный Майк.

– Выпьем!

– Пей сам, – ответил индеец и направился к проходу.

– Выпьем, чертов парень! Ты что, отказываешься?!

Харка не думал, что на этот крик кто-нибудь обратит внимание. Но тут у него на пути выросли четыре фигуры. Харка бросил взгляд на своих друзей и увидел, что они готовы прийти ему на помощь.

– Я не отказываюсь, я просто не пью. Пей сам, если ты хочешь, – спокойно ответил он, ничем не выдавая своего волнения.

– Тогда убирайся отсюда, осел, убирайся, раз не понимаешь вкуса!..

Харка улыбнулся. Такой поворот представлялся ему

подходящим. Однако пьяный Майк, видимо действовал не так, как было нужно стоящим за ним людям. Один из них что-то шепнул ему.

– Да, да, – заорал Майк, – убирайся к своим дакота! Это как раз то время, когда они осыпают нас зажигательными стрелами!

Слова «дакота» и «зажигательные стрелы» будто ударили по людям. За ближайшим столом смолк шум. Все находились в палатке, а палатка стояла на месте, где не раз возникали схватки. Неужели какое-то предательство?

Харка понял, что четверо, вставшие у него на пути, не выпустят. Он прыгнул навстречу Майку и ударил его так, что тот отлетел в сторону. Сам Харка оказался рядом с отцом и выхватил из-под накидки револьвер. Оружие он направил, однако, не на Майка, а на Джима.

– Убери своих, – сказал он тихо, – или я стреляю.

Рэду Джиму не осталось ничего другого, как поднять руки словно бы в жесте увещевания, – а скорее чтобы показать, что он и не помышляет об оружии, и заорать:

– Билл! Да успокой ты этого Майка! Вечно он затевает скандалы! Вышвырни его вон!

Билл понял, что дело приняло не тот оборот, которого они ждали. Подскочил Шарлемань, они схватили Майка, из носа у которого текла кровь, и выбросили его из палатки.

– Убери револьвер! – приказал Матотаупа сыну.

Харка послушался, его правая рука снова скрылась под накидкой.

– Я пошел, – произнес он и, никем не задержанный, вышел.

– Что это тут произошло? – спросил Тейлор.

– Дикий Запад, – пояснил Джо Браун. – Еще одно происшествие для вашей биографии.

– И вы считаете, что опасность миновала?

– Надеюсь.

– Скажи, это твой сын? – спросил Тейлор Матотаупу.

– Хау, мой сын.

– Мне этот парень понравился. Он не пьет, умеет выпутаться из разных историй, и, главное, у него долг службы – прежде всего. Такие люди нужны нам.

– Мальчик слишком нервный, – заметил Джим.

Браун и Тейлор вернулись за стол, где сидели другие инженеры.

– Всего один разбитый нос, – произнес Генри. – Пока обходится хорошо.

И снова принялись пить, и снова Дейзи наполняла бокалы, а Билл даже пошел с кем-то танцевать.

Единственный, кто пытался как следует разобраться в происшедшем, был Матотаупа. Он допил остаток виски из бокала и отставил его в сторону.

– Что с тобой? – спросил Джим.

– Ничего. Иду в дозор.

– Что вы все с ума посходили! – заворчал Билл. – Это же прощальный вечер Джо. Для дозоров нам еще дней хватит.

Матотаупа поднялся. Он торжественно простился с Джо. Подозвал Дейзи, отсчитал ей требующуюся сумму и заверил, что утром расплатится за все, что еще будет выпито и съедено.

Матотаупа пришел к себе в палатку. Оба мустанга стояли рядом на привязи. В палатке находилась только

немая женщина. Очаг был прикрыт. Кожаная накидка Харки лежала на месте, — значит, он был здесь и ушел. Ружье на месте, но лука Харки не было.

Матотаупа снял праздничный наряд. Вытащил из-за налобной повязки орлиные перья и бережно убрал их. Взяв ружье, он направился к железнодорожному пути. Там было безлюдно, все встречавшие поезд давно разошлись, кто на свою обычную ночную работу, кто на празднество, кто просто улегся спать. Все было спокойно, только из большой палатки доносились музыка, пение и крики.

Матотаупа хотел знать правду. Для этого он должен был знать, что делает сын сегодня ночью, должен был видеть это своими глазами. Сомнения в правдивости сына у него уже были, ведь Харка не сказал ему сам о встрече с Четаном... Ах, как бы он хотел не сомневаться в сыне! Конечно, разбитый горшок можно склеить, но он остается битым...

Матотаупа занял место на высотке. Вскоре ему удалось обнаружить Харку. Юноша выбрался из небольшого оврага и залег в траве.

Сердце Матотаупы заколотилось: не собирается ли Харка встретиться здесь с кем-нибудь из врагов? Поспешность, с которой он покинул праздник, была подозрительной. И удивительно, что воины рода Медведицы давно не беспокоили лагерь, уж не собираются ли они предпринять нападение именно теперь, когда прибыл поезд с провиантом и материалами?

Матотаупе даже стало жарко. Глаза его блеснули: выпитое вино и подозрения действовали заодно. Он заметил,

что Харка пошевелился, затем пополз вниз по склону и исчез в темноте. Отец долго ждал, когда сын покажется еще раз, но до самого утра так больше и не видел его.

С наступлением рассвета Матотаупа спустился с возвышенности. Он нашел место, где Харка лежал в траве, проследил путь его по склону. Потом следы пропадали. Харка оказался достойным учеником своего отца.

«Нападение ночью не произошло, – размышлял он, – слова Майка не подтвердились». Это успокоило индейца, и он решил возвратиться в лагерь.

Ветер усилился. Небо было затянуто облаками. Когда Матотаупа подошел к палатке, коней рядом не было. Видимо, Харка уже вернулся и повел их на водопой. Матотаупа откинул полог, вошел. Немая семинолка сидела в глубине палатки, на огне в котле варился мясной бульон.

Матотаупа поставил ружье на место и вдруг замер в изумлении: на куске кожи у огня лежал его собственный револьвер. Он схватился за ремень – кобура была пуста. Стало ясно, что делал Харка, когда запутал свои следы. Это он вытащил револьвер.

Матотаупа оставил револьвер лежать на месте. Его напряжение вдруг прошло, ему стало легче. Он рассмеялся... Это было высокое мастерство. Сын превзошел отца!..

И снова Матотаупой овладели сомнения: хорошо, если Харка расценивает ночные похождения отца как желание помочь сыну, проверить его умение, а если он подумает, что отец не доверяет ему?..

Харка возвратился с лошадьми. Матотаупа слышал, как Харка несколькими ударами топора забил кол, чтобы привязать мустангов на новом, невытопанном месте. И

вот юноша вошел в палатку. На глазах Харки Матотаупа наклонился, поднял свое оружие и с улыбкой, словно бы не было никаких тревог и подозрений, вложил в кобуру.

Харка взял свое одеяло из бизоньей шкуры и, не сказав ни слова, улегся спать.

Матотаупа еще немного помедлил, потом вышел из палатки в поднимающуюся пыльную бурю. Он побродил по лагерю, и вдруг ноги сами собой понесли его к большой палатке, откуда все еще доносилось пиликанье скрипки. На него пахло пивом, крепким табаком, виски. Большинство столов пустовало. Увидев индейца, скрипач-цыган заиграл какой-то бешеный танец. Матотаупа глянул на него невидящими глазами, подошел, бросил музыканту золотую монету. Оркестр подхватил одинокое выступление скрипки. Матотаупа тяжело свалился на ближайшую скамейку.

– Виски! – заорал он.

Кельнер бросился обслуживать гостя. Оркестр играл только для него, и Топ пил стакан за стаканом и не помнил, как свалился на землю.

Три кельнера, пугливо озираясь, подоברались к нему.

– Должен же он платить! – сказал один из них.

Но тут их уже оказалось пятеро – скрипач и Билл присоединились к ним.

Бил взял кожаный мешочек, который был подвешен к поясу Матотаупы, вывернул его и высыпал монеты

– Разделим по честному?

– Сначала за выпитое, – сказал кельнер и взял большую часть.

– Теперь за музыку, – сказал скрипач и сгреб остальное.

– Разбойники! Воровская шайка, – закричал Билл и

хотел отобрать у цыгана деньги, но сверкнул нож, и Билл с проклятиями отдернул проткнутую руку.

– Ну, отнесем индсмена в палатку, – сказал один из кельнеров. – Все оплачено.

Пока цыган и Билл сводили счета в схватке, в которой были дозволены любые приемы, кельнеры взвалили индейца на плечи, отнесли к палатке и бросили около коней на траву. Когда они удалились, вышел Харка. Он втащил отца внутрь и уложил на одеяла.

Харка уселся у очага и закурил. Семинолка сидела в стороне, и юноша мог видеть ее страшное лицо, слабо освещаемое огнем очага. Женщина молчала. Никто никогда не слышал, чтобы она произнесла хоть слово. Харка знал, что она из племени семинолов. После поражения ее племени во Флориде она была захвачена в рабство и только по окончании гражданской войны получила свободу. В лагере она работала посудомойкой на кухне. По предложению белобородого и разрешению Джо Брауна Харка привел ее в палатку, чтобы она для него и отца делала все, что входило в круг обязанностей женщины.

Сегодня Харка впервые заметил, как оживились глаза на ее изуродованном, застывшем, как страшная маска, лице. Она поймала взгляд Харки и больше не отпускала его.

– Можно говорить? – с трудом, словно не владея голосом, произнесла она на чужом ей английском языке.

Харка был погружен в свои мысли и не думал о женщине, пока она не поймала его взгляда. Произнесенные ею звуки были для него так неожиданны, как если бы вдруг заговорило дерево. И он должен был слушать и отвечать, покоряясь этому чуду

– Кто тебя искалечил? – спросил он.

– Белые люди и семинолы боролись...

– Я знаю, – медленно сказал Харка, – семь лет и зим они боролись. За каждого вашего убитого воина белые расплачивались сотнями убитых...

– Мы не были побеждены. Нашего вождя предали, и он попал в плен.

– Ваш вождь, Оцеола, умер в плену белых людей, я слышал об этом.

– Да, он умер. Это был отец моего отца. Мои мужественные родичи живы и борются вот уже сорок три года в болотах Флориды. Они будут продолжать бороться и сегодня, и завтра...

Женщина, а может быть молодая девушка, поднялась. Торчали худенькие плечи под ее черной матерчатой блузой. Она была высокая, как худосочный, быстро выросший ребенок или как изможденная мать, – кто знает?

Презрение, ненависть пробились сквозь маску ее застывшего лица.

– А ты, Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, ты защищаешь белых людей, угнетателей, убийц, кровожадных койотов!

Харка поднялся.

– Иди принеси воды, – сказал он.

Когда семинолка вернулась в палатку, она не нашла Харки. Ее глаза потухли, губы вновь плотно сжались. Она долго сидела у очага, потом резко поднялась, сбросила одеяло с Матотаупы и вылила оба ведра ему на голову.

Топ замотал головой, поднял веки и с удивлением посмотрел на семинолку. Потом вскочил и побежал к ручью

выкупаться. Целиком погрузившись в воду, он попытался вспомнить, что же произошло ночью. И настолько невероятным показалось ему все, что он сам себе не мог поверить и думал: уж не приснилось ли ему все это?

Он вернулся в палатку, надел свой праздничный наряд и пошел к станции.

Было около полудня. В лагере царил обычный шум и оживление. Все, кто могли, спешили к поезду, чтобы еще раз проститься с Джо Брауном и Генри.

Матотаупа ни на кого не смотрел. Он сознавал, что потерпел два тяжелых поражения: одно – в борьбе с самим собой, ведь он сказал себе, что больше не притронется к колдовской воде, второе – в глазах сына, которому дал обещание не пить. Нет, он все-таки должен перебороть себя. Должен!

Его высокая фигура не осталась без внимания. Джо Браун, окруженный провожающими, увидел его и помахал рукой. Размеренными шагами направился индеец к инженеру, и люди расступились, давая ему дорогу. Матотаупа приветствовал Брауна торжественно, почтительно и вместе с тем сдержанно. Это ему всегда удавалось, когда он был трезвым.

Машинист дал несколько нетерпеливых гудков. Джо забрался в товарный вагон, где уже был Генри. Колеса покатались на восток, и скоро в пыльной дали уже было не различить поезда.

В стороне от провожающих стояли Рэд Джим и его неизменный подручный Шарлемань.

– Итак, – сказал Шарли, – наша затея провалилась, птичка упорхнула.

– Да, мальчишка оказался проворнее... но я терпеливый. Ты видишь вон там одиноко стоящего Топа? Деньги-то у него фью-ить! – присвистнул он. – Могу биться об заклад, что он получил их за самородки. Если он и дальше захочет разыгрывать большого господина, то ему потребуется золото. Он пойдет за ним. Ну, а я повисну у него на спине.

– А не думаешь ли ты, что тебе придется пригласить и меня? Ведь есть Гарри, нам не удалось от него отделаться, а его не сбросишь со счета.

– Подождем. Если хочешь иметь добычу, надо уметь ждать. Это первое правило охоты. Если не умеешь – выходи из игры!

– Ну, уж меня-то ты теперь не выкинешь из игры!

Пока происходил этот разговор, Харка побывал в палатке. Он забрал свое бизонье одеяло, взял Серого и выехал в прерию. Он не мог сегодня больше видеть лица семи-нолки, ее сжатых губ, гримасы ненависти на искаленном лице. Не хотел он и встречаться с отцом.

ЮНИОН ПАСИФИК⁹

Полтора года прошло с тех пор, как Джо Браун с товарным поездом уехал на восток. Прошел год с тех пор, как было завершено строительство линии, и от Чикаго до Сан-Франциско ходили поезда.

Была весна. Пассажирский поезд шел по безлюдной,

⁹ Юнион Пасифик — название одной из крупнейших железнодорожных компаний США. (Прим. перев.)

поросшей травой высокогорной прерии Запада. Клубы пара неслись за паровозом. Закоптелый кочегар подкидывал в топку уголь. Машинист следил за путем и распоряжался рычагами

В первом вагоне у первого окна сидел молчаливый пассажир. Его мягкие и довольно длинные волосы были наполовину седы. Уже многие часы его голубые глаза не задерживались на лицах попутчиков. Он смотрел в окно в неоглядную даль. Иногда он делал произвольные движения правой рукой, точно зарисовывая что-то. И можно было заметить, что пальцы у него довольно длинные, а главное, что это рука интеллигентного человека. На пассажире был кожаный костюм из очень тонкой, мягкой, дорогой кожи – костюм для верховой езды.

Места рядом были заняты семьей из трех человек. Напротив сидели двое мужчин; разница в возрасте у них была лет пятнадцать. Несмотря на продолжающееся уже несколько дней путешествие, между ними не завязывалось общего разговора.

Минул полдень. Через окно было видно, как ветер колышет траву, и прерия представлялась бесконечным зеленым морем. По небу плыли облака.

– Па-а! – крикнул юноша, несомненно, центральная фигура путешествующего семейства. – Антилопы! – Он вскочил и прилип к окну, но только он собрался повнимательнее рассмотреть их, животные исчезли.

– Сядь, пожалуйста, на место, – сказала мать – Ты закрываешь нам весь вид.

Юноша хотел уже подчиниться, но что-то новое привлекло его внимание.

– Ма-а! Индеец! Индеец!

– «Индеец, индеец!» – передразнил отец – Сядь ты наконец, Дуглас, пожалуйста

Дуглас сел, так как, собственно говоря, смотреть было уже не на кого, индеец исчез.

Молчаливый пассажир у окна зашевелился, лицо его оживилось. Он хотел что-то сказать но, пока собирался с мыслями, его опередил широкоплечий мужчина, старший из двух, сидевших напротив. Он обратился к юноше:

– Что за индейца ты там увидел?

Дуглас был счастлив, что к нему обратились, так как его собственные родители были уже просто невыносимы.

– Это был всадник. Один-единственный всадник.

– Их может быть больше, хотя ты видел только одного. Район холмист, наш поезд едет, а глаза твои не очень привычны.

– Ах, мне не надо было ехать с вами!

– Ну не пой одну и ту же песню, Анни. Мы уже половину пути проехали, – пытался успокоить ее муж.

– В этих местах уже давным-давно ничего не случилось, – поддержал его широкоплечий пассажир.

– И все же эти места пока еще пустынно и опасны, – заметил седой мужчина у окна. И хотя он, кажется, был не способен обидеть и мухи, но расшевелить немного сонное семейство обывателей ему явно доставляло удовольствие. Глаза широкоплечего и седого господина встретились.

– Вы бывали здесь? – спросил широкоплечий.

– Да, как-то случилось... – неопределенно ответил седой.

Последовала пауза. Тут и отец семейства счел необходимым высказать свои соображения:

– Опасные места, вы думаете? Это – временное явление. Через несколько месяцев индсмены будут изгнаны из прерий и поселены в резервациях, где им и полагается находиться. Да, сейчас тут еще бродят небольшие шайки, но они не в состоянии нам повредить. Наконец-то наступает время, когда начинают этих бандитов приобщать к цивилизации.

– Вы считаете индейцев грязными бандитами, а вот у меня среди них есть несколько хороших друзей, – спокойно произнес мужчина, сидящий у окна. – Они не требуют ничего, кроме покоя и свободы. Судьба индейцев – это трагедия.

– Ну уж извините – трагедия... Мы, знаете ли, не в театре. Мы делаем Америку. Вот, например, железная дорога, она ведь с большими трудностями была закончена в срок. Кто не поспевает – тот катится вниз.

– Простите, уважаемый господин...

– Финлей.

– ... господин Финлей, очень уж, пожалуй, неподходящи ваши рассуждения для тех, кто не принимает непосредственного участия в игре...

– Меня вы не можете упрекнуть, – заметил тот, – я – республиканец. Я всегда был республиканцем, причем убежденным республиканцем. Я всегда ценил свободу и был за равноправие цветных. Но тут речь не о белых, черных или краснокожих, речь об убийцах и гражданах и, соответственно, быть железной дороге или не быть. И ответ ясен.

– Но эта земля принадлежит индейцам, неприкосновенность ее была им гарантирована.

– Какое это имеет отношение к железной дороге?

– Дорога проходит по земле, являющейся собственностью индейцев.

– Дорога проходит по территории одного из штатов Юнайтед Стейтс оф Америка.

Седой господин прекратил разговор и принялся смотреть в окно. Дуглас воспользовался случаем, чтобы вмешаться.

– Ты помнишь, па, цирк в Миннеаполисе. Там вождь-индеец тоже говорил такие слова.

– Да, да, да. И представление еще закончилось убийством режиссера и ограблением кассы.

Господин у окна оживился.

– Извините, вы не помните названия цирка и год, когда это произошло?

Дуглас поспешил с ответом.

– Весной тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года. Это был цирк Мейерса.

– Мое имя Моррис. Я жил в Омахе осенью тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, там в цирке Мейерса тоже была ограблена касса...

– А здесь схватили ковбоя по имени Джим, – объяснил господин Финлей. – Но в первую же ночь этот Джим бежал.

– И убийство режиссера...

– Да. Один артист-индеец застрелил режиссера и тоже исчез вместе со своим сыном где-то в этой дикой стороне.

– Их звали Топ и Гарри, – счел нужным пояснить Дуглас.

– Что? – Это уже воскликнул широкоплечий молчаливый мужчина. – Топ и Гарри?

– Топ и Гарри, – подтвердил Дуглас, почувствовав себя в центре внимания купе.

– Вы знаете этих индейцев? – спросил Моррис широкоплечего.

– Да. Разрешите представиться – Джо Браун.

– Вы тот самый Браун, тот инженер, который работал на этой дороге изыскателем?

– Совершенно верно. И мы сейчас как раз проезжаем эти места.

– Прошу извинения, – госпожа Финлей повернулась к человеку, сидящему у окна, – ваше имя Моррис? Может быть, вы и есть тот художник, который в качестве натуры для своих картин избрал известных индейских вождей?

– Да, примерно так, – подтвердил художник. – Так вы знаете Топ и Гарри? – снова обратился он к Брауну. – Когда же вы видели их в последний раз?

– Полтора года тому назад.

– Мне хотелось бы их повидать.

– Где вы выходите?

– На ближайшей станции.

– Вот там-то мы их и можем повстречать, если нам не изменит счастье. Оба они – разведчики железнодорожной компании и находятся именно на этой станции.

– Что?! Разведчики? – воскликнул господин Финлей, нервно вытирая перемазанные шоколадом пальцы. – Убийца-разведчик!

– В этом нет ничего удивительного, – возразил инженер. – Лучше не интересоваться прошлым разведчиков, а то всплывет черт знает что. У меня, например, скаутом был один тип, который двадцать шесть человек отправил на тот свет.

– Ах! – Госпожой Финлей от волнения овладел удушашающий кашель, и господин Финлей принялся возиться с ней.

К вечеру показалась станция. Путь здесь описывал кривую, и были хорошо видны огромные палатки, деревянные бараки, штабеля тюков и бочек. В лагере кипела жизнь, потому что шло строительство станции и поселка.

Поезд остановился. Открылись двери и окна, но вышли только трое: Моррис, Браун и его молодой спутник, которого тот называл Генри.

Прошло немного времени, и поезд снова тронулся и скоро извивающейся гусеницей исчез вдаль, в поросшей травой прерии. Ветер поднимал над путями пыль, надувал палатки. Из лагеря доносились крики, топот коней, но это был какой-то случайный шум в море окружающей тишины.

– Я должен подождать, – сказал Моррис и огляделся по сторонам; он тут же увидел того, кого искал. – Длинное Копье! Ты здесь! – Художник приветствовал аккуратно одетого индейца с красивой цепочкой на шее.

– Мой белый брат, Далеко Летающая Птица, Волшебная Палочка, просил меня привести двух коней и двух вьючных лошадей. И я здесь. Я жду.

– Ты меня ждешь, мой дорогой верный друг! Ты уже подыскал для меня квартиру?

– Да.

– А могу я двух моих знакомых – мистера Брауна...

– Джо, пожалуйста, Джо, после того, как мы познакомились в поезде.

– Итак, моего знакомого Джо и... ваше имя Генри? Джо и Генри взять с собой?

– Это можно.

Индеец привел их в деревянный барак, который казался несколько основательнее других. Это была гостиница.

Они вошли в холл, разнесли по номерам вещи и решили все вместе отправиться перекусить.

Индеец привел их в другой барак, служивший рестораном. Убогий оркестр играл что-то заунывное, танцовщица под села к музыкантам, приготавливаясь продемонстрировать свое искусство. Моррис сел и по привычке стал озиаться, пытаясь обнаружить интересные характеры, типы. Но в этом неприятном, обшитом разохшимися досками помещении среди облаков дыма он не различил ни одного лица, ни одной фигуры, которая вызвала бы интерес. Многие из посетителей были уже пьяны, где-то о чем-то спорили, кто-то пытался танцевать.

– Хэлло! – окликнул Браун кельнершу, и девушка подошла. Это была Дейзи.

– Ха-а! Джо! Снова здесь! Виски?

– Да, виски, – сказал Браун. – Для нас троих и для себя, поняла?

Пока выполнялся заказ, Генри позаботился о стуле, и девушка под села к ним.

– Что делает Тейлор? – поинтересовался Браун.

– Тейлор? – переспросила Дейзи. – Тейлор-первый, которого ты знал, удрал. Уже несколько месяцев у нас начальником лагеря Тейлор-второй, с курчавой шевелюрой, – и девушка хихикнула.

– Ну, а что нового?

– Шарлемань исчез вскоре после прощального вечера. Блондин – ты помнишь его, Джо? – тот блондин, что во

время забастовки оказался с ружьем, тоже скоро исчез: однажды ночью его арестовали, но прежде чем пришел поезд, на котором его должны были отправить, он сбежал.

– Ну, а Топ и Гарри здесь? – продолжал расспрашивать инженер. – Или уже не нужны скауты, все спокойно?

– Оба они здесь, но я что-то думаю, не из-за них ли у нас такая беспокойная жизнь?

– Ну-ну!

– О старшем, о Топе, ничего плохого не скажешь. Если он и пьет иногда, то платит лучше, чем некоторые господа. Да, он, видно, в жизни немало хлебнул горя, но я называю его джентльменом, хотя он и индеец. Ты сам знаешь его, что же, я не права?

– Конечно, права. Только скажи, откуда Топ берет деньги, если он платит лучше, чем некоторые господа? Старшим разведчиком был раньше Джим, он не особенно любил раздавать деньги, даже тем, кто их заработал.

– Говорят, что Топ иногда продает золото...

– Ну, а кто же вносит в вашу жизнь беспокойство? – не отставал Джо Браун.

– Как кто? Да Гарри! Ведь это он вместе с цыганами устроил побег блондина. И об этом говорят все, правда... правда, никто не может доказать.

– Гарри теперь уже должно быть девятнадцать лет, – тихо сказал Моррис.

– Да, да, девятнадцать! Смех и слезы. Как вас зовут-то? Моррис?

Художник кивнул и сунул под столом ей в руку золотую монетку. Дейзи считала это вполне справедливым, ведь не может же она даром терять время.

– Гарри-это настоящее проклятье! Олень-скиталец! Посмотрите, сколько скальпов у него на легилах, и не только черные...

– Что это значит? – Джо Браун и Моррис обменялись удивленными взглядами.

– А вот что: трое из наших с ним столкнулись, ну, знаете, как случается такое – «проклятый краснокожий», «вонючая свинья» или что-то в таком роде было сказано. Все трое исчезли, а у него три свежих скальпа... я же говорю: не только черные. А немая уродина семинолка, та, что в его палатке, нашивает их ему, да еще радуется. Все дрожат перед ним от страха, а при нем еще целая банда, вот он и делает что хочет.

Браун и Моррис были крайне удивлены.

– Где же Гарри и его отец?

– Ах, откуда я знаю. Они повсюду и нигде.

За соседним столом зашумели, посетители требовали внимания, и Дейзи поспешила к ним...

Вскоре трое прибывших покинули холл. На улице между тем стемнело, поднялась буря, мело песок. Полотнища палаток громко хлопали.

Генри поднял голову и сказал:

– Послушайте.

Все трое прислушались и отчетливо слышали то, что привлекло внимание Генри: кто-то приближался бешеным галопом. Без причины так никто не погонит коня.

Всадник пронесся к маленькому домику, который занимал начальник лагеря. Это был индеец. Не дав коню остановиться, он соскочил с него и поспешил в дом.

Джо, Моррис и Генри подошли поближе. Конь тяжело

дышал. Он был по индейскому обычаю занузdan за нижнюю челюсть, и вместо седла на нем была бизонья шкура.

– Хотя сейчас и ночь, но я узнаю коня, а ведь я не видел его много лет, – сказал Моррис.

– Я его тоже узнал, – отозвался Генри.

– И я, – подтвердил Браун. – Это Серый, конь Гарри.

Они подошли к двери домика. Пронзительный, злой и настойчивый голос доносился изнутри.

Браун открыл дверь, и в маленькое помещение вместе с ним ворвался ветер. Пламя керосиновой лампы затрепыхалось. Начальник лагеря колотил по столу кулаком. Жилы на его висках вздулись, лоб покраснел, капельки пота поблескивали у самых корней курчавых волос. Перед ним стоял стройный индеец почти двухметрового роста. При слабом свете лампы его коричневая кожа казалась темнее обычного. Черные волосы были расчесаны на пробор и собраны в две косы, спадающие на плечи. Кожа змеи служила налобной повязкой. У него не было перьев в волосах, не было цепочки, не было вообще никаких знаков побед и отличий, кроме скальпов вдоль боковых швов его кожаных легин. Верхняя часть туловища юноши была обнажена. За поясом – револьвер, томагавк со стальным лезвием и нож.

Молодой индеец стоял, прислонившись к стене, и спокойно смотрел на беснующегося человека, словно естествоиспытатель, рассматривающий новый вид давно знакомого ему класса пресмыкающихся.

– Джо Браун, инженер, – представился вошедший начальнику лагеря. Одновременно бросив взгляд на индейца, он чуть прищурился, показывая, что узнал его.

Начальник лагеря смолк на полуслове, да так и застыл с открытым ртом.

– Браун, инженер, – повторил Джо.

– Как вы вошли сюда?

– Если позволите, через дверь.

– Ничего я не позволял. Что получится, если каждый будет поступать, как он захочет. Мы не в конгрессе, а в прериях на Юнион Пасифик. Остановить поезд!!! Да что, вы все с ума посходили? Садись на коня, сумасшедший индсмен, и марш галопом! Поезд должен продолжать путь.

– Я не поеду назад.

– Чтоб тебя черт побрал!.. Я пошлю другого!

Начальник лагеря вытер пот со лба и хотел выйти. Индеец встал на его пути.

– Белый человек должен...

– Белый человек ничего тебе не должен, ты, необразованный чурбан! Кто здесь командует, ты или я!

– Сегодня – я. – Индеец произнес это тихо, спокойно, но со скрытой издевкой, что привело еще в большее бешенство начальника лагеря.

– Прочь с дороги! Меня здесь держать силой!.. Поезд останавливать!.. Проклятый краснокожий!

Браун решительно выступил вперед и встал между взбешенным белым и индейцем.

– Прежде всего – спокойствие, прошу вас. – Он повернулся к Харке: – Гарри, ты знаешь меня. Скажи, это ты остановил поезд? Почему?

– Мой отец поставил факел на железнодорожном пути, чтобы остановить поезд, так как бизоны и дакота приближаются к дороге. Бизоны преградят путь поезду по крайней мере на всю ночь. Лучше, если поезд не будет двигаться.

Начальник лагеря даже простонал:

– Это же сумасшествие! Бизоны могут остановить поезд?! Невозможно!..

Браун нетерпеливым жестом прервал начальника.

– В этом случае поезд должен быть остановлен. Это необходимо! Вы, вероятно, никогда не видели стада бизонов, – твердо сказал инженер, затем повернулся к индейцу:

– Гарри, куда идут дакота?

– Они идут к нашему лагерю.

– Откуда?

– Со всех сторон.

– Отец остался у поезда?

– Хау.

Инженер повернулся к начальнику лагеря:

– Руководство и ответственность беру на себя я, Джо Браун! Надеюсь, мое имя вам знакомо! Дайте общую тревогу!

Гарри поднял руку.

– Что, Гарри? – спросил инженер.

– Есть еще время подумать.

Браун с недоумением взглянул на индейца.

– Говори яснее.

– Пусть музыка играет и девчонки танцуют. Нужно собрать надежных мужчин. Нужно подготовиться отразить нападение. Плохо, если они из темноты будут стрелять по нашим освещенным баракам. Пусть дакота лучше ворвутся в лагерь, а мы их окружим. Мы тогда справимся с ними быстрее и, если будет нужно, окажем помощь поезду.

– А есть ли люди, на которых можно положиться?

– Хау. Немного... но есть.

– Соберешь их?

– Хау.

– Я пойду в зал, где пьют и танцуют и где наверняка может быть стычка. Ты согласен? А если будет время, мы еще раз встретимся.

– Хау.

– А я? – заорал начальник лагеря. – Браун! Вы перешли границы! Что делать мне?

– А вы погасите сейчас керосиновую лампу и будете сидеть в темноте. Гарри пришлет к вам двух крепких парней.

– Следует ждать зажигательных стрел, – сказал Гарри.

– Тогда вот что, – сказал Браун, – идите к колодцам и наполняйте бочки. В крайнем случае – заливайте огонь пивом.

Начальник лагеря шлепнулся на стул и стал проверять, заряжен ли револьвер.

Браун в двух словах рассказал Генри и художнику о положении дел. Моррис спросил:

– У меня есть тотемный знак великого вождя дакота, я под его защитой. Нельзя ли его использовать, прежде чем прольется кровь?

Молодой разведчик, услышав это, хотел что-то сказать, но Браун вмешался:

– Гарри, для разговоров у нас нет времени, ты сам сказал, что дакота идут со всех сторон. Возможно, отразив нападение, нам удастся с ними поговорить. Если они поймут, что мы не хотим им мешать охотиться, может быть, они оставят в покое мою дорогу.

– Я с Длинным Копьем пойду к одному из колодцев, –

сказал художник. – Мы подготовим там хоть несколько бочек, но стрелять я в дакота не буду, это противоречит моим дружеским отношениям с ними.

– Делайте как хотите, – огрызнулся Браун. – Во всяком случае, я побеспокоюсь, чтобы все наши люди имели оружие.

Браун подал Гарри знак действовать, как договорились, и индеец исчез в темноте среди палаток и бараков.

Слух о предстоящей схватке распространился по лагерю с быстротой огня. Тревогу и суматоху остановить было уже тяжело. Джо еле втолковал скрипачу, что надо продолжать играть. Несколько пар продолжали танцевать. Многие остались сидеть за столиками. Они пили и орали, что готовы разделаться с проклятыми дакота, если те посмеют напасть.

Джо Браун и Харка встретились еще раз. Харка сообщил, что он собрал около двадцати человек.

– Маловато, – сказал Браун, – а сколько дакота могут напасть?

– Не меньше сотни. – Харка говорил очень тихо. – Я хочу пойти на хитрость. У меня есть военный свисток. Я проникну в ряды нападающих. Ночью дакота не отличат меня от своих воинов, и я попробую их обмануть. Я дам сигнал свистком к наступлению раньше чем нужно, а когда они ворвутся в лагерь, дам сигнал отступить.

– Удастся ли?.. Впрочем, ты ставишь на карту свою жизнь.

– Попытка не повредит.

Харка исчез.

У самого большого колодца, рядом с гостиничным ба-

раком, находились Моррис, Генри, Длинное Копье и посланные им на помощь трое мужчин. Они уже наполнили водой бочки и теперь спрятались в стороне так, что им хорошо были видны ближайшие бараки и палатки. Они слышали игру скрипача, громкие вопли пьяниц.

Но вот Длинное Копье, у которого и зрение и слух были лучше, чем у других, насторожился.

— Они приближаются...

Зловещий свист прорезал воздух, и тотчас же вспыхнула на крыше барака зажигательная стрела. В тот же момент севернее лагеря раздался свисток и сильный голос издал военный клич дакота:

— Хи-юп-юп-хийя!

И кругом раздались ответные крики:

— Хи-юп... хийя!

Музыка смолкла, стихли и крики.

Первый ожесточенный натиск врага с севера, по-видимому, имел успех. Несколько призрачных фигур показались из темноты. Нападающие бросились к колодцу и к большому барaku. Их вожак выбрался вперед. Генри и трое стоящих рядом с ним выстрелили. Вожак упал на землю и перевернулся. Бегущие за ним индейцы тоже упали.

— Первый ведь был Гарри... — сказал Длинное Копье.

— Они убили его!

Шайен, однако, разглядел, что Гарри поднялся и, догнав группу нападающих, вместе с ними оказался у барака, где только что смолкла музыка.

Когда дакота ворвались в барак, там завязалась невероятная схватка, казалось, что от воплей и криков обрушатся стены. Крыша барака ярко запылала.

– Гасить! – крикнул Генри.

Он уже хотел схватить ведро, как у колодца появился новый враг – индеец – с томагавком в руке. В его волосах были орлиные перья. Удар – и Генри упал.

Моррис увидел занесенный над его головой топор.

– Тачунка Витко! Я Волшебная Палочка! Перед тобой твой белый брат!

Томагавк замер – и тут же полетел в спину одного из убегающих защитников лагеря.

В бараке борьба была в разгаре. Браун видел, как дакота, открыв дверь, хлынули словно вода, прорвавшая плотину. Он узнал и Гарри, который вел их. При свете ламп индейцы поняли, что их вожак – их враг: Харка был единственным, у кого не было военной раскраски на лице.

Харка развернулся и ударил стоящего позади него дакота ножом.

– Койот и предатель! – закричали индейцы и бросились к нему.

На индейцев навалились белые. Дакота, не имеющие огнестрельного оружия, в тесной схватке не могли применить стрел. Блеснули ножи, взметнулись палицы, но раздались выстрелы, и они стали отступать. С крыши начала сыпаться горящая щепа.

Снаружи раздался свисток к отступлению, и Джо Браун теперь уже сам не знал: настоящий это сигнал или фальшивый? Успел ли покинуть барак Гарри? Индейцы, услышав сигнал отступления, бросились к дверям, но их встретили там выстрелами подоспевшие отчаянные парни, собранные Гарри. Дощатые стены не выдержали и рухнули, полыхающая пламенем крыша упала на сражающихся.

Моррис с Длинным Копьем хотели тушить пожар, но это было совершенно невозможно из-за непрерывной стрельбы и суматохи. Оба склонились над Генри. Он был жив, удар пришелся боковой стороной томагавка. Но тут прямо над головой полетели пули. Моррису и Длинному Копью пришлось лечь на землю. Они слышали громкий голос Джо Брауна, который перекрывал адский шум, слышали они и второй голос – голос индейца, отдающего приказания.

– Тачунка Витко, – шепнул Длинное Копье Моррису и стал переводить содержание приказа: – Он хочет получить Гарри живого или мертвого, он вызывает его на единоборство, он приказывает своим воинам схватить Гарри и только после этого отступить.

Дакота оттесняли. В ход пошли горящие доски, продолжали раздаваться выстрелы, но шум борьбы постепенно удалялся от лагеря. Наконец наступила тишина. Моррис вздохнул с облегчением: он не понимал и ненавидел убийства.

У колодца показался Джо Браун. Он был весь в крови и жадно стал пить воду из бочки.

– Что с Генри? – спросил он.

– Удар по голове, но жив.

Джо от усталости свалился на землю, но уже через несколько минут вскочил и принялся сзывать борющихся в разных местах людей. Наиболее отважные уже готовы были вскочить на коней и спешить на помощь поезду, который тоже мог подвергнуться нападению.

Браун снова подошел к колодцу.

– Не видел ли кто-нибудь Гарри? – крикнул он в темноту.

– Вначале... – начал кто-то.

– Я спрашиваю – сейчас, – нетерпеливо прервал Джо Браун.

– Не видели.

– Куда он запропастился? Среди убитых его нет.

– Может быть, попал в плен?..

– Такой не попадет. Он отлично знает, что ему там конец. – Джо Браун отошел, и Моррис с Длинным Копьем услышали, как отряд всадников помчался на помощь поезду.

Враг, отступивший в прерию, мог снова совершить нападение, поэтому большинство оставшихся в лагере старались сохранять тишину и держались по возможности за прикрытиями. Но Моррис и Длинное Копье поднялись и направились к раненым.

Лампы в палатках и бараках не горели, костров не разжигали, пожары были потушены. Становилось все темнее и темнее.

В развалинах барака Моррис обнаружил трупы белой женщины и четырех индейцев. Рядом лежал раненый индеец. Моррис хотел ему помочь, но раненый неожиданно стал сопротивляться. А тут еще на Морриса из темноты уставилась какая-то страшная рожа. Художник попятился назад. Он даже подумал, что это игра его воображения, но, оглянувшись, увидел, что фигура со страшной рожей вместо лица наклонилась над раненым. Рядом с ней появился индеец. А через минуту они вместе с раненым исчезли. И Моррис не мог понять: куда и как?

Он окликнул Длинное Копье, и они вместе решили еще раз осмотреть развалины. Ни раненого, ни четырех убитых дакота они не обнаружили.

– Да, – пробормотал шайен, – удивительно. Но я думаю, что это и лучше, – значит, у нас не будет пленных, а их все равно бы здесь растерзали.

Когда начало светать, люди в лагере точно очнулись и теперь, чувствуя, что им больше не угрожают вражеские стрелы, орали, как стадо обезьян перед восходом солнца.

При свете дня стали совершенно очевидны серьезные потери в лагере. Убитых стаскивали в одно место. Раненые стонали, требовали воды и помощи...

Пока на станции происходили эти события, служащие и пассажиры тоже пережили часы беспокойства и тревоги.

Едва стало темнеть, резкий толчок потряс поезд, он остановился. Пассажиры открывали окна, пытаясь увидеть что-нибудь, беспокойно переговаривались. Два кондуктора обходили поезд и объясняли, что оснований для беспокойства нет: огромное стадо бизонов переходит путь. К сожалению, придется подождать, пока животные не пройдут.

Большинство пассажиров спокойно отнеслось к этому известию, но для господина Финлея, который считал себя преуспевающим и выдающимся бизнесменом, бездействие Юнион Пасифик, акционером которой он состоял, представлялось прямо-таки личным оскорблением.

– Вот это да... вот это да... Я просто не в состоянии выразить моего возмущения! – кричал он кондуктору. – Почему мы не едем дальше? Перед кем мы несем ответственность, если даже и переедем одного бизона? Или вы собрались поохотиться на бизонов? Я не нахожу больше слов! У меня нет времени здесь стоять! И кто же здесь скоты – бизоны или мы?

– Бизоны, сэр.

Господина Финлея уже достаточно изучили за время пути. Вначале он вызывал у служащих раздражение, потом они стали спокойнее реагировать на его выходки.

– Разрешите, сэр, я вам покажу стадо?

– Я не выйду из вагона.

– Это не обязательно. Я предоставлю в ваше распоряжение бинокль.

– Подобные шутки можете разыгрывать с моим мальчишкой, а не со мной!

Дуглас решил воспользоваться возможностью.

– Пожалуйста. – Он получил бинокль, посмотрел в указанном направлении и увидел стадо. – Па! Ма! Это же сумасшествие! Все черно, сколько бизонов! Они точно муравьи в муравейнике! Не могли бы мы поближе подъехать?

– Вот поэтому-то и пришлось остановиться. Если бы мы попали в стадо бизонов, нам бы не двинуться ни вперед, ни назад!

– Может быть, вы мне объясните, – продолжал брюзжать из своего угла Финлей, – для чего построена Юнион Пасифик? Что это – наблюдательная площадка в заповеднике или железная дорога?

– Летом, сэр, сюда явится Буффало Билл – и с бизонами будет покончено. Уверяю вас, это последний раз мы застреляли здесь.

– Слабое утешение, мой дорогой. Последние мы или предпоследние, во всяком случае, мы застреляли. А паровоз под паром?

– Само собой. Дакота...

– Кто?!

– Я думаю...

– Чего вы там думаете?

– Да нет, собственно, ничего.

– Вы сказали – дакота, – напомнил Дуглас.

– Ах, да. Видите ли, дакота любят охотиться на бизонов.

– Ну, это нам тоже известно. Вероятно, при случае они готовы поохотиться и за нашим поездом?

– Не обязательно же так понимать, господин...

У Анни Финлей начался приступ кашля.

Кондуктор задумался. Его коллега между тем уже обошел весь поезд, успокоил пассажиров и вернулся назад.

Потом все увидели зарево на востоке – там, где должна быть станция. И снова поднялось беспокойство. Кондукторы призвали всех, кто имеет оружие, готовиться к защите.

– Господа, я не зверолов и не охотник, кроме того, мне уже за сорок, – заявил тут же господин Финлей. – Поищите других защитников. Это же скандал, что вы не можете гарантировать безопасности пассажиров. Дуглас, отойди сейчас же от окна! Задерни занавески! Так! Анни и Дуглас, ложитесь! Но моя жизнь им дорого обойдется!

– Поспешите, сэр. Начальник поезда берет ответственность на себя. – Оба кондуктора вышли из вагона и пошли к паровозу.

Финлей начал рыться в чемодане.

– Анни, куда ты запаковала револьвер?

– Ищи его в самом низу.

– Как всегда. В следующий раз я сам буду укладывать

свой чемодан. Да не плачь же, Анни, я видеть не могу, когда ты плачешь. Ты самая лучшая, ты неповторимая женщина, и я буду защищать тебя как свою собственную жизнь! Вот он, револьвер... и патроны...

Дуглас поглядывал из-за занавески наружу.

– Пап, собирается уже немало людей с ружьями.

– Ну конечно, мой мальчик. Американцы не позволят так легко себя сломить, мы еще покажем краснокожим!

Один из кондукторов снова подошел к господину Финлею, на этот раз в сопровождении рослого индейца. Волосы индейца, в которых поблескивали седые пряди, были заплетены в две косы. За налобную повязку из змеиной кожи были заткнуты позади два орлиных пера. Лицо его было раскрашено. За поясом у него торчали нож и револьвер. В руках – ружье.

– Это Топ, один из лучших разведчиков станции, – сказал кондуктор. – На него можно положиться. Это он и остановил вовремя наш поезд.

Госпожа Финлей обессиленная сидела на своем месте и присматривалась к кондуктору и индейцу; от слов, произнесенных белым, и от его спокойствия мужество, кажется, снова возвращалось к ней. Но вдруг глаза ее широко раскрылись, она подскочила и в полуобморочном состоянии упала на скамейку, шепча: «Это он! Это он! Убийца!»

Кондуктор смотрел на потрясенную женщину и на индейца. Господин Финлей закашлялся в своем углу.

– Моя жена очень нервная, – сказал он, и у него задержался уголок рта. – Она перепутала двух человек. Пожалуйста, идите. Все в порядке.

Когда семейство осталось в одиночестве, Анни прошептала:

– Какой ужас! Это он! Это определенно он!

– Ну успокойся, Анни. Разве можно индейца, который стоит перед тобой, называть убийцей! Он же прекрасно вооружен, а мы в прериях. А этот кондуктор, ты же видишь, он ни на что не способен. Ни один из них не отважился отогнать нескольких бизонов.

– Но это!.. Это намного опасней! Он может нас в отместку убить! Позови его еще раз! Я скажу, что ведь на самом деле не видела, он ли это убил режиссера. Только все так говорили...

– Оставь это! Ты сделаешь только хуже. – Господин Финлей старался сохранить самообладание. – Я уже давно все уточнил.

– Это и есть он, – сказал Дуглас. – Я его сразу узнал. Наверное, он нас и предал дакота. Он и в цирке угрожал белым.

– Во всяком случае, я прошу вас обоих – тебя, Дуглас, и тебя, Анни, – чтобы вы не вели никаких разговоров, прежде чем мы не будем в полной безопасности!

И хотя господин Финлей в такой ситуации, конечно, не мог спать, он из протеста против поведения своей семьи закрыл глаза и положил голову на подушку.

– Сядь лучше подальше от окна, – попросила жена, – стенку вагона пробьет любая пуля!

Господин Финлей не удостоил ее ответом.

А поезд все стоял. Паровоз держали под паром. Усталость овладела пассажирами; они по очереди несли вахту. Зарево в районе станции потухло. Наступал рассвет.

В тишине слышался конский топот.

Мужчины радостными возгласами приветствовали прибывшего всадника:

– Мистер Браун! Мистер Браун!

Дуглас прислушался к разговору людей и понял, что на станцию было совершено нападение.

Глухое мощное мычание становилось между тем все слышней и слышней.

– Бизоны! – крикнул Джо Браун. – Бизоны начали двигаться!

Мужчины схватили бинокли. Топу, который находился среди них, не было надобности прибегать к этому средству. Глаза отлично служили ему и на таком расстоянии.

– Дакота начали охоту, – сказал Матотаупа Брауну. – Если бы на станцию не было совершено нападение, наши люди тоже могли бы поохотиться...

Подошел начальник поезда и спросил:

– Можно ехать дальше?

– Можно, но не сразу. Когда пройдет последний бизон, нам придется еще проверить путь: стадо бизонов может причинить немало вреда.

Начальник поезда приготовил необходимый инструмент. Кое-кто из вооруженных пассажиров также предложил свои услуги. Браун отправился в качестве руководителя группы и позвал с собой Матотаупу.

Они быстро прошли участок пути до бизоньей тропы. Здесь, где на рельсах потопталось стадо, был необходим ремонт.

Матотаупа и Джо Браун поднялись на возвышенность, чтобы как следует осмотреть окружающую местность. Они не обнаружили ничего внушающего подозрение. Со стороны путей доносились удары молотков и голоса переговаривающихся людей. Ветер усиливался. Они решили проехать по окрестностям.

– Гарри великолепно сражался, – сказал инженер. – В темноте он разыграл роль вождя, и они сами попали к нам в лапы. Это было, конечно, не так просто, но я уверен, что Тачунка Витко сыт по горло.

– Тачунка Витко? – Это известие поразило Топа.

– Да, твой старый враг. Я думаю, ты бы теперь с удовольствием направился по его следам?

– Хау!

– Но нельзя, Топ, нельзя. Сегодня, во всяком случае, нельзя. Ты сам видишь, как обстоят дела. И так нам недостает здесь опытных людей. Ты наш разведчик и не имеешь права заниматься своими делами.

Матотаупа тяжело вздохнул, но не возражал.

Прошло около двух часов, когда Матотаупа и Браун возвратились к месту работ. Ремонт за это время был завершен, и поезду подали сигнал продолжать движение. Осторожно, малым ходом двинулся паровоз, потащил за собой вагоны.

Машинист остановил поезд, чтобы посадить рабочих.

– Вы поедете с нами? – спросил начальник поезда Брауна.

– Спасибо, я остаюсь.

Захлопали окна и двери. Был дан сигнал отправления. Поршни задвигались, колеса начали поворачиваться, сначала медленно, потом быстрее и быстрее. Поезд поехал.

– Ну, а мы двинемся на станцию? – Браун вопросительно посмотрел на людей отряда, которых привел сюда.

– Сперва небольшой завтрак! Начальник поезда нам кое-что оставил за работу!

Инженер увидел бочку пива, виски и ящик с хлебом и ветчиной.

– Ну что ж, отметим победу! Не возражаю...

Пока отряд был в прерии, в лагере шла работа по восстановлению разрушенного.

Шум утихал. Раненых стаскивали в одну большую палатку. Художник распорядился, чтобы Генри, все еще не приходящего в сознание, перенесли к нему. Для убитых вырыли общую могилу. Начали сколачивать новый домик для начальника лагеря Тейлора-второго.

Стойка для вина и пива была устроена прямо под открытым небом из наспех сколоченных досок и бочек. Дейзи первая прибежала помогать хозяину, и снова бойко пошла торговля. Даже сам кудрявый начальник принес фляжку, чтобы наполнить ее виски.

Поздно вечером кто-то тихонько постучался в дверь комнаты художника. Моррис откликнулся:

– Войдите.

Дверь открылась. Моррис вздрогнул. Перед ним было черное, покрытое рубцами лицо без носа, голова без ушей. Моррис вспомнил о видении, которое промелькнуло перед ним ночью у раненых. Взяв себя в руки он сказал:

– Входите же.

Женщина в черной кожаной одежде плотно прикрыла за собой дверь. Черной краской покрывают себя индейцы в знак скорби, жертвенности, покаяния. В руках у нее было кожаное одеяло и какие-то вещи.

– Что вы хотите сказать? – спросил Моррис, заглянув в глаза вошедшей.

– Ты знаешь, что такое линчевание?

– Тебе угрожает линчевание? – ужаснулся Моррис.

– Нет, не мне, но они хотят линчевать индейца сиу. –

Индианка отчетливым шепотом произносила английские слова.

– Какого индейца? – Моррис говорил также очень тихо. – Неужели моего краснокожего брата Длинное Копье?

Индианка покачала головой.

– Нет, не Длинное Копье.

– Кого же?

– Харку.

– Гарри? – Художник ужаснулся. – Где же Джо Браун?

– Уехал к поезду. Еще не вернулся.

– Это ужасно. Кто вынес приговор линчевать?

– Кровавый Билл. А теперь и все так думают. Масса Тейлор-второй сказал: линчевать – это правильно. Все пьют и все говорят: линчевать Гарри. Они кипятят бочку смолы. Они хотят вымазать его горячей смолой. Потом хотят обваливать его в перьях и гонять, пока он не умрет.

– Какое варварство! Надо предупредить Харку. Кто-нибудь его видел?

– Нет. Но конь здесь. Дакота всегда придет к своему коню.

– Что же делать? Где Матотаупа?

– Не вернулся от поезда.

– Нельзя ли найти людей, которых Харка собрал защищать лагерь?

– Они тоже у поезда.

– Все нужные люди у поезда! Но надо действовать!

– Теперь вы знаете все, – тихо сказала женщина. – Я оставлю у вас одеяло из бизоньей кожи – это одеяло Харки, я оставлю у вас лук – это лук Харки, я оставлю у вас перья –

это орлиные перья Харки, я оставлю у вас вампум¹⁰ – это вампум для Харки, это вампум из хижины вождя Оцеолы, которого белые люди предали и убили. Харка прочитает, что говорит вампум. Вампум – завещание Оцеолы. А теперь я оставлю вас.

Индианка повернулась, тихо прикрыла дверь и вышла.

Спустя некоторое время Длинное Копье сказал:

– Я посмотрю, что делается снаружи...

Когда шайен возвратился, он сел на край кровати, сложил руки на коленях и опустил голову.

– Ну что, Длинное Копье?

– Очень плохо, мой белый брат, Далеко Летаящая Птица, Умелая Рука, Волшебная Палочка. Все бегает с оружием и хотят линчевать Харку. Если он появится в лагере, он пропал. Его палатка уничтожена. Они хотели линчевать семинолку, но она приняла яд. Кто-то облил ее, уже мертвую, горячей смолой.

– Как бы нам предупредить Джо Брауна и Матотаупу? Только они могут предотвратить несчастье, успокоить или во всяком случае обуздать этих пьяных тварей.

Длинное Копье кивнул и вышел.

Ночью кто-то опять постучал в дверь. Затем она открылась. Появилась голова в шляпе с опущенными полями, прикрывающими лицо, затем – вся фигура в кожаной ковбойской одежде. В руках – ружье.

¹⁰ Вампум – бусы из раковин, у индейцев прерий употреблялись как украшения, как меновая единица, как средство своеобразного мнемонического (от греч. «мнемо» – «память») письма. Условные сочетания различных по цвету и размерам раковин соответствовали определенным событиям и действиям, «напоминали» о них. Особенно интересны пояса или перевязи вампума, которые служили своего рода летописями, договорами, верительными грамотами.

Вошедший бесшумно закрыл дверь и тоже сел на край постели Генри. Ружье он поставил прикладом на пол. Голова его была опущена, но потом он поднял ее, и Моррис в свете лампы узнал его.

– Ха... – Моррис даже не произнес имени. – Ты?!

– Да. Где мой отец?

– Еще у поезда.

– Джо Браун?

– Тоже у поезда.

– Белые люди хотят линчевать меня.

– Может, ты где-нибудь спрячешься, пока не вернутся отец, Джо и остальные.

– Мог бы, но не хочу. Я уйду. И если тебе где-нибудь, когда-нибудь случится говорить с моим отцом, то скажи, что я ушел к сиксикам, чтобы выдержать испытание и стать воином. Только после этого я вернусь и отыщу отца. Я как воин спрошу его еще раз, согласен ли он расстаться с Рэдом Джимом.

– Да... стой, Харка, женщина принесла для тебя одеяло из шкуры бизона, лук и еще кое-что. Если хочешь посмотреть, все это там под кроватью.

Индеец нагнулся и увидел свое старое разрисованное одеяло, лук, орлиные перья и вампум. Вампум он сейчас же взял в руки и стал внимательно рассматривать.

– Это из палатки Оцеолы, – пояснил Моррис. – Так сказала женщина. Она была семинолка?

– Да, она была семинолка и никогда этого не забывала, – ответил Харка. – Вампум содержит передаваемое из поколения в поколение завешание. Где Длинное Копье?

– Он пошел встретить тебя и предупредить. Ты его не видел? Я думаю, он приготовил для тебя одежду.

– Не надо. Я снял одежду с человека, который надругался над трупом женщины. Он отошел от лагеря и оказался слишком близко от моего ножа.

Индеец произнес это совершенно безразличным тоном, и Моррис посмотрел на него с печалью.

– Харка, неужели убийство стало для тебя профессией?

– Хау. Это моя работа. Этому меня научили краснокожие люди и белые люди. Я убиваю белых людей и я убиваю красных людей точно так, как я убиваю бизонов.

– Кто же ты? – с ужасом спросил художник.

Это был тот же самый вопрос, который Матотаупа задал своему сыну год тому назад.

– Мое имя Гарри. Я разведчик, и я опасен для всех, кого научился ненавидеть и презирать.

Бледное лицо художника стало таким печальным, что индеец посмотрел на него с участием.

– Ты расстроен, Далеко Летающая Птица, Желтая Борода, Волшебная Палочка?

– Ты видишь, я уже больше не Желтая Борода, как ты меня называл будучи мальчиком, я уже седая борода. И я расстроен.

– Почему? Ты боишься меня? Или тебе не все равно, что получится из меня – краснокожего?

– Нет, Харка – Ночной Глаз, Твердый Как Камень, Убивший Волка, Охотник На Медведя, я тебя не боюсь. Но мне не все равно, на что ты израсходуешь свои огромные природные дарования.

– Не пугайся, если услышишь выстрел! – сказал индеец. – Я убью коня, который теперь для меня обуза: я не могу освободить его из рук белых людей. Я буду меток, и мой Серый даже не почувствует, что умирает.

Харка еще глубже надвинул шляпу и покинул комнату так же спокойно и неслышно, как и вошел.

Когда утро сменило ночь, вторую ночь после схватки в лагере, двадцать человек посреди прерии очнулись от своего пьяного сна. Их мучила жажда, но не было воды.

Джо Браун, который знал меру выпивке, всю ночь держал дозор. Он не дал и Топу напиться до бесчувствия. Лишь они двое теперь твердо стояли на ногах.

– Тихо, – сказал Джо. – Кто это там идет?

– Это мой сын, – сказал Матотаупа.

Юноша ехал на пегом коне. Он подскакал на галопе, резко остановил коня и соскочил на землю. Он снова был одет как индеец. Вампум был на нем.

Выражение его лица было чуть высокомерно и неприязненно, но дышал он спокойно, и по всему этому Матотаупа знал, что подъехавший почувствовал запах алкоголя.

– На станцию напал Тачунка Витко? – спросил Матотаупа сына, хотя хотел бы сказать другие, более теплые слова.

– Хау.

– А потом?

– Потом он охотился на бизонов.

– Ты его преследовал?

– Нет.

– Ты не преследовал Тачунку Витко? Почему?

С этим «почему» в Харке вспыхнуло внутреннее сопротивление отцу, нежелание ему больше подчиняться. Харка загнал своего коня, которого очень любил, для того, чтобы предупредить белых, он заманил дакота в ловушку, он убивал воинов дакота, и теперь новая кровавая вражда

встала между ним и его племенем. Он не ответил Тачунке Витко, вызывавшему его на единоборство, но не потому, что испугался, а потому, что не хотел действовать на руку белым, покушаясь на великого вождя дакота. Не хотел, хотя Тачунка Витко и оскорбил Матотаупу. Харка не преследовал Тачунку Витко, Харка помог скрыться раненым дакота, Харка далеко отнес убитых воинов, чтобы не дать белым возможности надругаться над мертвыми. Это почему затронуло в Харке самый больной и пока неразрешимый вопрос: ради чего он живет?

Он не сразу ответил на вопрос Матотаупы. Отец, может быть, расценил это молчание как нежелание отвечать на вопрос. Он повторил:

– Ты не преследовал Тачунку Витко. Почему?

Это уже было слишком, и на удар Харка ответил ударом.

– Почему? Потому что твою месть я оставляю тебе, Матотаупа. Пусть женские языки не болтают, что сын, который еще не стал воином, мстит за тебя.

У Матотаупы перехватило дыхание. Наконец он крикнул с перекошенным лицом на английском языке:

– Пошли, мои белые братья. Мы едем к станции! Я ваш разведчик и не оставляю вас, несмотря на то что я хотел бы мстить! Я сказал! Хау!

– На станцию! – завопили все. – Там мы отпразднуем нашу победу как следует!

Харка не прощаясь поехал прочь.

После долгих часов езды вдоль пути группа достигла лагеря. Всадники махали шляпами, и приветствия с обеих сторон были громкими и многословными.

Джо Браун не испытывал при этом особого удовольствия. Представив себе в общих чертах, что произошло на станции, он отправился искать Генри.

Генри было плохо. Моррис и Длинное Копье ухаживали за ним.

— Ему нужен полный покой, — сказал Джо очень тихо, чтобы не потревожить больного. — Если Тачунка Витко бьет, так он бьет. А нам надо подумать о Матотаупе. Я сообщу ему, куда уехал Гарри.

Джо вышел. Было уже темно. Гостиничный барак сильно пострадал от огня, хозяин с разрешения начальника лагеря временно обосновался в большой палатке. Все тот же скрипач играл там. Браун остановился у входа поразмыслить.

Чья-то тяжелая рука легла на его плечо. Он вздрогнул.

— Дружище! — прозвучал зычный голос. — Грeziшь о великих временах? Но и сегодняшние не за что ругать.

— Ты, Джим?

— Так скоро не ждали? А? — Джим, широко расставив ноги, стоял рядом с ним. — Кто же это вашу станцию так разделал?

— Дакота.

— Человек! И вы так просто их сюда пропустили, имея сотню, а то и больше ружей? Это мне нравится. Что делают Топ и Гарри?

— Еще живы.

— И это все? Вы что-то стали немногословны, Джо. Во всяком случае, я сейчас иду пить. Завтра будет еще день, мы поговорим с вами.

Джим в своих тяжелых кожаных сапогах вошел в па-

латку, из которой неслись звуки музыки и громкий хохот пьяных. Джо Браун тихими шагами последовал за ним и встал позади в проходе.

В палатке за вторым столом сидел Матотаупа, окруженный людьми, которые не жалели лстивых слов, ожидая, что индеец за них заплатит.

– Топ! – крикнул Рэд Джим, и его голос перекрыл шум палатки.

– Джим! – последовал ответ; Матотаупа встал, его глаза заблестели. – Джим, мой брат!

Полотнище у входа в палатку захлопнулось... Джо Браун медленно пошел назад к Моррису и Длинному Копью.

– Поздно, – сказал он. – Там Джим.

Моррис и Длинное Копье молчали. Это был трудный случай. Потом Моррис поднял голову, посмотрел на Длинное Копье, перевел глаза на Джо и снова на Длинное Копье.

– Может быть, не только поздно, но и вообще невозможно. Есть только два человека, с которыми изгнанный из племени Матотаупа мог бы жить вместе. Эти двое – Харка или Джим. Харка ушел. Итак – Джим.

– И это смертельный приговор, – заключил Джо.

ОХОТА НА ОРЛА

Харка ехал к сиксикам, вождем у которых был Горящая Вода. Он считал, что ему потребуется около трех недель, чтобы достичь мест, где их можно отыскать. Когда примерно половина пути была уже позади, он остановился на

очередной ночлег в горах у истоков реки Желтых Камней. Облюбовав старое, склонившееся над поляной дерево, он взобрался повыше по его наклонному стволу, завернулся в одеяло из бизоньей шкуры и заснул. Рядом с деревом задремал и мустанг.

Когда Харка проснулся, начинало светать. Скоро из ночной тьмы выступили скалы и деревья. Взгляд Харки привлекла кружившая в вышине большая птица. Определив, что это орел, Харка не спускал с него глаз, забыв обо всем на свете. Орел приблизился к поляне и снизился на расстояние выстрела. Харка вынул из кожаного чехла ружье, как вдруг послышался шум на склоне горы. Покатились камни. Харка инстинктивно удержался от выстрела, опасаясь выдать себя.

Он бесшумно соскользнул с дерева и стал пробираться по склону к опушке леса, откуда доносился шум.

Раздались крики о помощи. Это был голос ребенка. Из лесу показалась бегущая вниз по склону девочка. Издалека донесся охотничий клич индейцев — люди спешили на помощь. Но вот следом за девочкой показался и преследователь — медведь. Это был гризли — опаснейший хищник прерий и Скалистых гор. Он бросился наперерез девочке. Еще несколько прыжков — и он настигнет ее.

Харка приложился к ружью и выстрелил. К сожалению, хорошо прицелиться помешали деревья, и пуля лишь ранила зверя в морду. Разъяренный медведь прекратил преследование, поднялся на задние лапы, а передними схватился за простреленную челюсть. Харка отбросил ружье и кинулся к зверю. Ослепленный болью, медведь слишком поздно заметил его и, замахнувшись своей огромной лапой,

не успел нанести решающего удара. Харка всадил нож в сердце медведя. Зверь рухнул, когти скользнули по плечу охотника. Гризли дернул лапами, вытянулся и затих. Он был мертв.

Харка смотрел на лежащего у ног зверя. Это был первый гризли, которого он уложил собственной рукой. А ведь подобный зверь в поселке на Лошадином ручье когда-то разорвал Оперенную Стрелу – брата Матотаупы... Да, индейцы считали, что уложить гризли – это заслуга не меньшая, чем победа над смелым и опасным врагом.

Пока молодой индеец ходил к дереву за мустангом и оставленным там имуществом, к медведю подоспели семеро индейских воинов, сюда же подошли девочка, убежавшая от медведя, и ее мать. Индейцы были вооружены луками, палицами и ножами. Их длинные волосы не были заплетены в косы. У двоих в волосах были орлиные перья. Харка понял, что имеет дело с племенем абсароков – воронов.

Возгласами удивления приветствовали индейцы юного охотника. По-видимому, девочка успела обо всем рассказать. Лицо девочки было еще бледно от пережитого страха. Она большими круглыми глазами смотрела на своего спасителя.

Мужчины уселись вокруг охотничьей добычи и достали трубки, приготавливаясь закурить как для своего удовольствия, так и в честь убитого гризли. Сел и Харка. Он вынул маленький кожаный мешочек с табаком – настоящим табаком. Он, несомненно, был приятнее и ароматнее, чем табак из листьев ивы, который приходилось курить индейцам с тех пор, как все земли, где мог расти табак,

попали в руки белым. Харка предложил абсарокам табаку, и они охотно набили им трубки.

Харка не знал языка абсароков, те не знали никакого языка, кроме своего собственного, и разговор завязался на языке жестов. Харка объяснил, кто он такой и куда едет. И тут почувствовал, что правая рука ему не повинуетя. Заметил это и один из воинов абсароков с орлиными перьями в волосах. Он посмотрел рану Харки, а потом, резко дернув руку вниз, слегка надавил на плечо. Сустав встал на место. Харка почувствовал, что рукой стало шевелить не так больно. Абсарок улыбнулся ему и, взяв мешочек Харки, еще раз набил свою трубку.

Тем временем женщина успела увести девочку и вернулась с несколькими воинами. Привела она и коня с волокушей. Убитого медведя положили на волокушу и повезли в стойбище.

Да, Харке сейчас было совершенно ясно, что гораздо разумнее было всадить в медведя вторую пулю, а не соваться под его лапы. Другие же рассматривали его удар как подвиг, как нечто совершенно необыкновенное для такого молодого человека.

Жители стойбища абсароков уже знали о происшедшем событии и приготовились встречать своих охотников и победителя гризли. Дети выбежали им навстречу с громкими криками и спешили увидеть своими глазами ужасного хищника. Старейшины и жрец вышли из своих палаток приветствовать победителя гризли. Вождь мирного времени, старый уважаемый человек, пригласил юношу в свою палатку.

Уже много лет Харка не заглядывал в поселки индейцев

и в палатке, согретой очагом, не был уже много дней. Над огнем клочкотало ароматное варево. Жена вождя налила гостю горячего бульона, сняла котел и насадила на вертел окорок лани.

Харка не стеснялся как следует поесть: он знал, что и сам теперь в состоянии угостить хозяина особенными деликатесами – медвежьим окороком, медвежьими лапами. Огонь очага распространял приятное тепло. Хозяин на языке жестов дал Харке знать, что по их обычаю предстоит успокоить дух зверя медвежьим танцем и что воины будут его исполнять завтра.

Гости ушли. Харке отвели место для сна, и женщины положили тут столько одеял, что он, пожалуй, и не мог бы всеми воспользоваться. Однако и на груди мягких одеял счастливый охотник все же испытывал боль в спине и плече. А медведь так явственно предстал перед ним во сне, что, проснувшись, Харка долго недоумевал, куда же он девался.

Далеко за полдень закончилось таинство танца медведя. Изможденные танцоры сбросили медвежьи шкуры. Мертвый гризли, вокруг морды которого уже кружились мухи, считался умиротворенным.

И этот убитый медведь значил для жизни Харки гораздо больше, чем вся его унижительная служба у белых строителей железной дороги; он был для него гораздо более почетной добычей, чем какой-нибудь поверженный им за последние годы враг, с которого он снимал скальп.

Харку посетили два молодых воина. Они объяснялись на языке жестов, и разговор был коротким. Они хотели отыскать гнездо орла, который недавно появился в этих местах.

– Пуля, которую я сберег на медвежьей охоте, найдет орла, – сказал Харка.

Несколько дней молодые абсароки вместе с Харкой обследовали окрестности стойбища. По вечерам ели мясо медведя. И каждый день в палатке были гости, которым хотелось отведать необыкновенного угощения.

Сам вождь мирного времени вручил Харке ожерелье из когтей и зубов медведя, изготовленное спасенной девочкой и ее матерью. Это был дорогой сердцу воина знак его победы и мужества. С этого дня Харка не снимал ожерелья.

Настал день, когда Харка и молодые воины абсароки направились далеко на север, где жители стойбища заметили недавно орла. Накануне похода все трое выкупались, натерли тело медвежьим жиром, посытнее поели и рано улеглись спать, чтобы около полуночи выступить в путь.

Вечернее небо раскинулось в своем густо-синем величии над горами и долинами, когда юные охотники покинули палатки и встретились на площадке посередине поселка. Зашевелились кони, завывала где-то собака. Сначала они выбрались к ручью, затем пошли по берегу вниз по его течению, через лес. Местность повышалась, становилась более пересеченной, и им пришлось двигаться медленнее, но все равно это был не шаг, а скорее бег. К утру они вышли из леса, и их встретил холодный, бьющий прямо в лицо ветер. Потом им пришлось карабкаться по крутым скалам на гору. Когда они добрались до вершины, в небе зажглись звезды. Они улеглись и пролежали до рассвета.

Взошло солнце, и перед ними открылись широкие просторы. Горы, долины, бескрайняя прерия подергивались легкой дымкой поднимающихся от земли испарений.

Нагрелись камни. Много птиц появилось перед глазами индейцев, но орла не было. И только когда солнце уже клонилось к западу и по долинам начал стелиться туман, далеко на севере показались два орла. Они парили большими кругами, постепенно приближаясь. Далеко внизу в прерии виднелось стадо антилоп. Орлы скоро оказались над ними. Потом они один за другим устремились вниз. Слишком поздно их заметили антилопы: каждый из орлов успел захватить добычу. Они медленно поднялись со своей ношей и, уже не кружа, полетели на север.

На светлом небе птицы были хорошо различимы, и удалось заметить, где они спустились вниз и скрылись в утесах предгорья.

— Рано утром мы будем у «него», — сказал Харка, и спутникам его стало ясно, что речь идет об охоте только на самца, хвостовые перья которого представляли главную ценность.

Ночью им снова пришлось пробираться сквозь чащу леса, переправляться через ручьи, пришлось даже обойти гору, которая была как раз на пути к орлиному гнезду.

Придерживаясь опушки леса, индейцы добрались до русла ручья, который ранней весной, несомненно, был полноводным и бурным, а сейчас становился мелким и спокойным. Прямо перед ними открылись утесы. Индейцы остановились. Они спрятались за большим камнем, абсароки приготовили луки и стрелы, а Харка зарядил ружье. Высоко над ними было видно гнездо.

Взошло солнце. Самец появился на краю скалы и расправил огромные крылья. На левом крыле были заметны следы старой раны: не хватало нескольких перьев. Две

тоненькие шейки с маленькими головками показались над краем гнезда – у орлиной пары были птенцы.

Хищники заметили людей, притаившихся за камнем. Самец сразу же взмыл в воздух и принялся кружить, подлетая все ближе к камню. Грудь его была открыта, и попасть в нее было нетрудно, но, подумал Харка, с такой высоты он может упасть на высокие скалы, и его трудно будет достать. Харка решил подождать. Однако спутники его рассудили иначе. Молодые абсароки выстрелили из луков.

Орел был убит. Со стрелами в груди он стал плавно падать и попал крылом в расселину скалы, которая словно палец торчала по соседству с гнездом. Самка раскрыла крылья, прикрывая птенцов, и, выставив вперед клюв, приготовилась защищать их.

Харка мог бы спокойно выстрелить и убить ее, но он считал, что цель охоты достигнута, и положил руку на лук стоящего рядом спутника, давая знать, что стрелять не надо, сам же, оставив ружье, отправился добывать повисшего на скале орла.

Сначала он скрытно подобрался к скале, а когда оказался у ее подножия, избрал для подъема противоположную от гнезда сторону, чтобы самка не видела его. Вынув из ножен нож и зажав его в зубах, дакота стал подниматься.

Да, Харка узнал орла. Это была та самая птица, с которой он еще мальчиком имел опасную встречу, а потом подружился и жил в мире до тех пор, пока у орла не зажила рана и он не стал снова летать. Вероятно, птицу потревожили строители железной дороги, и поэтому она переселилась далеко на север и нашла здесь новое место для по-

стройки гнезда. И вот орел мертв. Но пусть же вырастут новые сильные птицы. Именно ради этого Харка и остановил охоту.

Подъем был нелегок. Выступы скалы обламывались под ногами, и чем выше, тем меньше попадалось этих выступов. Он был уже на уровне гнезда, и птенцы, выглядывающие из-под крыльев матери, заметили его, но самка следила за действиями абсароков, которые швыряли в нее камни. Харке удалось бросить лассо и зацепить застрявшую птицу. К счастью, оказалось достаточно одного рывка, и орел медленно заскользил по скале вниз. Харка принял тяжелую птицу на спину.

И тут произошло то, чего охотники опасались. Самка заметила Харку и бросилась из гнезда на него, приготовившись нанести клювом страшный удар. Но мертвый орел, распластавшись на спине Харки, укрывал его спину и голову. Ничего не добившись, орлица снова вернулась в гнездо.

Медленно спускался Харка с тяжелой ношей. Спуск занял вдвое больше времени, чем подъем и стоил значительно больших усилий. Почувствовав под ногами землю, Харка глубоко вздохнул. С орлом за спиной, с распростертыми над его плечами крыльями, словно человек-птица, направился он к опушке леса, где укрылись поджидающие его абсароки. Орлица еще раз подлетела к Харке, снова пыталась наскочить на него, но, ускорив шаг, Харка поспешил укрыться между деревьями, где птице было уже до него не добраться.

Подошли спутники. Харка, сбросив с плеч птицу, тяжело опустился на землю и какое-то время даже не мог пошевелиться.

– Добыча ваша, берите ее, – сказал он молодым воинам.

Абсароки чувствовали себя неловко, они понимали, что поспешили с выстрелом, и договорились, что драгоценные хвостовые перья должны принадлежать Харке, доставшему орла. Они решили, что, доставив орла в поселок, расскажут, как происходила охота, вождям и старейшинам и попросят их на торжественном костре совета вручить Харке орлиные перья.

Один из воинов, который лучше знал местность, повел их к лагерю. Трое охотников по очереди несли тяжелую птицу. Двигались они довольно быстро, но до наступления вечера еще не достигли поселка. Решили немного отдохнуть и остановились на высотке, откуда хорошо была видна прерия. Перед ними открылась довольно свежая бизонья тропа. Это был широкий, вытоптанный в траве путь.

– Прислушайтесь, – сказал Харка.

Все трое хорошо различили приближающийся топот.

– Бизоны, – сказали абсароки.

– Мустанги, – произнес Харка.

И действительно, вскоре из рощицы вылетел табун лошадей с длинными хвостами и развевающимися гривами. «Что могло их так испугать?» – подумал Харка. А мустанги пронеслись мимо и исчезли за волнистыми складками Местности.

– Удивительно, – сказал Харка.

– Ш-ш-ш-ш, – произнесли его спутники. – Это духи.

И опять в рощице послышался шум. Из леса вышел один-единственный жеребец, подошел к ручью и наклонил голову, чтобы напиться. Буланный жеребец. Необыкновенно красиво сложенный. В его спокойных легких движениях чувствовалась сила и ловкость.

Что за конь!

Когда буланый утолил жажду и поднял голову, Харка замер в восторге: вечерние лучи солнца освещали не просто прекрасного жожака табуна, не просто резвого скакуна, не просто отважного коня, нет, – животное, которое стояло у воды, было чем-то неизмеримо большим.

Жеребец повернулся, отскочил от воды и понесся по долине, звонко ударяя копытами по земле. Его никто не преследовал, напротив, казалось, что он сам за кем-то гонится. Но вот он вдруг остановился, закружился на месте, защелкал челюстями, будто кусал кого-то невидимого. Потом взмыл на дыбы и замахал передними ногами в воздухе. Длинный хвост его стелился по земле, грива развевалась. Крутой изгиб шеи, дикие прыжки, оскаленные зубы – все выражало неудержимую злобу. Потом конь поскакал кругами, снова поднялся на дыбы и вдруг на полном галопе понесся по вечеряющей прерии и растворился вдали.

– Что за конь!

Харка пристально всматривался в темнеющую даль, не теряя надежды еще раз увидеть это чудо, но мустанг больше не появлялся

Еще до полуночи трое охотников достигли поселка. Собаки забеспокоились и подняли вождя мирного времени. Когда абсароки подошли с Харкой к палатке вождя, навстречу им вышел уже одетый старик. Увидев убитого орла, он не сдержал возгласа удивления.

Возвратившиеся охотники получили сытный ужин и рассказали вождю об охоте. Но вождь заметил, что они взволнованы не только охотой.

– Что же еще?

На этот вопрос старого вождя молодые воины только приложили ко рту руки. Потом старший все же решился:

– Когда мы возвращались домой, мы видели одержимого духами коня. Очень близко...

Вождь взглянул на Харку, точно спрашивая, а что скажет об этом он.

– Я никогда не видел такого коня, – сказал дакота. – Он сильнее, неистовей всех других мустангов, с которыми мне приходилось иметь дело. Он боролся с каким-то невидимым врагом...

– Этот жеребец борется с духами, – прошептал вождь. – Но он также нападает и на всех, кто встречается ему на пути. Другие кони боятся его. Недавно он насмерть загрыз жоака табуна. Мы нашли убитого им мустанга. Это конь духов.

Продолжать разговор желание у всех пропало. Одолеваемые усталостью спутники Харки распрощались, оставив орла до утра в палатке старого вождя.

Улегся спать и вождь, улегся Харка на свои многочисленные одеяла. Во сне он теперь видел коня, необыкновенного, одержимого духами коня. Ночью он размышлял о нем, как бы мог размышлять о своем очень большом и сильном враге, которого решил сделать своим другом. Одиноким, дикий, наводящий на окружающих ужас, этот конь ему показался похожим на него самого. Что знают о нем – Харке – абсароки? О нем, Твердом Как Камень, Убившем Волка, Охотнике На Медведя, сыне Матотаупы? О нем, которого белые люди называют Гарри? Он даже не назвал им своего настоящего имени. Они даже не догадывались, кто он на самом деле такой. А между тем имя Харка

или Гарри могли знать и жители этой далекой глуши, ведь дела его не» могли остаться неизвестными в прериях и Скалистых горах. Нет, если он не хочет привлекать к себе внимания, навлекать на себя презрение или участие, ему не следует называть свое имя. Ни Гарри, ни Харка, ни Твердый Как Камень.

Абсароки были готовы оставить в своих палатках смелого охотника и дать ему в жены одну из девушек поселка. Старый вождь не один раз делал совершенно ясные намеки на это. Но маленькая группа абсароков, уединенно живущая в долине гор, не занимала мыслей и чувств Харки. Он хотел быстрее попасть к сиксикам, скорее увидеть своего кровного брата Сильного Как Олень и вместе с ним стать воином.

Через три дня после возвращения с охоты на орла Харка распрощался с гостеприимными абсароками. Юный стрелок, стрела которого наиболее точно поразила орла, вручил ему в качестве дара хвостовые перья. Харка сравнил полученные перья с теми двумя, которые с детских лет сохранялись у него. Они очень подходили друг к другу, несмотря на то что росли в разное время. Нет, он не ошибся. Это тот орел, у которого его Серый, защищая своего хозяина, выдрал из хвоста перья. Шкуру гризли Харка оставил в поселке. Ожерелье из когтей и зубов было достаточным свидетельством совершенного подвига.

Почтительно простился Харка со старейшинами и, провожаемый юношами и мальчишками, отправился в путь. Он был щедро снабжен провиантом, конь его хорошо отдохнул и был полон сил.

Харка уехал рано, когда солнце еще не нагрело воздуха.

Он торопился наверстать упущенное время, но не сожалел о задержке: дни, проведенные у абсароков, оставили у него теплые воспоминания и хотя полностью не могли заставить забыть пережитое в лагере строителей железной дороги, однако все неприятное, связанное с теми временами, отодвинулось теперь куда-то очень далеко. Чувствовал он себя хорошо – свободным индейцем.

Двигаясь все дальше и дальше на север, он не мог забыть буланого коня и озирался по сторонам, так и ожидая, что вот-вот появится перед ним этот необыкновенный конь духов.

ИСПЫТАНИЕ

Северо-западнее верховьев Миссури двигалась по прерии колонна сиксиков, направляясь в поросшие лесами горы. Колонна была немногочисленна. Легкие исхудалые фигурки в такт движения покачивались на спинах коней. Спокойные, задумчивые, они, казалось, все были на одно лицо.

Среди них ехала на коне и Ситопанаки. Ей минуло четырнадцать, это была уже взрослая девушка. Перед ней ехала Насмешливая Синица, и Ситопанаки целый день видела перед собой ее расшитое узорами платье, аккуратно расчесанные волосы, грудного младенца на спине, который уже понимал, что кричать сейчас нет никакого смысла, и, поудобнее устроившись в устланной мягким мехом сумке, забавно ворочал головой и шевелил ручонками.

К вечеру достигли цели. Место для летнего пребывания было избрано на целый дневной переход западнее, чем в прежние годы.

Ситопанаки, ее мать, бабушка, как и другие женщины, принялись за установку палаток. Расположение поселка оказалось удачным: многочисленные родники стекались в небольшой ручей, рядом лес – не надо далеко ходить в поисках топлива. Ягоды, коренья, лечебные травы – все было под руками. К востоку от нового стойбища тянулась прерия, западнее – начинались Скалистые горы. Мужчинам удобно было в прерии охотиться на бизонов, а в лесах предгорий – на оленей, медведей, лосей. Трава здесь была сочнее, чем в открытой прерии, значит, и мустангам было достаточно пищи.

Жерди палатки вождя были установлены, вершины их связаны. Женщины натянули кожаные полотнища, веревками из жил бизонов скрепили их между собой, привязали к вбитым в землю кольям, чтобы ветер не мог их сорвать. Теперь Ситопанаки могла отправиться в лес за топливом. Молодая женщина – Насмешливая Синица – тоже пошла с ней: и ей нужно было набрать сучьев. У лесного источника они повстречали Сильного Как Олень, который привел сюда пастись своего коня. Насмешливая Синица заметила, что брат с сестрою хотят о чем-то поговорить, и не стала им мешать – пошла дальше.

Над поляной у источника в темной сини неба затухали бархатно-красные полосы облаков. Журчала вода. Далеко в прерии выли койоты, в лесу слышались шаги собирающей хворост женщины.

– Наступило лето, – негромко сказал Сильный Как Олень. – Дни стали длиннее ночей, скоро начнет вянуть трава, подрастут молодые бизоны. Раньше чем наступит осень я стану воином. Жрец поговорит с духами и опре-

делит день испытания. Ситопанаки, сестра, скажи, скоро ли ты проследуешь за молодым воином в его палатку?

– Сильный Как Олень, брат мой, а ты приведешь к себе в палатку девушку, когда станешь воином?

– Нет, не сразу. Пусть я увижу двадцать два или даже двадцать три лета, не раньше.

– До этого времени мне надо помогать нашей матери.

Сильный Как Олень улыбнулся. Ситопанаки в наступающих сумерках не видела его улыбки, однако почувствовала усмешку в его словах:

– Да, ты ей нужна. И ты не любишь ни одного нашего воина? Даже Бродящего По Ночам, сына Мудрого Змея, который день и ночь думает о тебе?

– Я еще молода и могу подождать, пока не придет любовь.

Ночной ветер уже шевелил вершины деревьев, а внизу у источника еще задержалось тепло летнего дня.

– Может быть, раньше чем наступит осень придет мой кровный брат Харка – Твердый Как Камень, – сказал Сильный Как Олень. – Он хотел пройти у нас испытание и стать воином. Если он еще жив, он придет.

– Придет, это так. Я каждое утро смотрю в прерии, каждый вечер смотрю на леса, так же как и ты, мой брат!

– Мы будем ждать.

Чалый конь поднял голову. Сильный Как Олень понял, что ему хочется к табуну, и повел его от источника.

Появилась Насмешливая Синица, она поделилась с подругой хворостом, и обе побежали к палаткам, где их уже ждали.

Дочь вождя разожгла огонь в центре палатки, в углуб-

лении, которое уже успела сделать мать. Сухое дерево быстро разгорелось. Ситопанаки насадила на вертел мясо для отца.

Когда вождь Горящая Вода съел поджаренное мясо, к огню подсели мать и бабушка, Ситопанаки и ее маленький брат, который всего три года назад появился на свет. Пришел в палатку Сильный Как Олень и тоже принял участие в ужине.

Из леса доносились незамысловатые звуки флейты. Обитатели палатки знали, что это сын Мудрого Змея наигрывает любовную песню для Ситопанаки. Мать исподволь наблюдала за дочерью. Но Ситопанаки только презрительно поджала губы.

– Молодому человеку следовало бы лучше думать о том, как охотиться на лосей и на гризли, чем каждый вечер играть на флейте, – сказала она и улеглась на свое ложе, чтобы увидеть во сне то, что она могла доверить только своему брату.

Однажды рано утром Ситопанаки вместе с Насмешливой Синицей шли к источнику за водой. В первых лучах солнца радужно поблескивала лежащая на траве роса. Было прохладно. Девушки пришли к источнику и, когда наполняли водой свои кожаные мешки, увидели за деревом юношу. Обе сразу его узнали. Это был Бродящий По Ночам. Ему уже исполнилось двадцать два года, и четыре года назад он стал воином. Он был статен и силен. Насмешливую Синицу так и подмывало отпустить что-нибудь из своих старых шуточек, потому что этот молодой воин был настолько влюблен, что дня не мог пропустить, чтобы не показаться на глаза Ситопанаки. Дочь вождя не обращала

на него внимания, но и не уклонялась от встреч. Вместе с Насмешливой Синицей прошли они мимо молодого воина, как мимо какого-то дерева. И юноша пошел следом за ними. Когда подруги вышли на опушку леса и перед ними открылась озаренная солнцем прерия, дали ее еще терялись в утренней дымке. Однако собаки в стойбище проявляли беспокойство. Причина этого скоро стала девушкам ясна. По травянистой равнине к палаткам направлялся одинокий всадник. И сердце Ситопанаки вдруг забилось быстрее. Она опустила голову и, даже забыв, как обычно, проститься с Насмешливой Синицей, побежала к себе в палатку. Насмешливая Синица, напротив, осталась спокойно стоять, ожидая приближения всадника. Бродящий По Ночам тоже стоял и смотрел в том же направлении.

И вот всадника уже можно было узнать. Он ехал на пегом коне, покрытом кожаным одеялом.

Бродящий По Ночам молча повернулся и пошел прочь.

От палаток на своем чалом коне понесся навстречу пришельцу Сильный Как Олень. Всадник из прерии тоже поднял коня в галоп. Оба встретились и приветствовали друг друга поднятыми руками и радостными возгласами.

Потом они вместе понеслись к поселку и резко осадили коней перед палаткой вождя. Полотнища входа уже были подняты. Горящая Вода стоял около палатки. Юноши соскочили с коней, и вождь с достоинством приветствовал возвратившегося.

Насмешливая Синица еще долго стояла на краю поселка, и только когда приехавший скрылся в палатке вождя, понесла к себе воду. Гость, по-видимому, был приглашен остаться, потому что повел своего коня в табун.

Когда он проходил мимо Насмешливой Синицы, молодая женщина как следует разглядела его. Это был крепкий, мускулистый юноша. Ожерелье из когтей медведя свисало на его грудь, а на легинах были нашиты скальпы побежденных врагов. На вид он был старше двадцатидвухлетнего Бродящего По Ночам.

Насмешливая Синица бросила еще взгляд в палатку вождя. Ситопанаки принесла воду и теперь наводила порядок, но ее движения показались Насмешливой Синице какими-то неловкими, угловатыми, что было совсем не похоже на Ситопанаки...

Сильный Как Олень дождался возвращения своего кровного брата. Сам вождь Горящая Вода сиял в улыбке, жена его извлекла из запасов нежнейшее филе бизона и насадила на вертел для желанного гостя. Ситопанаки принялась расставлять миски, и движения ее снова приобрели плавность и легкость. Возвратившемуся угощение показалось необыкновенно вкусным.

Когда трапеза завершилась и были оказаны первые знаки гостеприимства, вождь и хозяин палатки – Горящая Вода – заговорил:

– Харка – Твердый Как Камень, Убивший Волка, Охотник На Медведя, сын Матотаупы, ты вернулся в нашу палатку. За время, которое ты провел вдалеке от нас, ты победил многих врагов, ты убил гризли. Знаки побед, которые ты носишь, говорят нам об этом. Ты боролся как воин. Стал ли ты воином, пройдя испытание у краснокожих людей?

Гость отвечал так же медленно и торжественно, как спрашивал его вождь:

– Я еще не стал воином по обычаям краснокожих людей. Мой нож, мои стрелы, мои пули убили много врагов, и их скальпы со мной. Огромного гризли уложили моя пуля и мой нож. Но чтобы стать воином – этого мало. По обычаям моего племени человек, который хочет стать воином, должен уединиться и поразмыслить о себе. Его должны во сне посетить духи, дать ему имя и назвать духа-охранителя. Будущий воин должен доказать, что способен переносить голод и жажду, что умеет владеть собой. Великий и Таинственный или Великое Солнце могут потребовать от него и еще какого-нибудь особенного испытания.

– Харка – Твердый Как Камень, готов ли ты уединиться и услышать от духов свое имя, а если Великий и Таинственный потребует, пройти и особое испытание?

– Да, я готов.

– Тогда я еще сегодня перед заходом солнца поговорю со жрецом и спрошу, разрешат ли ему духи тебя, Харку, Твердого Как Камень, вместе с моим сыном Сильным Как Олень провести через испытание воина. Жив ли твой отец?

– Он жив.

– Не собирается ли он тоже вернуться к нам?

Кровь прилила к лицу Харки, и сердце заколотилось сильнее.

– Горящая Вода, – сказал он, – воин Мудрый Змей и твой сын Сильный Как Олень говорили тебе, почему Матотаупа и я, как его сын, покинули ваши палатки. Теперь ты спрашиваешь, не хочет ли мой отец возвратиться сюда. Разве белые люди не требовали выдать нас, потому что мой отец убил бешеного койота по имени Эллис?

– Белые люди никогда ничего не спрашивали у меня о

твоим отце. Прошло шесть зим и пять солнц с тех пор, как твой отец ушел от нас. За это долгое время пять раз морозы и снега сменяли жару и засухи, шестой раз мы встречаем время зеленеющей травы и пять раз время падающих листьев, и если уж за все это долгое время белые люди ничего не спрашивали о твоём отце и о тебе, то я думаю, никогда и не спросят. Когда ты пройдёшь испытание и станешь воином, я посетю наших верховных вождей и узнаю, не говорили ли им белые люди о твоём отце. Я думаю, что наш совет воинов должен принять твоего отца и тебя в наше племя.

– Знаешь ли ты Шарлеманя? – спросил Харка.

И то, что Харка услышал в ответ, потрясло его.

– Белый человек по имени Шарлемань – лжец! Лучше, если бы ты и твой отец не так спешили и, прежде чем покинуть нас, выслушали бы наш совет. Воины сиксики не говорят много слов, но они о многом имеют верное суждение. Скаут белых людей, воин, которого зовут Шеф Де Люп, помог нам раскрыть ложь Шарлеманя.

Харка задумался.

– Имя Шеф Де Люп – Вождь Волков – мне неизвестно.

– Возможно, у него есть и другое имя, а белые люди называют его Тобиас.

– Тобиас? А! Мой отец однажды, после песчаной бури, вместе с ним вывел белых людей к блокгаузу Беззубого Бена...

– Согласен ли ты пройти испытание воина с моим сыном?

– Хау. Если жрец разрешит мне пройти у вас испытание, если я стану воином, если ты, вождь Горящая Вода,

получишь согласие верховных вождей, чтобы меня с отцом принять в ваше племя, – я вернусь к отцу и обо всем ему расскажу. Сейчас мой отец в верховьях реки Платт. Он – разведчик у белых людей.

Разговор между вождем и его гостем на этом закончился, слово попросил Сильный Как Олень.

– Харка – Убивший Волка, ты пришел в хорошее время. Я недавно видел следы лося. Пойдем со мной на охоту!

Харка вопрошающе взглянул на вождя.

– Ничто не препятствует этому, иди с моим сыном на охоту! – разрешил Горящая Вода. – Жрец хочет говорить с духами, и решение его будет не раньше чем через три дня.

– За это время мы добудем лося, – сказал Сильный Как Олень.

– Давай готовиться.

Из оружия вождя Харка выбрал себе крепкое копье, решил он взять и лук.

Ситопанаки с матерью приготовили провиант. Вручая его охотникам, девушка не утаила улыбки. Красавицей Ситопанаки не была, но, нежная и скромная, стройная и гибкая, в движениях своих она словно бы воплощала музыку и ритм, тем самым оправдывая имя свое – Та Чьи Ноги Поют Когда Она Идет.

Юноши вышли из палатки.

– Посмотри! – сказал Сильный Как Олень и остановился.

Черная длинношерстая собака, похожая на волка, тащила в зубах щенка. Она положила его у входа в палатку, убежала, вернулась со вторым, улеглась рядом со щенками и сердито посмотрела на Сильного Как Олень. Сын вождя рассмеялся.

– Это наша лучшая собака, – объяснил он Харке. – Она не боится нападать на самых сильных волков. Ее щенки, которых она притащила сюда, будут такими же, как она.

Харка взял одного из щенков в руки; собака не спускала с него глаз.

– Такой пес был бы неплохим спутником для одинокого всадника в прерии, – сказал Харка.

– Расти его для себя, Убивший Волка! Другого буду воспитывать я.

Выехав из поселка, юные охотники уже в полдень напали на следы, о которых рассказывал Сильный Как Олень. Поехав по следу, они достигли ручья. Скоро они узнали места, где в детстве купались, где ночью боролись с рысями. Особой надобности делать остановку у них не было, и все же оба спешили, пустили коней пастись, а сами подошли к воде, струями спадавшей по зализанным камням. И воспоминания о мальчишеских приключениях у обоих вызывали улыбку. Сильный Как Олень нашел неподалеку тихое местечко и поймал руками несколько сонных форелей. Он разжег небольшой костер, поджарил рыбу, и оба присели не столько поесть, сколько как следует насладиться этим моментом.

И Харка заговорил о том, что занимало последнее время все его мысли.

– Я видел мустанга, – сказал он, – такого мустанга, каких никогда еще не встречал.

Сильный Как Олень удивленно поднял голову.

– Ты говоришь о коне духов?

– Вы знаете о нем?

– Да.

– Я видел его далеко на юге, на расстоянии многих дней перехода отсюда... – заметил Харка.

Форели были съедены. Охотники поднялись и двинулись по следу лося. Они углубились в лес и до вечера брели по нему, пока не вышли к расположенному в горах болоту. Судя по всему, лось был недалеко. Юноши стреножили коней и пошли дальше пешком. Следы пересекали болото и потом снова вели в лес. Стали попадаться объединенные лосем ветки.

Охотники остановились и прислушались: до них доносился шелест срываемых листьев. Охотники стали неслышно пробираться от дерева к дереву и наконец, увидев зверя, замерли. Перед ними был огромный сильный самец, не менее опасный, чем бизон.

Зверь их не чуял. Задрав голову, он обирал с деревьев листву, хрупал мелкими ветками. Юноши решили подбаться к лосю с двух сторон. И им это удалось. Оба одновременно изо всех сил ударили копьями. С перебитым горлом и пронзенным сердцем свалился огромный зверь.

– Как хорошо, что он слишком поздно почуял нас... – произнес Харка, вытаскивая копьё. – Одного твоего удара было бы довольно.

– Твой удар тоже был смертелен, – заметил Сильный Как Олень. – Но два удара – это все-таки надежнее.

Юноши расположились на ночь рядом с убитым лосем. В лесу стало совершенно темно, и только болото освещала луна. Совы и летучие мыши подняли возню. Юноши не настолько устали, чтобы сразу же заснуть, им хотелось поговорить.

– Твой мустанг, этот чалый, великолепный конь, – сказал Харка.

– У тебя в голове, мой кровный брат, мысли только о хорошем мустанге. Где же твой Серый?

– Я его застрелил.

Сильный Как Олень понял, что о подробностях спрашивать не следует.

– Мне кажется, ты думаешь о коне духов.

– Да.

– Я должен рассказать тебе, Харка, историю этого коня. Только жители наших палаток знают эту историю.

– Говори.

– Прошлой весной нам потребовались лошади. Разведчики, среди которых был я, обнаружили табун, который пришел откуда-то с севера. Наши люди разделились. Половина под водительством Мудрого Змея направилась в лес, чтобы построить кораль – высокий загон из стволов деревьев. Другие, и вместе с ними я, направились к табуну. Мустанги паслись, играли, отдыхали, и мы скакали рядом с ними и тоже пускали наших коней пастись. Мустанги постепенно привыкли, что мы все время рядом.

Мы следовали за табуном несколько дней, завлекая его постепенно к лесу. Наконец мы оказались поблизости от загона. Животные уже не смотрели на нас как на врагов, однако близко не подпускали. И этим мы воспользовались. Мы приближались к ним и теснили к загону. Ты знаешь, как устроен загон? У него широкий, как раскрытая пасть, вход, затем он сужается – и образует круглый кошель, окруженный высоким забором. Как только мустанги попадают в кошель, проход в узкой части заваливается деревьями. Пока мы следовали за табуном и теснили его к загону, многие уже выбирали себе коней. Следили мы и за

вожаком табуна. Ни один конь не мог сравниться с ним в силе, отваге и осторожности. Я сознаюсь тебе, что каждый вечер мечтал об этом коне. Однажды вечером табун оказался у самого входа в кораль. Вот тогда-то и началась охота. Охватив полукругом табун, наши воины с громкими криками погнали мустангов внутрь загона. Впереди несся буланный вожак, увлекая остальных в раскрытую пасть входа. – Сильный Как Олень немного помолчал, и Харка не проявлял нетерпения. – Ах, если бы ты только видел, как все произошло. Буланный вдруг почувствовал, что попадает в ловушку. Он взвился на дыбы и стал бить и кусать бегущих коней, стараясь их остановить. Но кони неслись и уже не подчинялись вожаку. Бегущие сзади напирали, и буланный не смог их удержать. Трех жеребцов убил буланный и все-таки вместе с табуном был загнан в кораль.

Прошла ночь. Буланный стоял в середине загона и словно оцепенел, в то время как другие мустанги испуганно носились по кругу. Он только поднял голову, словно прислушиваясь и присматриваясь.

Целый день мы рассматривали коней сквозь щели загона, и каждый следил за конем, которого хотел поймать. Животные стали успокаиваться. На другой день мы решили выловить нужных мустангов, а остальных выпустить в прерию.

– Ты хотел поймать буланого?

– Да. Но буланого я не нашел. Ты можешь себе представить, что я испытал.

– Как же он убежал?

– Когда мы отловили коней, мы осмотрели весь кораль. Перепрыгнуть высокое ограждение ни один мустанг не

мог. Но жеребец перелез через него, как хищный зверь: мы увидели по ободранной на стволах коре, где он упирался копытами. Мы пробовали потом преследовать его, но безуспешно. Этот конь не переносит теперь вида всадников и не позволит себя больше обмануть. Поймать его невозможно.

– Ты думаешь, что это и есть конь духов?

– Да, это он. Ах, какой конь! Теперь он не пристанет ни к одному табуну. Видно, вспоминает, как тогда завел табун в ловушку, попавшись на нашу хитрость, видно, помнит, как не послушались его кони.

– Сколько ему лет?

– Я думаю, не более трех...

Охотники поделили время дозора. Первым лег Харка. А когда посреди ночи он сменил Сильного Как Олень, его не оставляли мысли о коне духов. С рассветом он решил обойти вокруг болота. И не зря. Там, где из болота вытекал ручей, на мхе отчетливо отпечатались копыта коня.

– Что ты там видишь, Убивший Волка? – спросил Сильный Как Олень, который тоже поднялся и сразу же отыскал друга.

– Посмотри сюда. Здесь был он. Наверное, дня два тому назад, – и Харка показал другу несколько волосинок из гривы буланого коня, которые снял с ветки.

Харка бережно свернул волосинки в маленькое кольцо и спрятал их. Следы вели вверх, в горы.

– Сейчас нет времени... Пойдем доставим лося к палаткам. Завтра твой отец сообщит мне, что решил жрец.

Друзья спустились по склону. Тушу лося они погрузили на мустанга Харки, и тот повел своего коня в поводу, а

Сильный Как Олень ехал верхом. После полудня они переложили груз на другого коня. Только на следующий день счастливые охотники прибыли в лагерь.

Свора собак вырвалась им навстречу и облаяла убитого лося. Бежали с радостными криками мальчишки. Мужчины вышли из палаток встретить охотников. Женщины и девушки восхищались великолепной добычей. Лося положили перед палаткой вождя, и оба охотника принялись снимать шкуру. Это была тяжелая мужская работа.

Ситопанаки и ее мать стали разделявать тушу, и черная собака с жадностью хватала потроха. Оба ее щенка стали на два дня старше и были значительно подвижнее.

Горящая Вода и Темный Дым подошли к туше, осмотрели места ударов копий.

— Каждый из вас его убил, — высказали они свои сообщения. — Он принадлежит вам обоим.

Охотники решили, что Сильный Как Олень получит рога, а Твердый Как Камень получит шкуру. Когда Харка передал шкуру женщинам с просьбой обработать ее, мать Ситопанаки невольно улыбнулась и, введя гостя в палатку, показала, что у него уже есть семь бизоньих шкур: шесть — добытые Матотаупой и одна — его, Харки, который уложил бизона, будучи еще мальчиком. Из четырех шкур были приготовлены кожи, на трех сохранен мех. Так в один момент Харка из бедняка превратился в богатого человека. Теперь он мог сделать себе замечательную зимнюю куртку и меховые мокасины, а так как у него была еще и шкура лося, то можно было подумать и о нарядной праздничной куртке.

Вечером в палатке вождя собрались заслуженные во-

ины, среди них – Мудрый Змей и Темный Дым. Пришел жрец. Во время еды соблюдались все торжественные церемонии. В заключение трапезы была раскурена длинная священная трубка. Потом каждый закурил свою собственную трубку, и совет начался.

Жрец сообщил, что он спрашивал духов. Их ответы в каждый из трех прошедших дней были ясны и одинаковы: Харка – Твердый Как Камень, Убивший Волка, Охотник На Медведя, Преследователь Бизона, сын Матотаупы, может стать воином. По обычаю своего племени он должен три дня и три ночи пробыть в одиночестве, ничего не есть и не пить. Духи сказали, что Сильный Как Олень, сын вождя Горящая Вода, тоже может пройти это испытание. Если духи будут благосклонны, они скажут им во сне их новые имена.

На лицах присутствующих выразилось полное удовлетворение.

Но Мудрый Змей спросил:

– К какому племени будет принадлежать Харка – Твердый Как Камень, когда он станет воином?

– Об этом тоже скажут духи, – с достоинством произнес жрец. – Когда Сильный Как Олень и Твердый Как Камень получают имена воинов, я спрошу духов, не могут ли они принести жертву Солнцу.

Мужчины подождали, не скажет ли жрец что-нибудь еще, но этого не случилось, и тогда разговор перешел на другие, не такие важные темы и, как всегда, начались рассказы об охоте.

Оба юноши, сидящие в стороне от других, однако, не слышали этих рассказов: мысли их были далеко от палатки.

Через четырнадцать дней им предстояло стать воинами!

Но за ожиданием радостного события все же стояла какая-то неизвестность. Порядок, предложенный жрецом, несколько отличался от обычного. Пребывание в одиночестве, испытание жаждой и голодом, проникновение в сущность собственной жизни – все это было скорее ритуалом подготовки будущего жреца, которому предстояло управлять не только своими мыслями, но и господствовать над мыслью других. Испытанием воина у сиксиков был только Танец Солнца. Сильный Как Олень и Твердый Как Камень должны были подвергнуться обоим испытаниям.

Чем ближе становился назначенный день, тем быстрее летело время. Наконец осталась последняя ночь. Оба друга с вечера сытно поели и напились свежей родниковой воды. Утром они проснулись едва начало светать и, уже не принимая пищи, сразу направились в палатку жреца, который ожидал их. Там они получили мешочки с табаком и наставление: три дня и три ночи пробыть в одиночестве, не есть и не пить, а наутро четвертого дня вернуться в палатку. Жрец указал, где находиться каждому юноше.

Сильный Как Олень и Твердый Как Камень покинули палатку жреца и пошли. Мужчины, женщины и дети вышли из палаток и смотрели им вслед. Мысли всех жителей были с ними, мысли и добрые пожелания, и может быть, не у всех эти пожелания были одинаково горячие, но никто, даже Бродящий По Ночам – сын Мудрого Змея, не мог себе позволить пожелать чего-нибудь плохого Твердому Как Камень.

Когда Харка достиг вершины, назначенной ему жрецом, он опустился на землю. Отсюда далеко была видна

окружающая местность. Доносилось журчание потока, стиснутого ущельем. Харка посмотрел на покрытый травой склон, на волнистую равнину, на полосы лесов, на долины, на далекий горизонт. Он положил руки на колени и принялся размышлять. Вся его собственная жизнь снова проходила перед глазами.

Самое раннее воспоминание – холодная зима, застывшая река с большой прорубью. Харка родился в августе, и этот лед, о котором он сейчас вспоминал, был льдом его третьей зимы. Ранним утром в палатку отца Харки пришел Четан, которому тогда было восемь лет. Он вытащил Харку из-под теплого одеяла, потащил отчаянно болтающего ногами мальчика к реке и погрузил в прорубь. Харка помнил, как сердце его тогда на мгновение остановилось, и едва он смог вздохнуть, он в первый раз в жизни поклялся отомстить. Ночью он попросил отца разбудить его перед восходом солнца и вместе с ним принес с реки большой кусок льда, потом уже сам он пробрался в палатку Четана и положил этот кусок льда на открытую грудь спящего мальчика. Четан с криком вскочил, схватил Харку и так отшлепал его, что у малыша в глазах потемнело. Но Харка даже не вскрикнул.

Так удивительно началась большая дружба между Четаном и Харкой. Четан стал учителем малыша и готовил будущего охотника и воина, отцу только в особо сложных случаях приходилось заниматься обучением сына.

Подрастающий мальчик запоминал мифы и легенды племени дакота. Он научился понимать язык жестов и картиночное письмо, а когда ему исполнилось восемь лет и он уже научился хорошо ездить на коне и стрелять из лука,

отец впервые взял его на охоту. Отец учил его наблюдать за природой. У мальчика рода Медведицы был в жизни один-единственный путь – стать охотником и воином. Племя было изгнано белыми из плодородных лесных областей в дикую прерию, в предгорья, в край снежных и песчаных бурь. Только стойкие, выносливые люди могли жить здесь. И не было тут других средств к жизни, кроме тех, что давала опасная охота на бизонов. К тому же еще очень часты были стычки с племенами, которые тоже были обречены жить в этих местах...

Когда Харке было девять лет, он затеял со сверстниками игру в жреца. Мальчики потихоньку собирались в лесу, и Харка изображал жреца. Эта роль так удавалась ему и дети проникались таким настроением, что падали перед ним ниц. Жрец Хавандшита застал однажды их за этой игрой, и Харка, возомнивший себя жрецом, был строго наказан. Двенадцать дней и ночей пришлось провести ему в палатке жреца, и о том, что происходило там, жрец не велел никому говорить.

Харка вспоминал, как роду Медведицы пришлось вслед за бизонами переселяться из Блэк Хилса на юг, на реку Платт. Припомнилась встреча с незнакомцем в пещере, гибель матери от пули пауни, участие в схватке с пауни и добыча ружья. Это ружье пришлось принести в жертву палатке жреца... Где-то в глубине у Харки вновь возникло чувство неприязни к жрецу, который тогда настоял на этом поступке...

Потом появился Рэд Джим и подарил Харке и Мато-таупе по великолепной двустволке. Харка был тогда восхищен Рэдом Джимом. И это была вторая ошибка в его

жизни. Первая – это жертва, которую он принес вопреки своей воле. Вторая – он поверил человеку, которому нельзя было верить... Потом наступила ночь, когда Джим, гость палатки вождя, принес колдовскую воду. Тогда Харка впервые видел пьяных индейцев... Он, мальчишка, решил тогда подсматривать за происходящим в палатке, и это было хорошо, потому что он сам убедился, что его отец не терял рассудка, не говорил лишних слов. Однако на следующее утро Хавандшита обвинил Матотаупу в выдаче тайны рода. Великий вождь Татанка Йотанка был согласен со жрецом, и Матотаупа был изгнан из рода, а Харка последовал за отцом в изгнание.

Матотаупа был не виноват!..

Эта мысль перебила другие воспоминания находящегося в одиночестве Харки. Матотаупа не виноват, и в этом никто не смеет сомневаться! Ведь Рэд Джим до сих пор не нашел золота, хотя ищет его семь лет! Одного этого достаточно, чтобы доказать, что Матотаупа не виноват!

А все, что произошло дальше с Матотаупой и Харкой, было следствием несправедливого решения совета рода Медведицы, решения, причиной которого была ненависть Хавандшиты, ненависть, порожденная завистью.

Так думал Твердый Как Камень. Да, именно так все было и не могло быть иначе.

Наступил полдень. Стояла жара, и дали прерий подернулись дымкой. В полуденном дрожании воздуха показалось какое-то животное... мустанг... Словно привидение возникло оно на вершине соседнего холма.

Харка уже не понимал, бодрствует он или видит это во сне, но на холме был буланный конь! Харка не двигался и не

спускал глаз с коня. И конь тоже стоял неподвижно, казалось, он знал, что у Харки нет ни коня, ни лассо, что Харка связан испытанием и не может охотиться. И вот он легкой рысью пронесся совсем неподалеку от Харки так, что юноша видел его раздутые ноздри, его дикие глаза. Длинный хвост его развевался, копыта мягко стучали по поросшей травой земле. От волнения мурашки побежали у Харки по спине, но он не пошевелился.

Жеребец остановился, посмотрел на Харку, начал бить копытами по земле. Сколько силы было в теле этого животного, как играли мускулы под его светлой кожей! И вдруг он взвился на дыбы, повернулся и галопом понесся прочь, словно дух прерий. Скоро его светло-желтая шкура слилась с желтеющей травой, и только топот еще некоторое время доносился до Харки.

Медленно возвращался юноша к своим мыслям. Матотаупа не виноват, а Джим – негодяй. Он и теперь пытается следовать за бывшим вождем и все-таки вывести у него тайну гор и Большой Медведицы. Надо оградить отца от Джима. Харка уже давно понял, что другого выхода нет, но сделать это было нелегко. А может быть, уже и невозможно это сделать? И Харка ужаснулся при мысли, что он оставил отца в руках Джима.

Нет, он поступил правильно. Он станет воином и тогда вновь обретет отца.

И еще одна мысль не давала покоя, терзала его сомнениями: кто он, кому он должен будет принадлежать, став воином? Сиксикам? И что, если они узнают, что отец Харки, к удовольствию белых, валялся пьяный? Харка никому об этом не может рассказать. Никому он не может

поведать об этом позоре, даже своему кровному брату Сильному Как Олень, даже вождю Горящая Вода, даже самому жрецу. И что, если этот срам когда-нибудь выплывет наружу?

А если вернуться к дакота? Кем? Сыном вождя, которого до сих пор считают предателем?

Как же быть? Неужели он станет воином лишь для того, чтобы служить опять разведчиком белым людям? Нет. Белые люди были правы, когда хотели его линчевать, ведь он научился их ненавидеть. И Харка задумался о послании, запечатленном в вампуме из хижины Оцеолы, который достался ему от несчастной семинолки. Эта женщина умерла. Она решила умереть, как только узнала, что Харка должен уйти из лагеря. Цель ее искалеченной жизни исполнилась: она пронесла дальше послание, послание с кровью и слезами, послание – обвинение белым от имени обманутого ими вождя, от имени храброго племени семинолов, изгнанного со своей родины, храбрейшие сыны которого еще продолжают борьбу в глухих болотах Флориды.

Солнце первого дня закатилось, а юный дакота все еще размышлял, как ему быть. Он не чувствовал ни голода, ни жажды, потому что все его мысли были заняты поисками решения. И в темноте ночи мысли Харки кружились в каком-то водовороте, теснились и никак не могли улечься в стройный ряд. Он не спал всю ночь, а решение так и не было найдено.

Второй день проходил тяжелее. Пересыхали губы. К полудню от сухости язык прилипал к нёбу, горло сводила судорога, и казалось, кровь становится гуще. Стояла жара,

но его знобило, к вечеру разболелась голова. Куда идти? Ответа на этот вопрос он так и не нашел. Но и день, и следующая за ним ночь терзали уже не только душу, но и тело. Ночью он немел от холода. Беспорядочное метание его мыслей сменяли мимолетные сновидения. Решение не приходило. Он чувствовал себя словно в западне, он — умный, хладнокровный, находчивый — был связан по рукам и ногам. Под утро, совершенно изможденный, он принялся жевать табак. И тогда успокоилось сердце и быстрее побежала кровь. А в глазах у него стали появляться фантастические видения источников, ручьев, потоков. Вода! Вода! Ясность! Ясность!

Когда наступил новый день и стало пригревать солнце, перед глазами Харки замелькали круги. И шея и голова болели, невыносимо мучила жажда. До него доносился шум реки. Вода! Но вода была недостижима, как и ответы на нерешенные вопросы. Вода была запретна. Слипались губы, краснели глаза, а в голове одни и те же мысли: как поступить? Где жить? Куда бежать, чтобы не видеть пьяного отца, коварного Джима, чтобы не чувствовать в своей руке ножа, которым убил брата? Куда?

Палило солнце. Мучила жажда. Харка пытался собрать обрывки мыслей. Чего же он хочет? Чего? Этого уже никак не мог сформулировать его воспаленный мозг. Скорее всего его желание можно бы выразить одним словом — жить! Лихорадочные видения беспорядочно крутились перед ним. «Воды! Воды!» — стучало в его висках.

И вдруг он вспомнил о маленькой бугорчатой раковинке, той самой, что ему подарил Чернокожий Курчавый еще у Лошадиного ручья. Харка не расставался с ней с тех

пор, как покинул род Медведицы. Ее твердые выступы кололи пальцы, и если он подносил ее к уху, она тихо напевала ему о далекой Большой воде. Как во сне, он ощупал свой пояс, нашел раковинку, достал ее. Словно рога торчали ее маленькие выступы.

И какие бы видения ни возникали теперь у Харки, все они возвращались к маленькой раковинке. Ее выступы росли, шевелились, плясали перед ним, изгибались. Ему слышались звуки, похожие на рычание Большой Медведицы в пещере. В огромные рога превращались маленькие рожки, огромным утесом становилась сама раковинка.

Утес с рогами наклонялся словно бизон, готовый броситься на врага. И Харка видел этот утес в солнечном свете, видел в свете луны. Рогатый утес поднимался выше песчаной бури – прямо в небо. Менялись его очертания, размеры, но он оставался утесом, и ничто не могло его превзойти.

Потом Харка видел самого себя, и на голове у него было украшение из рогов бизона, которое достойны носить только самые выдающиеся вожди.

Солнце закатилось – и наступила ночь, последняя ночь испытания Харки. Глаза его воспалились, сердце судорожно дергалось в груди, во рту было совершенно сухо. Он не мог сомкнуть глаз, невыносимо было и дальнейшее бодрствование. И в это время с каждым толчком сердца в его ушах начал раздаваться какой-то звон. Постепенно он превращался во все более и более отчетливые членораздельные звуки: «Инеа-хе-юкан! Юнеа-хе-юкан! – Рогатый Камень! Рогатый Камень! Рогатый Камень!...»

И вот ночь позади.

С рассветом Харка поднялся. Его шатало от потери сил, и только необыкновенное возбуждение держало его на ногах. Он шел, почти не видя ничего перед собой, шел как во сне, и единственное, что он еще ощущал, – это резь в глазах и смертельная жажда.

Как лунатик добрел он до палаток, каким-то образом еще сумел различить типи жреца, у него даже хватило сил добраться до нее и откинуть полог. Он упал на землю, усталенную шкурами.

– Кто ты? – спросил громкий голос.

– Рогатый Камень! – вырвалось из пересохшего горла Харки.

– Ты дакота?

Харка не ответил.

– Ты сиксик?

Харка молчал.

До него еще дошли эти вопросы, но он не мог ответить на них. Он был просто краснокожий, он это хорошо знал, но краснокожий ли он, никто его не спрашивал. Маленькую раковину он крепко сжимал в руке, и только когда жрец дотронулся до него, он разжал ладонь. Он слышал, как жрец кого-то громко звал. Пришли люди поднять Харку, но он не позволил никому дотронуться до себя, оттолкнул протянутые к нему руки, как если бы был в стане врагов. Он начал подниматься сам медленно, сначала на одно колено, на другое, потом на ноги. Шатаясь, он оставил типи и добрался до стоящей рядом палатки вождя. Он вошел, увидел свое ложе и свалился на одеяло. Почувствовав на губах влагу, стал пить, приоткрыл глаза – это жена вождя подала ему воды. Еще он успел заметить, что его

кровный брат Сильный Как Олень тоже лежит в палатке на своем месте. Потом он бессильно упал на спину и до вечера был в забытии. Время от времени женщины подносили им понемногу ключевой воды.

Только к вечеру очнулись молодые воины.

– Как твое имя? – спросил Харка кровного брата.

– Гром Гор. А твое?

– Рогатый Камень.

Гром Гор и Рогатый Камень были в центре внимания жителей поселка. О них все проявляли заботу, их кормили самой лакомой пищей, какую только можно было раздобыть в лесах и прериях. Юноши быстро набирали силы, а жрец тем временем готовил специальные мешочки для тотемных знаков их духов-покровителей. Сильному Как Олень – череп маленькой птицы – символ Грома Гор, а Харке – маленькую раковину – символ Рогатого Камня.

Вождь Горящая Вода подарил своему сыну и его кровному брату по коню и позволил им самим выбрать их. Рогатый Камень взял себе очень хорошую серую лошадь, которая была поймана во время прошлогодней охоты, но не привлекала воинов из-за своего цвета, заметного на фоне прерий и лесов.

Приближалось время осенней охоты, и Харке пришлось подождать с осуществлением своих планов. Нужно было помочь людям, которые его приняли, как сына. Холода и снег в этих широтах держались до конца апреля, а то и до начала мая, и если запасов не хватало, наступал голод.

Кровные братья участвовали в охоте, и Гром Гор не стыдился кое-чему поучиться у Рогатого Камня. Охота на бизонов прошла очень удачно. Добыча Харки оказалась так

велика, что он не только обеспечил палатки, но и смог делать подарки. Женщинам поселка предстояла большая работа.

Ситопанаки за это время привыкла к обществу Харки, она уже не краснела при встречах с ним, не замедлялись и ее ловкие красивые движения в присутствии молодого воина. Их отношения напоминали отношения брата и сестры. И не больше слов на разговоры с девушкой тратил Рогатый Камень, чем его кровный брат Гром Гор.

Эти простые естественные отношения никаких усилий не стоили молодому воину, не чувствующему к Ситопанаки ничего, кроме братской привязанности. Девушке было значительно трудней: ей на каждом шагу приходилось сдерживать себя, чтобы ни одним движением, ни одним взглядом не выдать своего большого чувства, которое с каждым днем росло в ее сердце.

Бродящий По Ночам – сын Мудрого Змея – теперь не отваживался надоедать Ситопанаки, но когда Насмешливой Синице удавалось поймать его взгляд, брошенный вслед девушке, Синица едва сдерживалась, чтобы не подрезнить ее и не посмеяться над безнадежно влюбленным.

БУЛАНЫЙ В БОЛОТЕ

Однажды вечером, когда оба кровных брата сидели у очага, вождь Горящая Вода спросил у Рогатого Камня:

– Что ты собираешься делать, прежде чем наступит зима?

– Я жду решения жреца, он должен сказать, когда мы оба можем принести жертву Солнцу. Мне надо еще найти

моего отца Матотаупу и сказать, что я стал воином, и что белые люди не искали нас у сиксиков, и Шарлемань – лжец. Потом я буду охотиться за буланым.

– Ты рассудил правильно. Я поговорю со жрецом.

На следующий день Рогатого Камня вызвали в палатку жреца. Палатка была освещена колеблющимся пламенем горящего очага. Жрец предложил ему сесть и долго пристально смотрел на него, дольше и внимательней, чем хотелось бы юноше. Потом жрец заговорил:

– Рогатый Камень, ты многое скрыл от нас. Но я тебя об этом не спрашиваю. Я говорю тебе: Великое Солнце ждет жертвы. Это лето уже прошло, но наступит следующее, и мы можем отпраздновать жертву Солнцу. Военный томагавк покойся в земле. Я не думаю, что будущим летом мы выкопаем его. Вероятнее всего мы сообщим жрецам и верховным вождям ассинибойнов и дакота, что будет принесена жертва Солнцу, и, я думаю, они придут на этот праздник, чтобы вместе с нами торжественно провести его.

Кровь прилила к щекам молодого воина. Вожди и жрецы двух племен, которые испокон веков ведут свой особенный образ жизни, должны будут встретиться на празднике, главное событие которого – жертва, приносимая им Великому Солнцу!

– Ты готов к этому? – спросил жрец.

– Да, я готов.

Молодой воин был отпущен и направился обратно в палатку, где сообщил вождю о решении.

Глубокой ночью произошло непредвиденное событие. Все крепко спали, потому что разговоры у очага продол-

жались вечером дольше обычного. Ведь после Рогатого Камня в палатку жреца был призван Гром Гор, и когда он вернулся, он поделился со своим кровным братом, что тоже принесет жертву Великому Солнцу. Решение жреца в глазах всех было очень важным решением, и Ситопанаки в этот вечер до хруста стискивала свои пальцы, зато внешне она оставалась, как всегда, спокойной, внимательной, приветливой, и даже сама мать не смогла заметить терзающей ее тревоги.

Итак, все спали. Даже Рогатый Камень, который долго раздумывал над тем, как все повернулось. Он проснулся, потому что черная собака со своими щенятами забеспокоилась у палатки. По своей обычной привычке он первым делом схватился за нож и был уже на ногах, когда снаружи послышались крики дозора. Юный воин бросился к лошадям, откуда доносились крики. Сзади него слышался топот и крики бегущих мужчин, но то, что он увидел, заставило его немедленно действовать.

В лагерь ворвался буланый! Возможно, он почуял здесь лошадей из табуна, где когда-то был вожаком. Сейчас он как раз бросился на серую лошадь, которая пыталась защитить своего жеребенка. Попавшийся ему на пути чалый едва избежал ужасного укуса. Каждую секунду можно было ждать гибели одного из этих великолепных животных. У Рогатого Камня не было ни лассо, ни ружья. Кроме того, он не собирался убивать буланого, но надо было защитить стадо. А дозорные как будто окаменели при виде коня духов.

Молодой воин бросился в табун, вскочил на спину чалого и стал размахивать ножом перед нападающим була-

ным. Буланый, видимо, принял нож за рога, которых инстинктивно боятся животные, и отпрянул назад. Когда он, выпучив глаза, снова рванулся вперед, Харка перескочил на спину серой лошади, тут ему очень пригодилась цирковая выучка. Со спины серой он прыгнул на буланого. Животное, которое никогда не несло на себе всадника, видно, вообразило, что на него напал хищник. Буланый завертелся, как разъяренный тигр. Но Рогатый Камень как клещ сидел на его спине.

Гром Гор почти одновременно со своим другом подбежал к табуну и прежде всего старался не дать коням разбежаться. Вместе с другими мужчинами и с очнувшимися дозорными он пытался успокоить животных. А буланый тем временем уже вырвался из табуна и понесся в прерию, и всадник старался хоть как-нибудь удержаться на нем.

Гром Гор вложил в лук стрелу, но Рогатый Камень успел крикнуть: «Не стреляй!» И буланый понесся диким галопом.

Гром Гор сел на чалого и поскакал было за кровным братом, но догнать его не было никакой возможности. Конь духов, со своим всадником исчез среди холмов. Затих топот его копыт.

Гром Гор и все жители поселка уже больше не ложились спать. Но Рогатый Камень не вернулся. Не появился он и утром. Может быть, сумасшедший растерзал его?

Прошел день, и наступил вечер. Целый день мужчины наблюдали за окружающей прерией, но все напрасно. Вторая ночь прошла в ожидании, и никто, кроме маленького мальчика, не спал в палатке вождя. Гром Гор провел

ночь на высоте около лагеря. И только когда наступил рассвет, юный воин заметил вдалеке что-то движущееся. Он прыгнул на чалого и поехал навстречу. Да, к лагерю брел человек. Это был Рогатый Камень. На плечах и спине юноши были свежие царапины, кровоподтеки, из раны на бедре сочилась кровь, волосы слиплись. Рогатый Камень сильно хромал.

Гром Гор предложил Рогатому Камню своего коня; но тот отказался и поплелся дальше в сопровождении друга. Они подошли к ручью. Здесь Рогатый Камень напился, осмотрел рану: она продолжала кровоточить.

– Ну, идем же в палатку.

Позвали жреца, чтобы он вправил вывихнутую ногу. Повреждения не представляли опасности, но выздоровление все же не могло быть скорым, и Рогатый Камень почувствовал, что до зимы не сможет предпринять дальнейших шагов.

– Ты спас наш табун, – сказал Гром Гор, утешая своего друга. – Ты сохранил нам копья и стрелы. Ты спас и жизнь буланого: мы бы его убили.

– Вы все считаете, что лучше его убить?

– Наверное, многие так думают. Но ты, Рогатый Камень, думаешь иначе. Ты хочешь завоевать дружбу мустанга, в которого вселились духи. Это большая задача. И пусть тебе это удастся.

Рогатый Камень был живуч, как дикая кошка, и когда пришли холодные дни и Горящая Вода отдал приказ разобрать палатки и двигаться в зимний лагерь, Рогатый Камень, как и все другие воины, снова ехал верхом. Он ехал на серой лошади. И черная собака бежала рядом со

своими щенками. Иногда она в погоне за грызунами удалялась от колонны. За ней следовал и один из щенков. Другой же держался поблизости от всадника на серой лошади.

Поляна в лесу, где обычно располагались сиксики на зиму, была очень удобной. Жестокие холодные ветры, проносящиеся над прерией, не достигали стойбища, защищенного обступившим со всех сторон лесом. Рядом была и вода.

В эту зиму рано начался снегопад, и каждый день кружился густой пушистый снег. За несколько дней землю покрыло мягкое белое покрывало, снег сверкал на утесах, на ветвях деревьев. Быстрые горные ручьи еще не замерзли, только у берегов нарастала ледяная корка. Дети искали бизоньи ребра и вырезали куски кожи для лыж. Женщины помогали изготавливать лыжи, и скоро воины начали расхаживать на них вокруг, не проваливаясь в сугробы. Следы зверей были теперь хорошо видны. Животные по снежному покрову двигались не так быстро, и люди на лыжах легко настигали их. Можно было начинать зимнюю охоту и еще не трогать запасов бизоньего мяса. Мустангам стало труднее добираться до промерзшей травы, но они, как лоси, довольствовались ветками.

Рогатый Камень и Гром Гор тоже стали охотиться, и никто ничего не имел против, что молодой воин продолжал отыскивать следы буланого. Людям даже интересно было, чего сумеет добиться упорный охотник. А жеребец словно и не собирался уходить из округи поселка. Оба друга не раз видели, как буланный, точно горная коза, пробирался среди утесов. Попадались его следы и у далеких ручьев. Но жеребец был осторожен, как настоящий воин.

Однажды кровные братья нашли совсем свежие следы копыт у хорошо знакомого им ручья, воды которого шумели на каменных ступенях. Когда они возвратились в палатку, Рогатый Камень попросил Ситопанаки приготовить ему лыжи и пищу в дорогу. Он объяснил, что попытается добыть этого коня живым или мертвым, а Гром Гор тут же заявил, что пойдет вместе со своим другом.

На следующее утро молодые воины с рассветом покинули палатку. Падал снег, и небо было серое. Охотники надели теплые куртки, мехом внутрь, кожаные мокасины. Головы их оставались непокрытыми. Коней они не взяли: быстрого как ветер буланого все равно не догонишь. Кроме того, на конях к мустангу не подберешься незамеченным.

То пешком, то на лыжах продвигались они по лесу к ручью, у которого видели следы буланого коня. Это было то самое место, где они бывали еще детьми, сидели у костра, купались, где лось утащил у Харки лук. Новые следы буланого были хорошо заметны на свежем снегу. Совсем недавно, рано утром, он приходил сюда на водопой. Охотники направились по следу.

Ручей, вдоль которого двигались охотники, вытекал из горного болота, того болота, где юноши убили лося. Припорошенный снегом мох все чаще перекрывал воды ручья, и вот-вот уже должно было начаться болото. Охотники держали наготове лассо.

Сквозь редкую поросль показалось болото. На другой его стороне они увидели буланого. Юноши коснулись друг друга руками: это было взаимным предупреждением соблюдать осторожность. Конь стоял на пригорке среди искривленных деревьев: там ветер сдувал снег и можно было пощипать траву.

Охотники объяснились друг с другом без слов. Рогатый Камень направился в обход болота слева, Гром Гор — справа. Они намеревались с двух сторон подойти к жеребцу так, чтобы болото оставалось ему единственным путем к отступлению.

Рогатый Камень двигался совершенно бесшумно. Прячась за кочками и кустами, он посматривал за буланым. Чем ближе подходил охотник к коню, тем осторожнее были его действия. А мустанг, видимо, был очень голоден, он так и хватал своими острыми зубами траву, срывал веточки кустарника. Но незаметно было, чтобы он отощал.

Индеец уже мог бы бросить лассо, и желание действовать было очень велико, но он поборол это желание. Если начать действовать одному, то мустанг может все-таки убежать. А Рогатый Камень хотел действовать наверняка.

Осторожным качанием ветки Гром Гор дал знать спутнику, что достиг нужного места.

Мустанг стоял словно каменное изваяние, и только шкура его слегка подрагивала, точно по телу пробежала дрожь. Он принялся оглядывать покрытое снегом болото, точно предчувствуя недоброе. Этот-то момент и использовал Рогатый Камень. Он бесшумно приподнялся, скинул куртку, чтобы она не мешала, быстро встал во весь рост и бросил петлю лассо.

Мустанг на лету поймал кожаную петлю зубами, закусил ее и рванулся в сторону.

Рогатый Камень перекинул конец лассо через плечо, потянул его изо всех сил. Но петля, схваченная зубами коня, не охватила его шеи, как хотелось бы охотнику, она только едва перехлестнулась через уши животного. Гром

Гор стоял наготове, но не было никакого смысла бросать второе лассо, пока не скинуто первое. Конь ринулся вперед, Рогатый Камень изо всех сил удерживал его, пригнувшись чуть не до земли и натягивая врезающееся в плечо лассо. Голова жеребца закинулась назад.

Подбежал Гром Гор. Заметив второго врага, буланый мотнул головой и выпустил зажатый в зубах ремень. Лассо слетело, но животное, вместо того чтобы спастись бегством, повернулось и с яростью бросилось на Рогатого Камня. Охотник был бы смят и растоптан, не отскочи он вовремя в сторону. И в этот же миг просвистело лассо, брошенное Громом Гор. Жеребец свалился на землю и снова избежал опасной петли. Потом поднялся, закрутился, брыкаясь ногами во все стороны и яростно щелкая челюстями. Глаза его сверкали огнем. Не успели охотники опомниться, как он ринулся в болото.

На бегу свертывая лассо, Рогатый Камень бросился за ним, и ему все-таки удалось накинуть петлю на шею животного. Последовал рывок, охотник был свален с ног, и конь потащил его по заснеженному болоту. Рогатому Камню удалось зацепить лассо за торчащее из снега дерево.

Лассо мгновенно натянулось, но выдержало. Буланый был остановлен. Конь начал бить копытами, пытался перекусить ремень, но непромерзшее как следует болото дрогнуло под его копытами, и ноги жеребца провалились. Чем больше неистовствовал буланый, тем глубже погружался в болото.

— Веток! — крикнул Рогатый Камень и побежал к оставленным в кустах лыжам.

Тотчас послышались удары топора, и пока Рогатый

Камень, став на лыжи, подбирался по зыбкой поверхности болота к буланому, Гром Гор уже спешил к нему, волоча по снегу срубленные деревья.

Увязший в болоте конь только испуганно ворочал глазами. Охотники без опаски приблизились и подсунули ветки под его передние ноги. Почувствовав опору, буланный стал пытаться выкарабкаться, но безуспешно.

Гром Гор пошел в лес, чтобы вырубить ствол потолще. Скоро он притащил не только срубленное дерево, но и обе кожаные куртки и ремни. Им удалось подсунуть ствол под передние ноги коня, подсунули они и одну из курток. Теперь предстояла самая тяжелая работа. Протащив лассо под туловищем коня, они принялись тянуть животное из болота. Шаг за шагом конь выбирался из трясины. Наконец ему удалось вытащить задние ноги. Охотники тотчас же скрутили их свободным концом лассо. Ремнями спутали и передние ноги. Конь повалился на бок у самой кромки опасного провала. Силы его были на исходе. Он опустил голову на лед и, казалось, засыпал от усталости. Молодые охотники с удовлетворением переглянулись.

Конь был вытащен из болота. Он был связан.

Миновал полдень.

— Что же ты думаешь делать теперь? — спросил Гром Гор.

— Я останусь здесь. Пришли мне кожаную куртку и одеяло для мустанга. Еда у меня еще есть. Мне нужен кто-нибудь, чтобы сменял меня, пока я сплю, и помогал бы мне гладить мустанга и петь ему песни.

Гром Гор поднялся, стал на лыжи и пустился в путь. Какую необыкновенную весть несет он в палатки! Конь духов пойман и связан!

Рогатый Камень остался на окраине болота. Небо снова затянуло тучами, начал падать снег, поднялся ветер. Молодой охотник стал зябнуть. Он опустил на кусок куртки, торчащий из-под коня, прижался к теплому телу мустанга и начал гладить его.

Он чувствовал подрагивание тела, которое до сих пор еще не покорялось человеческой руке. Он подтянулся к шее мустанга и стал тихо напевать ему прямо в ухо. Совсем тихо напевал он песню, какой дакота приучают диких коней к человеческому голосу. Конь был утомлен, его клонило в сон, а победитель не переставал гладить его и тихо петь.

Было уже темно и только слегка поблескивал снег, когда Рогатый Камень услышал топот копыт. Возвращался Гром Гор. За его конем следовала серая лошадь с волокушей, нагруженной кожаными полотнищами и одеялами. Были привезены бизоньи шкуры, чтобы укрыть мустанга, была привезена в разобранном виде целая палатка. Гром Гор знал, что ему со своим кровным братом придется провести здесь на холоде не один день, пока не удастся приручить этого безумца. Дни и ночи надо было гладить коня и петь ему песни, пока он не привыкнет к человеку.

Гром Гор разбил палатку, но первую ночь его спутник, надев зимнюю куртку и завернувшись в бизоний мех, по-прежнему оставался рядом со связанным мустангом. Буланого тоже покрыли теплыми шкурами, чтобы уберечь от ледяного ночного ветра и мороза. Серая лошадь улеглась неподалеку от мустанга.

Прошло два дня, прежде чем жажда заставила буланого принять воду, принесенную Рогатым Камнем. На следу-

ющий день буланный стал брать траву и ветки из рук индейца. И еще шесть дней, сменяя друг друга, провели индейцы около коня. На десятый день Рогатый Камень решил поставить отощавшего жеребца на ноги, надев ему путы. На пятнадцатый день он привязал жеребца к серой лошади, и когда сам сел на нее и она пошла шагом, то и буланому пришлось двинуться вместе с ними к палаткам. Гром Гор поехал на своем коне.

Когда они приблизились к лагерю, Рогатый Камень привязал буланого вместе с серой лошастью к дереву и оставался с ними еще три дня и три ночи. Животное стало разрешать гладить себя и похлопывать, сколько индеец хотел. А как только Рогатый Камень хоть на несколько шагов отходил, конь начинал беспокоиться.

Наконец Рогатый Камень решился отвязать жеребца от дерева и вскочил на него. Весь поселок наблюдал за этим событием. Конь удивился. Он попробовал броситься в сторону, но крепкая узда пригнула его голову книзу, и он застыл. Конь сделал скачок к дереву и хотел прижаться к нему, но всадник заставил его отвернуть от дерева. Конь начал брыкаться, но сбросить всадника ему не удалось. Взмыв на дыбы, он на полном галопе понесся через рощицу к ручью. Гром Гор и несколько других воинов, что были верхом, попытались его преследовать, но буланный был быстрее всех. А когда всадник ослабил узду, предоставил ему свободу, он начал как сумасшедший носиться, сменяя галоп на шаг и снова вдруг пускаясь в галоп, все дальше и дальше уходя от лагеря.

Харка – Ночной Глаз, Убивший Волка, которого теперь называли Рогатый Камень, доверял коню. Он знал, что конь

должен набегаться после того, как так долго был без движения.

Целый день прошел в дикой скачке. К вечеру мустанг выехал в открытую прерию – бескрайнее заснеженное пространство. Конь замер, затем неожиданно повернулся и понесся назад. Он снова носился вверх и вниз по склонам, метался по сторонам до самого утра. А когда взошло солнце, всадник возвратился на своем Буланом в поселок. Перед палаткой вождя стояла Ситопанаки. Видимо, она очень рано встала, а может быть, и всю ночь не спала. Рогатый Камень направил коня к ней. Он подъехал на Буланом совсем близко к Ситопанаки. Ситопанаки улыбнулась – чуть-чуть. Рогатый Камень ответил ей улыбкой, дружеской улыбкой, в которой не было ни малейшей тени насмешки, и спросил, увидя ее бледное лицо:

– Ты боялась?

Она немного смутилась, а потом, глядя прямо на него, просто ответила:

– Раз ты хочешь знать, знай: я боялась за тебя.

Она улыбнулась и спокойно вошла в палатку, чтобы разжечь очаг. А он направил коня к табуну, погладил его, похвалил, и мустанг положил мягкую морду на плечо своему господину.

Подошел Гром Гор и взял на себя дальнейшие заботы о коне. Харка, ставший теперь Рогатым Камнем, вполне заслужил, чтобы съесть в палатке кусок хорошо поджаренного мяса олени и, завернувшись в одеяло, отоспаться.

С заходом солнца у вождя Горящая Вода собрались лучшие воины. Рассказ об укрощении коня духов в этот вечер был главной темой разговора. И молодой воин был в

центре внимания. Да, теперь у Рогатого Камня был лучший конь; энергия и упорство молодого воина позволили добиться успеха даже в таком, казалось бы, совершенно невозможном деле.

Зима подходила к концу. За это время молодой воин по-настоящему объездил Буланого, научил по команде ложиться на землю, взвиваться на дыбы и многому другому, необходимому для индейского коня. В долгие зимние вечера Гром Гор рассказывал своему брату, о чем он думал и что пережил за время их разлуки. Рогатый Камень неохотно рассказывал о себе, мало рассказывал об отце, но о белых людях и о железной дороге сиксики узнали от него много нового. Эти рассказы с удовольствием слушали и сам вождь, и жрец.

Пришла весна. Ручьи и реки наполнились талой водой. Мустанги отощали, у людей запасы тоже подходили к концу, и охотникам приходилось в поисках добычи уходить в горы. В мае стаял снег. Вылезла молодая трава, начали распускаться листочки на деревьях. Индейцы разобрали палатки, и колонна вытянулась в пути из предгорий в прерию. Летнее стойбище разбили, как и в прошлые годы, на старом месте в небольшой роще у ручья.

Гром Гор и Рогатый Камень теперь стали выезжать на разведку бизонных стад. Буланого пришлось приучать ходить в цепочке, и не только первым, как он порывался все время.

Много раз ездили они далеко в прерию и долгие часы проводили в наблюдении, прежде чем Грому Гор и Рогатому Камню удалось обнаружить стадо бизонов. Гром Гор остался наблюдать за стадом, а Рогатый Камень поехал

оповестить поселок. Радостными криками и легким нажимом шенкелей горячил он и без того быстрого коня. Как штормовой ветер неся Буланный по прерии. Голову он вытянул вперед, хвост его развевался, гриву трепало ветром, а всадник прижался к шее коня, чтобы облегчить его бег.

Едва он достиг палаток и крикнул: «Бизоны!»— как воины, вооруженные луками и стрелами, кинулись к коням. Растянувшись длинной цепочкой, поскакали охотники за Рогатым Камнем. По дороге их встретил Гром Гор и сообщил о передвижении стада и о его численности. Остановившись, охотники обсудили план действий, а потом, усевшись в кружок, воины затянули песню охотников на бизонов:

*Глаза мои видят желтых бизонов,
и я вдыхаю пыль, что подняли красные ноздри
с песчаных троп наших прерий.
О добрый мой лук, натяни свою тетиву!
О добрая стрела, не измени в полете!*

Потом охотники вскочили на коней, поскакали вперед. Вблизи стада они перестроились из цепочки в линию и с громкими криками бросились в гущу стада.

Полный охотничьей страсти и вместе с тем с чувством какой-то необыкновенной уверенности в успехе Рогатый Камень направил к стаду и своего коня.

Когда стадо, преследуемое охотниками, рассеялось и улеглась поднятая животными пыль, воины собрались по сигналу вождя. По засечкам на стрелах установили, что

Рогатый Камень и Гром Гор уложили по двенадцати бизонов. Общая добыча оказалась так велика, что вождь Горящая Вода послал гонца с приказом разбирать палатки и доставить их к месту охоты, чтобы женщины и девушки прямо здесь, на месте обработали добычу. Мужчины принялись снимать с бизонов шкуры.

Прибыли палатки, впереди колонны бежали собаки, и вместе с ними – черная собака со своими щенками, которые уже сильно выросли. Женщины установили палатки и принялись за свою нелегкую работу.

Потекли тихие, спокойные и сытые весенние дни. Однажды вечером, когда вождь Горящая Вода был приглашен в гости к воину по имени Темный Дым, и оба молодых воина были вне поселка, женщины остались одни в палатке.

– Рогатый Камень уложил двенадцать бизонов, – сказала мать Ситопанаки, – а Бродящий По Ночам – только трех.

– Ты мне уже говорила это, – с улыбкой ответила дочь.

– Рогатый Камень принесет жертву Солнцу, а Бродящий По Ночам – нет.

– Да, так сказали вождь и жрец.

– Было бы хорошо, если б Рогатый Камень навсегда остался в наших палатках.

– Тебе это лучше знать, ма.

– Ты не слышала, не собирается ли он поставить себе палатку и привести в нее одну из наших девушек? Бизонных шкур у него теперь довольно.

– Но и девушек много, ма.

– Ты не видела, не начал ли он выбирать девушку?

– Нет, ма. Наверное, об этом больше известно Насмешливой Синице.

– Ты что же, дочь, смеешься надо мной?

– Нет, ма.

Но тут появились Гром Гор и Рогатый Камень, и разговор окончился. Молодые воины и удачливые охотники сели ужинать.

ЖЕРТВА СОЛНЦУ

Теплое лето пришло на смену весне. Посланники сиксиков вернулись от своего верховного вождя с известием, что переговоры с дакота и ассинибойнами завершились успешно и что постановлено отмечать праздник Солнца и все восемь дней и ночей, которые отведены для праздника, сохранять мир. Представители племен должны были собраться в прерии между Миссури и Йеллоустон-ривер – рекой Желтых Камней, в области, из-за которой уже не раз происходили стычки, так как многие племена считали ее своей. Весенняя охота прошла удачно, и можно было собраться на праздник, а к осени возвратиться к своим палаткам.

Сиксикам, вождем которых был Горящая Вода, также нужно было выделить представителей на празднество. Но этому роду принадлежали оба молодых воина, которым предстояло принести жертву Солнцу, и совет воинов решил отправиться всем лагерем.

Род сиксиков, возглавляемый вождем Горящая Вода, первым появился в условленном месте. Вскоре прибыли представители других родов племени сиксиков, верховные

вожди, произошла встреча с дакота и ассинибойнами. Среди расставленных палаток царило необыкновенное оживление: люди, лошади, собаки – все это шевелилось, двигалось.

Жрецы и вожди выслали глашатая сообщить всем о распорядке праздника. Нарядно одетые воины, юноши, а несколько поодаль женщины, девушки и дети слушали глашатая. Гром Гор и Рогатый Камень стояли вместе в первом ряду. На обоих были вышитые куртки. У Рогатого Камня – ожерелье из когтей гризли, вампум Оцеолы, из-под налобной повязки торчали два орлиных пера. Взгляды невольно устремлялись на обоих участников торжества, которым предстояло принести жертву Солнцу.

Выслушав объявление глашатая, Гром Гор и Рогатый Камень вернулись в палатку. Юноши присели около очага с притушенным огнем.

– Ты видел их? – спросил Гром Гор.

– Кого?

– Тачунку Витко и Татанку Йотанку.

– Да, я их видел.

– Воины сиксики, ассинибойны и дакота будут показывать минувшие события.

– Я это слышал.

– Будет показана борьба Тачунки Витко, как его взяли в плен и его бегство. И тебе придется принять в представлении участие, потому что ты должен Тачунке Витко дать ружье, когда он будет стоять у столба.

– Мне это не очень нравится. Кто же предложил такое вождям и старейшинам?

Гром Гор замялся.

– Мудрый Змей, – произнес он наконец. – Ассинибойны и Тачунка Витко согласились. Ты недоверчив.

– Да, я рано научился быть недоверчивым.

– Мудрый Змей не враг твоему отцу. Это еще больше прославит Матотаупу в глазах всех племен и великих вождей.

Вечером Рогатый Камень один выехал в прерию, опустился на землю и долго смотрел на заходящее солнце. Он думал о том, что сообщил ему Гром Гор. И чем больше он размышлял об этом, тем больше его охватывало беспокойство. Вместе с тем он не видел способа отказаться от роли, назначенной ему вождями. Ведь тогда все языки стали бы говорить, что Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка, носящий теперь имя Рогатый Камень, побоялся трудностей, а ведь он – сын Матотаупы...

Юноша долго еще сидел в раздумье...

Представление минувших событий!

Рогатый Камень должен разыграть сцену борьбы с Тачункой Витко, и Тачунка Витко дал на это согласие! Тачунка Витко, от вызова которого на поединок уклонился Харка – разведчик белых!..

Была глубокая ночь, а Харка все еще оставался в прерии. В лагере давно уже уложили мальчиков, которым на следующий день предстояло состязаться, улеглись девочки, их матери, бабушки. Кончили совещаться вожди и старейшины, замолкли барабаны жрецов. Сон овладел обитателями поселка.

Только в одной типи пара глаз блестела в темноте.

Эта типи стояла в южной части лагеря, где располо-

жились дакота. На стенках типи были изображены подвиги ее хозяина и флейта. Типи принадлежала Чотанке, одному из лучших воинов рода Медведицы. Чотанка – это и означает «флейта». Он приехал на праздник с женой, сыном, молодым воином по имени Острие Стрелы, женой сына и с сестрой Харки – Уиноной. Татанка Йотанка дал знать, что ему следует поехать на праздник, передал, кого взять с собой.

Уинона не могла заснуть. Когда объявляли распорядок праздника, она стояла позади женщин и девушек. По другую сторону круга людей, обступивших глашатая, она вдруг увидела брата. Она даже подумала: уж не померешилось ли ей это? Но нет, она не ошиблась: среди воинов сиксиков стоял ее брат – Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, Убивший Волка. Последний раз она видела его, когда ему было двенадцать лет. Как вырос Харка! Стройный, высокий и гордый стоял он среди воинов. На нем были орлиные перья, вампум.

Когда глашатай сообщил о Солнечном танце, девушки рядом с Уиноной зашептались, глаза всех устремились на Харку и Грома Гор. Уинона поняла, что ее брат – один из двух молодых воинов, которые принесут на празднике жертву Солнцу.

Она видела, как Харка с Громом Гор ушел в палатку, видела, как он много позже наблюдал за играющими детьми, видела, как он к вечеру уехал в прерию. И теперь, лежа с открытыми глазами, она ждала, не послышится ли топот его коня. Но все было тихо. Он так и не возвращался.

Летняя ночь была холодна. Ветер шевелил трофеи на высоком шесте. Уинона решила отправиться в ночную

прерию, чтобы встретиться с братом. Она готова была ответить за все последствия своего поступка, но не могла поступить иначе, она слишком устала от той жизни, которая выпала на ее долю. Шонка хотел взять ее к себе в палатку, сделать своей женой. Уинона отказалась. Четан, который, став воином, получил имя Четанзапа, что значило Черный Сокол, тоже хотел получить ее, но она не любила его. Тогда Четанзапа похитил себе жену у племени понка. Уинона продолжала жить вместе с бабушкой – матерью Матотаупы, Унчидой, – в их палатке не было воина. Они жили тем, что давали другие воины для их палатки. Ей было семнадцать лет, и она еще не была замужем. Все видели ее молчаливой, гордой, печальной. Откровенно говорить она могла только с Унчидой.

Уинона вышла в прерию и нашла следы коня, которые заметила еще с вечера. Она знала привычку брата уезжать далеко в прерию, когда он над чем-то задумывался. Харка любил усесться на каком-нибудь холмике и, озирая бескрайний простор, жевать травинку. Вот и сейчас, думала она, он сидит и смотрит по сторонам и даже в ночной темноте, конечно, увидит ее раньше, чем она сумеет заметить его. И вдруг следы коня в темноте потерялись. Она остановилась. Ее руки похолодели, сердце судорожно забилося. Крикнуть? И она прокричала койотом. Это был тот сигнал, которым они обменивались еще в детстве.

Уинона прислушалась. Губы ее дрожали, но она не плакала. Она вообще никогда больше не плакала с тех пор, как ее брат вслед за изгнанным отцом покинул палатку.

А, может быть, он и не желает видеть свою сестру, говорить с ней?

«Да, ожидание бесполезно», – говорила она сама себе и все же не решалась отправиться назад, хотя разум твердил ей, что надо возвращаться. И тут случилось то, чего она уже не ждала. Ее брат, молодой воин, выше ее почти на голову, стоял перед ней.

– Что ищешь ты? – спросил он на языке дакота

– Тебя.

Он не сразу ответил, а когда все-таки ответил, в голосе его послышался холод, недоверие.

– Кто тебя послал?

Лицо Уиноны дрогнуло, но она резко ответила:

– Никто!

– Чего ты от меня хочешь?

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – наконец произнесла она, и спазма до боли сжала ей горло. – Не забудь, что мы дети одного отца... и одной матери. Я пойду.

Она повернулась и побежала так, будто за ней кто-то гнался. И когда вернулась в палатку и снова улеглась под одеяло, она зажала ладонями лицо, а рот ее был открыт словно в безмолвном крике

Начало светать, однако Рогатый Камень все еще не возвратился. Гром Гор уже проснулся, но не вставал, а наблюдал за своей сестрой. Ситопанаки поднялась раньше его и была чем-то взволнована. Она понемногу подбрасывала в очаг сучья. В слабом свете огня Гром Гор видел лицо девушки. За ночь оно сильно изменилось, только никак было не понять – нежность, уныние, горечь или гордость отражались в его чертах. Гром Гор тихонько поднялся и подошел к очагу. Все еще спали, но его друга не было. Гром Гор выглянул из палатки. Не было и коня. Он обернулся и встретился со взглядом сестры. В нем была тревога.

И, подумав, что он угадал, в чем дело, Гром Гор сказал:
– Рогатый Камень любит уходить один в прерию.

– Но он встретился с девушкой дакота, – совсем тихо возразила Ситопанаки тоном, который говорил о многом

Гром Гор еще раз посмотрел на ее печальное лицо и, кажется, понял причину ее переживаний. Странно! Удивительно! Он-то сам нисколько не сомневался в том, что его друг, которого она любит, рано или поздно возьмет ее в свою палатку.

Послышался топот. Харка подъехал к палатке, привязал коня и вошел. Он, как всегда, подсел к очагу и принялся вместе со всеми завтракать

Вождь Горящая Вода попросил, чтобы он во время состязаний молодых воинов стрелял из костяного лука, который был когда-то подарен Матотаупе. Отказаться от такой чести Рогатый Камень не мог, но просьба эта не вызвала у него и особой радости. Он взял лук, сказал, что ему надо поупражняться, чтобы завтра лучше попасть в цель, перекинул лук через плечо и на серой лошади выехал в прерию.

Вернулся Рогатый Камень только к вечеру. А когда уже начало темнеть, в палатку вождя Горящая Вода явился посыльный и сообщил, что верховный вождь дакота Тачунка Витко призывает Рогатого Камня к себе, что он хочет подготовить с сыном Матотаупы представление минувших событий. Вождь Горящая Вода не мог отказать в такой просьбе и сказал молодому воину, что ему следует пойти к Тачунке Витко.

В большой, богато украшенной палатке вождя Рогатый Камень застал не только Тачунку Витко, но и Татанку Йо-

танку, влиятельнейшего жреца дакота, которого он не видел со времени изгнания Матотаупы. Кроме вождей дакота здесь же был и верховный вождь по имени Макпиалюта – Красное Облако.

Вершители судеб племен сидели у очага и курили. Юный воин дождался, пока Татанка Йотанка движением руки не пригласил его к очагу. Рогатый Камень достал свою трубку, и Тачунка Витко протянул ему табак. Затем последовало молчание: все курили.

Татанка Йотанка был уже в том возрасте, когда люди внешне мало меняются. Весь его облик свидетельствовал о незаурядном уме, твердости воли, сознании своего достоинства. Но Тачунка Витко привлекал внимание Рогатого Камня даже больше, чем могущественный жрец. Этот вождь был не более чем на шесть-семь лет старше Рогатого Камня. Но манера держаться, отображающаяся на лице напряженная работа мысли делали его намного старше.

Трубки были докурены.

– Ты как воин получил имя Рогатый Камень? – спросил Татанка Йотанка.

– Хау.

– Среди дакота ты будешь называться Токей Ито.

– Я принимаю это имя.

– Ты знаешь, что будет представлено среди минувших событий?

– Я знаю, что сообщил глашатай, и я знаю, что вожди предлагают мне быть на представлении Харкой.

– Тогда ты должен от нас услышать и еще кое-что. Твой отец здесь.

Харка – Твердый Как Камень, которого теперь называли Рогатым Камнем, вздрогнул.

– Твой отец, Матотаупа, – пояснил Тачунка Витко, – пришел в палатку верховного вождя сиксиков и дал согласие принять участие в представлении минувших событий. Сиксики его приняли. Они рассматривают места, где мы собрались на праздник, как свою область охоты. Мы им сказали, что это наши места охоты и Матотаупа не должен вступать на земли дакота. Допуская сюда Матотаупу, сиксики в наших глазах тем самым нарушают праздничный мир. Мы не хотим в эти дни проливать кровь, но если сиксики не примут мер, чтобы Матотаупа сразу же после праздника покинул этот район, будет вырыт из земли военный томагавк. Теперь ты знаешь, что может произойти.

– Я слышал твои слова, Тачунка Витко.

– Мужчины сиксиков, кажется, до сих пор считают тебя мальчиком, хотя ты уже стал воином. Я видел тебя во время схватки на юге, там, где проложена дорога для огненного коня. Я тебя вызвал на поединок. Почему ты не вышел?

– Я не хотел.

– А теперь ты знаешь, чего ты хочешь?

– Я не боюсь тебя, Тачунка Витко. Как только закончится праздник, я готов к поединку.

– Подумай как следует, прежде чем говорить, Токей Ито. Когда закончится праздник и ты пройдешь через Та-нец Солнца, ты будешь лежать на шкуре бизона и за тобой будут ухаживать. У меня не будет времени ждать, пока ты вновь обретишь силы.

Юный воин не мог ничего возразить против этого справедливого замечания, но от поражения, которое он сейчас потерпел, кровь бросилась ему в лицо.

– Есть еще многое, о чем тебе надо как следует поду-

мать, – продолжал Тачунка Витко. – И когда твои мысли придут в порядок, и когда ты наконец поймешь, что твой отец виновен, тогда ты придешь в наши палатки...

Рогатый Камень вернулся в типи вождя Горящая Вода и при колеблющемся свете очага увидел гостя. Это был высокий индеец, в волосах которого поблескивала седина.

Молодой воин остановился у входа. Гость медленно повернул голову. Отец с сыном узнали друг друга. Глубокие морщины появились на лице Матотаупы, глаза у него провалились, но в его широкой фигуре еще чувствовалась необычная сила. Рядом с Матотаупой у очага сидели Горящая Вода и Гром Гор.

– Ну вот, мой сын, – сказал Матотаупа, и сын узнавал и не узнавал голос отца, потому что за последний год он стал еще более хриплым, – ты пришел из палатки Тачунки Витко и ты, наверное, уже слышал, что я нарушаю мир во время праздника.

– Да.

Горящая Вода пригласил молодого воина занять место у очага. Сын Матотаупы с трудом сделал несколько шагов и медленно опустился на землю.

Матотаупа поднялся.

– Верховный вождь сиксиков ждет меня, – сказал он вождю Горящая Вода, распрощался и вышел.

Горящая Вода посмотрел на Рогатого Камня. Он ничего не сказал, ничего не спросил, а только потушил очаг, как бы говоря, что время ложиться спать. Каждый пошел на свое место.

Когда наступило утро, Гром Гор ни словом не обмолвился относительно событий прошедшего вечера. Они

вместе купались, вместе вернулись в палатку, вместе готовились к состязаниям юных воинов, состязаниям в беге и стрельбе.

Гром Гор и Рогатый Камень входили в группу сиксиков. Среди дакота наиболее сильным бегуном был сын Антилопы. Рогатый Камень знал этого бегуна, знал, что за первое место предстоит тяжелая борьба.

– Сыну Антилопы нельзя дать вырваться, тогда нам его уже не догнать, – сказал Рогатый Камень своему другу.

– Я не смогу бежать со скоростью ветра, – спокойно ответил Гром Гор.

– Я тоже не могу. Но я должен прийти первым, нельзя мне сегодня оказаться хуже него.

Двенадцать молодых воинов, по четыре от каждого племени, шли к месту состязаний. Каждое племя выставило и своих судей. Собрались многочисленные зрители. Когда был дан сигнал, Рогатый Камень тотчас же устремился за своим главным соперником, чуть не наступая ему на пятки. Для этого ему пришлось напрячь все свои силы. Сын Антилопы понял тактику своего противника и с самого начала стал наращивать скорость, чтобы оторваться от него. Оба вырвались вперед, и это неудивительно: помимо борьбы за первенство в беге ими руководило и что-то другое, ведь Антилопа-отец был убит в своей палатке стрелой Мато-таупы...

Скоро всем стало ясно, что главные соперники – Рогатый Камень и сын Антилопы. Бегуны напоминали несущихся мустангов: сверкали на зеленом фоне прерии их лоснящиеся тела, мелькали длинные мускулистые ноги. Сын Антилопы чувствовал, что Рогатый Камень не отстает

от него ни на шаг. Под неистовые крики зрителей они достигли поворотного пункта. Рогатый Камень все еще был позади. Сын Антилопы и на повороте пытался увеличить скорость, но тут путь был не очень ровный – и он споткнулся. Он не упал, он даже не повредил ноги, только сбился темп его движения на очень короткое время. Но этого оказалось достаточным, чтобы Рогатый Камень под восторженные крики сиксиков обогнал сына Антилопы.

Нет, еще не выиграл Рогатый Камень этого состязания, но когда он перестал видеть перед собой сына Антилопы, силы его словно возросли. А сын Антилопы уже не мог ни на один шаг приблизиться к обогнавшему его сопернику.

Рогатый Камень прибежал первым. Всего на два шага отстал от него сын Антилопы. Оба упали на траву и хватали ртом воздух...

Рогатый Камень стал победителем. Вместе с Громом Гор он пошел в палатку. Гром Гор прибежал третьим и искренне радовался успеху друга.

– То, что сделал я, мог бы сделать и ты, – сказал ему Рогатый Камень. – Ты только недостаточно хотел этого...

Самым значительным событием дня было состязание в стрельбе. Стрельба из лука завершала одиночные соревнования индейцев-охотников, ведь, в конечном счете, именно попадание в цель давало охотничью добычу. Это состязание служило своего рода экзаменом молодого воина: сумеет ли он обеспечить себя, стариков, женщин и детей, готов ли он к борьбе за жизнь?

Было подготовлено двенадцать щитов, и двенадцать воинов держали щиты, а другие двенадцать стреляли. Потом менялись местами. Рогатый Камень и Гром Гор по

очереди держали друг другу щит. Оба попали в цель. Это заняло очень мало времени. Оба захотели посмотреть на стрельбу других воинов, а может быть, и помочь кому-нибудь держать щит. Кто-то из ассинибойнов попросил держать щит Грома Гор. Кто-то с такой же просьбой обратился к Рогатому Камню. Он повернулся и увидел перед собой дакота. Это был Шонка, который с детских лет ненавидел Харку. Он совал ему в руки щит. Пришлось взять щит, хотя это показалось Рогатому Камню очень странным. Он встал рядом с другими и держал щит так же, как и все, прикрывая им грудь и плечи и наблюдая за стрелком. Шонка целился стоя, как и было предписано. Целился он необыкновенно долго, словно был очень неуверен. К Шонке подошли вождь Горящая Вода и Тачунка Витко. Шонка, казалось, колебался, он опустил лук, затем неожиданно поднял его и выстрелил. Рогатый Камень увидел, что стрела летит выше щита прямо в глаза. Он быстро отклонил голову, и стрела, пролетев над щитом, воткнулась в траву. Кругом раздался хохот, потому что стрелы воинов, если и не попадали точно в цель, все же не пролетали мимо щита.

— Он отодвинул щит, чтобы я не попал, — сказал Шонка вождям.

Рогатый Камень подошел и бросил щит Шонке под ноги.

— Я попрошу вождей разрешить тебе еще выстрел. Но чтобы ты не мог попасть туда, куда хотел попасть, щит тебе пусть держит другой. Ты не побоялся оказаться плохим стрелком, лишь бы убить меня.

Рогатый Камень отошел, но он слышал еще слова Тачунки Витко:

– Твой поступок, Шонка, не делает чести дакота. Возьми свой щит, стрелы и скройся в палатке. Чтоб глаза мои тебя не видели!

На следующий день состоялись игры девушек. Сияло солнце, синели на востоке Скалистые горы. Было около полудня, когда на месте, отведенном для торжества, собрались матери и бабушки, братья и сестры, молодые воины и почтенные отцы.

На праздничную площадку парами вышли девушки. На них были богато расшитые одежды, ожерелья из раковин. Девушки дакота по обычаю покрасили пробор на голове красной краской. Их пристально разглядывали со всех сторон, и они шли с опущенными глазами. Посреди площадки лежал окрашенный в красный цвет камень и были воткнуты в землю две стрелы. Каждая девушка, прежде чем занять место в кругу, касалась рукой камня и стрел.

Рогатый Камень, Гром Гор, как и все воины, наблюдали за девушками через головы матерей и бабушек.

Первая девушка назвала имя своего отца, потом – свое имя, рассказала, как она жила в палатке родителей, как обрабатывала кожи, шила платья, как в ту зиму, когда не было известий от отца, она с ножом в руках сражалась с голодной пумой, она даже показала руку в шрамах от когтей зверя. Ее рассказ всем понравился. Два воина и две пожилые женщины вышли вперед и сказали похвальные слова об этой гордой и прилежной девушке.

Потом говорила Ситопанаки. Ее речь была простой и ясной, она даже сопровождала слова жестами, чтобы ее поняли дакота и ассинибойны. Как об особом событии она рассказала о том, как вместе с большой черной собакой она

разыскивала зимой маленького брата, который убежал далеко от лагеря и был засыпан сорвавшейся с гор снежной лавиной. Ситопанаки отыскала малыша, выкопала его из-под снега. Жрец вернул мальчику жизнь.

Вождь Горящая Вода подтвердил рассказ дочери. Бродящий По Ночам – сын Мудрого Змея – громко расхваливал Ситопанаки за ее усердную работу, за ее смелость.

– Ноги ее легки, а руки быстры, – сказал он. – И ни один воин не может похвастаться, что она подарила ему больше взглядов, чем другим. Счастлив будет тот, кто приведет ее в свою палатку.

Выскочила вперед Насмешливая Синица и от всего сердца подтвердила похвалы Бродящего По Ночам. На этом обсуждение Ситопанаки закончилось. Гром Гор посмотрел на свою мать, которая была явно разочарована: какая бы честь была для ее дочери, если бы выступил Рогатый Камень, победитель состязаний праздника. Но Рогатый Камень стоял не шелохнувшись.

Девушки продолжали рассказывать о своей жизни. Уинона была последней. Шонка зашевелился. Заметив это, Рогатый Камень взглядом поманил Грома Гор поближе к кругу девушек.

– Мое имя – Уинона, – начала девушка. – Мой отец – Матотаупа. Я живу в палатке рода Медведицы племени оглалла, принадлежащего к тетон-дакота. Моя мать убита. Меня вырастила бабушка – Унчида. Она научила меня всему, что должна уметь и знать девушка.

Слушатели ожидали, что Уинона расскажет что-нибудь, что делало бы ей честь. Но она на этом закончила.

И тогда выступил Чотанка, с палаткой которого Уинона приехала на праздник.

– Унчида научила Уинону не только выделывать шкуры приготавливать мясо, строить палатки, шить одежды и вышивать их. Уинона знает лечебные травы, знает, где их найти. Она может лечить раны, и под ее руками заживает то что не могло бы зажить. Она двух наших воинов – меня и Старого Ворона – спасла от смерти, когда белые люди тяжело ранили нас своими выстрелами.

Эта речь произвела впечатление, ведь искусство лечить раны имело большое значение для охотников и воинов.

Вышел Шонка. Перед этим он шепнул несколько слов одному из воинов дакота.

– Чотанка, – начал Шонка, одетый в богато расшитый костюм, с отличительными знаками воина, – Чотанка, ты говоришь, как хороший отец, о девушке Уиноне, но ты не все о ней сказал. Скажи же, где была Уинона в ночь перед началом нашего торжества?

Этот вопрос вызвал волнение: многие готовы были возмутиться необоснованным подозрением, иных уже разобрало любопытство, не совершила ли эта девушка в мехе белого бизона чего-нибудь недозволенного.

– Уинона спала в моей палатке, ты, змеиный язык! – резко крикнул Чотанка.

Рогатый Камень смотрел на сестру. Она оставалась совершенно спокойной.

Шонка подозвал к себе воина, с которым только что шептался.

– Это – Кровавый Томагавк, – сказал он, – он может сообщить, что видел.

– Чотанка, – начал этот воин торжественно. У него был резко выраженный горбатый нос и низкий лоб, он принадлежал не к роду Медведицы, а к другому роду дакота. – Мои глаза видели, как Уинона ночью, перед началом нашего праздника, покинула палатку. Она ушла в прерию и долго оставалась там.

– Это неправда, – сейчас же возразил Чотанка. – Уинона?

Девушка не промедлила ни мгновения:

– Это правда.

– Где ты была? – воскликнул Чотанка.

Девушка не отвечала. Слушатели молча посматривали друг на друга. Шонка злобно ухмыльнулся. Дочь изгнанника была выставлена на позор перед вождями, перед воинами, перед женщинами трех племен! Ее прекрасная праздничная одежда теперь больше ей не нужна, ни к чему теперь и ее умение исцелять раны. Еще мгновенье – и сам Чотанка прикажет ей с позором удалиться из круга.

Уинона молчала.

И тут Рогатый Камень вышел вперед, в середину круга, чтобы его видели все.

– Моя сестра Уинона встретила со мной в ночь перед началом праздника.

Словно порыв штормового ветра хлестнул по людям. И снова наступила тишина. Уинона только немного пошевелила рукой.

– О-о! – Шонка снова обрел речь. – Это ты, Харка, которого теперь называют Токей Ито? Я понимаю, что ты хотел бы помочь своей сестре! Но чем ты докажешь, что был ночью в прерии?

Рогатый Камень медленно подошел к Шонке и остановился шагах в пяти от него.

– На тебе роскошный костюм вождя, – сказал он негромко. – Ты, верно, совершил много великих дел! И если уж ты, Шонка, воин, с которым можно вести разговор, я докажу тебе, что был ночью в прерии. Но скажи мне сперва: где скальпы убитых тобою врагов?

– Мы собрались на танцы девушек, а не на состязания воинов... Я видел двадцать четыре зимы... – произнес Шонка и замолк.

– Двадцать четыре зимы ты видел – и ни одного убитого врага? Понимаю, ты мирный человек и не хочешь поднимать на врага нож. Зато ты охотно сражаешься с девушками и твое оружие – ложь. Но берегись! Это тоже может оказаться опасным! У девушек есть братья, отцы, и ты заметил это слишком поздно. Разрешите сказать Грому Гор...

Гром Гор вышел вперед.

– Рогатый Камень в ночь перед началом праздника выезжал в прерию и утром вернулся в палатку. Это правда.

Окружающие были удовлетворены. Девушка, умеющая врачевать раны, и Рогатый Камень, воин, победивший в состязаниях, нравились всем. Слова Грома Гор вызвали шумное одобрение.

Шонка отступил. Шестеро ярко раскрашенных распорядителей достойно приняли клеветника, насовав ему тумаков и зуботычин. Глашатай объявил от имени верховных жрецов вождей, что все девушки выдержали испытание и могут принять участие в танце.

До вечера веселились молодые люди трех племен. Насмешливая Синица, как всегда, не удержалась, чтобы не

посмеяться над Бродящим По Ночам, но никто в смехе не таил зла, и молодые люди тоже могли отвечать девушкам острым словом.

Вечером Гром Гор сопровождал Ситопанаки к отцовской типи. Он был весел, но девушка оставалась серьезной.

– Твой друг родился дакота, – сказала она, – остался им и будет дакота...

Едва рассвело, а сиксики, ассинибойны и дакота уже собирались на любимое зрелище – представление минувших событий.

Горящая Вода сообщил, что с утра будет показана охотничья хитрость Матотаупы. Затем будет представлен побег Тачунки Витко.

Рогатый Камень поспешил на условленное место, где уже был разложен костер и ждал отец. Матотаупа и его сын прекрасно владели собой. Никто бы не мог сказать, что для них теперь так необычно сидеть вместе у костра и вести спокойную беседу.

– Там пятьдесят воинов ассинибойнов, отец! – громко произнес Рогатый Камень.

– Но я – Матотаупа.

И он стал сейчас прежним Матотаупой. Его глаза горели, непреклонная воля выражалась на его лице, спина его распрямилась, он гордо озирался по сторонам. Он посмотрел на сына, как смотрел когда-то давно, и Рогатый Камень сначала отвел глаза в сторону, потом глянул отцу в лицо и уже больше не отводил взгляда.

– Ты и должен быть Матотаупой, – тихо произнес он, – ничего больше мне и не надо.

Игра началась.

Наибольший успех у зрителей вызвал момент, когда Матотаупа, то подражая мычанию бизонов, то издавая военный клич дакота, увел ассинибойнов далеко от стада и скрылся. Громкими криками зрители выражали восхищение проделкой Матотаупы, а дакота еще раз поняли, какого воина потеряли.

Миновал полдень. Во время перерыва между представлениями к Рогатому Камню подошел юноша дакота и сообщил, что Тачунка Витко ждет его и хочет вручить ему ружье, которое сыграло в свое время большую роль. Рогатый Камень попросил Грома Гор пойти с ним. Молодые воины подошли к группе верховных вождей. Тачунка Витко вышел им навстречу. В руках у него была двустволка, которая до сих пор оставалась вполне современным оружием. Рогатый Камень узнал мацавакен¹¹. У него было странное чувство, когда он снова взял в руки ружье, подаренное ему Рэдом Джимом, человеком, который когда-то вызывал у мальчика восхищение.

Глашатай объявил о начале нового представления. Тачунка Витко и Матотаупа дали слово, что они преодолеют взаимную неприязнь и не нарушат спокойствия праздника. Вот почему оружие у них не отбиралось.

Восторженными криками сопровождалось единоборство вождей, которое, как и много лет назад, проходило с таким же упорством и напряжением сил. Матотаупа тяжело дышал. Ему эта игра доставалась значительно труднее, чем когда-то подлинная борьба, и если бы Тачунка Витко дей-

¹¹ Мацавакен – «Гром-Железо», так называли дакота огнестрельное оружие белых, ружья.

ствовал теперь по-серьезному, он бы оказался победителем, прежде чем подоспели пятеро сиксиков. К концу сцены лицо Матотаупы осунулось.

Действие следовало за действием. События разыгрывались так естественно, что зрители невольно воспринимали их, как самую неподдельную реальность. И не только у мальчиков горели щеки...

И снова наступил вечер. До появления первых звезд люди не расходились по палаткам и продолжали спорить о том, что бы произошло, если бы на помощь Матотаупе не подоспели пятеро воинов сиксиков, на чьей бы стороне была тогда победа. И даже девушки рассуждали о том, как был взят в плен и убежал Тачунка.

На следующий день в качестве заключения торжества предстояла культовая жертва Солнцу...

С наступлением темноты во многих палатках уже раздавалось пение обрядовых песен, которые вождям и воинам предстояло петь всю ночь, чтобы торжественно встретить наступающий день жертвы Солнцу. Звуки были тихими и мягкими. И дети приутихли, но не от усталости, а от того таинственного настроения, которое все больше и больше овладевало людьми.

Перед палаткой сиксиков лежал длинный ствол пихты для культового столба.

Послышался топот копыт. Молодые всадники привезли издалека пихтовые и еловые ветки. Старейшие и высокоуважаемые женщины принялись делать из них невысокую изгородь вокруг культовой площадки. А в ночи над прерией разносилась песня Солнечного танца сиксиков: «Хе, хе, хей, хо... хей...»

Когда Рогатый Камень и Гром Гор поели, Горящая Вода сообщил, что ночь молодые воины должны провести со жрецом.

Кровные братья пошли к жрецу. В полутьме его палатки их охватило какое-то особое благоговение. Это был мир жреца. Таинственная сила этого человека воздействовала на каждого, кто был воспитан на вере в духов.

Жрец долго молча смотрел на них, шевеля губами, потом спросил Рогатого Камня:

– Ты дакота?

Рогатому Камню однажды уже был задан такой же вопрос, и он не смог на него ответить. Молчал он и на этот раз.

– Ты сиксик?

Молодой воин только плотнее сжал губы.

– Кто же ты?

Рогатый Камень уже дважды в своей жизни молчанием отвечал на этот вопрос. Молчал он и сейчас.

– Было бы лучше, если бы ты не проходил Танец Солнца. Ложь равносильна смерти – так справедливо говорят наши старые и умудренные опытом воины из союза людей «Которые говорят только правду». Ты слышишь?

– Я слышу.

Рогатый Камень смотрел на жертвенный нож.

– Перед тобой целая ночь, – снова заговорил жрец. – Продумай до конца то, что ты еще не продумал, вернись к правде. Как только кончится этот праздник, томагавк войны между воинами сиксиками и воинами дакота будет вырыт. Мне сказали об этом духи. У большого и торжественного праздника будет злой конец. На чьей стороне с

открытым сердцем ты будешь сражаться, говори! Ты меня не обманешь.

– Отныне никогда никто не заставит меня бороться с краснокожими, к какому бы племени они ни принадлежали. Оцеола, Понтиак и Текумзе любили всех краснокожих людей и вели их на борьбу против белых. Сердце велит мне поступать так, как и они.

– Ты уклоняешься от прямого ответа, – сказал жрец, и голос его стал холодным. – С кем будешь ты, когда дакота и сиксики будут убивать друг друга?

Рогатый Камень молчал.

– Откажись от жертвы Солнцу, потому что Солнце чисто и требует только правды.

Рогатый Камень продолжал смотреть на огонь и каменный нож.

– Ты не допускаешь меня? – спросил он наконец.

– Я настаиваю на встрече с Большим Солнцем. Оно будет тебя жестоко испытывать, каков ты есть, и кто знает, может быть, твоя жертва не будет принята.

Рогатый Камень дотронулся руками до вампума.

– Я принесу жертву.

Было слышно дыхание жреца.

– Пусть будет так. И я прочитал послание Оцеолы на твоём вампуме. Там те же мысли, которые ты сейчас высказал, но они не для нас. Они только введут в заблуждение наших воинов и ослабят их волю в борьбе.

Больше ничего не сказал жрец, и прошло еще какое-то время в молчании, пока жрец не подал знак ложиться спать. Оба воина подошли к расстеленным одеялам и улеглись.

Жрец позвал своего помощника и приказал ему раздуть

очаг. В ночь перед принесением жертвы огонь должен гореть ярко.

Часа в четыре пополуночи, когда над землей занялся рассвет, юноши вместе со жрецом покинули типи. Они были обнажены, без единого украшения. Только пояса были на них. Несмотря на неодобрительный пристальный взгляд жреца, Рогатый Камень прицепил к поясу вампум Оцеолы.

Глашатаи обежали лагерь и сообщили решение жрецов трех племен о том, как будет проходить обряд. Обоим приносящим жертву предстояло с восхода смотреть на солнце, а вечером испытание должно завершиться Танцем Солнца. Юноши, сопровождаемые жрецом, подошли к столбу. Столб был выкрашен в черный цвет. Воины и вожди образовали первый круг около жертвенной площадки. Их лица были радостны и торжественны: они вспоминали собственную молодость, вспоминали, как в свое время сами проходили такое испытание. Горящая Вода и Матотаупа улыбались. Никто не сомневался, что их сыновья – Рогатый Камень и Гром Гор – достойно исполнят Солнечный танец.

Несколько позади мужчин расположились женщины и дети. Среди девушек была и Уинона. Взгляд ее был гордый. Она не смотрела на брата: она знала, что он не может сейчас ни на кого смотреть.

Жрец перед началом обряда своим низким голосом пропел благодарственную песнь сиксиков Солнцу, и воины подпевали ему.

По окончании пения на жертвенной площадке за ограждением из еловых веток разожгли небольшой костер, там же были разложены орудия жреца и ремни.

Гром Гор преклонил колена перед жрецом. Жрец жертвенным ножом сделал по два надреза на груди юного воина, сначала справа, потом слева, затем оттянул кожу и продел короткие ремни. Концы ремней он крепко связал узлом. Лицо юноши даже не дрогнуло.

К свисающим на груди петлям жрец прикрепил длинный ремень, другой его конец он привязал к столбу. Потом жрец повернулся к Рогатому Камню, и, когда тот опустился на колени, он проделал с ним как будто бы то же самое. На самом деле надрезы ножом он сделал более глубокие. Рогатый Камень знал, что ему предстояло.

Оба юных воина отклонились так, что под тяжестью их тела ремни натянулись. Из ран струйками потекла кровь. Юноши обратили взоры на лучи восходящего солнца.

Участники торжества радостными криками ознаменовали начало жертвоприношения. Раздались выстрелы, и поднялись облачка дыма. Доносились тревожные глухие удары барабана, зрители кричали, свистели в свистки. Волны этих звуков обнимали двух приносящих жертву юношей, и они уже не чувствовали себя один на один с болью, которая начинала пронизывать тело.

Потом по знаку жреца все шумы стихли. Молча стояли все вокруг. Первые часы для юношей были самые легкие — они были еще полны сил, а воздух еще не успел прогреться. Но солнце поднималось. Все больше нагревались воздух и земля. Раны болели сильнее и сильнее. Глаза, ослепленные лучами солнца, воспалились. Пылал лоб, все тело ныло от жары. Боль от натянутых ремней распространилась на плечи и руки, охватывала все тело.

Когда солнце перешагнуло зенит, воздух стал горячим.

Во рту пересыхало, язык прилипал к нёбу, жажда, усиленная потерей крови, становилась невыносимой...

Солнце медленно склонялось к горизонту. Становилось холоднее. Оба приносящих жертву были измождены. Дыхание их стало частым.

Вожди и жрецы, многие воины и даже некоторые женщины скоро поняли, что Рогатый Камень по какой-то непонятной причине крепче прикован к жертвенному столбу. И никто не сомневался, что так хотел Великий и Таинственный или Большое Солнце. Жрец в глазах воинов и женщин был только рукой Великого и Таинственного. Значит то, что произошло, было велением духов.

Уинона стояла позади круга на небольшом возвышении, что позволяло ей хорошо видеть жертвенную площадку. Ее щеки были серыми, как туман осени. Она ничего не видела, кроме черного жертвенного столба и приносящих жертву. Солнечный диск уже коснулся вершин гор, кровавыми отсветами покрылось небо, когда Уинона почувствовала, что кто-то встал рядом с ней. Это была Ситопанаки.

Жрец подал знак последнего испытания. Оба молодых воина как бы очнулись от забытья и стали танцевать в честь Великого Солнца. Они прыгали вокруг столба, извивались, резкими бросками тела изо всех сил натягивали ремни, чтобы оборвать кожу и освободиться. По ритуалу обряда узлы ремней нельзя было развязывать и кожу нельзя было разрезать, ее нужно было разорвать.

Последние лучи солнца погасли за хребтами, и Гром Гор с разорванной на груди кожей свалился на траву. Глаза его были закрыты, щеки провалились, он не двигался.

Жрец отвязал ремень от столба. Воины прыгнули в круг, и прошедшего со славой Танец Солнца понесли в отцовскую палатку. В палатке его ждала мать, чтобы оказать первую помощь. Ситопанаки осталась стоять рядом с Уиноной.

Рогатому Камню все еще не удавалось освободиться от ремней. Теперь он танцевал один. Сумерки окутывали землю. Зажглись уже первые звезды, а он все танцевал. Он рвался изо всех своих сил. Но слишком глубоко были протянуты концы ремней: мясо не рвалось.

Рогатый Камень танцевал. Кто-то прошептал:

– Солнце наказывает его. Он поплатится жизнью.

И слова эти поползли по толпе.

Уинона приложила руку ко рту, губы ее шевелились. Она беззвучно возносила моления. Она знала, как знали и те, что стояли вокруг, что только один человек может помочь. Этот человек – жрец. Если приносящий жертву устоял в танце, не лишившись сознания, жрец мог дать конец ремня всаднику, чтобы тот тащил приносящего жертву, пока не разорвется кожа. Жрец мог позвать детей, приказать им взобраться на спину приносящего жертву, утяжелить его и помочь освободиться. Это знала Уинона. Но ей было ясно, что жрец не захочет помочь Рогатому Камню...

Молодой воин наконец споткнулся и упал на колени. Теперь уже всем было ясно, что ему не хватит собственных сил, чтобы освободиться. В глазах у Рогатого Камня потемнело, но чем резче становилась боль в теле, тем, больше он собирал свою волю. И когда он уже совсем было терял сознание, он схватился за ненавистный жрецу вампум, завет которого он не имел права нарушить из-за своей сла-

бости. Он вовремя коснулся вампума. Из уст его вырвался крик, и, может быть, никто не понял, что он крикнул, потому что он призвал Оцеолу.

Гром Гор, еще шатаясь от слабости, вышел из палатки. Он громко запел песнь-моление. И Уинона и Ситопанаки запели вместе с ним. Приносящий жертву услышал это пение и вскочил на ноги. Последним сильным броском он рванул ремни. Послышался звук, от которого стало больно даже всем окружающим.

Рогатый Камень освобожденный рухнул на землю и остался лежать как мертвый.

Он не знал, что первым над ним склонился его отец Матотаупа. Никто не посмел двинуться, чтобы удержать Уинону, которая тоже подбежала к брату. Но жрец не подошел, хотя жертва была завершена согласно обычаю

Долго стояла молчаливая толпа вокруг жертвенной площадки, но потом один за другим люди покинули свои места. Шепот распространялся вокруг, неопределенный, как легкий ветерок: возможно, силы, которые позволили воину оторваться от столба, не принадлежат Великому и Таинственному или Большому Солнцу? Может быть, ему помог злой дух, которого надо всем избегать?..

И даже вождь Горящая Вода, подойдя к Грому Гор и своей дочери Ситопанаки, позвал их к себе в палатку, чтобы на них не распространилось влияние этого непонятного духа.

Матотаупа поднял сына на руки и понес его в ночную прерию.

Уинона пошла вместе с ним.

– Принеси одеяло, принеси травы, бинты. Приведи ко-

ней, – сказал он, даже не отдавая себе отчета, произнес ли он это вслух, но дочь поняла.

Она привела коней, принесла одеяла, одежду, лыковые бинты и травы. Она принесла воду, чтобы намочить лыко. Когда брат пошевелился, она дала ему напиться. Она принесла нож – обоюдоострый нож, на рукоятке которого была вырезана голова птицы. Так как Рогатый Камень еще ничего не видел и не слышал, Уинона передала оружие Матотаупе.

– Это для него, – сказала она. – Священный нож. Гром Гор дарит его.

И она ушла. Уинона была только девушкой, и жизнь, которую теперь должны были начать ее отец и брат, она разделить с ними не могла.

Матотаупа остался один со своим сыном. Он прислушивался к его слабому дыханию и в то же время прислушивался к тому, что делается там, среди палаток участников торжества. Часть палаток уже разбиралась, и еще до наступления рассвета некоторые отправились в родные места. Слышно было хлопанье полотнищ от ночного ветра, топот коней, лай и вой собак, крики. Показались первые силуэты всадников и коней, тянущих волокуши.

Матотаупа держал оружие в руках. Он знал, что дакота с окончанием торжества и праздничного мира могут попытаться напасть на него и его сына. Конечно, это позор – убить незащитного человека, который только что прошел Танец Солнца, но Матотаупа не рассчитывал на благородство врага. Он зорко смотрел вокруг, не приблизится ли кто-нибудь к ним. Он почти хотел, чтобы Тачунка Витко, оскорбивший его имя, напал. Матотаупа был настолько

ожесточен, что готов был в третий раз встретиться в поединке со своим врагом. Но Тачунка Витко не приходил, хотя его палатка еще стояла на месте. Он не пытался убить Матотаупу и захватить юного воина, потерявшего сознание.

С наступлением утра последние палатки были разобраны. Прерия осталась под палящим солнцем безлюдной. Матотаупа перенес сына в тень одного из холмов и, как только он пошевелился, дал ему пить. Когда к ночи поблизости завyli волки, Матотаупа взялся за ружье. Это был стоящий на страже отец и заботливая мать в одном лице. Только на второй день после торжества Рогатый Камень наконец пришел в сознание. Он еще не говорил, ничего не просил, но отец угадывал все его желания.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Дни шли своим чередом. Ночью Матотаупа оборонялся от волков, днем охотился за куропатками и антилопами. Пищей они были обеспечены. Когда Рогатый Камень настолько поправился, что сам мог держать оружие, Матотаупа стал делать большие обходы. Он узнал, что, когда дакота и черноногие вышли на большую бизонью охоту, у них произошла кровавая стычка.

Перед выздоровевшим молодым воином встал один из сложнейших вопросов: для чего ему жизнь? И этот вопрос лежал тяжелым камнем на его пути.

Был один из тех теплых вечеров, что провожают ушедшее лето. Гнет жары остался позади. Мягкие лучи солнца робко озаряли землю, и было бы неудивительно

назавтра оказаться под порывами холодного штормового ветра.

Матотаупа разжег маленький костер. Отец и сын сидели у огня и курили, у обоих было теперь время рассмотреть друг друга по-настоящему. Оба были примерно одинакового роста, только Рогатый Камень – несколько стройнее отца. Молодому воину было двадцать, отцу – сорок два года, но оба выглядели старше своих лет, и каждый на свой лад. Сын казался более суровым и замкнутым, чем надо бы человеку его возраста. Отец просто сильно постарел. Седые пряди волос делали его похожим на пятидесятилетнего. Ссутулившись, с опущенной головой сидел он у костра и казался невероятно уставшим.

Матотаупа поднял голову.

– Я уже не разведчик. Я приехал и услышал о предстоящем празднике. Я решил узнать, примут ли меня сиксики. Я хотел увидеть Тачунку Витко и сразиться с ним. Сиксики меня приняли... – Матотаупа сделал паузу. – И тебя я хотел видеть, – откровенно сказал он. – Я уже знал, что ты должен стать воином.

– Ты снова отправишься к сиксикам?

Матотаупа перебирал веточки, которые лежали рядом, но не бросал их в костер, и огонь тлел, не получая новой пищи, только красноватые отблески играли в золе. Матотаупа уже знал, что он ответит на этот вопрос «нет», но может ли он объяснить, что не пойдет к сиксикам, потому что их жрец хотел убить его сына, может ли сказать, что не в состоянии жить среди черноногих, потому что у них нет виски, а он все время думает о виски и, почуяв запах виски, готов хотя бы за одной каплей его ехать хоть на край света.

– Нет, к сиксикам я не поеду, – наконец сказал Матотаупа. – Они борются с дакота, но не из-за меня, а из-за бизонов.

Матотаупа бросил в костер пучок веток и спросил сына:

– Что ты собираешься делать?

– Я поеду в Блэк Хилс. Там я буду вести жизнь такую же, как ведут рыси в Лесу. Я буду убивать каждого, кто придет искать золото. Каждого, ты понял меня?

Матотаупа наморщил лоб.

– Хау. Я тебя понял. Еще будучи мальчиком, ты мне поклялся, что не убьешь моего белого брата, прежде чем я этого сам не пожелаю. Пусть будет так, но если ты встретишь его около нашей пещеры, убей и его. Только ты его не встретишь, потому что он не ищет золота.

После долгого молчания Рогатый Камень задал еще один вопрос:

– Что будешь делать ты, Матотаупа?

– Ты должен знать, что я буду делать. Путь огненного коня, строительство которого мы защищали, я буду разрушать. Они мне сказали, что им не нужна больше охрана. Хорошо. Пусть они увидят, что произойдет без разведчиков.

– Значит, ты тоже будешь бороться против белых? – Скрытая надежда ожила в молодом воине, ему показалось, что они снова смогут быть вместе, вместе действовать против общего врага.

– Белые люди не меньше дерутся друг с другом, чем краснокожие, – мрачно объяснил Матотаупа. – И с тем, кто будет мне братом, я буду бороться против других.

Рушились надежды Рогатого Камня.

– Скажи, отец, а с тем, кто будет твоим белым братом, ты снова будешь пить виски?

Матотаупа вспыхнул: сын наступил на его больное место.

– Да, буду! Говорю тебе: буду! Хау! – И он начал смеяться, точно издеваясь над самим собой; на его лице опять появилось непонятное и страшное для сына выражение. – Ну и что же, теперь ты навсегда расстанешься со своим отцом? – вдруг спросил он.

– Мы можем иногда встречаться, – сказал Рогатый Камень, – когда ты будешь трезв, когда ты будешь один, без Рэда Джима...

– Я еду к блокгаузу Беззубого Бена и пробуду там зиму. Мы встретимся? – спросил отец.

– Когда придет месяц, слепящий глаза¹², – предложил Рогатый Камень, сделав вид, что не понял отца, который рассчитывал встретиться еще зимой. – Там, где когда-то был лагерь изыскателей.

Матотаупа согласился.

Рогатый Камень провожал своего отца взглядом до тех пор, пока тот не исчез за горизонтом.

Овеянная первыми метелями прерия была пустынна, дакота нигде не было видно, но Рогатый Камень собирался двигаться к Блэк Хилсу, куда они приходят на зимнее время.

Когда наступила ночь, он отпустил коня на волю, весь груз переложил на собственные плечи и стал на лыжах пробираться из долины в долину к горам, покрытым лесами.

¹² ...месяц, слепящий глаза – март.

Однажды около полуночи внимание Харки привлек шум. Он приложил ухо к земле и определил, что по направлению к Блэк Хилсу движутся всадники. Рогатый Камень был уверен, что это индейцы; по звуку можно было установить, что кони их не подкованы и что их не менее трех.

Рогатый Камень подобрал у небольшого ручейка штук пять камней, сунул их в мешочек у пояса. Все свое имущество и даже лук он положил на землю. Затем, пригнувшись, побежал навстречу всадникам.

По звуку копыт было ясно, что всадники уже близко. Рогатый Камень спрятался в заснеженном шиповнике и приготовил камни.

Приближались три всадника. Это были дакота, молодые, но, по-видимому, уже бывалые воины, о чем говорили перья в их прическах. Едва последний из них миновал куст, Рогатый Камень выскочил и со всей силы бросил камень в голову последнего всадника и сразу же в затылок второго, оба без звука свалились с лошадей. Едущий впереди услышал, что позади что-то неладно, и повернул назад но в тот же момент его охватила петля лассо. Прежде чем он смог сообразить, что произошло, руки и ноги его были скручены.

Рогатый Камень вернулся к двум упавшим позади. Один из них что-то мычал и переворачивался на живот, другой делал попытку встать на колени. Рогатый Камень успел связать обоих. Он собрал оружие своих пленников и направился к молодому воину, который, видимо, был вожаком группы. Тот лежал с открытыми глазами на промерзшей земле. Победитель сложил оружие в кучу перед

пленником, затем принес сюда свои собственные вещи, сел рядом и спокойно набил трубку.

Связанному воину было не больше двадцати пяти лет. Его кожаные мокасины, легины, кушак были тщательно выделаны. На нем было ожерелье из когтей медведя, но не гризли. И Рогатый Камень узнал его. Этот молодой воин участвовал в большом торжестве. Он был родственником Макпиалюты – верховного вождя, который пользовался не меньшим уважением, чем Тачунка Витко. Несомненно, и пленник узнал Рогатого Камня, но не показывал вида.

– Мы знаем друг друга, – сказал Рогатый Камень. – Ты – Орлиный Глаз, сын брата Макпиалюты. Я – Токей Ито, сын Матотаупы. Твоих воинов и тебя я взял в плен, чтобы кое-что вам сообщить, и вы должны спокойно выслушать все, что я вам скажу.

Связанный воин приподнялся.

– Ты можешь говорить, что хочешь, – ответил он заносчиво и высокомерно, так, как будто он был победителем. – Твой язык всегда раздвоен. Я никогда не поверю словам человека, отец которого предатель.

– Будешь ты мне верить или нет, для меня не имеет значения, – возразил Рогатый Камень. – Тебя и твоих воинов я отпускаю, хотя мог убить и снять скальпы. Но я не хочу. Ты должен выслушать меня. А так как тебе нужно будет сообщить вождям, что с тобой произошло, тебе придется передать и мои слова. Так я хочу. Только ради этого я и поймал вас. Вы были неосторожны. Вы думали, что койоты и коршуны насытились моим мясом в прериях у реки Желтых Камней, но вы ошиблись. Итак, слушайте: я приехал в Блэк Хилс, я буду жить в пещере на южном

склоне у обрыва. Я буду убивать каждого белого, которого встречу в лесах Блэк Хилса. Дакота я не буду убивать. Я сказал, хау! Передай это вождям Татанке Йотанке и Макпиалюте, и прежде всего – Тачунке Витко. Если Тачунка Витко еще имеет желание вступить со мной в единоборство, я готов. Достаточно ему нарисовать свой тотем на утесе перед пещерой, и на следующий же день я буду там. Вы можете попробовать меня обложить, как обкладывают дичь во время облавы, и убить меня. Но на это вам потребуется несколько дней, и вам придется пожертвовать многими воинами. Вы можете оставить меня живым, и тогда умрет много белых людей, которые стремятся к золоту. Выбирайте! К вашим палаткам я не вернусь, так как вы не верите Матотаупе. Я не сын предателя. Я сказал, хау! Ну, а теперь можете ехать домой. – И он развязал пленников...

Только через два дня Рогатый Камень достиг роц горного массива Блэк Хилса. Он избрал себе долю отшельника. Не было у него друзей и близких людей. Он избрал борьбу и должен был вести ее в одиночку. Единственное, что он мог делать, – это убивать белых людей. Он знал и то, что белых людей будет приходить все больше и больше и всех уничтожить он не сможет.

И вот уже второе утро встречает Рогатый Камень в Блэк Хилсе. Туман, повисший между ветками деревьев, окутывал все серой дымкой, и только на ближайших склонах блестел снег. Индеец достиг скалистой стены, лег на один, из уступов и стал наблюдать. Здесь были видны свежие следы – отпечатки ног. Четко вырисовывались каблуки и подметки сапог белого человека. Следы вели к лесу. Ро-

рогатый Камень спустился ниже и хотел сейчас же идти по следу. Это было нетрудно, легко было и догнать этого человека, но, соблюдая привычную осторожность, он оглянулся.

Из леса, из-за дерева, на него было направлено дуло ружья.

Индеец моментально упал, и в тот же миг раздался звук выстрела. Рогатый Камень почувствовал удар в голову, вскочил, перекинулся через камень и покатился вниз по склону. Защищая голову от ударов, он свернулся в клубок. Это было его спасеньем.

Кровь сочилась из головы Рогатого Камня, ломило ушибленное тело. Только теперь он понял, что произошло и что ему теперь делать. Он должен найти врага!

Рогатый Камень прислушался, так как ждал, что враг будет его преследовать. К своему удивлению, он обнаружил, что тот бежит вниз по склону, не соблюдая никакой осторожности. Индеец готов был преследовать врага, но рассудил, что, раненый и избитый при падении, он не сумеет догнать его, не сможет одолеть. Пришлось довольствоваться хотя бы тем, что враг бежит.

В тишине зимнего утра он долго прислушивался, как убегал человек. Потом до него донеслись звуки погони.

Рогатый Камень так и подумал, что дакота не дадут уйти этому человеку. Однако надежды не оправдались. Через некоторое время слышался свисток, призывающий дакота вернуться. По крикам возвращающихся мужчин Рогатый Камень понял, что враг ускакал на своем коне. Трое воинов прошли совсем недалеко, и хотя Рогатый Камень спрятался за скалу, они не могли его не заметить.

Скорее всего они только сделали вид, что не видели. Но уже и то, что они не трогали его, было вполне достаточно. Пусть будет хотя бы такое перемирие.

Медленно потащился молодой воин назад. По дороге он посвистел Буланого, и конь прибежал к нему. Чтобы сберечь силы, индеец отправился дальше верхом. По дороге он наткнулся на следы борьбы. Видимо, убежавший пытался овладеть Буланым, но получил отпор. Пошарив по кустам, Рогатый Камень нашел ружье – прекрасную двустволку. Он удивился, что дакота прозевали такой трофеей, и захватил ее с собой...

На следующий день в заснеженном блокгаузе Беззубого Бена появился гость. Он сел за стол рядом с Беном, который ничуть не изменился за эти годы. К ним подседа и хозяйка – Мэри; ради такого случая она даже оставила свою обычную работу по дому. Их дочь Дженни поставила на стол бутылку виски. Гость этот был им давно знаком.

Опрокинув стакан виски, он жадно пожирал бизонью грудинку. Он был очень усталый, жесткая рыжая щетина покрывала его подбородок. Густые рыжие волосы космами нависали надо лбом.

– То, что я пережил, тебе и не снилось никогда, блокгаузный клоп! Прямо в ухо тебе ревет медведь!.. И я бегу, как только могу бежать... – громко говорил гость, пододвигая хозяину пустой стакан.

– Зачем же ты опять полез в проклятую пещеру?..

– Захлопни свою беззубую пасть, я тебе говорю! Едва я выскочил оттуда, на мне повис Гарри. Стрелять я не хотел, потому что близко дакота. Гарри сам сунулся прямо под ружье...

– И?... – Бен застыл с открытым от ожидания ртом, потом, не вытерпев, опять зашлепал губами: – Ты... ты все-таки выстрелил?

– Это я сделал, но я не очень уверен, мертв ли он. А тут еще эта чертова тварь!

– Олень?

– Ты сам олень. Мустанг! Да такой, какого ты никогда не видел! Я на него! А он в сторону и копытами меня, копытами...

– Черт возьми! Бывает же такое!

– Я тебе говорю, ты не видел таких мустангов! И эта проклятая бестия не отставала от меня.

– Ха-ха-ха! И ты побежал... – Бен даже закачался от хохота.

– Ну, побежал. Даже самому смешно – Рэд Джим бежит от мустанга! Такого еще не бывало.

– Не бывало, не бывало, – закивал головой успокоившийся Бен. – Подумать только... Значит, тебе нужны и новая куртка, и новое ружье? Ну, а золото-то ты хоть нашел?

– Какое золото?... Медведица, безумный мустанг, Гарри...

– Ну, может быть, он мертв, – попытался Бен успокоить гостя. – Кстати, его отец только что тут болтался.

– Отец? Топ?

– Два дня назад был.

– Так, так... Ну вот и еще шанс... И Топ собирается еще появиться?

– Сказал, через три дня заедет. А потом хочет поселиться у меня на зиму.

– Он платит?

– Топ всегда платит, – ядовито заметила Мэри.

– Послушай, Бен, ты, конечно, прав, когда говоришь, что не стоит одному лазать в эту проклятую пещеру... Пойдешь со мной, Бен?

– Нет, – ответил хозяин, прежде чем его Мэри успела открыть рот. – Поищи кого-нибудь другого.

Джим тянул виски, что-то обдумывая.

– Знаешь, Бен, главное, чтобы ты передал Топу, когда он снова появится...

– А ты не хочешь его подождать?

– Нет, не хочу. Он своими вопросами приводит меня в ярость. Лучше ты. Тебе не надо знать всех подробностей, но... Итак, ты... ты скажешь Топу, что я хотел поохотиться, понял ты, поохотиться. А Гарри на меня напал. Напал, понял, хотя у него для этого не было никакого основания. Спасая свою жизнь, я стрелял. А затем прибежал к тебе. Ты понимаешь?

– А, так... да, да, понимаю, – сказал Бен. – Ну, а если Топ спросит, где тебя найти, что мне отвечать?

– Скажешь, что не знаешь. Мне нужно сначала собрать парней, с которыми бы я мог повернуть дело. Подходящих найти трудно, но есть у меня кое-кто на примете.

– Кровавый Билл?

– Где он запропал?

– В Омахе. Я тебе могу кое-что о нем рассказать.

– А где болтается Том?

– Том Без Шляпы И Сапог? Ну, этот стал солидным человеком, открыл в городе торговлю.

– Солидные люди – еще лучше. Они поострее чувствуют, где можно заработать.

– М-да... Тома и Тео.

– Ах, у этого Адамсона? Далековато, да и тяжелы они на подъем. Но у Адамсона есть сын – молодой парень... Надо подумать.

– Ну а малыш-грязнуля?

– А-а, малютка Джозеф. Не следует и им пренебрегать. – Рэд Джим выпил еще стакан. – А может быть, Гарри остался жив?.. Живуч как кошка. Лучше пока скрыться, а через год, через два я вернусь с подходящей оравой. – Он поднялся. – Слушай, Бен, дай-ка мне ружье, из которого можно стрелять.

– Заплати, – сказала Мэри.

– Топ заплатит, – крикнул Джим. – Всего!

Он стукнул кулаком Мэри, которая хотела его удержать, подпрыгнул к Бену, схватил его ружье, стоящее у стены, и с ружьем в руках спокойно вышел в дверь. Шагнув через порог, он обернулся и послал воздушный поцелуй Дженни.

Пока на лице Бена расплывалась кисленькая улыбочка, Рэд Джим спокойно вошел в загон, где стояли кони, и вместо своего загнанного мустанга взял молодого коричневого жеребца и, держа револьвер в руке, проехал мимо открытой двери. Миновав дверь, он поднял лошадь в галоп и направился на восток.

– Проклятый вымогатель! – заорала Мэри, когда вдали затих топот копыт. – Все ему дай задарма! Общиплет нас как гусей.

– Топ заплатит. Засохни и приведи в порядок помещение.

– Я расскажу Топу все как есть! Все расскажу ему!

– Будешь молчать! Понятно?!

– Скажу!

Бен ударил Мэри по лицу, замахнулся еще раз, но между ними бросилась Дженни.

– Оставь мать в покое! Пьяница, бандит! Мы уйдем от тебя! Хватит с нас! Мы больше заработаем у чужих, чем у тебя, живодер!

– Убирайтесь! – орал Бен. – Целый день только набиваете брюхо! Я не нуждаюсь в вас! Убирайтесь!

Мэри молча посмотрела на мужа, повернулась и вышла. Они с дочерью собрали свой скарб, завязали в узлы, заткнули за пояса револьверы и пошли за конями. Бен вышел из дома.

– Ну, без глупостей, вы, бабы!

Но Мэри даже не удостоила его взглядом.

– Не сумасшествуйте! – кричал Беззубый. – Из-за какой-то оплеухи серьезные женщины не убегают!

Мэри обернулась к мужу.

– Не только из-за этого, – сказала она спокойно и решительно, так что Бен потерял всякую надежду. – Работу мы найдем в другом месте. Там Дженни подыщет себе и мужа получше, чем твои головорезы. Запомни, Бен, дерево не падает от сотни ударов топора, но от последнего удара оно падает. Боюсь, что ты плохо кончишь. Будь здоров!

Женщины поехали и скрылись за поворотом реки.

– Проклятое бабье! – ругался Беззубый. – Посреди зимы со всем хозяйством остаться одному!

Он вернулся в дом, поднял веник, который бросила Мэри, и принялся подметать. Он почистил посуду, помыл ее, расставил по местам, а потом пошел в пристройку, чтобы найти там какое-нибудь ружье.

– Ну, пожалуй, вот это, – сказал он, когда наконец подобрал подходящее оружие, и, подбадривая себя, добавил: – Топ за все заплатит, я ему такую историю поднесу, что у него слезы будут литься. А на зиму я ему предоставлю жилье. По крайней мере не буду один в этой проклятой дыре. Он платит за все. Это тот человек, который мне нужен. Вот так-то.

ОСТАНОВКА В ПРЕРИИ

Поезд следовал по трансконтинентальной дороге из Сан-Франциско на восток в Чикаго. Он только что миновал головокружительной высоты виадук и теперь пыхтел и катился по заросшему лесом высокогорью. Позади остался последний сторожевой форт в горах. Открывалась бесконечная заснеженная прерия. Лагерь изыскателей, который когда-то был тут, давно не существовал. До ближайшей станции было далеко. Пассажиры только что поужинали, но лечь спать было рано. В первом вагоне у окна сидела пожилая дама. Лицо ее было сильно напудрено. Она все еще грызла кекс и со скукой смотрела на пустынный ландшафт.

– Ужаснейшая местность и совершенно бесполезная, – сказала дама. – Здесь даже невозможно разводить скот. Кэт, дай мне, пожалуйста, книгу.

Бледная девушка, которая сидела напротив, открыла чемодан и достала толстый роман. Старая дама погрузилась в невероятные события и забыла обо всем на свете.

– Совершенно пустынная местность, – произнес господин лет тридцати, сидящий рядом с девушкой. Только

что он, как и другой господин, помоложе, сидящий рядом с пожилой дамой, прикрыв глаза, пытался спать, и вот заговорил: – Пустынная местность!

Девушке было лет семнадцать. Длинный дорогой жакет, плотно облегающий талию, и блузка, застегивающаяся чуть не до подбородка, казались слишком строгим одеянием для такого нежного создания.

Не успела девушка ответить на замечание соседа, как вмешался молодой человек, сидящий подле дамы; ему можно было дать лет двадцать.

– Действительно, какая-то забытая богом местность, даже хотя бы с точки зрения красоты природы, – произнес он и манерным движением извлек из кармана часы, медленно поднес их к лицу и с чрезвычайной серьезностью поглядел на циферблат.

– Такие места лучше проезжать по ночам, – добавил его визави, поглаживая свою каштановую шевелюру.

– Совершенно верно, – согласился с ним розовощекий спутник.

По лицу девушки скользнула улыбка.

– В самом деле, – заметила она, – ведь красота, красота природы – это самое главное.

Оба господина одновременно приподняли подбородки. Оба, несмотря на различие в возрасте, принадлежал к энергичным молодым людям и умели добиваться цели. Однако вмешательство девушки оказалось для них неожиданным, и ни один не успел еще продолжить разговор, как пожилая дама взглянула поверх книги. Она сняла очки, взяла лорнет и укоризненно посмотрела на девушку.

– Кэт, ты иногда делаешь нелепые высказывания. Разве

можно жить только красотами природы? Ты страшно похожа на своего отца, который совершенно не умеет обращаться с деньгами.

Кэт покраснела, но не от обиды за себя, гораздо обиднее для нее были слова, сказанные в адрес отца, которого она обожала.

Молодые люди потупили глаза, сделав вид, что не слышали язвительного замечания.

– Кэт! Возьми книгу и спрячь ее! – приказала старая дама; девушка послушно выполнила это требование.

– Дай мне, пожалуйста, еще раз газету! Об этом ты могла бы и сама догадаться.

Девушка подчинилась, не выказывая недовольства.

– К сожалению, газета не свежая, – сказала напудренная дама, просматривая, однако, курс акций и его тенденции. По-видимому, это удовлетворило ее, и, завладев с помощью молодой девушки новым кексом, она начала просматривать сообщения об убийствах и ограблениях.

– Число преступлений невообразимо высоко!

– Невообразимо высоко! – в один голос подтвердили мужчины.

– Вы это тоже находите? Не правда ли? Просто невероятно, что могут проделывать бандиты! Вот вам пример: в Блэк Хилсе бродит какое-то чудовище – не то человек в образе зверя, не то зверь на двух ногах. Никто как следует не видел этого призрака... Это ужасно! Золотоискателей убивают одного за другим – и так уже второй год... Ах, новое нападение на поезд!.. Сначала разбирают рельсы... – И старая дама запнулась, поправила очки, прочтаете раз. – Кэт, прочитай, пожалуйста. Это же просто невозможно.

Девушка взяла в руки газету. Тридцатилетний, сидящий рядом, заглянул в газету через ее плечо.

– Действительно! – воскликнул он. – Именно на нашем участке снова происшествие.

– Значит, вам тоже известно, – вмешался младший, – что на этом участке за последние два года какая-то загадочная банда мешает движению?

Щеки молодой девушки слегка порозовели, что, впрочем, ей даже шло.

– Действительно?! Вам известно?

– Кэт, – прервала ее старая дама. – Под вечер, пожалуйста, никаких жутких историй. Я этого не переношу, это вредно для здоровья и не для твоих нервов: ты ведь еще ребенком перенесла ужасный шок на Миннесоте. Но вы действительно знаете этот участок пути, господин... м-м?

– Генри Генри, – воспользовавшись возможностью, представился тридцатилетний. – Мы его строили. – Это было сказано небрежно, с полным безразличием на лице.

– Генри Генри. Звучит неплохо. Ваша профессия?

– Инженер.

– О, значит, на этом участке мы можем быть спокойны!

– Роуч, – представился младший. – Лейтенант.

Старая дама даже всплеснула своими полными маленькими руками.

– Ах, какое благоприятное сочетание! Ну расскажите же, расскажите! Значит, здесь действует загадочная банда?

– Тетя Бетти, – заметила Кэт, – пожалуйста, поберегите свои нервы.

– Ах, молчи, девочка! Итак... – Глаза за лорнетом заблестели в предвкушении необыкновенной истории.

Молодые люди переглянулись и, не сговариваясь, решили, что им не стоит больше конкурировать друг с другом, а лучше действовать заодно. То, что с ними в купе находится богатая тетка и ее племянница – чэрити-чайлд¹³, им было известно еще в Сан-Франциско. Такая племянница совсем не плохая партия для молодого человека, который думает о карьере.

– Загадочно в этом деле то, – пояснил Генри, – что нет никаких следов, которые свидетельствовали бы, что действует группа. Подозревали дакота, но оказалось, что рельсы снимаются со знанием дела и, конечно, украденными инструментами...

– Ах, это ужасно! Но что-нибудь предпринимается?

– Военные силы в этой местности будут в ближайшее время очень увеличены, – поспешил вставить лейтенант. – Мы этих дакота загоним к черту на рога, прежде чем они посмеют поднять восстание...

– Мой отец говорит то же самое, – вмешалась Кэт. – Он офицер и сейчас направляется на один из форпостов в западные прерии.

Старой даме не удалось предотвратить этой реплики своей воспитанницы.

– Ну, как только с индейцами расправятся, преступлений станет меньше, – согласилась она с лейтенантом, так как ничего другого ей не оставалось.

– Разве вы не говорили, что преступления связаны не с индейцами, а с какими-то другими бандитами? – спросила Кэт инженера.

¹³ Charity child (англ.) – буквально – дитя милосердия, ребенок, из милости взятый на воспитание.

– Кэт, пожалуйста, не говори, не подумав и не понимая, в чем дело. Господа знают, конечно, все лучше нас: одному хорошо известна дорога, а второй – военный.

– Тетя Бетти, – неожиданно спросила Кэт, – может быть, вам дать освежающей воды?

– Об этом ты могла бы подумать и раньше.

Девушка молча подала ей флакон. Старая дама наморщила свой нежный напудренный носик и вдохнула сладковатый запах туалетной воды.

И тут заскрипели тормоза, нарушился ритмичный перестук колес, поезд дернулся и остановился...

– Ну что там такое! – возмутился Генри Генри.

– На построенном вами участке, – съехидничал, откинувшись на спинку, лейтенант, и так как тетушка была отвлечена случившимся и перестала следить за Кэт, он попытался обменяться с девушкой взглядом.

Роучу повезло: лишившись на миг надзора неустанного ока, девушка ответила на этот взгляд, который показался ей просто проявлением человеческого участия.

– Но оттого, что мы с Джо Брауном строили этот участок, поезд не должен стоять. Один момент! – Генри не удовлетворился тем, что выглянул из окна. Он бросился к двери, открыл ее, спрыгнул с поезда и пробежал мимо тендера к паровозу. Тут и обнаружилась причина задержки.

Перед паровозом лежал убитый бизон, и служащие поезда стаскивали тушу с путей.

– Переехали? – спросил инженер.

– Нет, лежал мертвый на полотне.

Генри осмотрел бизона. Животное было застрелено, но охотник только вырезал язык и ничего больше не тронул.

– Удивительно. Поедем дальше?

– Да. Только не быстро. Кто знает, что еще может лежать на рельсах.

Генри вернулся в вагон.

– Не что иное, как бизон, который никак не может понять, что такое железнодорожные пути.

Поезд медленно пошел дальше.

Генри удалось привлечь внимание Кэт.

– Из ваших слов я поняла, что вы знали Джо Брауна, – сказала Кэт. – Скажите, это известный инженер, пионер прерий?

– Мой лучший друг!

– Говорят, что он работает над грандиозным проектом Нортен Пасифик, которая проляжет через богатые края?

– Кэт! – воскликнула тетушка Бетти. – Вечно ты любопытствуешь. Оставь господина Генри в покое. Ты видишь, он устал.

Но тут снова завизжали тормоза, снова замерли колеса. Поезд стал.

Генри Генри выглянул из окна, и к нему тотчас же подошел машинист.

– Разобраны пути.

– Проклятье! На большом расстоянии?

– Нет, не очень.

– Следы?

Машинист пожал плечами и пошел к паровозу. Лейтенант Роуч в штатском и Генри Генри вынули револьверы на всякий случай. Молодая девушка дрожала. У тетушки Бетти из-под шиньона по лбу и вискам потекли капельки пота.

Поезд стоял. Ремонтировался путь. Немного восточнее у разобранных рельсов остановился всадник. Он был высок, широкоплеч, одет во все кожаное. На нем была широкополая шляпа, на сапогах – шпоры. Увидев разрушенный путь, он стал оглядываться по сторонам, осматривая при свете луны окружающую местность.

Кто умел читать следы, легко бы установил, что всадник прибыл с северо-востока и около путей еще не слезал с коня. Нет, это был не тот человек, который разобрал рельсы, но, всякий, кто бы увидел его, мог сказать шерифу: «Ага! Наконец-то! Хватайте его!»

Лесоруб, разбойник, убийца, вор, спекулянт, вымогатель, разведчик во время Гражданской войны, разведчик на строительстве железной дороги – всем этим он был, но это его ничему не научило. Награбленное протекало между пальцев, а на большую добычу он еще не напал. Это был Рэд Джим, он же Рэд Фокс. Уже более полутора лет он не был здесь, у реки Платт. Естественно, его интересовало все, что происходит в его бывших владениях.

«Непроходимая глупость! Кому это понадобилось разрушать путь?» Джиму было не по нутру, что кто-то пытается самостоятельно здесь распоряжаться, и он отъехал от путей. Поезд ему одному все равно не ограбить, вот если бы вся его компания сейчас оказалась здесь, – тогда другое дело. Ему удалось разыскать многих своих молодцов и направить в блокгауз, но собирал он их не для того, чтобы грабить поезда, а чтобы урвать наконец большой куш. Уже десять лет он на пути к золоту Блэк Хилса. Или он найдет его, или сам себя вздернет в петлю. Жизнью безродного бродяги он сыт по горло, и не стоит больше рисковать по мелочам, надо идти к цели.

Но прежде всего надо узнать: кто разбирает рельсы?

Джим въехал на вершину холма, слез с коня, лег на снег и сунул в уголок рта трубку. Ему даже интересно было посмотреть, что происходило у поезда. Поездная бригада ремонтировала участок пути возле самого паровоза. Один человек прошел вперед и нашел сначала второе, а затем и третье разрушенное место. Доносилось позвякивание инструмента. Все вокруг было спокойно. И тут чья-то рука легла Джиму на плечо. Он схватился было за револьвер, но не нашел его, вскочил на ноги и увидел перед собой крупную фигуру индейца.

Индеец торжественно протягивал Джиму его собственный револьвер.

— Мой белый брат Джим может спрятать свое оружие, — тихо сказал индеец.

Джим был удивлен, он только покачал головой.

— Топ?.. Ты?

Он снова улегся на землю. Индеец лег рядом с ним.

— Топ, откуда ты появился — об этом поговорим позже. Скажи, знаешь ты, кто здесь разбирает рельсы?

— Хау, я знаю.

— Можешь мне сказать?

— Почему бы и нет? Ты единственный из белых людей можешь знать об этом. А откуда ты сам пришел — об этом можешь рассказать потом.

— Ну, шутки в сторону. Так кто здесь работает?

— Я.

— Ты?

— Хау.

— Зачем?

– Ради своего удовольствия.

– Для своего удовольствия?! Ну что ж, пожалуй, ты прав, Топ. А чем ты живешь?

– Охотой. Как всегда, с тех пор как я научился стрелять из лука. А еще – виски. Как всегда, с тех пор как мы с тобой познакомились.

– Ты шутник, Топ. Где живешь?

– Летом – в прериях, зимой – в лесу. Иногда, когда захочу выпить виски, – в блокгаузе.

– Ты что, с ума сошел?

– Возможно. Что делаешь ты, мой белый брат?

– Я растрачиваю свою жизнь так же, как и ты. Больше ничего, в самом деле ничего. Долго был на востоке, но и там для таких, как мы, нет настоящего дела. Гарри жив?

– Да.

– Где он?

– Где-то в Блэк Хилсе.

– Что он делает?

– Преследует золотоискателей и убивает их.

– Ну что ж, тоже занятие для молодого человека. Ему что же теперь, двадцать два, так?..

Поезд медленно проехал небольшое расстояние и стал.

– Держу пари, что нас с тобой хватило бы, – неожиданно сказал Джим, – тебя и меня, чтобы обождать пассажиров.

– Возможно, но зачем?

– Зачем?! Топ, ты ставишь меня в тупик таким вопросом. Зачем? Да и правда, зачем?.. Ты что же, не встречаешься с Гарри?

– Иногда встречаемся.

– Где и когда вы условились встретиться?

– Когда дважды вырастет новая луна, у блокгауза Беззубого Бена.

– Через два месяца... Хм... Да... Посмотрим. А что мы будем делать до тех пор?

– Мы? Ты хочешь остаться со мной, Джим?

– А ты со мной?

– Где ты живешь, Джим?

– Всюду и нигде. Но с некоторых пор жить под открытым небом, без палатки мне уже неудобно. У тебя еще нет ревматизма?

– Нет.

– А я его уже схватил. – Рэд Джим хлебнул из фляжки; запахло виски, он передал фляжку индейцу. – Возьми!

Матотаупа сел и сделал побольше чем один глоток.

– Стой, стой! Оставь и мне за нашу встречу! А продолжим в блокгаузе у Беззубого...

Поезд снова поехал и на этот раз не останавливался. Гудок паровоза уже был слышен издалека.

– Шумят! – Рэд Джим скривил рот. – Как будто им принадлежат прерии. Но до этого им еще далеко. Вот из-за чего они подтягивают солдат.

– Против кого?

– Против твоих братьев по племени. Их скоро должны загнать в резервацию...

Когда стало светать, они посмотрели друг на друга: они давно уже не виделись.

– Ты постарел, – сказал Джим индейцу, а про себя подумал: «Он, наверное, часто напивается до потери сознания». – Гарри все еще не переносит, когда ты пьешь виски?

– Все еще нет.

БЛОКГАУЗ

После этой встречи прошло два месяца. Зима не сдавала своих позиций. Время было за полдень. Дул резкий холодный ветер.

В одной из долин, северо-восточнее Найобрэры, показался всадник на буланом коне в сопровождении черной собаки. На нем были старые, украшенные скальпами легины, меховые мокасины и куртка из бизоньего меха. Это Рогатый Камень приехал на встречу с отцом. Однако в условленном месте отца он не встретил.

В загоне у блокгауза Рогатый Камень увидел мустанга Матотаупы. Значит, отец в блокгаузе. Надо было решать: уехать или, может быть, зайти к отцу...

Уже полтора года юный воин жил в глуши и не знал человеческого жилья. Он почти разучился разговаривать с людьми. Более сотни алчных искателей золота отправил на тот свет молодой индеец ножом, томагавком, стрелами.

С последней смены луны Рогатый Камень наблюдал за Джимом и Матотаупой. Он знал, что они снова вместе, он видел, что в блокгаузе собираются люди, среди которых были и давно известные ему бандиты. И сегодня, в присутствии этих людей, ему говорить с отцом?..

И все же он решился. Он подъехал к дому и пустил Буланого в загон, где уже был пегий конь Матотаупы.

Из блокгауза доносились тихие голоса. Открыв тяжелую дубовую дверь, Рогатый Камень окинул взглядом помещение. Слева далеко в углу сидел Матотаупа. Он был один. За другими столами тоже сидели люди. Они пили и разговаривали. Здесь были Билл, Том Без Шляпы И Сапог,

малютка Джозеф. Когда Рогатый Камень медленно пересекал помещение, разговоры стихли.

Рогатый Камень молча сел против отца. Перед Матотаупой стояла пустая кружка. Бен поспешил ее убрать, чтобы заменить полной. Он попытался приветствовать молодого индейца, но тот даже не посмотрел на хозяина. Однако Бен заботился о доходе, он притащил виски и для Рогатого Камня. Молодой индеец не отослал его обратно, он выплеснул виски на пол и поставил пустую кружку на стол и сделал это так спокойно, как будто это было его обычным делом.

Матотаупа ничего не сказал на это. Он смотрел на своего сына, который сидел перед ним, освещенный факелом.

– Итак, ты здесь, – произнес он.

– Но ты не пришел на то место, как мы договорились, – после долгого молчания ответил Рогатый Камень; он медленно и отчетливо произносил каждое слово, подчеркивая его значение.

– Но здесь лучше, и я знал, что ты меня найдешь.

– Здесь, где тебе лучше, ты снова встретился с Рэдом Джимом, я это знаю. Здесь, я вижу, собралось много людей. Кто будет их вождем?

– Джим и я будем их вождями. Эти люди будут жить как один род, который возглавлю я.

Рогатый Камень смотрел в глаза отца, и тот не отводил взгляда.

– Что вы задумали?

– Бороться против огненного коня и против всех краснокожих и белых людей, кто не с нами.

– Союз бродяг, – покачал головой Рогатый Камень. – Хорошо. Но ведь вы будете еще искать золото. А я буду стрелять в вас. Ты об этом подумал?

– Мы не ищем золото.

– Ты лжешь сам себе, Матотаупа. О чем говорили эти люди, прежде чем я вошел? Они смолкли, как только увидели меня. Вы будете искать золото, и я буду стрелять в вас.

– И в своего отца?

– Матотаупа, ты не предатель. Вот почему я еще ребенком покинул род и пошел с тобой. Но я надеюсь, что и теперь ты не станешь предателем. Ты знаешь, что Рэд Джим был в пещере, во владениях Большой Медведицы, близко от твоей тайны. Он стрелял в меня. Я тебе это говорил. Теперь он собирает банду, и я спрашиваю тебя, Матотаупа: готов ли ты расстаться с Рэдом Джимом и снять с него скальп?

– Нет.

– Все люди знают и все языки говорят уже много лет и зим, что Рэд Джим ищет золото дакота. Отец, я жду одну ночь. Но если поднимется солнце и ты все еще будешь братом этого белого человека, я уже не буду твоим сыном, и я буду в вас стрелять. Я сказал. Хау.

Матотаупа не ответил. Привычным движением он схватил кружку, одним глотком опорожнил ее, а потом поставил совершенно тихо, без единого звука на стол и подсел к играющим в карты.

Рогатый Камень поднялся. Неслышно, не обращая ни на кого внимания, он покинул помещение. Он не пошел к Буланому, а направился южнее, на песчаные холмы.

Голое, пустынное плоскогорье протянулось у подножия Скалистых гор. Опускался вечер. Раскаленное красное солнце уже исчезло за далекими хребтами. Подул резкий северный ветер. Он пронесся над редкой чахлой травой, подернул рябью лужу талой воды и подморозил ставший уже серым снег. На гребнях песчаных холмов еще играли последние отблески вечерней зари, а в долинах уже сгустились тени.

Рогатый Камень своим чутким ухом уловил топот коня одинокого всадника. Через некоторое время всадник показался на вершине одного из холмов.

Он выглядел совсем юным. На нем были кожаные куртка и штаны, обычные для пограничных жителей сапоги с высокими голенищами и высокая широкополая шляпа, какие носят белые люди, хорошо защищающая и от жары, и от холода, и от непогоды. На поясе у него из кобуры торчала рукоять шестизарядника, а за пояс был заткнут нож. Он ехал на гнедом коне, из седельного чехла которого высовывался приклад современной винтовки. Животное, видимо, почуяло воду и пошло быстрее.

Всадник переправился через реку и по южному берегу подъехал к блокаузу. Он осмотрелся, подыскивая место, где бы оставить на ночь коня. К узкой южной стороне длинной постройки примыкал большой огороженный загон, и юноша пустил туда, к другим коням, и своего гнедого.

Затем он медленно пошел вдоль длинной стены постройки к тяжелой двери и открыл ее. Свет изнутри дома упал на луг, уже окутанный вечерним туманом. Послышались громкие резкие голоса, крики пьяных. Когда мо-

лодой человек вошел и затворил за собой дверь, пропал и шум, и мелькнувший было луч света, и вокруг дома снова стало тихо и темно, как и должно быть в такой глуши.

Рогатый Камень оставался на вершине холма, пока не заблестели первые звезды. Среди донесшихся до него пьяных голосов он различил и голос своего отца. Джима в доме еще не было. Рогатый Камень решил подождать, не появится ли презренный негодяй в эту ночь.

Сын Матотаупы знал, что развязка приближается, ведь он сам к ней стремился.

Белокурый юноша, вошедший в дом, остановился около двери. Он снял шляпу, пригладил волосы и плюнул от омерзения: запах скверной водки и чад трубочного дыма были противны ему. Он совсем не собирался присаживаться к картежникам. Никем не замеченный, он прошел налево в дальний угол и сел на край прибитой к стене скамьи, над которой горел смоляной факел. Он недоверчиво взглянул на хозяина, идущего к нему. Хозяин поставил перед ним кружку виски. Молодой человек не испытывал особенного желания пить, но все же осушил ее залпом.

– Ты тоже ждешь Рэда Фокса? – попытался узнать хозяин.

Молодому человеку было лет восемнадцать, он принадлежал к людям, которые не любят, чтобы их расспрашивали, и поэтому ответил коротким «МГМ-ММ...».

Однако неразговорчивость гостя не остановила хозяина.

– Его дружок – старый индеец – уже здесь. Вон длинный краснокожий сидит у стены. Топ... Ты его знаешь?

– Мгм-мм...

Новый гость хотя и продолжал хранить молчание, но интерес его к тому, что творилось вокруг, возрастал. Индеец, о котором говорил хозяин, сидел за ближайшим столом. Он только что отставил пустой бокал и взял карты. Даже здесь, за столом, он казался необычайно высоким. Он скинул куртку, обнажив мощную бронзовую фигуру. Индеец был пьян, громко бранился и спорил с игроками.

Пока юноша наблюдал за краснокожим, Бен принес молчаливому гостю жареной бизоньей грудинки. Тот был голоден и принялся есть. Нежное мясо было приготовлено вкусно. Поев, он бросил хозяйской собаке кость. Теперь юноша был более расположен удовлетворить любопытство Бена.

– Так этот-то и есть Топ? – сказал он, презрительно поморщившись.

– А ты тонкая штучка! Меньше выпьешь – осторожнее сыграешь? Не так ли? – Бен подмигнул гостю и подсел к нему. – Если бы вы уже добыли золото, ты бы тоже мог рискнуть?!

– Какое золото?

– Уж не думаешь ли ты, что это какая-то тайна? Золото Топа! – И Бен хихикнул.

– Не похоже, чтобы у старого краснокожего бродяги было золото.

– Да ведь краснокожие не умеют обращаться с золотом! За золото должен взяться кто-нибудь из наших. Можешь мне поверить, этот старик кое-что знает!

– Мне все равно. Разве мне с ним иметь дело?

– Наверняка, мой мальчик, если ты ждешь Рэда Фокса.

Молодой человек выпил еще кружку.

– А почему я должен ждать Рэда Фокса?

– Нет? Ты не ждешь Рэда Фокса? А я-то думал!.. Ведь ты пришел сюда, в наши проклятые прерии, с зеленых лугов Миссури. Ты из миссурийских крыс, и вас еще вчера не было тут... Черт побери!.. Ну зачем ты здесь?.. И по дороге ты, мой милый, несомненно, думал о золоте. Это я могу сказать определенно. Однако золото не здесь, оно в Черных Холмах – Блэк Хилсе!

– Холмы велики!

Бен поднял брови.

– Вот в том-то и беда! Вот где заяц в перце, мой мальчик! Черные Холмы велики, и, если хочешь что-нибудь найти, иди с тем, кто знает место. Старый Топ – этот знает.

– Возможно. Он тебе что-нибудь говорил?

– Мне? Зачем? Я не ищу золото.

– Да, в горах ты его не ищешь. Ты умеешь искать его в карманах!

Бен рассмеялся. Он не увидел в этих словах ничего оскорбительного.

– А хотя бы и так! – заметил он. – Мне неплохо, если и вы найдете. На мою долю тоже кое-что перепадет. О полных карманах я мечтаю уже десять лет, так же как и Рэд Фокс о чуде в пещере.

– А ты не мог бы нам помочь?

Бен пожал плечами.

– Рэд Фокс не из тех, кто ждет моей помощи. Но я знаю его давно и скажу тебе: он должен быть осторожнее, он играет в чертовски опасную игру.

– Опасную? Я знаю индейцев дакота. С ними можно ладить.

– Возможно, ты и ладил с ними. Ты похож на сына фермера...

– Ну, а если я и есть сын фермера?.. Что тогда?

– Что ж... Краснокожие могли и не трогать какого-нибудь фермера. За землю ведь вы им заплатили?

– Да, по купчей. Дакота всегда относились к ней с уважением. А теперь эта Компания землепользования, будь она трижды проклята, похуже любых сиу. – Стоило юноше вспомнить о Компании, как кровь бросилась ему в лицо от негодования.

– Ах вот что! Вот откуда дует ветер. Всё старые песни, еще со времен Дэна Буна¹⁴. Да брось ты всю эту дрянь им под ноги и построй новую ферму по государственному закону! Это стоит не так дорого, на это ты наскребешь.

– Поговорил бы ты с моим отцом. Он покинул родину из-за мерзавцев, которые разорили его, и перебрался в Америку. Он поднимал целину, он заплатил за землю дакота, а теперь должен бросить все или втридорога платить еще раз? Старику легче перестрелять этих бандитов!

– Каких бандитов?

– Землемеров!

– Ну и что ж, разве он так избавится от компаний?

– Нет, – произнес юноша, и в этом «нет» прозвучала горечь отчаяния. – Ей помогает правительство.

– Вот видишь! Поэтому-то мы и должны терпеть. Что-нибудь другое бесполезно. Вот я, например, связан с большой меховой компанией и, как видишь, живу!

¹⁴ Даниель Бун (1734–1820) – пользующийся в США широкой известностью пионер Запада.

– Подлость остается подлостью, – сказал юноша таким тоном, из которого следовало, что тема исчерпана, и отбросил со лба прядку волос.

– Но если вы с Рэдом Фоксом найдете золото, то все будет в порядке, – снова начал хозяин. – Тогда ты сможешь сполна заплатить Компании землепользования и остаться на своей ферме. Желаю тебе счастья. Но будь осторожен с Топом, а еще осторожнее – с его сыном, с Гарри.

– Мой отец хорошо знает обоих, а наши ковбои, Томас и Тео, много рассказывали мне о них. Я даже не могу себе представить, что эта пьяная образина за столом и есть известный Топ.

– Ну, а с сыном ты еще познакомишься. Он сюда заглядывал, но тотчас исчез. Однако коня и собаку оставил тут, значит, наверняка вернется к ночи.

– Ну, если и тот такой же жалкий пьяница, право, тут многого не добьешься!

– Мой дорогой, если не будет виски, вы наверняка не найдете вашего золота! Ты думаешь, трезвый краснокожий раскроет тайну?

Бен встал. Ему надо было обслуживать своих многочисленных клиентов.

Юноша был рад, что этот болтун ушел. Из своего тихого уголка он снова стал наблюдать за охотниками и золотоискателями, к которым вернулся Бен. Все больше и больше привлекал его внимание старый индеец, которого спаивали, чтобы выведать тайну золотоносных гор земли дакота. Топ был когда-то человеком, с которым нельзя было не считаться, о таком Топе рассказывали Томас, и Тео, и отец. Но из-за золота Топ должен был стать бродя-

гой, игроком, сквернословящим пьяницей... Разве это не подлость?!

Вид бывшего вождя и воспоминания о друзьях-индейцах на Миссури, его второй родине, снова вернули сына фермера к прошлому. Он вспомнил, как по утрам выезжал с отцом на холм. Это было обычное место наблюдения за стадами, за погодой, за окружающей местностью, где в любое время могли появиться волки или бандиты. И вот в одно ясное декабрьское утро они увидели вдалеке какие-то бараки. Один барак был уже совершенно готов, точно за ночь вырос из-под земли, другие еще строились.

— Проклятье! — воскликнул старик, потрясая кулаками. — Земельные акулы!

Потом пошли переговоры, горькие споры, насмешки над невежественным фермером, который искренне считал, что земля принадлежит ему. Ведь он приобрел ее, подписав честный контракт с индейцами; вложил в нее деньги, заработанные изнурительным трудом; он поднял эту целину собственными руками. В бараке сидели правительственные комиссары, и они сообщили ему об образовании нового штата на «ничейной» земле. Для этих комиссаров права индейцев на их родину значили так же мало, как и права старого фермера. Во время разговора представитель правительства обменивался с агентом Земельной компании, сидевшим по другую сторону узкого стола, взглядами, выражающими полное единомыслие.

Компании с крупным капиталом правительство отдало землю за бесценок. Фермеры, если они хотели остаться на своей земле, должны были платить втридорога. Погова-

ривали, что с постройкой железной дороги стоимость земельных участков может возрасти еще больше.

Появились землемеры, которые, никого не спрашивая, расставили на полях вешки. На этих полях скот Адамсов пасся уже более четырнадцати лет. Угрожая оружием, отец выгнал землемеров со своей земли. Но осенью они опять появятся, если он не внесет деньги.

Вот почему юноша, оседлав гнедого, отправился в путь. Он действительно хотел найти золото.

Отдавшись воспоминаниям, юноша не заметил, как кто-то тихо опустился рядом с ним на скамью. Но вот его взгляд случайно упал на соседа: рядом сидел молодой индеец; он был без куртки, и оружие его было наготове, как будто бы он ждал схватки. На груди у него висело ожерелье из когтей и зубов гризли.

Бен, хозяин, уже нацелился на прибывшего и поспешил с кружкой виски. Краснокожий заплатил за сивуху, но выплеснул содержимое на пол и поставил пустую кружку перед собой.

Юноша стал незаметно разглядывать индейца. Ему бросилась в глаза рукоятка ножа, которая выглядывала из вышитых кожаных ножен, висевших на поясе. Рукоятка была искусно вырезана из кости в виде птичьей головы. Ружье в кожаном чехле индеец поставил между ног. На юношу он не обращал никакого внимания. Глаза его были широко открыты, но трудно было сказать, на кого он смотрит.

«Как дикобраз! – подумал юноша. – Свернется клубком – ничего, кроме игл, не найдешь! Вот так и его душа скрыта ото всех!»

Около полуночи раскрылась скрипучая дверь блокгауза и вошел тот, кого ждали все, – Рэд Джим. Он тотчас же заметил индейца и подошел к нему.

– Гарри! – воскликнул Рэд с наигранным дружелюбием. – Я приветствую моего краснокожего брата!

Индеец и Рэд Джим какое-то мгновение смотрели друг на друга, прежде чем краснокожий ответил на приветствие, избежав, однако, слова «брат».

Рэд Джим, очевидно, почувствовал себя легче; он отошел и подсел к своим знакомым, которые играли в карты. Его приветствовали громкими криками «Хэлло!».

– Топ! Хэ, Топ! – окликнул он старого индейца, хлопнув его по плечу.

Но старик не ответил. Он уставился в карты, которые снова были не в его пользу. Партнер – маленький, юркий шулер – весь вечер обманывал индейца.

У Топа не было больше долларов, чтобы заплатить долг. Маленький шулер и на этот раз требовал денег, или лошадь, или хотя бы ружье старика. Но Топ никак не мог понять возможности такой замены. И грязный шулер со злости выплеснул в лицо старика виски. Краснокожий замер. Он и в самом деле считал карточный долг долгом чести. Но вот в нем что-то дрогнуло, и он кивнул Гарри. Гарри неторопливо встал, безо всякой злобы подошел к отцу и выложил перед ним столбик золотых монет. Не сказав ни слова, он повернулся и отошел в дальний угол помещения.

Шум за столиком стих. Шулер спрятал доллары в карман и снова начал тасовать карты. Старый Топ что-то крикнул, выпил одним духом новую порцию сивухи и,

вытащив из-за пояса небольшой мешочек, положил его на стол, показывая, что может продолжать игру.

Шулер, быстро открыв мешочек, сунул туда пальцы, ловко выудил золотое зерно, и оно исчезло в его руках. Золотое зерно! Топ поставил в залог мешочек золота! Значит, он знает россыпи!

Центром внимания примолкшего сброда стал старый пьяный Матотаупа. Его колоссальная фигура несколько подалась вперед. Правую руку он держал на мешочке с золотом и под жадными взглядами пьяных игроков вытащил два зерна золота, каждое с лесной орех, и положил их на стол.

– Вот! Этим Топ заплатил свой новый долг! – хрипло сказал он.

Шулер, уже укравший одно зерно золота, схватил золото, как хищный зверь хватает добычу, и сунул во внутренний карман.

– Играем дальше! – почти прокричал он.

– Не будет больше игры! – заорал в тот же момент один из игроков. – Люди! Братишки! Теперь погуляем, говорю я, Билл – Петушиный боец. У краснокожего золото! Золото! Люди! Вы соображаете? У него золото! Он знает, где оно!

Билл горланил как сумасшедший. Остальные молчали.

– Джим! Сердечный друг! Иди сюда! Золотой человек! Значит, правда, что он сказал тебе, где россыпи? Ты не обманул нас...

Большого сказать он не успел. Ударом в челюсть Джим сбил болтуна с ног. Воцарилась тишина.

Старый индеец выпрямился, как медведь, готовый броситься на врага. Краска опьянения сбегала с его лица. Он глядел прямо перед собой, и взгляд его был страшен.

– Рэд Фокс, – сказал он, задыхаясь. – Рыжая Лисица, ты мою тайну, ты... – Он замолк, словно не понимая всего случившегося.

Никто не шелохнулся. Никто не сводил глаз с Рэда Джима. Янки, казалось, оцепенели.

– Да! А для тебя это ново? Или ты больше не нуждаешься во мне? – медленно ответил Рэд Джим.

Едва это было произнесено, тело индейца обмякло, спина согнулась. Его глаза забегали, в них горело безумие.

– Да! – произнес Матотаупа почти беззвучно. – Да-а, ядовитая змея! – вдруг взревел он и выпрямился. – Ты предал меня своей колдовской водой! Я выдал тебе тайну отцов. Ты умрешь! Глаза твои лопнут раньше, чем увидят золото...

Матотаупа взмахнул палицей, готовый нанести удар, но множество рук схватили его и отбросили назад. Нож Рэда Фокса сверкнул перед обнаженной грудью старика.

– Харка! – крикнул дакота. Он крикнул и еще что-то, но Адамс не разобрал – что; нож Рэда Фокса поразил Матотаупу в сердце.

Старик покачнулся. Его уже никто не держал; огромное тело сникло и грохнулось на пол. Он был мертв.

Прячась от взглядов Адамса и Гарри, Рэд Фокс наклонился над убитым. Остальные стояли в смятении. Беззубый Бен, как хозяин, первый пришел в себя и оттащил мертвеца в угол, где только что сидел Адамс. Вынести тело из дома никто не отважился, опасаясь сына Матотаупы.

Адамс оглянулся, ища Гарри, но тот, словно растворившись в ночи, исчез.

Беззубый Бен заложил дверь на засов. Некоторые из

охотников прерий подошли к бойницам и стали всматриваться в ночную тьму. Другие постепенно снова собирались у столов.

Рэд Фокс подошел к убитому и снял с него скальп.

– Неплохая добыча! – цинично бросил он, заметив, что другие с отвращением отвернулись. – А вы сразу хвосты поджали! Бойтесь Гарри?.. Бен, друг мой, налей же скорей!..

Адамс снова забрался в свой угол. Смоляной факел над ним постепенно угасал, но хозяин не обращал на это внимания. Сын фермера смотрел на тело вождя, которое лежало у его ног в луже крови. Хотя голова старого индейца и была обезображена Рэдом Фоксом, лицо покойника поражало своим благородством. Следы пьянства и волнений исчезли, глаза остались широко раскрытыми.

Теперь Адамс видел перед собой истинного Матотаупу. Характер и душу этого великана Рэд Фокс убил водкой задолго до того, как уничтожил его физически. Смерть восстановила прежние черты. Гигант с открытым и гордым взглядом – это снова был вождь рода Медведицы.

Но разве Адамсу по пути с убийцей? Следует ли ему идти с этим мерзавцем в горы – искать золото? Что его ждет тут? Либо он окажется обманутым, либо в один прекрасный день его прирежут, если Рэд Фокс захочет захватить все золото сам. Нет, это не для него!

И все же над Адамсом нависла такая же опасность, как и над Рэдом Фоксом; и ему теперь не порвать с этой грязной компанией. Он попал с ними в один поток и подхвачен им. Месть молодого индейца угрожала всем, кто был в компании Рэда Фокса, а в ней был и Адамс. Что делать?

Юноша так и не нашел выхода. Он отвел свой взгляд от трупа стал наблюдать, как совещаются Бен с Рэдом Фоксом.

Было решено на остаток ночи усилить охрану у бойниц. Остальные могли завернуться в одеяла и спать. Желających караулить лошадей не нашлось. Ни у кого не было охоты покидать ночью дом.

Бен, распределив наблюдателей, подошел к Адамсу.

— Чертовское положение! Рэд Фокс идиот! Он разбил все мои надежды на заработки, и именно сейчас, весной, когда идет самая оживленная торговля и дом полон людей. Весной охотники сдают зимние меха, новички размышляют, чем им заняться: охотиться ли на бобров или искать золото... И ведь это как раз перед войной с индейцами, когда бы я мог, пока еще окончательно не запрещена продажа оружия, сбыть по хорошей цене пару кремневых ружей. Ты должен знать, мой мальчик, что я здесь торгую уже много лет. Для дакота я был совсем неплохим человеком...

— Этому можно поверить, если они здесь покупали ружья и порох, — проворчал Адамс.

— Ну и что ж из этого! Краснокожим тоже надо жить. Для нас, трактирщиков и торговцев, пускай все живут, и белые и краснокожие...

— Главное, чтобы они хорошо платили, — зло бросил Адамс.

— Да, главное — чтобы платили. А что же еще? И уж не думаешь ли ты, что я в этой конуре в безопасности? Ты не знаешь Гарри, а я-то знаю. Можешь мне поверить, что у него твердая рука и верный глаз. Что он будет делать? Я тебе точно скажу: он вернется к себе, в род Медведицы, и

со своими воинами покончит со мной и с моим домом. Пусть вся эта торговля летит к черту! Мне придется вложить денежки в другое дело. Впрочем, завтра все равно сюда придут военные. Я продам им дом со всем, что в нем есть, ну, а сам в кусты...

— А не вложишь ли ты деньги в мою ферму? — спросил напрямик Адамс. — Тебе ведь все равно надо чем-то заняться.

Бен насмешливо кашлянул:

— Нет, мой дорогой. С сельским хозяйством я не связываюсь. Для спекуляции землей нужны большие деньги, не такие, как у меня, а стать фермером у меня не хватает ума. На земле не разбогатеешь — слишком уж медленно там идет дело. А ты, я вижу, крестьянин, неисправимый крестьянин; из тебя не будет проку. Откуда ж ты родом?

— Откуда я родом? А что тебе за дело? Я родился ту сторону океана, в такой бедной местности, где только горы да каменистая почва, бесконечный труд, скудная еда, скупость и брань. Да, я крестьянин, ты прав. И мой отец — тоже крестьянин. Вы — торгоши — совсем из другого теста!

— Да, мы другие, жадная миссурийская крыса! Но все же ты славный парень, и я хочу доставить тебе удовольствие. Можешь не платить мне за вино, я принесу и еще пару кружек. Но попрошу тебя: покарауль у дверей три часа, что остались до рассвета. Ты самый трезвый из нас.

Адамс ничего не сказал. Он взял ружье и лег на пол у двери, как пес.

Часы проходили в напряженной тишине. Наблюдатели у бойниц устало склонили головы. Время от времени Адамс проверял, на месте ли ключи, которые ему доверил

Бен. Он старался не потерять в темноте и Рэда Фокса. Убийца еще раз подошел к трупам, как бы раздумывая, прошелся по длинному блоку, потом грубым окриком он поднял трех охотников, лежавших на том месте, которое по какой-то причине он облюбовал для себя и для Бена. Охотники, ругаясь и ворча, отползли в сторону.

Рэд Фокс командовал, как сильный пес в своре. Адамс видел еще, как Рэд Фокс улегся и поманил к себе Бена. Оба легли под одно одеяло. Сын фермера невольно подумал, что так вот, «под одним одеялом», они обмозговывают и свои темные дела, которые боятся дневного света.

Адамс не долго размышлял об этих проходах: его внимание привлек какой-то шорох снаружи, за стеной. Тишина утомляла и действовала усыпляюще; юноша через силу заставлял себя быть настороже.

Адамс не понял, во сне или наяву потревожил его новый шум, на этот раз в самом доме. Юноша выпрямился и прежде всего невольно посмотрел на то место, где лежали Рэд Фокс и Бен. Там было пусто и одеяло валялось, точно спавшие отбросили его в спешке. Шорох слышался оттуда, и показалось, будто стукнула доска.

Адамс напряженно всматривался в окружающую тьму, но нигде не смог обнаружить пропавших. Однако они должны бы быть в доме, – ведь дверь, которую охранял Адамс, была единственным выходом. Парень поднялся и основательно обшарил помещение. Рэд Фокс и Бен исчезли.

– Не поднять ли тревогу? – спросил он Джозефа, что стоял у бойницы неподалеку от двери.

– Дай спокойно улизнуть этим дьяволам, – ответил тот. – Дела сложились так, что без них нам удобнее.

– Но было бы неплохо узнать, как можно потихоньку выбраться из этого дома, – возразил Адамс.

– Зачем?! – словно недоумевая произнес шулер.

И Адамс подумал: этот, видно, кое-что знает. Наверное, знает и потайной ход, но не хочет его показать, а может быть, он даже помогал беглецам? На этом объяснении их исчезновения Адамс и успокоился.

Когда стало светать, Адамс открыл дверь, чтобы посмотреть на коней. Утренний воздух был чист, и, как всегда перед восходом солнца, дул пронзительный ветер. Животные спокойно паслись в загоне. Гнедой приветствовал Адамса ржанием. Юноша сразу заметил, что в загоне не было четырех коней: двух мустангов индейцев, коня Рэда Фокса и клячи хозяина. Значит, Рэд Фокс и Бен действительно удрали.

Адамс обошел вокруг старого, потемневшего от непогоды блокгауза. Ведь только вчера он появился на пути юноши и сразу же оказал решающее влияние на его жизнь!

Один из охотников, с четырехугольной челюстью, тот, что назвал себя Биллом, неожиданно хлопнул Адамса по плечу.

– Нечего задумываться, малыш! Затея с золотом позорно провалилась, но наверняка подвернется что-нибудь новое. Сегодня должен прибыть гарнизон. Возможно, мы у них найдем работенку, ну, скажем, наймемся вольными всадниками милиции¹⁵ или скаутами. Времена опасные, и наши синие мундиры¹⁶ ищут подкрепления. Им нужны люди, знающие Дальний Запад.

¹⁵ Наемные вспомогательные отряды армии США.

¹⁶ Синие мундиры носили регулярные войска США.

Адамс презрительно улыбнулся.

– Мой дорогой, лучше вошь во шах, чем щи без мяса. Мне эти военные тоже не по душе; синие мундиры – просто большие хвастуны. Однако выбирать не приходится: все, что у меня было, я промотал в Омахе. Да брось ты хмуриться! Смотри, солнце сияет!

Адамс невольно взглянул на утреннее небо, в солнечном блеске оно как будто еще только раскрывало свой купол над песчаной степью. Холмистая местность была почти безжизненна, лишь местами торчала жалкая, редкая трава. Широкой желтой лентой протекала Найобрэра.

Охотники и золотоискатели собрались на короткий совет, и двоих наиболее опытных, Джорджа и Мики, которых Адамс знал, впрочем, не лучше других, избрали предводителями. Их первое распоряжение было – установить на окружающих холмах дозоры. Продовольствия у торговца было запасено вволю, и мужчины могли не отказывать себе ни в мясе, ни в водке. Они разлеглись на солнце и молили всякую чепуху. Исчезновение Рэда Фокса и Бена никого больше не тревожило. Все были рады, что главных виновников происшествия нет среди них. Билл и Джозеф вытащили труп Матотаупы из дома и бросили в реку.

Около полудня дозорные сообщили о появлении военных. Адамса это не особенно интересовало до тех пор, пока небольшой отряд, которым командовал седовласый майор Смит, не оказался у самого блокауза.

Тридцать драгун и десяток одетых в кожаные костюмы вольных всадников спешили по приказу майора, а сам он обратился к Биллу и Тому Без Шляпы И Сапог с просьбой коротко рассказать обстановку.

Блокгауз был осмотрен и занят. Лошадей пустили в загон. Охотники, золотоискатели и прибывшие вольные всадники собрались выкурить по трубочке. Адамс присоединился к ним. Здесь можно было услышать все новости. Восстание загнанных в резервацию дакота постепенно разрасталось, и все понимали, что, прежде чем удастся окончательно покорить племя, предстоит жестокая многолетняя борьба.

Служба военных всадников была нелегкой и небезопасной, но давала верный заработок и, что особенно соблазнительно, позволяла находиться вблизи «земли обетованной» – золотых россыпей Блэк Хилса.

Адамс присматривался к своему будущему командиру – майору Смиту. Молодой фермер не привык подчиняться чужой воле, и даже сама мысль о подчинении была ему неприятна. Но что оставалось делать? Итак, предстоит убивать индейцев, которые честно, по договору дали ему землю, предстоит служить тем, кто ограбил его, отнял эту землю. Адамс старался больше не думать о Гарри. Он проклинал избранный путь, он чувствовал себя бараном, которого гонят по одной-единственной дороге – дороге на убой.

Вечером Адамс подписал контракт. Пожилой, но по-военному подтянутый майор Смит разглядывал его своими голубыми глазами. В юноше боролись симпатия и неприязнь к этому человеку. Майор, видимо, почувствовал к Адамсу гораздо больше доверия, чем к другим, и тут же дал важное поручение: вместе с индейцем-разведчиком отряда отправиться назад, к ближайшему форту на Миссури и сообщить, что новый форт на Найобрэре должен быть значительно усилен и укреплен.

Отъезд был назначен на следующее утро.

Адамс приготовил в дорогу немного еды и к восходу солнца был у своего гнедого. Разведчик-индеец уже ждал его. Это был высокий худощавый малый в новых коричневых бархатных брюках, расшитых мокалинах и пестро вышитой жилетке поверх серой рубашки. Его волосы, как и принято у индейцев, были заплетены в косы. Угрюмое лицо разведчика выражало полное безразличие.

Индеец, не ответив на короткое приветствие Адамса, вскочил на своего прекрасного пегого мустанга и выехал вперед, чтобы показывать дорогу. Адамс последовал за ним на своем быстром, но менее выносливом гнедом.

Тобиас, так звали индейца-разведчика, весь день молчал и ехал, не сбавляя скорости. Они снова перешли брод, который Адамс переходил накануне; и потекли долгие часы путешествия по голой прерии на северо-восток.

Адамс, который и сам не любил много говорить, мог бы обидеться на индейца за молчание, но вместе с тем было весьма кстати, что его смуглый проводник с библейским именем Тобиас обладал всеми необходимыми качествами для жизни в этой глуши. Сам Адамс великолепно ездил на коне и стрелял, хотя еще лучше мог ходить за плугом и сеять. Все снова и снова Адамс удивлялся остроте зрения и слуха Тобиаса. Несмотря на кажущуюся неприступность, Тобиас был идеальным спутником, о каком Адамс мог только мечтать. И когда индеец увидел, что молодой сын фермера за целый день не сделал даже попытки вторгнуться в его внутренний мир, он и сам отказался от оборонительной позиции, и вскоре между спутниками установились здоровые деловые отношения. Это пришлось по

душе Адамсу. В конце концов, ведь Тобиас такое же обездоленное существо, как и он сам.

Договорившись о том, что новый выдвинутый вперед форт получит необходимые материалы и пополнение людьми, Адамс и Тобиас отправились в обратный путь на Найобрэру. Дакота их не беспокоили. Прерия казалась вымершей.

Вечером на привале Адамс обстоятельно рассказал об убийстве Матотаупы. Тобиас мрачно выслушал.

– Бегство не спасет Рэда Фокса. Месть его не минует... – рассудил он.

– И мы тоже были там... – сказал Адамс.

Тобиас промолчал, но брошенный им взгляд был красноречивее слов.

СЫН БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Рогатый Камень сам слышал теперь, в чем виноват отец. Харка – Твердый Как Камень, Ночной Глаз, ныне носящий имя Рогатый Камень, был сыном предателя. Он последовал за предателем. Он защищал предателя, он проливал за него кровь. Десять лет он прожил в изгнании. Ради чего?

И когда все это ему вдруг стало ясно, он не смог ни сообразить ничего, ни пошевелиться. Он не выстрелил в убийцу в момент, когда это было возможно. Он ничего не сделал – ничего.

Рогатый Камень решил возвратиться в свое племя. Путь этот был тяжел, потому что он был сыном предателя.

Он успел заметить, что неподалеку от блокауза в ку-

старнике прятались разведчики дакота, среди которых находился и сын Антилопы. Вот сюда-то и направился молодой воин. Подъехав поближе, он слез с коня и оставил его свободным; индеец подвергал опасности свою жизнь, но не хотел предавать коня. Он снял куртку, взял с собой все оружие, в том числе и костяной лук, и пошел к кустарнику, где располагались разведчики.

Он сделал все возможное, чтобы быть замеченным: он шел по освещенному луной участку луга, а когда до кустарника осталось шагов двадцать пять – тридцать, остановился. Он положил свое оружие и даже нож на траву и отошел в сторону.

Рогатый Камень поднял правую руку.

– Перед вами стоит Харка – Ночной Глаз, Твердый Как Камень, Убивший Волка, Охотник На Медведя, Преследователь Бизона, тот, которого, как воина, называли Рогатым Камнем. Рэд Джим убил этой ночью моего отца Матотаупу. Я, сын Матотаупы, передаю себя в руки совета рода. Пусть совет решит. Я сказал. Хау!

Молодой индеец стоял освещенный лунным светом. На его поясе был виден вампум Оцеолы.

Две стрелы просвистели и вонзились в его правое и левое плечо. Он по-прежнему стоял спокойно и не шевелился. Стрелы попали так, что Рогатый Камень не мог больше двигать руками, из ран потекла кровь, а острия военных стрел имели насечки.

Он не двигался и молчал. Он ждал.

Из кустарника выскочили сын Антилопы и Шонка. Разрывая мышцы на плечах Харки, они вырвали стрелы, швырнули его на землю, связали руки за спиной, связали ноги.

Шонка вырвал клочок травы прямо с землей и засунул его пленнику в рот, чуть не до глотки.

– Ну, поиздевайся еще надо мной! – кричал Шонка, пиная пленника ногами. – Поиздевайся, если можешь! Поиздевайся, если можешь! Поиздевайся! – В Шонку точно вселился бес ярости, вся ненависть к Харке, накопившаяся еще с детских лет, нашла наконец выход. – Поиздевайся, койот, сын предателя!..

Рогатый Камень подумал, что раз он попал в руки Шонки, то вряд ли останется жив. Сын Антилопы пытался унять своего спутника.

– Не убивай его! Он должен стоять у столба позора! – кричал он Шонке.

Но вдруг Шонка взвыл: острые когти впились ему в спину. Он повалился назад и, увидев над собой раскрытую волчью пасть, прикрыл рукой горло. Волк тут же вцепился ему в локоть. Сын Антилопы замахнулся ножом, но черный длинноногий волк отпрыгнул в сторону и скрылся в кустах.

Пока спутник Шонки останавливал бьющую из артерии кровь, тот уже совсем обессилел.

– Что это? – прохрипел он, хватая ртом воздух.

– Черный волк! – проворчал в ответ сын Антилопы.

Перед ним лежали раненый его спутник и задыхающийся от попавшей в горло земли пленник. «Нет, он должен быть живым доставлен на совет рода, должен стоять у позорного столба», – сказал себе сын Антилопы. Он опустился перед пленником на колени, оттянул его нижнюю челюсть и вытащил из его рта траву.

Шонка с трудом залез на своего мустанга.

Сын Антилопы положил пленника на коня и привязал

его, как убитого зверя. Потом влез на своего коня. Вперед он пустил Шонку.

Раны Рогатого Камня болели, его мучила жажда, веревки резали тело, и он был почти все время в беспамятстве.

На третий день пути сын Антилопы стал проявлять заботу о пленнике, так как хотел довести его живым. На ночь он снимал его с коня и укладывал на землю, давал ему пить, но от еды пленник отказывался. Кровоточащие раны его запеклись.

У палаток, к которым приближались возвращающиеся разведчики, было спокойно. Наступал вечер. Тоненькие струйки дыма поднимались над лагерем. Чернокожий Курчавый был в дозоре у коней. Он стал воином – стройным, высоким, как дакота, и отличался от них только курчавыми волосами, темным цветом кожи, несколько иной формой лица и сильными атлетическими плечами. Став воином, он получил имя Чапа – Бобер.

Ночью луна спряталась за облаками и стало очень темно. Сыпалась ледяная крупа. Чапа – Курчавый прислушивался и всматривался во тьму. Он держал оружие наготове.

С одного из холмов раздался крик. Чапа стал звать воинов из палаток.

Поселок ожил. Воины побежали к коням. Длинной цепочкой выехали они в прерию.

Сын вождя Старого Ворона первым вернулся в лагерь. Он соскочил с коня перед Чапой – Курчавым.

– Они привезли пленника – Харку! – крикнул он.

Как только Чернокожий Курчавый услышал имя Харки,

он даже онемел. Радостной новостью для него не была, она страшила его. Он попросил юного воина заменить его в дозоре, а сам поспешил проскользнуть вперед и снять с коня своего друга детства.

– В палатку Хавандшиты его, – сказал кто-то.

Но Чапа, узнав голос Шонки, понес пленника в палатку военного вождя рода Медведицы – Старого Ворона и положил находящегося в беспамятстве пленника рядом с очагом. Чапа – Курчавый развязал узлы лассо, которым было опутано тело, разрезал лыковые веревки на руках и ногах. Он стянул с него жесткие от пота и крови легины и мокасины, снял и припрятал вампум, стал растирать ему руки и ноги. Рогатый Камень был истощен и напоминал умирающего от голода. Тут в палатку вошел Старый Ворон, вместе с ним – Шонка и сын Антилопы. Вождь подошел к очагу и принялся рассматривать пленника, не мешая Чапе продолжать растирание.

– Позови Хавандшиту и Чотанку, – сказал он Чапе – Курчавому.

Молодой воин сначала побежал к Чотанке, затем в палатку жреца. Старый жрец сидел уже одетый. Желто-красные отблески пламени пробегали по его белым волосам. Худое лицо его, иссеченное глубокими морщинами, было неподвижно, как деревянная маска.

Чапа – Курчавый высокопочтительными словами пригласил жреца прийти в палатку Старого Ворона и посмотреть пленника.

Хавандшита выслушал его, долго молчал и наконец произнес тихо и отчетливо:

– Зачем мои ноги должны вести меня в палатку вождя

Старого Ворона, зачем мои глаза должны видеть сына предателя прежде, чем он станет к столбу позора? Пусть пройдут пятнадцать дней и пятнадцать ночей. Пусть молодые воины принесут столб и вкопают его. Пусть сын предателя будет поставлен к столбу и с позором простоит один день и одну ночь. Он не должен умереть как воин. Пусть наши воины плюют на него, а женщины – издеваются над ним. С началом дня он увидит свою смерть. Женщины и дочери убитых им воинов растерзают его. Я сказал. Хау!

Чапа побежал в стоящую напротив палатку Старого Ворона. Он не сразу стал говорить: трудно было передать слова жреца в присутствии Шонки.

Злобное удовольствие отразилось на лице Шонки, услышавшего сообщение Чапы. Вождь и Чотанка выслушали Чапу со вниманием, но никак не выразили внешне своих чувств.

– Как сказал Хавандшита, так и должно быть, – заключил Старый Ворон.

Власть жреца в поселке была велика, и все привыкли подчиняться его решениям.

Время дозора Чапы между тем прошло. Он мог идти в свою палатку и ложиться спать. Но он огляделся по сторонам и быстро проскользнул в типи, которая раньше принадлежала Матотаупе. Огонь был прикрыт. Унчида и Уинона бодрствовали, как и ожидал Курчавый. Когда молодой воин вошел, Унчида пошевелила в очаге угольки, стало чуть светлее.

Чапа – Курчавый сел.

– Вам уже все известно?

– Мой сын Матотаупа убит белыми людьми. Харка – Токей Ито – взят в плен, – сказала Унчида как бы про себя и смолкла.

– Да, это так. На пятнадцатый день Токей Ито должен умереть. Так хочет Хавандшита. – Чапа опустил голову, точно под тяжестью груза. – Старый Ворон и Чотанка согласились с Хавандшитой. Что мы можем предпринять?

– А зачем? – тихо спросила Унчида каким-то не своим голосом. – Зачем? Куда ему идти, если ему опять надо бежать из наших палаток.

– Куда ему идти? – Чернокожий Курчавый закрыл лицо руками. – Куда ему идти! Это наш лучший воин. Наконец-то он вернулся и теперь должен умереть в позоре, потому что так приказал Хавандшита.

Дрожащие угольки в очаге погасли. «Все, выхода нет», – думал Чапа.

– Один путь, кажется, еще есть, – сказала Уинона, точно читая его мысли. – Возьми лучшего коня, поезжай к Черным Холмам, к Татанке Йотанке и к Тачунке Витко и сообщи им.

– Поехать нетрудно. Но как найти вождей? Времени мало, а путь далек.

– Я знаю, – сказала Уинона с горечью. – Это я знаю.

Чапа – Курчавый чувствовал, что он должен ехать, но не сказал, что он на это решился. Не попрощавшись, он покинул палатку. В холоде ночи он стоял, собираясь с мыслями.

Вдруг в стойбище снова поднялась тревога. Дозорные на холмах что-то кричали. Свет луны прорвался сквозь облака и осветил землю. Неподалеку от палаток показался Буланный.

– Конь духов! – крикнул кто-то.

Но мустанг уже исчез за холмами. Воины остались ждать, не покажется ли он снова. Люди испуганно перешептывались.

Курчавый решил еще раз побывать в палатке вождя, где сейчас оставались только женщины. Он еще не знал точно, зачем он это делает. Скорее всего он хотел еще взглянуть на своего прежнего друга в надежде, что за это время к нему вернулось сознание. Чапа вошел в типи и увидел, что жена вождя ухаживает за пленником. Раны Рогатого Камня забинтованы лыком, а руки и ноги хотя и связаны, но не так туго, как раньше.

Глаза Рогатого Камня были открыты, только выражение их было такое, как будто бы он не видел ничего вокруг и не хотел ничего видеть.

Курчавый опустил на колени перед пленником.

– Токей Ито, – сказал он, – Токей Ито. Ты все изъездил вокруг. Где сейчас Татанка Йотанка и Тачунка Витко?

Пленник что-то хотел сказать, но только закашлялся, выплюнул изо рта землю и ни слова не произнес.

– Воды! – приказал Курчавый женщинам и сам подал связанному пить.

Казалось, пленнику отказывает язык.

– Там, где были мы... прежде, чем сюда... перешли...

– Палатки верховных вождей на поляне перед пещерой?

Рогатый Камень кивнул головой.

Чапа поспешил в свою типи, взял оружие и побежал к коням. Он вскочил на своего лучшего мустанга, прихватил с собой еще одну лошадь и поскакал в ночную прерию.

Чапа – Курчавый любил Уинону. Никогда, пожалуй, не сможет он ей сказать об этом. Но он готов был сделать для Уиноны все, и он готов был сделать все для своего друга детства, чтобы освободить его если не от смерти, то хотя бы от позора.

Чапа – Курчавый неся галопом. Время от времени он останавливался, оглядывался, прислушивался. Он поднялся на высокий берег, чтобы осмотреться вокруг, прежде чем двигаться дальше. По привычке он приложил ухо к земле.

Чапа услышал топот коня. Кто-то приближался к броду. Наконец на северном берегу реки появился всадник.

Курчавый поднялся:

– Хий-и-и-я!

И в ответ слышалось:

– Хий-и-и-я!

Курчавый узнал Четанзапу, который уже направил своего коня в воду... Чапа подождал его на южном берегу.

– Что случилось? – спросил Чапа – Курчавый.

Конь Четана был разгорячен, с губ его падала пена. Сам Четан был взволнован.

– Длинные Ножи¹⁷ в блокгаузе Бена. Матотаупа убит. Длинные Ножи строят вокруг блокгауза палисад. Предстоит тяжелая борьба. Я хочу поскорее сообщить об этом Старому Ворону, и мы должны послать гонца к Татанке Йотанке и Тачунке Витко.

– Я еду к Татанке Йотанке и к Тачунке Витко. Их палатки находятся в южных отрогах лесных гор на поляне у пещеры.

¹⁷ Длинные Ножи – так называли индейцы белых солдат за их сабли.

– Что ты хочешь им сообщить?

– Хочу рассказать, что нашим пленником стал Рогатый Камень.

– Токей Ито?.. – Четан даже запнулся. – Как он попал к нам в руки?

– Он пришел сам.

– Когда Токей Ито пришел к вам?

Курчавый рассказал, что проделали с ним сын Антилопы и Шонка.

Четанзапа вскипел от злости.

– Какие же вы паршивые койоты! Хавандшите только трубку курить да танцевать... а вас надо нарядить в женское платье и посадить у котла варить мясо. Или уже нет совета воинов в роде Медведицы?! Кто послал тебя к Тачунке и к Татанке?

– Уинона.

– Уинона? Так!.. Позор и проклятье вам! Он же наш лучший воин! Оставь себе свежего коня и несись как ветер к лесным горам, к Тачунке Витко и Татанке Йотанке. Я теперь тот, кто послал тебя! Понял? А я поеду к палаткам. Я сказал. Хау!

Четан вскочил на коня и направился к стойбищу. Курчавый преодолел брод и направился к Блэк Хилсу.

Приехав в поселок, Четан поспешил в палатку Старого Ворона. Вождь принял Четана с должным вниманием, предложил ему место у очага. Рядом с ним сидел его сын.

Четан опустился на шкуру. Он посмотрел на пленника, который лежал неподалеку, но не встретил ответного взгляда. Четанзапа рассказал военному вождю о новой опасности и затем добавил:

– Недалеко от брода я встретил Чапу. Он был на охоте. Я направил его к лесным горам, чтобы он обо всем сообщил Тачунке Витко и Татанке Йотанке.

Четанзапа, как вожак Союза Красных Оленей, был одним из младших вождей рода. Старый Ворон обычно советовался с ним. Он похвалил Четана за то, что тот догадался предупредить верховных вождей об опасности.

– Когда состоится собрание совета, чтобы выслушать Токей Ито и вынести решение? – спокойно спросил Четанзапа.

Старому Ворону этот вопрос был неприятен, он опустил веки и смотрел в очаг, потом заговорил:

– Хавандшита уже вынес решение. Чотанка и я дали согласие. На четырнадцатый день после пленения сын предателя будет поставлен к столбу позора. И он умрет не как воин. Мужчины будут в него плевать, а женщины будут над ним издеваться и, наконец, убьют.

– Вождь Старый Ворон думает, что жрец и он могут решить судьбу пленника, не созывая собрания совета?

Старый Ворон наморщил лоб.

– Судьбу пленных решают военный вождь и жрец.

– Хау. Но Токей Ито не пленник. Он человек нашего рода, он дакота, он сын Большой Медведицы, он по своей воле пришел к нам. Его судьбу решает только собрание совета, и прежде всего нужно выслушать его самого.

Старый Ворон оказался между двух огней.

– У нас еще четырнадцать дней. Посмотрим. – И он сделал движение рукой, показывая, что разговор на эту тему закончен.

Старый Ворон знал, что Четанзапа умен и что молодые

воины всем сердцем привязаны к нему. Если Четанзапа, как вожак Союза Красных Оленей, выступит на совете против Хавандшиты, то собрание превратится в трудную схватку. Но если не собрать совета, может быть еще хуже. В своих мыслях Старый Ворон уже видел пленника, привязанного на культовой площадке к столбу, а теперь вдруг представились рядом Четанзапа, Шонка и Хавандшита... Ему стало страшно. Он не боялся ни волков, ни медведей, ни врагов, но он боялся раздоров внутри рода. Скольких жертв уже стоила история с Матотаупой. Как было бы хорошо, если бы Шонка привез сына предателя мертвым.

«О, как было бы хорошо, если бы сын предателя сам пожелал покончить самоубийством, прежде чем его поставят к позорному столбу...»

– Жена, – сказал Старый Ворон, – ты перевязывала сыну предателя раны, ты давала ему воду, пеммикан. Но он все равно очень слаб. Как ты думаешь, будет ли он жив через четырнадцать дней и ночей?

Женщина поняла брошенный на нее взгляд мужа, ее губы чуть тронула жестокая усмешка.

– Он очень слаб. Но если вождь хочет, чтобы этот койот прожил еще четырнадцать дней и ночей, я дам ему трубку. Он привык курить, и курение поможет ему выжить.

Женщина стала набивать трубку.

Впервые Рогатый Камень через прищуренные веки наблюдал за тем, что делает женщина. Собрав всю свою волю, он даже приподнялся и сел, не прибегая к помощи связанных рук. Старый Ворон и его жена подумали, что в нем проснулась жажда курения, а он только ждал момента, когда женщина поднесет трубку к его губам. В тот же миг он резко двинул плечом и выбил трубку из рук женщины.

Это было настолько неожиданно, что она невольно вскрикнула.

Крик был услышан снаружи. Быстрее всех оказался Четанзапа. Он рванул полог палатки и бросился к очагу.

– Что случилось?

– Он ударил меня, когда я давала ему трубку, – сказала женщина.

Четан увидел трубку, лежащую на земле, увидел застывшее лицо Старого Ворона, увидел, как пленник чуть пошевелил уголками рта.

– Женщинам не годится охранять воина. – Четанзапа пренебрежительно скривил губы. – Союз Красных Оленей берет на себя охрану Токей Ито и заботу о нем, пока не соберется собрание совета. Я сказал. Хау.

Четанзапа наклонился, поднял трубку, но не отдал ее женщине.

– Я лучше возьму ее с собой, – сказал он и подал свисток.

Молодые воины тотчас вошли в палатку. Четанзапа объяснил, что они должны никого не допускать к пленнику. Еду и питье будет доставлять его, Четана, жена – Монгшонгша.

Токей Ито снова лег. Его взор погас, хотя глаза оставались открытыми.

Четанзапа принес трубку в палатку Унчиды и Уиноны. Женщины уже знали, что он заступился за пленника, и приветствовали его с робкой благодарностью и невысказанной надеждой.

– Возьми, – Четанзапа передал трубку Унчиде. – Возможно, тебе удастся сказать, что за табак в трубке.

– Он не курил?

– Нет.

На следующее утро он узнал от Унчиды, что к табаку был примешан яд. Четанзапа пошел в палатку вождя.

– Старый Ворон, иногда бывает, что и великих вождей посещает злой дух, но этот дух может быть изгнан только хорошими делами. Вчера тобой, видно, овладел злой дух, но его яд покинул тебя и перешел в трубку, которую я выкинул, чтобы злой дух не натворил новых бед. Теперь ты свободен от злого духа, и на собрании совета ты будешь защищать Токей Ито. Наступают Длинные Ножи, и нам нужен каждый отважный воин. Ты меня понял?

– Хау, – только и смог произнести Старый Ворон; он был полностью разбит.

Шли дни и ночи. Все ждали возвращения Чапы – Курчавого с известием от верховных вождей. Каждую ночь из палатки жреца доносились глухие удары барабана.

За два дня до назначенного срока вождь Старый Ворон сообщил Четанзапе, что он не будет собирать совета: Хавандшита вызывал его и сказал, что всех, кто против него, будут преследовать духи. Вечером прискакал Чапа – Курчавый. Он сообщил, что Татанка Йотанка прибудет к ним, что его нужно ждать, когда солнце будет садиться в четвертый раз...

– Это поздно, – сказал Четанзапа. – Надо готовиться действовать самим.

Когда наступил день, который Хавандшита назначил для позорной казни, Четанзапа направился в палатку Старого Ворона в праздничной одежде со всеми знаками своей доблести: с ожерельем из когтей медведя, с орлиным пером

в волосах и с пучком красной оленьей шерсти. В этот день он сам взялся охранять пленника. Он снял с Токей Ито путы, и тот поднялся. Под заботливой опекой к нему вернулись силы. Он даже мог шевелить руками, хотя раны и не совсем затянулись. Выражение его лица оставалось мрачным: он знал, как велико могущество Хавандшиты. Четанзапа повел Токей Ито к Лошадиному ручью. Пленник поплавал в ледяной холодной воде и вышел на берег. Он потерял свое тело песком. Четанзапа подал ему горшочек с медвежьим жиром для натирания. Это означало, что он желает пленнику сверхъестественной силы – ее, по верованиям индейцев, придает жир медведя.

Первый раз после многих лет разлуки они были вдвоем.

– Ты будешь отвечать мне, когда тебя поставят к столбу? – спросил Четанзапа.

– Тебе? Тебе – да.

– Я хочу заставить их тебя выслушать. Это будет нелегко, но ты к борьбе привык.

Как бы хотел Токей Ито ответить своему единственному другу: «Да, я привык за двенадцать лет, но я устал. Дай мне быстро и мужественно умереть». Но он не мог сказать этого Четанзапе и сказал другое:

– Так как я вижу, что ты этого хочешь, я буду держаться. Но одно ты должен знать: ты снял с меня путы, и я не позволю себя снова связать! Я буду бороться и живым связать себя не позволю!

Четанзапа проводил Токей Ито до культовой площадки посередине поселка, где уже был вкопан столб. Токей Ито подошел к столбу. Он оперся спиной о столб и смотрел на восток, где после многих серых промозглых дней поднималось солнце во всем своем блеске.

Старые и молодые воины собрались вокруг площадки, позади стояли женщины и дети. Пришли Унчида и Уинона. Хавандшита бил в барабан в своей палатке.

Старый Ворон вышел вперед и уже хотел начать говорить, но голос отказал ему – и он жестом позвал Четанзапу.

Стояла полная тишина. Четанзапа стал говорить:

– Воины рода Медведицы! Перед вами стоит Токей Ито, сын Матотаупы. Мы все его знаем. Многих из нас он, когда еще сам был мальчиком, собрал в Союз Молодых Собак. Когда он видел всего одиннадцать зим, его добычей стало ружье вождя пауни, он убил сильнейшего волка из волчьей своры в свои двенадцать зим. Он помог отцу убить огромного гризли. В свои четырнадцать зим он десятью стрелами убил десять бизонов. Он убил много врагов и снял с них скальпы. Он стал воином. Он принес жертву Солнцу, и вы сами видите его шрамы.

Я сказал все то, что хорошо, но скажу и то, что было плохо. Матотаупа, один из наших известных военных вождей, отец Токей Ито, был обманут белым человеком по имени Рэд Джим. Он пил колдовскую воду и проболтался. Не настолько, чтобы Рэд Джим мог найти золото, однако достаточно, чтобы раздражить его. Матотаупа не поверил собранию старейшин и вождей и считал себя невиновным. Теперь он мертв. Его сын Харка не поверил Татанке Йотанке, Хавандшите, нашим старейшим вождям. Ночью вместе с отцом он покинул свой род. Не только его отец, но и он убивал воинов дакота. Токей Ито пришел к белым людям. Он был у них разведчиком и принес нам много вреда. Он охранял дорогу, которую мы хотели разрушить. Когда Тачунка Витко напал на лагерь белых, Токей Ито

криком на родном языке и свистом направил людей по ложному пути, но правда и то, что он помог Тачунке Витко и его людям унести раненых и мертвых дакота с места схватки. Он сам не знал, кому он принадлежит. Он ненавидел Рэда Джима, верил своему отцу и не верил нам. Свою большую вину перед нами он сделал еще больше, убив своего родного брата. – Четанзапа повернулся к своему другу: – Токей Ито, ты по своему желанию вернулся к нам, скажи, ты готов вместе с нами бороться против Длинных Ножей?

– Хау, – ответил спрашиваемый ясно и четко. – Две зимы и два лета я это делал. Тачунка Витко и его воины в Черных Холмах могут сказать, что я убил более ста белых хищников. Их скальпы при мне.

– Знаешь ли ты, что твой отец виноват?

Токей Ито выпрямился.

– Ты это сказал, и я это знаю.

Четанзапа снова обратился к собравшимся:

– Токей Ито уже три последних больших солнца не убил ни одного дакота, но он уничтожал всех, кто искал золото. Он никогда не пил колдовскую воду. И это правда, что за каждого краснокожего, убитого им, он убил десятки белых. Он великий воин. Он великий охотник.

Краснокожие воины принимают в свое племя отважных и смелых плененных врагов, если они согласны быть в племени. К нам вернулся Токей Ито. Он дакота – рожденный в наших палатках. Я предлагаю вам, воины рода Медведицы, принять в свой род Токей Ито, как сына Большой Медведицы. Много Длинных Ножей появилось у берегов Миниатанка-вакпала. Нам предстоит борьба за

нашу землю, за бизоньи стада. Токей Ито для нас будет не сыном предателя, а отважным воином, чье оружие будет защищать нашу землю. Я сказал. Хау.

Шонка вырвался вперед и хотел было что-то сказать, но Четанзапа велел ему отойти назад:

– Сначала пусть скажут заслуженные воины!

Теперь все зависело от того, попросит ли после Четанзапы слова хотя бы один уважаемый и влиятельный воин. И тогда вместо намеченного позорного истязания состоится, как и хотел Четанзапа, открытый совет племени.

Молчание продолжалось долго.

На лице Шонки, который только что получил отпор, появилось выражение злорадства и надежды.

– Военный вождь рода Медведицы, Старый Ворон, говори! – нарушил чреватую опасностью тишину Четанзапа.

Старый Ворон не собирался брать слова. Слыша барабан жреца, он боялся за себя и за своего сына. Но он видел также взгляд Четанзапы и знал, что должен говорить, так как тот скрывает его позор.

Старый Ворон вышел и начал свою речь. Вождь рассказывал все, что знал о Матотаупе и Токей Ито. Великие дела Матотаупы – охотника и военного вождя – снова ожили перед собравшимися, и все слушали его широко раскрыв глаза.

Старый Ворон говорил более пяти часов. Выводы, которые он сделал из этого длинного сообщения, однако, были такие, что прав как Хавандшита, так и Четанзапа.

Когда он закончил, было уже далеко за полдень.

Слова Старого Ворона заставили воинов вспомнить о

многих событиях, и их речи тоже были длинны: ни один не говорил меньше двух часов. Солнце склонялось к Скалистым горам. Токей Ито стоял неподвижно. Переносить жажду он привык, к тому же и день был нежаркий.

Из палатки жреца доносились звуки барабана.

Подул ветер. Небо на востоке потемнело, заходящее солнце окрасило в огненные цвета облака, и они точно засыпали на Скалистых горах. А люди все выступали и выступали. И темой речей был уже не только Токей Ито. Разговор пошел и о белых людях, и о тайнах духов, оживала история рода Медведицы.

Барабан Хавандшиты смолк. Может быть, жрец устал, а может быть, он готовился к восходу солнца, когда Токей Ито по его воле должен умереть?

Исчезли последние лучи солнца, и на площадке разожгли большой костер. Ветер дул с севера. Сын Антилопы и Шонка постарались так расположить костер, чтобы ветер, который настроился дуть всю ночь, нес жар пламени и дым прямо к столбу. Токей Ито предстояло испытывать жару и дышать дымом. У него стало першить в горле, начала болеть голова, и ему все больше и больше приходилось напрягаться, чтобы выслушивать выступающих воинов.

Когда последний из заслуженных воинов закончил речь, была полночь. Вышел сын Антилопы и предъявил свои обвинения. Стрела Матотаупы убила его отца. Кровавая месть за отца перешла к сыну. И сын Антилопы потребовал смерти Токей Ито, потребовал его скальпа.

Заговорил Чотанка. Его речь была рассчитана на то, чтобы как можно дольше протянуть время. Он рассказывал

о том, как происходил праздник дакота, ассинибойнов и сиксиков. Он даже пытался показать, как там все происходило. Глаза людей блестели в свете костра, и многие из них непроизвольно повторяли жесты и движения Чотанки, точно сами были участниками состязаний, в которых Токей Ито оказался победителем.

Лоб Токей Ито пылал, язык его прилип к нёбу, глаза горели, ему было трудно дышать. Но рассказ Чотанки помогал ему переносить мучения. Потом Чотанка представил и танец девушек. Он изобразил Шонку, который обвинял Уинону, повторил ответ Уиноны, вошел в роль самого Токей Ито и слово в слово повторил его гневную отповедь Шонке.

Вылазка Шонки была смешна, и смех охватил даже мальчиков и девочек.

Шонка не мог сдержаться, он прыгнул вперед и хотел плюнуть в Токей Ито. Четанзапа рванулся было встать между ними, но было поздно. Токей Ито ударил Шонку кулаком в челюсть, тот только лязгнул зубами и упал.

Сын Антилопы и еще два воина бросились вперед схватить Токей Ито. Но смазанное салом тело скользнуло между ног одного из воинов. Воин упал. Сын Антилопы уже вытащил нож, но на секунду замешкался, и этого было достаточно, чтобы пленник его обезоружил. Нож Токей Ито бросил Чотанке, и тот спрятал его. От ножа другого воина Токей Ито увернулся. В это время первый воин, которого свалил Токей Ито, и сын Антилопы снова поднялись на ноги и схватили гибкие палицы. Но Токей Ито опять оказался быстрее. Резким ударом в живот он свалил воина, а у сына Антилопы вырвал палицу и бросил ее Чотанке.

Огромным прыжком он перемахнул через костер, пронесся между оторопевшими зрителями, перескочил через головы двух мальчишек и побежал к палаткам. Круг зрителей распался, многие воины пустились ловить Токей Ито.

Четанзапа остался на месте. Он подал свисток, созывающий Красных Оленей назад.

Старый Ворон, Чотанка и другие влиятельные люди рода в замешательстве стояли перед столбом.

Но вдруг раздались возгласы удивления: голоса преследователей раздавались уже где-то около ручья, а из-за палаток спокойно вышел Токей Ито. Он медленно возвратился к столбу.

Токей Ито первый раз поглядел в глаза людей, стоящих перед ним.

– Я пришел к вам по собственной воле, – сказал он громко. – Поэтому я и сейчас добровольно вернулся, хотя никто из вас не мог бы меня поймать. Хау.

Четанзапа снова вышел вперед.

– Я знал, что ты так поступишь, Токей Ито, поэтому я не только не преследовал тебя, но и отозвал назад молодых воинов.

Обвиняемый у столба выигрывал игру, он привлек всех на свою сторону.

Но Токей Ито услышал, что из палатки жреца вновь донеслись удары барабана, и он знал, что борьба не закончена. Шонка поспешил подбросить в костер веток.

– Я спрашиваю тебя еще, Токей Ито, – начал снова Четанзапа, – готов ли ты сказать нам то, что мы хотим знать?

– Смелым и справедливым людям я готов отвечать, но я хотел бы и вам задать вопрос.

– Это ты можешь сделать, но сначала скажи нам: издевался ли ты вместе с белыми над трупами индейцев? – спросил Четанзапа.

– Нет.

– Мы верим тебе. Задавай свой вопрос.

Токей Ито посмотрел вокруг. Рассветало. Приближался час смерти, назначенный Хавандшитой. Пленник слышал удары барабана.

– Где Чапа – Курчавый? – спросил Токей Ито.

Названный вышел вперед.

– Чапа – Курчавый, говори правду! – крикнул Токей Ито через дым и огонь костра. – Кто сказал белым людям, что в местах охоты рода Медведицы есть золото и тайну этого золота знает Матотаупа? Из-за чего Рэд Джим сделал богатые подарки роду?

Пораженный ужасом, Чапа – Курчавый молчал.

– Говори же, – твердо сказал Четанзапа Чапе – Курчавому.

– Что мне сказать, люди? Я поклялся молчать.

Среди слушателей покатился глухой гул.

– Тогда скажу я, – начал Токей Ито, отступая на шаг от столба, чтобы можно было дышать. – Еще мальчиком я нашел на берегу ручья в Черных Холмах золотое зерно. Мой отец бросил зерно в воду, чтобы оно навсегда исчезло. Ты, Чапа – Курчавый, вытащил его из воды. Хавандшита, да, я повторяю, Хавандшита взял это зерно из твоих рук, Чапа – Курчавый. Хавандшита показал его пауни и белым людям, и этим он освободил твоего отца – Чужую Раковину, и ты поклялся молчать и молчишь. Рэд Джим видел золото в руках Хавандшиты, и горе пришло в наши палатки. Я сказал. Хау.

Шонка бросился в палатку жреца.

Хавандшита вышел. В левой руке он держал огромный жезл, на котором висели шкуры змей и животных. На жреце был наряд с рогами и черепами. Он стал танцевать вокруг культовой площадки. Все невольно отступили. В правой руке старый жрец держал каменный жертвенный нож.

И ни у кого, даже у Четана, не возникло и мысли оставить человека со священным жертвенным ножом.

Собравшиеся словно окаменели.

Позади полукруга воинов, прямо против столба, стояли Унчида и Уинона. Они, как и Четанзапа, ни на секунду не покидали площадки. Мать Матотаупы и дочь Матотаупы – сестра Токей Ито – стояли рядом и ни с кем не разговаривали, ни с кем не обменивались взглядами. На обеих были праздничные одежды. Глубоко запали глаза Унчиды, ее похудевшее лицо выражало безысходную скорбь. Скорбь матери по убитому сыну и скорбь по предстоящей смерти сына ее сына. И каждый понимал, что недостоин разделить скорбь и боль этой женщины.

Жрец танцевал. Он приближался кругами к столбу, где ждал его Токей Ито, и наконец бросил жезл так, что острие вонзилось в землю у ног Токей Ито. Хавандшита поднял жертвенный каменный нож и медленно приближался к приговоренному.

Четанзапа думал только одно: это не должно совершиться, это не должно совершиться, это не должно совершиться.

Токей Ито знал, что жрец подойдет, пронзит его грудь жертвенным ножом и вырвет сердце, но он не закрывал

глаз, он хотел видеть смерть. Уже совсем близко застывшее, точно маска, лицо страшного человека с жертвенным ножом.

В это время над площадкой раздались крики.

Никто не знал, откуда они. Хавандшита воспринял их как удар. Он окаменел с поднятым жертвенным ножом. Звонкие возгласы неслись над площадкой:

– Татанка Йотанка идет! Великий жрец дакота! Татанка Йотанка идет! Великий жрец дакота!

Возгласы раздавались размеренно, как удары барабана.

Возгласы точно пробудили Четанзапу. Обнадеженный этими возгласами и поверивший им, он и сам присоединился к крикам Унчиды, сковавшим движения жреца. Он тоже стал кричать:

– Татанка Йотанка идет! Великий жрец дакота! Татанка Йотанка идет!

Воины из Союза Красных Оленей, напряжение которых тоже дошло до предела, присоединились к своему вожаку, и теперь хор голосов кричал:

– Татанка Йотанка идет! Великий жрец дакота! Татанка Йотанка идет!

Многоголосый ропот ритмично разносился над культовой площадкой.

Но вот Четанзапа своим громким голосом изменил ритм этого хора:

– Татанка едет через брод! Танцуй, Хавандшита, танцуй! Татанка едет через брод! Танцуй, Хавандшита, танцуй! Татанка едет через брод! Танцуй, Хавандшита, танцуй!

Старый жрец, окруженный исступленной толпой, снова

выдернул свой жезл и принялся танцевать дикий танец. Безумие теперь управляло его движениями.

Токей Ито оперся о столб. Он уже не чувствовал жара огня, но дым, пение, удары барабана, топтание людей, танцующий жрец действовали на нервы.

– Татанка Йотанка! Татанка Йотанка! Татанка едет через брод! Танцуй, Хавандшита, танцуй!

Молодые воины так окружили столб, что Шонка не мог больше шевелить костер. Огонь ослабевал, гас.

– Татанка едет через брод! Танцуй, Хавандшита, танцуй!

Позади круга воинов женщины под водительством Унчиды тоже образовали круг.

– Татанка едет через брод! Танцуй, Хавандшита, танцуй!

Все быстрее и быстрее бил барабан. Танцующий Хавандшита свалился на землю, жезл и нож упали в траву. Никто не трогал его, так как все верили, что это действие духов.

По прерии галопом неслись три всадника. Танцующие увидели их, и с новой силой зазвучало:

– Татанка Йотанка! Татанка Йотанка!

В ответ на этот всеобщий вопль всадники на холме подняли руки и прокричали:

– Татанка Йотанка идет! Он иде-ет!

Все слышали это.

– Он идет! Он идет! – из последних сил закричал Чезанзапа.

Пение смолкло, и раздались радостные крики, такие же как после многодневного бизоньего танца, когда вдруг

люди видели, что танец принес результат: показалось бизонье стадо.

Хавандшита поднялся с травы, снова поднял нож и попытался проникнуть в круг танцующих. Но люди снова запели:

– Татанка Йотанка! Татанка Йотанка! Танцуй, Хавандшита, танцуй!

Хавандшита замер – он понял, что произошло, но было поздно. Небольшая группа воинов и вождей перешла уже Лошадиный ручей. С ними были выючные лошади. Коня тащили волокуши из жердей большой палатки. На волокушах были одеяла и другой скраб.

Впереди ехал человек с орлиными перьями. Выражение его лица было суровым и столь же внушительным, как и его богатые одежды.

Пение смолкло. Круг танцующих распался. Колдовство танца завершилось успехом.

Татанка Йотанка спешил и медленно подошел к Хавандшите, который стоял совсем один.

– Там, где ты стоишь, я поставлю мою палатку. Оставайся на месте! – сказал величайший и сильнейший жрец дакота.

В один миг была разбита палатка Татанки Йотанки. Острия жердей скрестились над Хавандшитой, были натянуты пологи, и Хавандшита исчез с глаз окружающих. Татанка Йотанка подошел к культовому столбу. С ним вместе подошли двое воинов. Они облили Токей Ито с головы до ног холодной водой и дали ему попить. Тот поднял голову и посмотрел прямо в глаза Татанке Йотанке. Четанзапа и Старый Ворон вышли вперед.

– Я слышал, что вы пели и танцевали, ожидая меня. Я пришел, – сказал Татанка Йотанка. – Вы, воины, посоветовались с Токей Ито, сыном Матотаупы?

– Мы это сделали, – сказал Четанзапа. – Воины рода Медведицы решили Токей Ито – сына Матотаупы – принять в свои палатки. Токей Ито готов вместе с нами бороться против Длинных Ножей.

– Он знает, что он виноват и что виноват его отец Матотаупа?

– Да, это он знает.

– Что сказал Хавандшита?

– Он решил, что сын предателя должен умереть позорной смертью. Но мы не допустили позора, и тогда Хавандшита хотел убить его жертвенным ножом.

– Хавандшита неверно понял знаки духов. Сегодня ночью я буду учить его, как лучше слушать голоса духов. Сопроводите Токей Ито в его палатку. Когда солнце взойдет второй раз, соберется совет. Я хочу слышать воинов рода Медведицы, и я хочу сказать свое слово. Хау.

Четанзапа и Чапа – Курчавый проводили Токей Ито в палатку его отца.

Унчида и Уинона подготовили постель. Токей Ито упал на нее. Друзья вышли, чтобы дать ему покой. Токей Ито выпил воду, которую дала ему Унчида, он позволил наложить заживляющие травы на обожженные места, посмотрел в лица Унчиды и Уиноны, в их глаза и понял: он дома.

Он заснул. Голова его горела, и он видел плохие сны. Прошрое проходило перед ним. Палатка, наполненная пьяными людьми... позорный столб... Татанка Йотанка,

который все не приходит... и вот уже Шонка затыкает ему рот травой и землей... и вот он чувствует, как вырывают из его груди сердце...

На следующий день Четан, прежде чем направиться на совет, разыскал Чапу и вместе с ним пришел в палатку Токей Ито.

– Старейшины и вожди будут совещаться о тебе, – сказал Четанзапа. – Тебя вызовут на собрание совета. Есть ли у тебя куртка, которую ты мог бы надеть?

Уинона подошла к ним и показала Четану готовую праздничную куртку, которую она вышивала. Воин остался доволен.

Токей Ито, однако, возразил:

– Это куртка вождя. Я не надену ее.

Четан распрощался, так как должно было начаться собрание совета. Чапа – Курчавый, однако, остался сидеть: он не мог оставить своего друга, пока шел совет, на котором решалась судьба Токей Ито.

Токей Ито был очень изможден, и, конечно, лучше всего ему бы снова лечь и отдохнуть. Но шел совет, и в это время, пожалуй, самое правильное было бы поговорить с другом о том, что тревожило их обоих и что было важнее, чем их собственные жизни.

И Чапа – Курчавый заговорил:

– Ты две зимы и два лета пробыл в Блэк Хилсе, Токей Ито, ты знаешь больше, чем мы. Правда ли, что туда направляется все больше и больше искателей золота?

Токей Ито закурил трубку.

– Это правда. Белые люди нашли там золото. Золото, которое плотно сидит в камнях и его достать можно при

помощи машин. Один человек не может достать такое золото. Многие должны быть вместе и вместе работать. Они должны вместе жить, а значит, им нужно много еды и питья. Они должны построить железную дорогу туда, где будут рыть горы. Если им удастся закрепиться там, они уничтожат всю дичь в местах охоты дакота в горных лесах. Они уничтожат наши стойбища, они вообще не потерпят нас. Вот почему они сейчас будут усиливать гарнизоны, будут строить новые форты.

— Итак, это правда. — Чапе — Курчавому было не по себе, точно потемнел день. — Токей Ито, — сказал он после некоторой паузы, — ты много лет и много зим прожил среди белых людей, ты знаешь их число, их оружие... Можем мы помешать белым людям строить дороги и отнимать у нас земли?

На скулах Токей Ито появились красные пятна.

— Что ты хочешь этими словами сказать?

— Я хочу сказать то, что уже не раз говорил нашим воинам, нашим вождям, нашим жрецам, но их уши не слышат моих слов. Мы не должны полагаться только на наше оружие. Мы должны чему-то учиться.

— Чему ты хочешь учиться? — Трубка Токей Ито потухла, он выбил остатки табака в очаг.

— Мы должны учиться жить на небольшом участке земли, — начал объяснять Чапа. — Мы охотимся на бизонов, а белые люди — разводят их. Мы ловим диких мустангов, а белые люди — разводят их. Почему мы не должны делать то же? Мы не можем в этой голой прерии выращивать маис, как ваши предки на плодородных землях в краю рек и озер. Но бизонов и коней разводить мы можем. Отчего мы не принимаемся за это?

– Почему ты спрашиваешь меня?

– Потому что кроме нескольких воинов рода Медведицы ты – единственный, кто хорошо знает белых людей.

Токей Ито вскочил.

– Иди сейчас же на собрание совета и скажи, что Токей Ито не хочет поднимать томагавк войны и не верит в победу краснокожих, что Токей Ито только потому готов взяться за оружие, что хочет отомстить за убитого белыми людьми отца. Что он не бороться хочет, а разводить бизонов и мустангов. Жрецы и старейшины должны будут подумать, брать ли такого человека в свои палатки.

Чапа долго не знал, что ему ответить.

А Токей Ито все не садился. Он ходил по палатке, потом обернулся к Чапе.

– Чапа – Курчавый, еще мальчиком я действовал против решения наших вождей и наших старейшин. Я был одинок, как олень-скиталец, который избегает стада. Я шел по неверному и опасному пути. Если люди рода Медведицы возьмут меня к себе в палатки... ты слышишь голоса собрания совета... а я еще не знаю, что решат воины, но если они меня возьмут в палатки рода, то я буду подчиняться вождям и старейшинам, и я буду делать то, что требуют от всех наших воинов. Я хочу искупить свою вину. Я хочу отомстить за убитого отца. Я хочу бороться против белых людей, которые нарушают клятвы и договоры, которые хотят нас окончательно изгнать с наших земель. Я сказал. Хау. Когда ты был ребенком, ты научился у белых людей разводить скот?

– Нет. Я растил хлопок.

– Ты думаешь, Чапа – Курчавый, что белые люди

оставят нам прерии и леса, если мы будем разводить мустангов и бизонов?

– Но для этого нам не нужно так много земли, как для охоты, Токей Ито.

– Да, не так много, ты прав. – Токей Ито снова подсел к очагу. – Но мужчины и женщины племени семинолов в этой местности, которую белые люди называют сейчас Джорджия, обрабатывали землю, и белые все-таки выгнали их. Семинолы ушли в болота и там тоже выращивали растения. А когда предатели убили вождя Оцеолу, семинолы были загнаны в резервации далеко от их родины, и только несколько сотен держатся еще в болотах Флориды. И это – все. Белые люди не хотят, чтобы рядом с ними был свободный народ. Они не позволяют ни охотиться, ни разводить скот, ни обрабатывать землю. Они убивают каждого, кто не подчиняется им.

Чапа согнул спину и опустил голову, но он все же сказал:

– И все-таки хорошо бы учиться и знать больше, чем мы знаем.

– Не думай, Курчавый, что я тебя не понимаю. У меня тоже есть мысли, которые никто не должен слышать...

Токей Ито, разговаривая с Чапой, держал в руках вампум.

– Возможно, ты, Чапа – Курчавый, не сочтешь мои мысли за предательство. Но я думаю, что прежде всего краснокожие люди не должны убивать друг друга.

Уж далеко за полдень пришел ожидаемый вестник совета, это был сам Четанзапа.

Токей Ито поднялся. На нем были ожерелье из когтей

медведя и легины, увешанные скальпами, вампум Оцеолы у пояса. Куртку он не надел. Ему неожиданно вспомнилось, как во время большого праздника издевались над Шонкой, над его слишком богатой курткой. Он не хотел попасть в такое же положение. Конечно, было не очень прилично явиться на собрание совета без куртки, но каждый знал, каким образом и в каком состоянии Токей Ито был доставлен в палатки.

Четанзапа хотел дать знак Уиноне, но, перехватив взгляд своего друга детства, он оставил все хитрости и взял сам расшитую куртку на собрание совета. Токей Ито удивился такому смешному упрямству уважаемого воина.

Оба вместе вошли в палатку совета. Здесь сидели заслуженные воины, все в праздничных куртках, все с орлиными перьями в прическах или в головных уборах из орлиных перьев, и у многих головной убор переходил в длинный шлейф и был украшен рогами бизонов. Прямо против входа сидели Татанка Йотанка и Хавандшита, сбоку – Четан и Старый Ворон. Четанзапа занял место рядом с Чотанкой. Токей Ито остался стоять.

Татанка Йотанка поднялся, а взгляды всех присутствующих обратились на Токей Ито.

– Токей Ито, собрание совета рода Медведицы и верховные вожди дакота решили снова принять тебя в наши палатки, в ряды наших воинов. Ты принесешь нам скальп Джима, как только эта лисица вновь появится в наших местах охоты. Длинные Ножи собрались у Миниатанка-вакпала и строят укрепления. Ты знаешь, как вести с ними борьбу, и умеешь обращаться с оружием, вот почему Тачунка Витко это таинственное железо прислал тебе. –

Татанка Йотанка поднял вверх двуствольное ружье. Токей Ито подошел и взял его неловким угловатым движением. — Старый Ворон обратился к нам с просьбой снять с него обязанности военного вождя. Он устал. Мы его просьбу выполняем. Четанзапа сообщил нам, что воины рода Медведицы тебя, Токей Ито, сына Матотаупы, хотят избрать военным вождем. Как ты умеешь бороться, наши люди не только слышали, они это сами почувствовали и еще раз увидели, когда ты стоял около столба. Мы доверяем тебе.

Кровь прилила к бледному лицу Токей Ито.

— Ты хочешь что-нибудь сказать? — спросил Татанка Йотанка.

— Да.

— Говори.

Токей Ито ответил не сразу. Он вспомнил лицо Чапы — Курчавого, хотя Чапы сейчас не было здесь. Вспомнил разговор с ним... Токей Ито стоял перед вождями и старейшинами и не имел права долго молчать, и то, что он сказал, не было ложью, но все же не было и правдой.

— Как же будут мне подчиняться сын Антилопы и Шонка?

— Они подчинятся решению совета и верховным вождям. Хау. Мы ждем от тебя, что ты поведешь воинов. Этим ты искупишь свою вину и умилостивишь души убитых!

Токей Ито молчал.

Поднялся Четанзапа. В руках у него был головной убор из орлиных перьев.

— За последние две зимы и два лета ты уничтожил более

ста белых хищников, твои шрамы говорят нам, сколько раз ты был ранен, они говорят о том, что ты прошел через Танец Солнца. Посмотри на эти перья. Твои дела и твои поступки здесь отмечены, – и Четан показал зубчики на перьях и красные кисточки на их концах. – Подойди. Ты должен носить этот головной убор, и надень на себя куртку вождя.

Токей Ито надел расшитую куртку и головной убор.

Токей Ито снова находился среди людей, которые ему доверяли. Он снова стал сыном, братом и другом, воином и вождем. Он получил новую задачу – большую и почетную. Она отвечала тому, чему он был обучен с детства и к чему стал привычен. Он мог справиться с ней лучше других. Но в этой задаче, стоящей перед вождем, оставался неразрешенным один вопрос. Число белых людей неизмеримо велико, краснокожих воинов мало, и они плохо вооружены. Токей Ито на собрании совета был единственным, кто действительно знал это, знал безнадежность борьбы с белыми людьми и все же решил ее возглавить. Да, он сказал не все, что он знал и что думал. Итак, новая ложь в его жизни. Но он еще не знал, как ему избавиться от этой лжи, тем более что он действительно хотел бороться с убийцами отца, с захватчиками земель племени, даже если за это нужно будет отдать жизнь.

Совет был окончен.

Приглашение к торжественной трапезе в палатке Старого Ворона, которое приняли все вожди, Токей Ито отклонить не мог. Но как только торжество было закончено, он ушел. Вернувшись в свою палатку, он снял головной убор из орлиных перьев и праздничную куртку. С друзьями

юности – Четанзапой и Чапой – Курчавым – он направился на возвышенность близ стойбища. Много лет назад здесь проходили скачки юношей, в которых принимал участие и двенадцатилетний Харка. Здесь, на вершине холма, Токей Ито тихо запел колдовскую песню, призывая к себе Буланого.

Прошли часы ожидания, и Буланный появился. Он потянул ноздрями воздух и большими прыжками помчался к холму. Токей Ито медленно пошел ему навстречу. Они встретились. Конь положил морду на плечо своему хозяину. Токей Ито вскочил на Буланого и поехал к табуну.

Друзья молодого вождя качали головами: такого они еще не видывали. А у Токей Ито не было особенного желания рассказывать им историю этого коня, рассказывать о своем кровном брате Громе Гор. Все, что произошло за время его изгнания, он похоронил в себе.

Ночью новый вождь рода Медведицы спал в своей палатке. Ему было очень жарко, и он даже оставил полог приподнятым. Он отбросил головную подставку и позволил улечься здесь отыскавшему его черному псу, а голову положил на него. Молодой вождь был укрыт старым одеялом, на котором были изображены дела его отца, рядом с ним лежали оружие и пояс, вампум из хижины Оцеолы.

Утром юный вождь созвал первый совет. Говорили о предстоящих охотах и военных походах. Весна была на пороге. Это было то самое время, когда должны были прийти бизоны. А запасы уже иссякли. Решили выслать охотничьи дозоры.

Блокгауз на Найобрэре теперь огородили палисадом и превратили в форт. Открыто напасть на него значило бы

потерять много воинов. Поэтому Токей Ито предложил Союзу Красных Оленей обложить форт со всех сторон и отстреливать Длинных Ножей по одному, нападать, если они осмелятся показаться в прерии.

Через несколько дней Токей Ито выехал к Найобрэре, чтобы возглавить борьбу с белыми.